

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

*ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД*

4

Июль — Август

1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва

Вологодская областная научная библиотека

Т. А. Жданко

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА
ПЕРЕХОДА КОЧЕВНИКОВ НА ОСЕДЛОСТЬ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ**

(В СВЯЗИ С РАБОТОЙ В СССР СЕМИНАРА МОТ
ПО ПРОБЛЕМЕ ОСЕДАНИЯ КОЧЕВНИКОВ)

До Великой Октябрьской социалистической революции кочевой и полукочевой образ жизни вели многие народы окраин России. В разнообразных по природным условиям и по этническому составу населения областях сложились разные типы кочевого скотоводческого хозяйства: оно имело свои особенности у оленеводов тундры, у скотоводов степей Нижней Волги и Северного Кавказа, горных областей Алтая, Тянь-Шаня и Памиро-Алая, пустынь и полупустынь Средней Азии и Казахстана.

В. И. Ленин, подчеркивая крайнюю отсталость хозяйств, которые «находятся в состоянии кочевом или полукочевом», относил их к патриархальному укладу, первому «считая снизу доверху» из числа по меньшей мере пяти экономических порядков (систем) или укладов, существовавших по его определению в дореволюционной России¹.

Коммунистическая партия и Советское правительство уже в первые годы социалистических преобразований разрешили сложную и трудную задачу — обеспечить прогрессивное изменение отсталых форм хозяйства, социальной структуры и быта этой части населения страны путем вовлечения его в колхозы и промышленность, подъема культуры и создания благоприятных условий для перехода к оседлости.

Главной особенностью оседания кочевников и полукочевников в СССР было то, что этот процесс происходил в общем ходе социалистических преобразований, как одно из многих звеньев ленинской национальной политики, обеспечившей реальную возможность перехода отсталых народов к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Плановые мероприятия Советского государства, направленные на создание условий для добровольного перехода кочевников к оседлости, были неразрывно связаны с такими основополагающими факторами социалистического строительства, как индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, культурная революция, а также интернационализм и бескорыстная братская помощь более развитых народов нашей страны.

О плодотворности советского опыта преобразования хозяйства, общественных отношений, бытового уклада и культуры кочевников свидетельствует, в частности, пример казахов и киргизов. Для этих народов кочевое скотоводство издревле было основным, традиционным типом хозяйства; даже после первых земельных реформ и важнейших меро-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 158.

приятий Советской власти по землеустройству, накануне коллективизации сельского хозяйства все еще около 70% казахского населения Казахской ССР (566 тыс. хозяйств) вели кочевой и полукочевой образ жизни²; в Киргизии было к этому времени 85 тыс. хозяйств кочевников и полукочевников³.

С первых лет Советской власти, вслед за ленинским Декретом о земле, в скотоводческих районах Средней Азии и Казахстана стали осуществляться одно за другим государственные мероприятия, обеспечивающие улучшение положения бедняков-скотоводов.

В 1921—1922 гг. была проведена первая земельная реформа в Казахстане, Киргизии и др. кочевых районах, подвергшихся при царизме колонизации. Скотоводам возвратили земли, насильственно конфискованные в колонизационный фонд — летние и зимние пастбища, пахотные участки, сенокосные угодья, скотопрогонные пути. Задачей реформы было полное уравнивание в правах землепользования казахов и киргизов с другими местными национальностями и русскими переселенцами.

В 1923—1924 гг. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили положение о землеустройстве кочевого, полукочевого и переходящего к оседлому хозяйству населения Туркестанской и Казахской АССР. Оседавшим хозяйствам выдавался кредит для приобретения инвентаря, семенная ссуда, лес для сооружения домов и хозяйственных построек.

В 1927 г. правительство Казахстана произвело передел пахотных и сенокосных угодий. Из конфискованных у богатых землевладельцев земель более 60% было передано батракам и беднякам, около 30% — крестьянам-середнякам.

В 1927—1929 гг. в Казахстане и Киргизии была осуществлена конфискация излишков скота у крупных баев, с передачей его батракам, беднякам и колхозам. Уравнительное распределение земли и скота ограничило экономическую мощь, права и привилегии баев и вызвало существенное изменение социального облика аула.

Большое значение для облегчения положения скотоводов имели национализация колодцев и государственные ассигнования на сооружение и оборудование водопоев.

Уже в 1920-х гг. началось кооперирование — сперва в форме кредитной и потребительской кооперации, деятельность которой ограничивалась функциями снабжения и сбыта, обмена сельскохозяйственных продуктов на промышленные товары; затем стали распространяться мелиоративные и другие формы сельскохозяйственной кооперации, затрагивающие область производственной жизни, обеспечивающие крестьян машинами, инвентарем, тяглом, семенами. В кочевых районах Казахстана, в глубине степи распространилась специфическая форма вовлечения скотоводов в потребительскую кооперацию через торговые фактории, закупавшие продукцию животноводства и снабжавшие кочевников продуктами первой необходимости.

Широкое развитие разных видов кооперации, проникавшей в самые отдаленные и глухие районы края, подготовило постепенный переход к коллективизации.

В степных животноводческих, кочевых и полукочевых районах, в первые годы коллективизации основной формой колхозного строительства были ТОЗ — товарищества по совместной обработке земли, это была переходная ступень к артели; другой переходной к колхозам формой

² Ш. Юсупов, Из истории перехода кочевого казахского населения к оседлости, «Вопросы истории», 1960, № 3, стр. 35, 37.

³ «История Киргизии», т. II, Фрунзе, 1963, стр. 339.

кооперации были ТОЖ — товарищества по общественному животноводству, кормодобыванию и обработке земли. Большую роль в процессе коллективизации сыграли совхозы, машинно-тракторные и машинно-сенокосные станции. Объединяясь в колхозы, скотоводы — казахи и киргизы — также как и земледельческое сельское население получали от государства землю в вечное (бессрочное) пользование; в колхозные угодья входили и пастбища, и пахотные участки.

Процесс коллективизации в животноводческих районах сопровождался массовым оседанием, принявшим в 1930-е гг. характер планового государственного мероприятия.

В 1930—1931 гг. при Советах народных комиссаров Казахской и Киргизской АССР были созданы республиканские комитеты по вопросам перехода к оседлости и выделены специальные крупные ассигнования из общесоюзного и республиканских бюджетов на подготовительные работы: организацию территории, строительство ирригационной сети, сооружение колодцев на пастбищах, планировку поселков, возведение жилых домов и хозяйственных построек, школ, больниц. Проводилась большая разъяснительная работа в аулах о задачах и преимуществах кооперирования и перехода к оседлости.

К концу 1935 г. оседание более полумиллиона кочевых и полукочевых хозяйств Казахстана в основном закончилось. Около 400 тыс. хозяйств объединились в колхозы. Около 40 тыс. чел. определились на работу в совхозы и другие сельскохозяйственные предприятия. Свыше 100 тыс. чел. стали работать в промышленности и на транспорте, влились в ряды рабочего класса⁴.

Коллективизация в кочевых и полукочевых районах Средней Азии и Казахстана была очень сложным процессом. Главная трудность заключалась в устойчивости пережитков патриархально-феодалных отношений и традиций родового быта. Эти пережитки в годы коллективизации стали основным орудием прежних властителей аула, баев и манаров, сопротивлявшихся социалистическим преобразованиям. Призывая своих сородичей к соблюдению традиций родового единства и к послушанию аксакалам, они использовали древние обычаи для борьбы с новыми установлениями и законами, которые непосредственно касались их материального благополучия, уничтожали все их привилегии и подрывали господство в кочевом ауле.

Переход населения к оседлости в процессе коллективизации способствовал преодолению этих трудностей. Оседание давало возможность быстрее положить конец разнообразным формам эксплуатации кочевников-скотоводов, освобождало их от экономической зависимости и идеологического влияния феодально-родовой верхушки кочевой общины, облегчало кооперирование, было важным условием для организационно-хозяйственного укрепления колхозов и реконструкции хозяйства на социалистических основах, создавало возможность лучшей организации системы народного образования, здравоохранения, прогрессивного изменения бытовых устоев.

К 1940 г. в Казахстане 99,3% всех хозяйств были уже объединены в сельхозартели, создано 194 совхоза, 330 МТС⁵. К этому времени завершилось также оседание и коллективизация в Киргизии.

Переход кочевников и полукочевников к оседлости всесторонне изучают историки нашей страны как одну из конкретных форм многогран-

⁴ М. Шаумян, От кочевья к социализму, Алма-Ата, 1965, стр. 177—178.

⁵ Д. Кунаев, Октябрьская революция и преобразование национальных окраин, «Коммунист», 1967, № 6, стр. 31.

ного опыта Советских республик Востока на их пути некапиталистического развития к социализму⁶. Став на этот путь, Казахстан и Киргизия за 50 лет Советской власти достигли под руководством Коммунистической партии уровня передовых индустриальных стран, с крупным механизированным коллективным сельским хозяйством и развитой национальной культурой.

Киргизия — в прошлом страна кочевников, нищих и безграмотных, не имевших представления о промышленности, теперь развивает такие отрасли индустрии, как цветная металлургия, машиностроение, электроника, приборостроение, производит сельскохозяйственные машины и автомобили, добывает уголь, нефть и газ. Продукция с маркой киргизских заводов поставляется более чем в 50 стран Европы, Азии, Африки и Америки⁷.

В Казахстане, где до революции мощность энергетических установок была меньше мощности нынешнего электроваза, сейчас производится энергии в 10 раз больше, чем на всех электростанциях царской России. Промышленность Казахстана за 50 лет Советской власти прошла путь, на который многим развитым странам потребовались столетия. Индустриализация привела к крупным изменениям в социальном составе населения. Городское население Казахстана с 1913 по 1966 г. выросло с 541 тыс. чел. до 5786 тыс. чел., и удельный вес его соответственно поднялся с 10 до 48%⁸.

В Киргизии 300 тысяч рабочих заняты ныне в промышленности, строительстве, на транспорте, в совхозах⁹.

Кадры рабочих в Казахстане и Киргизии многонациональны, но рабочие местных национальностей теперь составляют на всех предприятиях значительную часть производственных коллективов. Из среды молодого рабочего класса этих республик выросло немало представителей интеллигенции местных национальностей — инженеров и научных работников, техников и высококвалифицированных мастеров.

Обе республики успешно развивают традиционную отрасль сельского хозяйства и стали крупными животноводческими базами на востоке нашей страны; современное животноводство колхозов и совхозов — вы-

⁶ См., напр., по Казахстану: Ф. Сластухин, Социалистическая перестройка кочевого казахского аула, «Сов. этнография», 1933, № 1; И. А. Зверяков, От кочевья к социализму, Алма-Ата, 1934; Б. Н. Семевский, Экономика кочевого хозяйства Казахстана в начале реконструктивного периода, «Известия Всесоюзного географического общества», т. 73, вып. 1, М., 1941; П. В. Погорельский, Оседание кочевников и развитие животноводства, Алма-Ата, 1949; С. Б. Баишев, Великие социалистические преобразования в Казахстане, Алма-Ата, 1955; его же, Победа социализма в Казахстане, Алма-Ата, 1961; А. Турсунбаев, Победа колхозного строя в Казахстане, Алма-Ата, 1957; А. П. Кучкин, Советизация казахского аула (1926—1929), М., 1962; Г. Ф. Дахшлейгер, Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921—1929), Алма-Ата, 1965; его же, Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации), «Сов. этнография», 1966, № 4, а также цитированные выше работы Ш. Юсупова и М. Шаумяна.

По Киргизии: П. Погорельский и В. Батраков, Экономика кочевого аула Киргизстана, М., 1930; М. Г. Сахаров, Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии, М., 1934; П. К. Алпацкий, К истории оседания кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии, Фрунзе, 1959; С. Ильсов, Кооперативно-колхозное строительство в Киргизии (1918—1929), Фрунзе, 1959; его же, Переход к оседлости и его значение в преобразовании культуры и быта киргизов, Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964; Б. Байбулатов, Борьба парторганизации Киргизии за проведение оседания кочевого населения, Фрунзе, 1965, и др.

⁷ Т. Усубалиев, По дороге, указанной Лениным, «Правда», 28 октября 1966 г.

⁸ «Народное хозяйство СССР в 1965 г. Статистический ежегодник», М., 1966, стр. 10—11.

⁹ Т. Усубалиев, Указ. раб.

сокоразвитое производство, опирающееся на новейшие достижения науки и техники. Однако, наряду с животноводством бывшие кочевники — казахи и киргизы, достигли больших успехов в возделывании хлопчатника и сахарной свеклы, лекарственного мака и многих других культур. Освоение свыше 25 млн. га целины преобразило облик огромной части территории Казахстана и превратило эту республику в крупную житницу страны.

О росте сельской интеллигенции, непосредственно занятой в колхозном производстве, говорят данные о численности руководящих работников и специалистов с законченным высшим и средним образованием в колхозах в 1966 г. Согласно этим данным, в Казахской ССР, законченное высшее и среднее специальное образование имеют 93,2% агрономов, 91,3% зоотехников, 58,8% ветеринарных врачей, фельдшеров, веттехников, свыше 50,6% инженеров, техников, механиков, 77,6% председателей колхозов, значительная часть заведующих животноводческими фермами и бригадиров производственных бригад. В Киргизии число специалистов с высшим и средним образованием среди агрономов и зоотехников составляет 94—95%, среди председателей колхозов — 74,6%¹⁰. Таким образом, многие тысячи представителей местной сельской интеллигенции ныне повышают культуру сельского хозяйства этих республик.

Исключительно велики достижения казахского и киргизского народов в развитии науки и культуры, в создании духовных ценностей. Их литература, музыка, театр, живопись, кинематография достигли высокого уровня современного профессионального искусства. 20 тыс. ученых работают в научных учреждениях Казахстана. В Академии наук республики исследуются сложнейшие проблемы в области ядерной физики, астрофизики, электроники, телемеханики и других наук.

Преобразования в культурно-бытовом укладе бывших кочевников происходили более сложным путем, чем экономическая реконструкция их хозяйства. Однако победа новых, социалистических устоев духовной жизни и тут неоспорима.

Вопреки положениям некоторых зарубежных социологов и этнографов о «психологической неподготовленности» кочевников к восприятию культурных условий жизни, о неизбежности традиционных «моделей культуры» каждого народа, исторический опыт Советского Союза показывает, что в своем прогрессивном развитии каждый народ постепенно освобождается от всего устарелого, противоречащего новым условиям жизни, несоответствующего уровню современного просвещенного человека, вооруженного техникой и научными знаниями. Это отнюдь не означает игнорирования положительных национальных традиций. Они сохраняются и развиваются, создавая специфический яркий колорит национальной культуры и быта каждого народа и в то же время становятся общим достоянием, вкладом в социалистическую культуру многонациональной советской страны.

Реальная действительность убедительно опровергает распространяемые в зарубежной литературе клеветнические измышления о психологической угнетенности бывших кочевников в СССР, о гибели их производственных навыков и их своеобразной культуры, о их нищенском существовании и неспособности к овладению техникой.

¹⁰ «Народное хозяйство СССР в 1965 году», стр. 440. Часть специалистов сельского хозяйства — техников, механиков и др. — получает образование на базе восьмилетней школы в сельских профессионально-технических училищах, на курсах механизации и т. д.

* * *

Если в Советской стране переход кочевников к оседлости давно уже стал предметом исследования исторической науки, то для большинства стран Азии и Африки преобразование жизни кочевников-скотоводов — одна из наиболее актуальных задач современности. В частности это касается развивающихся стран Среднего Востока и Северной Африки. В некоторых из этих стран уже проводятся практические мероприятия, способствующие оседанию кочевников; в других — составляются, дебатировются и экспериментируются проекты программ так называемой седентеризации, т. е. перевода кочевников на оседлость.

Международные организации ООН — ЮНЕСКО, МОТ и другие также развивают в этом направлении деятельность, общие задачи которой сформулированы в конвенции МОТ «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни в независимых странах»¹¹.

Внимание к проблеме оседания кочевников, составляющих значительную часть «коренного населения, ведущего племенной образ жизни» вызвано рядом обстоятельств. Хотя число кочующего населения за последнее время сильно сократилось, оно все еще довольно значительно в некоторых государствах; так, например, в Саудовской Аравии 3,5—4 млн. чел. кочевников и полукочевников, что составляет примерно 60% общей численности населения; в Афганистане число их достигает 2,5 млн. чел. (около 17% населения); в Иране — 2,5—3 млн. (11—13%); в Марокко — около 2 млн. (15%); в Ливии — около 400 тыс. (26%); в Нигере — более 300 тыс. (около 9%), в республике Чад — около 500 тыс. чел. (12% населения)¹². Эти цифры говорят о сравнительно не большом удельном весе кочевого населения указанных стран (за исключением Саудовской Аравии); однако они выглядят гораздо внушительнее, если учесть огромные пространства аридных областей — пустынь, полупустынь и гор, занимающих большую часть территорий стран Среднего Востока и Северной Африки. Кочевое скотоводство, при общем слабом экономическом развитии этих стран, до сих пор еще нередко сохраняет там значение единственного способа хозяйственного использования пустынь и основного средства существования десятков и сотен тысяч жителей.

Вот как характеризует численность кочевников в этих регионах один из видных исследователей проблемы номадизма Ф. Беннет: «Что касается количества (кочевников.— Т. Ж.), то из всего населения Сахары, которое исчисляется в 4 730 000 чел. (в пределах Алжира, Туниса, Марокко, Мавритании, Рио-де Оро, Ливии, Мали, Чада, Нигера, Египта и Судана) — 1 220 000 считаются кочевниками; они составляют 90% населения области Сахары в Мали, 60% в Нигере и Рио-де Оро и 40% в Алжирской Сахаре. Эти цифры еще увеличиваются в областях сахеля и саванны в суб-сахарском тропическом поясе; кроме того, все население областей саванны (за пределами Сахары) в Судане, Сомали, Эфиопии и Кении почти не знает другого образа жизни, кроме кочевого.

Степи и пустыни Ближнего Востока являются колыбелью бедуинского комплекса, а в Иране, Анатолии, Афганистане, Белуджистане и го-

¹¹ Принята сороковой сессией Генеральной конференции МОТ в Женеве 5 июля 1957 г. Конвенция призывает к проведению мер для облегчения «прогрессивной интеграции и улучшения условий жизни и труда» этого населения.

¹² «Население земного шара. Справочник по странам», М., 1965. Следует отметить приближенность этих данных: помимо отсутствия точного учета кочевников в переписях, в одних случаях к ним причисляются и полукочевники, в других — не причисляются.

рах Пакистана кочевая жизнь горцев остается прочно укоренившейся системой, которая накладывает отпечаток на жизнь нескольких миллионов»¹³.

Главная причина роста внимания к проблеме оседания кочевников — их крайне бедственное положение, сохранившееся в развивающихся странах как следствие длительного воздействия колониальной системы. Развитие капиталистических отношений в условиях колониализма нанесло огромный ущерб кочевому скотоводству, привело к деградации и кризису отсталое, экстенсивное хозяйство кочевников, обострило в их среде социальную дифференциацию. Скотоводческое хозяйство кочевников подрывалось прежде всего узаконением частной собственности на землю и экспроприацией лучших общинных пастбищных угодий колонизаторами и предпринимателями всякого рода, в том числе феодализировавшейся верхушкой племен — ханами, шейхами и др. Так, в арабских странах Передней Азии «многие лучшие племенные территории, испокон веков служившие пастбищами, передавались в собственность европейским плантационным трестам, арабским городским предпринимателям и крупным племенным шейхам, орошавшим их с помощью дорогостоящих механических насосов»¹⁴. Лишение пастбищ влекло за собой уменьшение стад, падежи от бескормицы, разорение скотоводов.

В то же время дорожное строительство, развитие автотранспорта лишало кочевников и весьма существенных для них доходов от караванной торговли, охраны караванов.

Вследствие стабилизации центральной власти прекращались систематические военные набеги кочевников на оседлые поселения; это освобождало жителей оазисов от установившихся во многих странах Передней Азии и Северной Африки отношений зависимости их от племен «покровителей», бравших с них дань за защиту от набегов других племен. Хотя главную долю дани присваивала феодальная верхушка племени, часть ее все же доставалась и рядовым кочевникам-воинам; поэтому разрыв этой своеобразной формы экономических связей с жителями оазисов, от которых кочевники получали необходимые им продукты земледелия, также отрицательно повлиял на уровень их жизни. Наконец, повсеместным явлением стало разорение скотоводов в результате «усовершенствования коммерческой техники» — грабительского посредничества ростовщиков-торговцев в сбыте их продукции.

Помимо всех этих факторов, связанных с колониальным режимом и развитием капитализма, обнищанию кочевников способствовала и крайняя неустойчивость самого кочевого скотоводства, полная зависимость его от природной стихии.

Известный исследователь французской Сахары Р. Капо-Рей пишет о бедствиях одного из разорившихся вследствие засухи кочевых племен. Лишившись скота, оно долго бродило в поисках заработка, наконец пришло к городу Жеривиллю, но и здесь не нашло работы и пристанища: «Не найдя жилья, они сохранили свои шатры, и этот пояс лохмотьев вокруг города, равнозначный бидонвиллям, явился последним свидетельством их прошлого образа жизни»¹⁵.

При слабых темпах урбанизации и замедленном развитии промышленности лишившиеся скота кочевники были обречены на безра-

¹³ F. Bennet, UNESCO research and experience on problems of nomadism and sedentarisation, Geneva, 1964, pp. 10—11 (Информационный доклад ЮНЕСКО, представленный Техническому совещанию МОТ по проблемам номадизма и седентаризации).

¹⁴ А. И. Першиц, Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в. (Историко-этнографические очерки), М., 1961, стр. 44.

¹⁵ Р. Капо-Рей, Французская Сахара, М., 1958, стр. 270.

ботицу. Трудности найти работу нередко усугублялись расовой дискриминацией.

Кризис в этой сфере экономической жизни освещается и анализируется многими авторами, учеными и специалистами практиками¹⁶; однако большинство из них, к сожалению, не видит основных, социально-экономических причин, породивших этот кризис и усматривает в нем лишь естественный процесс «конфликта между технологической цивилизацией и противостоящими ей географическими факторами»¹⁷.

Широкая программа научных исследований в аридных зонах проводилась ЮНЕСКО. Результатом этих изысканий стала издаваемая ЮНЕСКО многотомная серия (свыше 20 томов) «Исследований аридной зоны» («Arid Zone Research Series»), признанная одним из наиболее полных во всем мире собраний естественно-географических данных об этих зонах. В томах содержатся также и обильные сведения о кочевых племенах, живущих в странах аридного пояса, охватывающего примерно 1/5 всей суши: обширные территории в Азии и Африке, большую часть Австралийского континента, полупустыни Мексики, юга США и Южной Америки¹⁸.

С 1957 г. начались и специальные работы ЮНЕСКО по изучению положения кочевников. Так, в Иране, Ираке, Сирии, а также в Египте и ряде других стран северной Африки проводились полевые этнографические исследования с одновременным детальным изучением экономики кочевого хозяйства отдельных кочующих племен и локальных групп¹⁹. Результаты этих новейших исследований обсуждались на конференциях и международных симпозиумах, организованных ЮНЕСКО²⁰, и опубликованы в сборниках и монографиях²¹.

Международная организация труда после принятия упоминавшейся конвенции 1957 г. также проводила, привлекая своих экспертов, исследования среди кочевников и опубликовала в своем органе «International Labour Review» ряд статей²²; кроме того, проблема оседания кочевников дважды ставилась на широкое обсуждение: в 1962 г. — на созванном МОТ в Женеве первом «Совещании комиссии консультантов по коренному и племенному населению» и в 1964 г. — на специально посвященном этой проблеме «Техническом совещании по проблемам номадизма и седентеризации»; участники последнего — эксперты — представители Алжира, Ирака, Иордании, Ливии, Марокко, Судана, Сирийской Арабской Республики, ОАР, а также ЮНЕСКО, ФАО, Лиги Арабских стран и других международных организаций представили для обсуждения

¹⁶ См., например, F. Bennef, Указ. раб., раздел «Nomadic Crisis», стр. 8—11.

¹⁷ См. предисловие J. Berque к сборнику «Nomads and nomadism in the Arid Zone», «International Social Science Journal», UNESCO, vol. XI, № 4, 1959, p. 481.

¹⁸ Б. В. Андрианов, Э. М. Мурзаев, Некоторые проблемы этнографии аридной зоны, «Сов. этнография», 1964, № 4, стр. 91.

¹⁹ См. F. Bennef, Указ. раб.

²⁰ Например, симпозиум ЮНЕСКО по проблемам аридных зон, состоявшийся в Париже в мае 1960 г., обсудил пять докладов, посвященных кочевникам разных регионов Азии и Африки. Доклады опубликованы в 18-м томе «Arid Zone Research Series», Paris, 1962.

²¹ «Nomads and nomadism in the Arid Zone» (среди 8 статей этого собрания опубликована работа советских ученых Л. П. Потапова и А. Турсунбаева «Некоторые аспекты социально-экономического и культурного развития кочевников в СССР»). См. также сборник статей «Nomades et nomadisme au Sahara», Paris, 1963, UNESCO, «Recherches sur la Zone Aride», № 19. Авторы этого труда — известные исследователи Французской Сахары: профессор Р. Капо-Рей и другие. Характерно деление книги на две части: «Le nomadisme traditionnel» и «Nomadisme et le monde moderne».

²² См., напр.: Mohamed A w a d, Settlement of nomadic and semi — nomadic tribes in the Middle East, vol. LXXIX, № 1, 1959; I. W a h a b, Tribal customary law and Modern law in Iraq, vol. LXXXIX, № 1, 1964; R. Capot-Rey, Problems of nomadism in the Sahara, vol. XC, № 9, 1964, и др.

около 20 докладов. В результате этих встреч и обмена мнениями выяснился основной круг вопросов, представляющихся экспертам наиболее актуальными для решения проблемы оседания; выявились также и разногласия в трактовке некоторых вопросов²³.

Эксперты пришли к заключению о трудности определения сущности кочевого общества; они полагают, что в данном случае следует избегать абстрактных формулировок, поскольку этот тип общества находится в процессе эволюции и непрерывных изменений. Было признано, что проблемы нomaдизма сильно отличаются в разных странах; их необходимо изучать и разрешать с учетом местных условий.

Вместе с тем, участники совещания договорились о некоторых общих положениях, касающихся специфики кочевого хозяйства. Уточнилось содержание понятий «кочевого» и «отгонного» скотоводства, а также «кочевого земледелия» (*nomadic agriculture*), распространенного в сочетании с кочевым или полукочевым скотоводством. Всеобщее признание получило положение о том, что кочевание нельзя считать непрерывной и случайной (стихийной) формой передвижений. При перекочевках нomaды всегда следуют по установленным путям, точно определяемым такими вехами (*landmark*), как колодцы, водоемы, топографические особенности местности и др. Кочевание — движение цикличное и ритмичное, обусловленное традиционными правами каждой группы выпасать скот в определенных районах. При планировании оседания рекомендовалось учитывать распределение между племенами пастбищ и колодцев.

Эксперты различают три типа оседания: спонтанное — стихийное самопроизвольное, связанное с деградацией кочевого скотоводческого хозяйства; принудительное — навязываемое насильственно, с применением военно-административных мер, и поощрительное — с введением в действие специальных правительственных программ, помогающих кочевникам перейти к оседлости. Метод принудительного оседания эксперты предлагают исключить, и в случаях, когда условия в стране неблагоприятствуют спонтанному оседанию, прибегать к мерам поощрения его прямыми методами (по государственным программам) или косвенными (путем строительства в районах кочевий дорог, артезианских колодцев и др.). Некоторые из специалистов по вопросам нomaдизма справедливо отмечают, что спонтанное оседание далеко не всегда повышает уровень жизни кочевника. «Лучшие земли племени захвачены не только наиболее трудолюбивыми, но и наиболее ловкими», — пишет Р. Капо-Рей, — и поэтому «чаще всего отказ от кочевой жизни сопровождается полной безработицей, праздностью, которые исключают какой-бы то ни было моральный или материальный прогресс... Такое оседание является социальным злом»²⁴.

Помимо сторонников необходимости поощрения перехода кочевников на оседлость есть и противники этого. Первые, отстаивая свои взгляды, приводят аргументы отнюдь не только гуманного характера (необходимость облегчить участь нomaдов). Они рассматривают кочевничество как «пагубное» социальное явление, источник постоянных беспокойств и беспорядков, как излишнее бремя для правительств, вынужденных проявлять заботу и нести расходы на оказание им помощи в случае стихийных бедствий; как препятствие держать в поле зрения и под контролем администрации значительную часть населения. Высказывают также не-

²³ См. отчет совещания «International Labour Organisation. Technical meeting on problems of nomadism and sedentarisation, Geneva, 6—17 April, 1964, Report». (Материалы МОТ, шифр TMNS [1964] D. 5.)

²⁴ Р. Капо-Рей, Французская Сахара, стр. 269—270.

довольство тем, что кочевники часто используют под пастбища плодородные земли.

Аргументы противников оседания также разнообразны: одни из них, вооружившись цифровыми данными, стремятся доказать экономическую нерентабельность государственных мероприятий, способствующих оседанию: огромные затраты на орошение участков, постройку колодцев, жилищ, дают, по их мнению, ничтожные результаты, несопоставимые с затраченными усилиями и расходами. Выдвигается и проблема «сопротивления» кочевников оседанию: их консервативность, традиционное презрение к земледелию, привычку к кочевой жизни в пустыне многие противники оседания считают непреодолимым препятствием, полагая, что по своему психическому складу кочевники неспособны к сельскохозяйственному и к другим видам труда. Наконец, довольно широко распространена третья точка зрения — нецелесообразность уничтожения такой формы хозяйства, как кочевое скотоводство. Приверженцы этой концепции доказывают большое значение кочевого скотоводства для использования пустынь и призывают государства лишь принять меры к повышению рентабельности и доходности кочевого скотоводства, оставив без изменения образ жизни, традиционную социальную структуру, быт и нравы кочевников. В итоге дискуссии экспертами принято было решение, примиряющее эти диаметрально противоположные взгляды — а именно: о необходимости «гибкой политики», учитывающей, что перевод на оседлость и привлечение к занятию земледелием — не единственный способ улучшения жизни кочевников и что странам, где условия неблагоприятны для перехода к земледелию, рекомендуется привлекать их к другим видам труда (промыслы и ремесла, мелкая промышленность и др.).

В задачу данной статьи не входит описание и анализ составленных экспертами Ливии, ОАР, Иордании, Ирака, Алжира, Судана и некоторых других стран проектов программ и рекомендаций по оседанию²⁵. Эти документы чрезвычайно разнообразны по степени разработанности, по своим методам, масштабам и социально-экономической направленности; но многие из них отличаются характерной чертой: авторы их отмечают острый недостаток земельных угодий для наделения оседающих хозяйств, но вместе с тем обходят коренной вопрос — зависимость фонда этих земель от проведения широких демократических аграрных реформ. В большинстве развивающихся стран, не ставших на путь социалистических преобразований, аграрный вопрос остается неразрешенным²⁶. «Препятствием к оседанию племен служит нехватка годных земель, как это часто утверждается. Решение этой важной проблемы требует экономических затрат и широких аграрных преобразований», — пишет один из советских исследователей положения кочевников Ирана²⁷.

Тесно связана с этой особенностью проектов и программ оседания и вторая характерная их черта — полное игнорирование процессов социальной дифференциации в среде племен; одна из главных причин бедственного положения кочевников — их эксплуатация племенной верхушкой, местными феодалами, торговцами и ростовщиками, а также иностранными монополиями (например, в районах добычи нефти), как правило, не принимается во внимание, и в программах отсутствуют ре-

²⁵ Часть документации, представленной экспертами Техническому совещанию МОТ 1964 г. по проблеме оседания кочевников аннотирована Г. Г. Котовским (Ин-т народов Азии АН СССР). Ниже мы пользуемся некоторыми из его аннотаций.

²⁶ См. сборник «Социально-экономические последствия аграрных реформ в развивающихся странах Азии и Африки», М., 1966.

²⁷ В. В. Трубецкой, Переход к оседлости кочевников Ирана, Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964, стр. 2.

комендации каких-либо мер, защищающих основные массы кочевников от феодальных и растущих капиталистических элементов. Более того, некоторые из экспертов, ратуя за узаконение частной собственности на землю, предусматривают при этом сохранение в «модернизированном» виде старой племенной структуры и власти вождей; так, один из них настаивал, чтобы при создании снабженческо-сбытовой кооперации у кочевников и полукочевников Ливии эти кооперативы возглавлялись шейхами²⁸. Только в документе, представленном Сирийской Арабской республикой отмечается, что в процессе оседания бедуинов племенная верхушка экспроприирует основную массу земли. Между тем известно, что это не локальное, а всеобщее явление. Разорившиеся бедуины северных областей Аравии также за неимением в их распоряжении пригодных для обработки земель, «в подавляющем большинстве случаев были вынуждены оседать на земли, принадлежавшие феодальным шейхам и городским землевладельцам, превращаться в закабаленных арендаторов и издольщиков»²⁹. У кочевников Ирана «переход к земледелию для большинства означал превращение в зависимых арендаторов-издольщиков и батраков, работающих на племенных землях, перешедших в собственность ханов»³⁰.

Однако, кроме программ ОАР и некоторых других стран, в значительной мере отражающих прогрессивный демократический характер аграрных преобразований в этих странах (наделение землею и кооперирование трудящегося крестьянства, в том числе и кочевого) — проекты и рекомендации, как правило, не связывают оседание кочевников с необходимостью радикальных земельных и социальных реформ.

В целом, нельзя не отметить, что за некоторыми исключениями плановый перевод кочевников на оседлость в развивающихся странах Среднего Востока и Северной Африки пока еще протекает очень медленно. Нередко дело ограничивается планированием многолетних подготовительных изысканий для составления проектов оседания, а некоторые рекомендации экспертов создают впечатление, что стадия дискуссий и подготовки проектов может затянуться на неопределенный период, задерживая практическое проведение неотложных мер, остро необходимых для поднятия жизненного уровня сотен тысяч обнищавших скотоводов, кочевников и полукочевников.

* * *

В сентябре 1966 г. специалисты стран Среднего Востока и Северной Африки по проблемам номадизма встретились в СССР; они приехали сюда как участники организованного МОТ межрегионального семинара и ознакомительной поездки в Казахстан и Киргизию. Задачей семинара было предоставление возможности его участникам «изучить советский опыт создания условий для оседания кочевников», «изучить на месте практиковавшиеся для этой цели программы..., которые могут быть применены в условиях их стран».

Семинар проводился Государственным Комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы совместно с Академией наук СССР; последняя руководила научной частью семинара³¹.

²⁸ В одном из документов, представленных Иорданией, освещается политика консервации племенного строя в военно-административных целях.

²⁹ А. И. Першиц, Указ. раб., стр. 45.

³⁰ В. В. Трубецкой, Указ. раб., стр. 6—7.

³¹ Семинар проводился в порядке оказания технической помощи развивающимся странам. Директором семинара был назначен Р. Гейвин (МОТ); содиректором являлась Т. А. Жданко (Ин-т этнографии АН СССР); организационно-административная работа осуществлялась В. Г. Семеновым (Государственный Комитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы).

В семинаре участвовали представители 16 стран: Алжира, Афганистана, Индии, Ирака, Ирана, Иордании, Мали, Марокко, Нигера, ОАР, Сенегала, Сирийской Арабской республики, Сомали, Судана, республики Чад, Эфиопии, а также представитель ЮНЕСКО. Группа иностранных участников семинара, вместе с работниками МОТ и представителем ЮНЕСКО состояла из 24 человек. По своему служебному положению участники семинара были специалистами по вопросам, касающимся кочевого населения: представителями администрации, экспертами по оседанию и просвещению кочевников, по планированию труда, по социальным и земельным делам, по освоению пустынь и др. В первые дни работы семинара в Москве его участникам были прочитаны шесть лекций, ознакомивших их с большим кругом проблем, связанных с переходом кочевников к оседлости в условиях социалистического государства. Лекции сопровождались оживленным обменом мнениями.

Среди многих проблем, затронутых чл.-корр. АН СССР Б. Г. Гафуровым (Ин-т народов Азии АН СССР), во вводной лекции «Исторический опыт разрешения национального вопроса в СССР», слушателей особенно заинтересовали методы и практические мероприятия Советского государства, обеспечившие подъем экономики и культуры республик Средней Азии за годы социалистического строительства, конкретные формы помощи им со стороны Союзного правительства и братских республик, и в частности — помощь ассигнованиями на ирригационное строительство.

Огромный интерес, в частности, у представителей стран Северной Африки (ОАР, Марокко и др.), вызвала лекция Б. А. Федоровича «Природные условия аридной области СССР и пути ее освоения»³², в которой были очень убедительно показаны преимущества комплексного метода освоения пустынь, использующего, в зависимости от местных природных условий, сочетание разнообразных средств (орошение, мелиорация, обводнение и фитомелиорация пастбищ, использование минеральных ресурсов и др.) и применяющего новейшие данные науки, высокую современную технику. В лекции приводились некоторые материалы майского (1966) Пленума ЦК КПСС, освещающие планы оросительных работ и обводнения пастбищ в СССР.

Другой круг проблем обсуждался в связи с лекцией Т. А. Жданко «Номадизм в Средней Азии и Казахстане». Была отмечена важность тезиса автора лекции о закономерности сосуществования в условиях Средней Азии и Казахстана кочевых, полукочевых и оседлых элементов в рамках одной этнической общности, у одного народа, что облегчило в дальнейшем переход кочевников к оседлости. Проблема взаимоотношений кочевников с земледельцами поднималась во многих выступлениях. Обсуждался вопрос об исторических причинах, смягчавших в Средней Азии и Казахстане остроту антагонизма между этими двумя частями общества; на протяжении всей своей многовековой истории они были здесь неразрывно связаны экономически и находились в постоянных этнических и культурных контактах. Слушатели отмечали, что в силу особенностей исторических судеб, этот антагонизм несравненно острее в некоторых странах Среднего Востока и Северной Африки, в частности, в арабских странах. Об этом говорил, например, представитель ОАР Камал Махмуд Эль-Хассани. «Бедуины относятся с презрением к земледельческому труду и резко обособляют себя от феллахов. У кочевников существует такая поговорка: „Лучше бросить девушку в пасть крокодила, чем выдать ее замуж за феллаха“. Но все же были в нашей стране

³² В связи с болезнью автора лекции Б. А. Федоровича, ее прочел и отвечал на вопросы слушателей Э. М. Мурзаев (Ин-т географии АН СССР).

группы бедуинов, занимавшихся богарным земледелием. При переводе кочевников на оседлость приходится преодолевать много трудностей, воспитывать уважение к сельскохозяйственному труду, к занятиям разными профессиями».

С интересом выслушали затем участники семинара молодого советского ученого А. Оразова (АН Туркменской ССР), рассказавшего по просьбе экспертов стран Северной Африки о некоторых особенностях кочевого скотоводства в песчаных пустынях Туркмении.

Лекция «Переход к оседлости кочевников и полукочевников Средней Азии и Казахстана», прочитанная профессором Казахского Государственного Университета историком А. Турсунбаевым, была одной из самых важных для участников семинара, отчасти дезинформированных публикациями зарубежной прессы, искажающей задачи и методы Советского государства в осуществлении перевода кочевников на оседлость»³³. Обстоятельная, насыщенная конкретными историческими сведениями лекция казахского ученого вызвала целый поток вопросов: слушатели стремились уяснить разные аспекты и детали сложной организации планового массового перехода кочевников на оседлость, возникавшие трудности и способы их преодоления. Проблемы 1920-х — 1930-х гг., ставшие уже достоянием истории народов Средней Азии, как бы вновь ожили при обсуждении этой лекции, оказавшись жизненными и актуальными. Главное внимание слушателей сосредоточилось на путях разрешения аграрного вопроса: их интересовал характер провозглашенных Советской властью земельных законов и земельно-водных реформ, порядок проведения конфискации угодий крупных землевладельцев (например, компенсировались ли как-либо государством эти землевладельцы); установленные для оседавших кочевников размеры наделов, нормы владения скотом. Большая группа вопросов относилась к организации государственного аппарата, планирующего и содействующего переходу кочевников на оседлость; в частности, многие расспрашивали оджайлооных советах, созданных в период оседания и советизации кочевого аула в Киргизии для культурно-массовой работы в районах отдаленных высокогорных летних кочевий. С большим вниманием слушатели отнеслись к разделу лекции о создании государством условий, облегчающих хозяйственные и бытовые трудности, возникавшие у кочевников при оседании (разнообразные формы помощи, субсидий, кредита). Слушателям было особенно важно выяснить, каким образом сочеталась добровольность перехода к оседлости с плановыми мероприятиями, какие экономические и другие стимулы и преимущества обеспечивались кочевникам новым оседлым укладом жизни и вступлением в сельскохозяйственные кооперативы.

Столь же оживленно реагировал семинар на лекцию С. М. Абрамзона (Ин-т этнографии АН СССР) «Влияние перехода к оседлому образу жизни на преобразование социального строя, семейно-бытового уклада и культуры прежних кочевников и полукочевников (на примере казахов и киргизов)». Автор привлек в своей лекции обширный исторический и этнографический материал, воспринимавшийся с огромным интересом. Наибольшее значение для слушателей, судя по их выступлениям, имели разделы лекции, освещающие процесс постепенного, но все-же достаточно быстрого изменения вековых устоев кочевнического быта и трудности, с этим связанные. Их интересовало, например, какие элементы кочевой

³³ Примером может служить статья: I. Winner, Some problems of nomadism and social organisation among the recently settled Kazakhs. «Central Asian Review», vol. XI, Oxford, 1963, № 3 и 4.

жизни исчезли быстрее и какие оказались более устойчивыми и сохранились, хотя бы в модернизированной форме, в современной жизни, а также характер обычаев, привычек, нравов, противоречивших нормам быта советского общества и уже изжитых или отмененных законом. Другая часть вопросов касалась типа прежней социальной структуры казахов и киргизов, роли в их общественных отношениях различных родоплеменных пережитков (родовые советы и др.); слушателей интересовало, какие советские социальные институты заменили эти отжившие формы, игравшие столь большую роль в жизни кочевников. Все эти сложные темы, затронутые в лекции по необходимости лишь кратко, во время обсуждения были развиты лектором, освещены с большой полнотой и ясностью. Лекция была завершена демонстрацией серии диапозитивов, сделанной по хранящимся в фондах МАЭ Ин-та этнографии АН СССР фотографиям из быта казахов и киргизов в годы их перехода к оседлости и коллективизации, что придавало ей большую наглядность и убедительность.

Лекция О. Р. Назаревского (Ин-т географии АН СССР) «Современные формы пастбищного животноводства в пустынных и горных районах Казахстана и республик Средней Азии» была посвящена экономико-географической теме — современному крупному социалистическому животноводческому хозяйству совхозов и колхозов и использованию в нем многовекового опыта бывших кочевников-скотоводов, занятых в системе отгонно-пастбищного животноводства. Участники семинара с большим вниманием отнеслись к особенностям системы отгонно-пастбищного животноводства, просили детальнее рассказать об организации труда и быта колхозных и совхозных чабанов.

С сообщениями о современном состоянии кочевничества в своих странах выступили представители Индии, ОАР, Марокко, Мали, республики Чад и др.

Лекции были лишь введением к главной части работы семинара — поездке в Казахскую и Киргизскую ССР³⁴.

Научную часть работы семинара во время поездки возглавили республиканские академии наук. В обеих республиках занятия начались с научных конференций, посвященных теме семинара. В Академии наук Казахской ССР вице-президент, академик С. Б. Байшев ознакомил гостей в своей лекции с историей оседания кочевников и с современными достижениями Казахстана в развитии народного хозяйства, культуры и науки. В Академии наук Киргизской ССР конференцию по истории перехода кочевников-киргизов к оседлости возглавил президент АН Киргизской ССР, академик К. К. Каракеев; крупные ученые — историки, экономисты, социологи своими докладами развили и дополнили существенными деталями вводные лекции, прочитанные в Москве.

Участники семинара широко использовали возможность получить во время встреч с лучшими специалистами — учеными республик, нередко живыми свидетелями и организаторами перехода кочевников на оседлость, исчерпывающие ответы на волнующие их вопросы, связан-

³⁴ Программа этой поездки была чрезвычайно насыщенной и напряженной — в общей сложности участники семинара побывали за 12 дней на 25 объектах — в республиканских академиях наук, в высших учебных заведениях, школах, интернатах, больницах, в некоторых министерствах, в театрах, на выставках, в музеях и кино, а также на двух промышленных предприятиях, в двух колхозах, на строительстве ирригационных сооружений, на высокогорных, отгонных пастбищах и т. д. Программа предусматривала всестороннее ознакомление с результатами перехода кочевников к оседлости в условиях СССР, с трудом, культурой и современным бытом казахов и киргизов. Не имея возможности подробно осветить все эти встречи и беседы, мы останавливаемся лишь на нескольких.

ные с проблемой оседания. Сообщив о трудностях, возникавших в Иране при изменении традиционного образа жизни кочевников, Мохаммад-Бахман Бахманбеги, сам происходящий из кочевого племени бахтиаров, сказал после доклада С. Б. Баишева: «Надо поздравить ваше правительство с тем, что оно смогло убедить такое количество кочевников перейти к оседлости. Ведь удивительно, что здесь, где несколько десятков лет тому назад кочевали скотоводы со своими юртами, создан прекрасный город с величественным храмом науки, в котором мы сейчас находимся». «На основании собственного опыта мы знаем,— сказал Брахим Букадум (Алжир), что нередко перешедшие на оседлость кочевники не свыкаются с новым образом жизни и снова начинают кочевать. Не бывает ли у вас в Казахстане этого?». С. Б. Баишев ответил гостю: «Наши крестьяне испытали на себе все тяготы кочевничества и все преимущества оседлой жизни. Ни один из них ни за что не перейдет на старый путь ведения хозяйства: вы сами можете спросить об этом у любого и услышите, что вам ответят. На собственном опыте народ убедился в преимуществах оседлой жизни, новых форм хозяйства, обеспечивших благосостояние и быстрый рост культуры. Ведь из среды бывших кочевников происходит большая часть нашей интеллигенции — инженеры, врачи, писатели, ученые».

Одним из промышленных предприятий, с которым познакомились участники семинара, был Алма-Атинский завод тяжелого машиностроения, экспортирующий свою продукцию в 22 страны, в том числе и в развивающиеся страны (Ирак, Индию, Пакистан и др.). Участники семинара не ограничились осмотром предприятия и беседой с главным инженером и другими руководителями завода об организации производственного процесса, принципах набора кадров, заработной плате и пр.; они подробно познакомились также с системой производственного обучения, медицинского обслуживания, охраной труда, расспрашивали рабочих-казахов об их жизненном пути, истории их вовлечения в промышленность и получения технической квалификации. Биографии некоторых рабочих (в частности — начальника литейного цеха инженера т. Сулейманова) оказались в этом отношении для экспертов весьма интересными. Сын казаха-кочевника Сулейманов получил высшее техническое образование, окончив на Урале индустриальный институт; жена его тоже с высшим образованием, химик; дочь — математик, преподает в Политехническом институте; из четырех братьев — двое — ветеринарные врачи, один — юрист; сестра — научный работник-лингвист.

Группа слушателей семинара была в гостях у одного из рабочих завода. О своих впечатлениях об этой семейной встрече так рассказывал Мохамед Насири (Марокко): «Больше всего меня удивило, что расспрашивали не столько мы хозяина, сколько он нас: его интересовала жизнь народов наших стран, он очень гордится, что машины, которые делает его завод, экспортируются в развивающиеся страны Азии и Африки, помогают поднимать хозяйство этих стран. Поразительно, с какой гордостью этот человек говорит о своем заводе, как понимает значение своего труда. Встретили нас с большим гостеприимством, угощали вкусной национальной едой. Интересно, что женат этот рабочий-казак на украинке». О большом внимании участников семинара к результатам преобразования культуры и быта свидетельствуют и их беседы на швейной фабрике им. 40-летия Октября (Фрунзе), где из 2400 работников большинство составляют женщины коренных национальностей; главный инженер фабрики — также женщина-киргизка. Здесь во время знакомства с предприятием возник интересный во-

прос о степени сохранения национальных форм народной одежды, об излюбленных цветах и фасонах современного костюма. Представители Индии, Ирака интересовались соотношением традиционных и современных моделей одежды, наличием в Киргизии собственных модельеров. Гости расспрашивали работников также об их быте, о трудовом законодательстве для женщин, льготах и пособиях женщинам-матерям, и т. д.

Рис. 1. Участники семинара в Женском педагогическом институте (Алма-Ата)

За дни работы семинара в столицах республик участники его познакомились с системой народного образования и с многими культурными учреждениями. Так, в Алма-Ате они беседовали с министрами просвещения и высшего и среднего специального образования Казахской ССР, посетили школу-интернат для детей чабанов, женский педагогический институт, где на полном государственном обеспечении обучаются 2200 студенток — казашек и девушек других местных национальностей, преимущественно из отдаленных животноводческих районов республики, испытывающих наибольшую нужду в педагогических кадрах; познакомились с одним из восьми технических вузов республики — Политехническим институтом. Во Фрунзе, в Киргизском государственном сельскохозяйственном институте очень интересной для участников семинара оказалась встреча с профессорско-преподавательским составом — специалистами в области растениеводства и животноводства, зоотехники, механизации сельского хозяйства, ветеринарии и т. д. Круг вопросов, обсуждавшихся с представителями школ и высших учебных заведений, был широк — они касались языка преподавания, учебных программ, трудоустройства выпускников; большие трудности в развивающихся странах вызывает, как выяснилось из выступлений участников семинара, нежелание получивших образование представителей кочевых племен возвращаться из городов в сельские местности; в Иране, например, существует тенденция у «детей пастухов, скотоводов, уйти из сельского хозяйства, чтобы занять различные бюрократические посты в министерствах и других учреждениях»; слушатели семинара расспрашивали, наблюдается ли

подобное явление в Казахстане и Киргизии и практикуются ли какие-либо льготы или другие методы, стимулирующие выезд специалистов в отдаленные районы. В ответах были даны сведения о системе трудоустройства оканчивающих вузы и техникумы молодых специалистов.

Не меньше внимания было уделено изучению системы здравоохранения. Здравоохранение и подготовка врачебного персонала — одна из самых острых проблем в развивающихся странах, и обстоятельные сведения об организации медицинского обслуживания (в том числе и на далеких отгонных участках, куда врачей нередко доставляют на самолетах и вертолетах), сети лечебно-профилактических учреждений, санитарно-эпидемиологической службы, о развитии медицинской науки, по признанию участников семинара, были для них очень важны.

Однако едва ли не наибольшее значение для непосредственного знакомства с огромными прогрессивными сдвигами, происшедшими за годы Советской власти в хозяйстве, культуре, быту казахского и киргизского народов, имели выезды семинара в сельские местности: в Казахстане — в колхоз им. XXII партсъезда, центральная усадьба которого (с. Чубар) расположена в предгорьях хребта Джунгарского Ала-Тау (Талды-Курганский район Алмаатинской области); в Киргизии — в колхоз «Сынташ», находящийся в Чуйской долине, и на прославленные высокогорные отгонные пастбища Сусамыра.

Оба колхоза представляют собой крупные социалистические хозяйства: первый владеет 50 тыс. га поливных и пастбищных угодий, около 40% всего трехмиллионного годового дохода (1965 г.) колхоз получает от животноводства, имея 22 тыс. овец, 1600 голов крупного рогатого скота, 660 лошадей и др.; остальную часть дохода дает сахарная свекла, зерновые и другие отрасли высокомеханизированного полеводства. Председатель колхоза — К. Асанов — квалифицированный агроном, кандидат сельскохозяйственных наук. В колхозе — 4242 чел., в том числе 1165 чел. трудоспособных членов артели³⁵. Колхоз «Сынташ», возглавляемый Героем Социалистического Труда К. Курмановым, объединяет 4500 чел., в том числе 1300 чел. трудоспособных; земельные угодья его составляют 27,7 тыс. га; в колхозных отарах — 28 тыс. овец, на молочно-товарных фермах — 1700 голов крупного рогатого скота; доход колхоза в 1965 г. составил 2 126 тыс. рублей, в том числе более 800 тыс. руб. — от животноводства. Сахарная свекла дает богатые урожаи на плодородных землях долины и служит главным ис-

Рис. 2. В казахском колхозе

³⁵ Подробное описание этого колхоза см. в коллективном труде этнографов Казахской АН «Культура и быт казахского аула», Алма-Ата, 1967.

точником дохода в многоотраслевом производстве колхоза. От оплаты по трудодням колхоз перешел к новому методу прямой денежной оплаты труда, стимулирующему материальную заинтересованность и обеспечивающему более высокие заработки.

Участники семинара с огромным интересом обсуждали сведения о состоянии хозяйства артелей, знакомились с поселками, культурно-бы-

Рис. 3. В гостях у чабанов. Председатель колхоза им. XXII партсъезда преподносит подарок от колхозников — домбру — директору семинара Р. Гейвину

товыми учреждениями, осматривали жилые дома, фермы, выезжали на свекловичные поля, на пастбища к чабанам; в колхозе им. XXII партсъезда они много времени уделили осмотру большого строящегося Дома культуры, с зрительным залом на 640 мест и беседовали с художником, оформляющим фасад этого здания и внутренние помещения с широким использованием мотивов и приемов казахского народного декоративно-прикладного искусства. Жизнь колхоза и колхозников интересовала их во всех аспектах: структура и организация производства, оплата труда и материальная обеспеченность, условия пользования приусадебными участками, права и обязанности правлений колхозов, их состав и т. д. — в этой области поток вопросов был неисчерпаем. Но главным для гостей было, как нам кажется, убедиться, наблюдая собственными глазами жизнь колхозников казахов и киргизов, в действительном успехе и прогрессивности происшедшего процесса социальной и культурной интеграции бывших кочевников в среде современного общества, в отсутствии каких-либо болезненных явлений психологического характера, вызванных

ломкой старого быта, в отсутствии внешнего давления на процесс изменения обычаев, традиционных форм семейного быта, материальной культуры, духовной жизни. Удовлетворить это стремление проникнуть в духовный мир бывших кочевников помогло близкое общение с колхозниками, принимавшими представителей 16 стран Востока как своих почетных гостей — с открытым сердцем, искренним дружелюбием, с встречным большим интересом к жизни народов стран Азии и Африки и, конечно, с обильными и живописными «дастарханами» — угощениями и подарками, свидетельствующими о сохранении в современном быту традиционного гостеприимства.

В обширной долине Сусамыра, расположенной среди хребтов Тянь-Шаня на высоте около 3000 м над уровнем моря, находятся 300 тыс. га прекрасных пастбищ; со времени устройства здесь МЖС (машинно-животноводческой станции), снабженной мощной техникой, начато освоение части пахотнопригодных целинных земель под посевы кормовых культур и зерновых, для обеспечения фуражем зимующего в горах кол-

хозного скота. Еще недавно высокогорный Сусамыр был оторван зимой от внешнего мира — но теперь сквозь горы проложен тоннель и связь с жителями поселка МЖС и с чабанами не прерывается круглый год. Ежегодно на Сусамыре зимует около 100 тыс. овец, более 2,5 тыс. лошадей, значительное число крупного рогатого скота. Летом же число овец, выпасающихся на богатых пастбищах долины, достигает 1,5 млн. Их пригоняют сюда не только из разных районов Киргизии, но частично и из Казахстана. Путешествие на Сусамыр, осмотр МЖС, благоустроенного поселка, беседы с механизаторами и чабанами в этой высокогорной «чабанской стране», изучение условий их труда и быта — все это послужило основанием для выводов многих участников семинара о целесообразности заимствования опыта отгонно-пастбищного животноводства при переводе кочевников на оседлость в их странах. Красота горного пейзажа, колоритный облик всадников-чабанов, перегоняющих на осенние пастбищные угодья бесчисленные колхозные отары породистых овец, теплая встреча с обитателями сурового, но прекрасного Сусамыра вызвали необычайно яркие впечатления у участников семинара.

За время работы в республиках участникам семинара удалось познакомиться и с некоторыми видами современного национального искусства; они были на киностудии «Казахфильм», на концертах, познакомились с художественной самодеятельностью студентов, с казахским колхозным народным театром. Во Фрунзе гости смотрели в Киргизском ордена Ленина академическом театре оперы и балета премьеру оперы «Манас», поставленную по мотивам знаменитого героического эпоса, подлинной сокровищницы культуры киргизского народа. Самый факт превосходной новой постановки «Манаса», мастерство киргизских артистов, своеобразие национальной музыки, высокий уровень художественного оформления оперы не только очень понравились гостям, но и послужили убедительным доказательствам бережного отношения к культурному наследию народов нашей страны и развития его лучших традиций в современном профессиональном искусстве.

Семинар в обеих республиках был проведен на высоком научном уровне. Участие в его работе ученых и министров, профессоров и ректоров вузов, крупных специалистов — руководителей предприятий, колхозов — обеспечили возможность получения точных и содержательных информации, квалифицированных ответов на бесчисленные вопросы любопытных и эрудированных участников семинара. Нельзя не отметить также чрезвычайного радушия, гостеприимства и доброжелательности, с которыми встречали гостей во всех учреждениях и организациях, где они побывали; эта дружеская атмосфера произвела очень большое впечатление и способствовала успеху работы семинара.

Наконец, большое значение имела и непосредственно-го наблюдения характера национальных взаимоотношений в республиках Советского Востока. Знакомясь с многонациональными по составу кадрами промышленных предприятий, колхозов, вузов, наблюдая весь облик быта многонационального населения Казахстана и Киргизии, участники семинара смогли воочию убедиться в жизненности и силе такого могучего фактора прогресса, как полное равноправие наций, их трудовое сотрудничество и дружба. Во время беседы в Совете Министров Киргизской ССР, перед отъездом в Москву, представитель Индии, О.-К. Моорти сказал: «В вашей стране были созданы все материальные предпосылки для развития промышленности и сельского хозяйства, дорог и транспорта, высокой культуры... Вы обеспечили работу для всех, кто в ней нуждается, и самое главное — обеспечили развитие

наций, объединение людей в одну семью, развитие национального искусства — музыки, театра, хореографии, кино. Люди у вас счастливы, и мы получили большое удовольствие от пребывания в вашей стране».

От имени представителей африканских стран выступил Мохамед Насири (Марокко), сказавший в своей речи: «Лично для меня и для других участников семинара главное, что мы увидели в Киргизии, это тот прогресс, который вы обеспечили кочевому населению. Многие проблемы общественных отношений, очень сложные, были успешно разрешены у вас. Мы высоко ценим глубокую убежденность, с которой вы решились пойти на преодоление сложных задач и трудностей, стоявших на вашем пути. Вы сумели заменить племенную солидарность, объединявшую раньше кочевников и полукочевников новой, основанной на дружбе и равенстве народов. Вы можете с чувством гордости говорить о вашей национальной культуре, в частности — о театре».

О своих глубоких впечатлениях, об убедительности всего увиденного и услышанного и о своих выводах об успешности опыта и методов Советского государства в переводе на оседлость кочевников участники семинара говорили и на заключительном заседании семинара в Москве 24 сентября, перед отъездом в Женеву.

«Мы убедились воочию в том, о чем нам говорили на лекциях в Москве, — сказал представитель Республики Мали. — Мы смогли увидеть, какие методы способствовали переходу кочевников на оседлость. Этот семинар и путешествие были для нас очень полезны, они обогатили нас». Представитель ЮНЕСКО говорил о том, что успех советского опыта по переходу кочевников на оседлость обеспечили дружба народов и большая помощь государства. «Оседание в СССР проводилось не по какой-то особой программе, а было составной частью всей большой программы преобразования жизни после Октябрьской революции», — отметил он. — «Нам теперь ясно видно, что в Казахской и Киргизской республиках уже не существует проблемы кочевых или полукочевых образа жизни», — сказал директор семинара Р. Гейвин: «Результаты, которые достигнуты, поистине грандиозны». Многие из выступавших отмечали большое значение для успешного проведения планового перехода на оседлость, национализации земель, кооперирования крестьян, мероприятий по освоению пустынь, по развитию ирригации, промышленности и т. д.

Четвертый, последний этап работы семинара — с 27 по 30 сентября, проходил в Женеве, в Международной организации труда. Было прочтено 5 докладов сотрудников МОТ на темы о программе МОТ по вопросам туземного и племенного населения, об «институциональном аспекте» оседания кочевников, о международных трудовых нормах, о внешней службе и оперативной деятельности МОТ, а также, об истории МОТ со времени ее образования до наших дней. Затем состоялось обсуждение итогов семинара и ознакомительной поездки и обмен мнениями по вопросу о возможности использования советского опыта перевода кочевников на оседлость в странах Среднего Востока и Северной Африки, с учетом особенностей этих стран.

Участники семинара и в Женеве подтвердили свое заключение об успешности советского опыта и дали высокую оценку значению семинара и поездки. «Этот семинар можно в полной мере считать формой технической помощи странам, которые волнует проблема номадизма, — сказал представитель Республики Мали Бакари Диалло. Опыт, накопленный в СССР, полезен для наших стран и надо, чтобы он был широко из-

вестен. Надо информировать страны о работе этого семинара, сделать так, чтоб он имел продолжение».

Что касается практических выводов о заимствовании советского опыта, то многие говорили о сложности прямого перенесения его в свои страны в связи с трудными экономическими условиями — недостатком плодородной земли, невозможностью предоставления таких субсидий, какие давало Советское государство отсталым народам; говорили также о крайне неблагоприятных природно-географических условиях в ряде стран и т. д. Все же многое из советского опыта выступавшие считали возможным использовать; это касалось кооперации, системы образования и здравоохранения, отгонно-пастбищного животноводства и др. В Женеве снова слушатели семинара подчеркивали большое значение бережного сохранения и развития самобытных национальных форм культуры, развития высокого профессионального искусства у бывших кочевых народов — казахов и киргизов.

В заключение были вкратце обобщены итоги работы.

В числе факторов, способствовавших осуществлению в СССР перехода кочевников к оседлому образу жизни, отмечалась, помимо богатых природных ресурсов и наличия у Советского государства финансовых возможностей для огромных капиталовложений и субсидий отсталым районам страны, также и роль политической системы, которая дала возможность осуществить необходимые для перевода на оседлость кочевников земельные реформы, завершившиеся коллективизацией.

Вопрос о главных факторах, обеспечивших успех оседания кочевников в СССР потребовал некоторых уточнений; в частности при сопоставлении финансовых возможностей СССР и своих стран многие участники семинара забывали, каким трудным периодом в истории Советского государства были 1920—1930-е гг.; тогда страна только начинала развиваться после ряда лет экономической разрухи, вызванной первой мировой войной и интервенцией. Помощь оседавшим кочевникам государство оказывало, не взирая на множество трудностей и крайне напряженный в те годы бюджет.

Подводя итоги работы, руководители семинара отметили большую активность и высокую квалификацию участников, их глубокий интерес ко всем сторонам жизни изучавшихся народов, тонкость и точность многих их наблюдений во время поездки. Было высказано пожелание им успеха в работе, преследующей гуманные цели прогрессивного развития самой отсталой части населения их стран.

Велики достижения казахского и киргизского народов на пройденном ими пути от кочевого быта к социализму. Освободившиеся от колониального гнета, развивающиеся страны Азии и Африки имеют возможность использовать их богатый и поучительный опыт некапиталистического пути развития.

Семинар представителей 16 стран Среднего Востока и Северной Африки тщательно изучил на примере Казахстана и Киргизии одно из важных звеньев этого исторического опыта — создание условий для планового перехода к оседлости многих тысяч семей скотоводов, кочевавших еще в первые годы Советской власти в степях и горах Казахстана и Киргизии. Есть основания считать, что работа семинара МОТ в СССР окажется плодотворной; об этом свидетельствуют заключения самих участников семинара, говоривших о возможности применения целого ряда «советских методов» в развивающихся странах. Разумеется, в некоторых из этих стран, с их столь различными политическими системами, может вызвать трудности даже частичное заимствование

мероприятий, не отделимых от общей программы национальной политики Коммунистической партии и Советского государства. Но и в этом случае самый факт непосредственного знакомства участников семинара с жизнью народов Советских республик Востока несомненно окажется полезным.

SUMMARY

In many developing countries including those of Middle East and Northern Africa the problem of settling of cattlebreeding nomads and the assistance to their integration into national unity is a very actual one.

In the Soviet Union this is already a historic problem. Shortly after the Revolution the communist party and the Soviet government have created conditions for the voluntary transition of nomads and seminomads to the settled way of life. The solution of this complex problem is closely connected with the Lenin's national policy ensuring the noncapitalistic way to socialism for the underdeveloped peoples of the former colonial outlying districts of Russia.

In Kazakhstan and Kirgizia this transition was realized during the years of collectivization. The brilliant achievements of Kazakh and Kirgize peoples in the field of economics and culture illustrate the success of the Soviet experience.

In 1966 a transregional seminar on the problem of the sedentarization of nomads was held on the initiative of the International Labour Organization. The participants — experts of 16 countries of Middle East and Northern Africa made a trip to Kazakhstan and Kirgizia to familiarize themselves with the experience of the Soviet Middle Asia Republics. The present article deals with the problems raised on the seminar as well as during the acquaintance with the progressive innovations in the life of former nomads of Kazakhstan and Kirgizia.

Л. П. Лашук

ИСТОРИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗМОВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ

1. К постановке вопроса

В этнографической литературе неоднократно отмечалось, что всего несколько десятилетий назад в среде кочевых и полукочевых скотоводов Евразии — сибирских, среднеазиатских, южноуральских и кавказских тюрков, бурятов, калмыков и прочих — даже в условиях глубокого социального расслоения стойко сохранялись родо-племенные деления. Современные авторы чаще пишут о таких локальных группах — племенах и родах — в кавычках, поясняя, что эти подразделения по сути дела представляли собою не исконные кровнородственные объединения, а смешанные, конгломератные группы, в течение многих столетий вбивавшие в себя самые разнородные этнические элементы¹.

Однако основным инструментом раскрытия структуры и исторического соотношения локальных подразделений тех или иных тюрко- и монголоязычных народов все еще служит традиционный метод генеалогической реконструкции, довольно слабо увязанный с историко-социологическим подходом к изучаемым явлениям. По-прежнему на основании данных опроса современных информаторов об их действительных предках или, чаще, легендарных прародителях смело реконструируются многоступенчатые пирамиды патриархально-родовой преемственности («вертикальная» иерархия предков), т. е. предполагаемые «генеалогические древа» существующих ныне этнических общностей.

Конечно, такие реконструкции представляют значительный этнографический интерес, так как, во-первых, они отражают и обобщают довольно сложные представления этнических групп об их родословии, а во-вторых, позволяют выявить некоторые этнические имена родов и племен, некогда вошедших в состав данного народа. Но нельзя не заметить, что длительное сохранение разветвленных генеалогий само по себе требует исторического объяснения, а также и то, что эмпирические реконструкции, основанные на современном материале (преимущественно устных преданиях), вряд ли в состоянии дать развернутую картину сложного процесса формирования каких-либо крупных этнических общностей, хотя бы с момента появления о них письменных свидетельств. Ничто не гарантирует упомянутые генеалогические схемы от многих пробелов и погрешностей, так как в них отражены представления как о действительном, так и зачастую о мнимом родстве. Вспомним, в частности, слова, сказанные в XVII в. хивинскому хану Абул-гази знатоками туркменских «шеджере» — родословных: «У нас [в народе] есть много [разных списков] сказаний об Огузе (легендарном прародителе туркмен и его потомстве. —

¹ См., например, Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, «Среднеазиатский этнографический сборник», вып. 1. М., 1954, стр. 83.

Л. Л.) но нет [ни одного] хорошего: все они [полны] ошибок и друг с другом не сходятся; каждый из них в своем роде»².

Такая неопределенность фиксации реальных генеалогических связей объясняется не только «слабой памятью» здравствующих поколений о своих отдаленных предках, но и специфическим характером исторического возникновения и взаимодействия разнообразных объединений скотоводов. Б. Я. Владимирцов давно уже подметил, что в монгольской хронике «Сокровенное сказание» (1240 г.) и в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина (начало XIV в.) «имеется много указаний на то, что у древних монголов роды (обох) находились постоянно в движении и представляли собою величины очень непостоянные благодаря непрерывным образованиям различных родовых объединений»: разросшиеся роды то и дело дробились на части и расходились в разные стороны, что не мешало им составлять новые крупные объединения из разнородных элементов, не всегда даже одного «корня» («кости»)»³.

Данное высказывание содержит ту ценную мысль, что нельзя смотреть как на исторически относительно поздние, так и на предшествующие им средневековые «родовые общества» степняков только с генеалогической точки зрения. Характерные для различных скотоводческих групп сложные родословия не столько отражают реальное единство «крови и имени», свойственное «классическим» родам и племенам, сколько выступают в качестве традиционной, ведущей свои истоки из патриархально-родового строя⁴ системы, стремящейся в принципе очертить больший или меньший круг людей, не обязательно состоящих в прямом родстве, но близких друг другу давними общими интересами, этническими или политическими связями, а также и в качестве своеобразной манеры «самоопределения» каждой из таких групп по отношению к своим соседям.

Красноречивым свидетельством того, что основанная на неоспоримом кровном родстве родо-племенная система давно утратила свое первоначальное значение в обществах кочевников и полукочевников, служит отмеченная многими авторами неустойчивость и даже неопределенность терминов, применявшихся самим степным населением для обозначения «рода», «подплемени», «племени», «союза (ветви) племен», «народа»⁵. Большой интерес представляет авторитетное заявление Н. А. Аристов: «Родом (руук, ру) у киргиз-казаков и кара-киргизов называется, с одной стороны, всякая из родовых ветвей и подразделений; но так как родовые деления и группы имеют политически общественное значение, сверх кровного иногда преобладающее, то слово «род» утратило свое строго родственное значение»⁶. Более того, даже для XI—XIII вв. В. В. Бартольд колебался в определении действительной родо-племенной структуры среднеазиатских огузов из-за скудости и неопределенности известной ему генеалогической номенклатуры⁷.

Но, видимо, тот же В. В. Бартольд был неправ, полагая, что вряд ли когда-либо соблюдалась та точная терминология родо-племенных под-

² А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абул-гази, хана хивинского, М.—Л., 1958, стр. 36.

³ Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 59.

⁴ На это обращал внимание Энгельс: «До настоящего времени бедуинские племена называют себя, как известно, Бени Салед, Бени Юсуф, и т. д., т. е. сыновьями такого-то и такого-то. Подобные названия, происходящие из древнепатриархального уклада, приводят, в конце концов, к такого рода генеалогиям» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, М., 1948, стр. 74).

⁵ Г. П. Васильева, Указ. раб., стр. 177.

⁶ Н. А. Аристов, Опыт выявления этнического состава киргиз-казаков Большой орды и кара-киргизов, СПб., 1895, стр. 57.

⁷ В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, сб. «Туркмения», т. I, Л., 1929, стр. 30.

разделений, которая известна из старинных тюркских словарей (об этом подробнее см. ниже). Очевидно, что если такая терминология некогда существовала, то она обозначала реальные, каким-то образом социально разграниченные объекты; но если эта терминология со временем стала прилагаться к любым, лишь с внешней стороны схожим объектам, то это свидетельствует скорее об исторической структурной трансформации самих этих социальных организмов. Значит, для того, чтобы по-настоящему разобраться в существе родо-племенной номенклатуры, дошедшей до нас в виде утративших свое первоначальное значение терминов, исследователям необходимо исторически реконструировать те конкретные организмические величины, которым некогда соответствовали точные и однозначные социальные и этнические термины — «род», «племя», «ветвь» и т. д.

В данном случае предлагается рассмотреть типы родо-племенных подразделений тюрков и монголов не столько в качестве неких преемственно сменяющих и до бесконечности копирующих друг друга объединений кровных родственников, сколько в качестве социальных организмов с различной структурой, которые менялись в различные исторические периоды. Это вводит нас в область историко-социологического изучения обществ кочевников и полукочевников, а поэтому требует прежде всего расшифровки избираемых исследовательских принципов, перекликающихся с установками современной социологии⁸.

Исходная позиция историков-марксистов, как известно, состоит в том, что они рассматривают развитие общества как естественноисторический процесс развития и смены общественно-экономических формаций, из которых каждая выступает качественно особой социологической моделью или, по В. И. Ленину, «особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»⁹. Но понимаемое в таком всеобъемлющем смысле человеческое общество данной формации никогда не представляло собой однородной совокупности всех людей, а расчленялось на конкретные «отдельные» общества, которые в определенные эпохи могли быть даже изолированы друг от друга. В свою очередь, каждое «отдельное» общество данной исторической эпохи имело более или менее сложную структуру составляющих его социальных групп, находившихся между собой в разнообразных и тесных связях. Конкретное общество представляется в виде иерархии социальных структур, от больших и сложных до относительно простых и малых: от классов и сословий до отдельных родственных союзов, общин и семей. Однако не все эти социальные образования имели одинаково важные значения в развитии общества. Мелкие (низшие) единицы (микроструктуры) были лишь необходимыми, но не основными звеньями целостной социальной системы, наиболее полно воплощавшей социально-экономический строй, который в данное время господствовал в данной стране. Кроме того, в обществе, становящемся классовым, свойственные ему социальные группы приобретали все большие различия в социально-экономическом положении, и в отношениях между ними устанавливалась особая социальная субординация¹⁰.

⁸ См., например, М. А. Барг, Структурный анализ в историческом исследовании, «Вопросы философии», 1964, № 10; С. А. Кугель, О. И. Шкарата, Некоторые методологические проблемы изучения социальной структуры общества, «Философские науки», 1965, № 1.

⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. I, стр. 429.

¹⁰ См. Ю. Н. Семенов, Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки, «Вопросы истории», 1966, № 8; З. В. Удалцова, Задачи изучения генезиса феодализма в странах Западной Европы, «Вопросы истории», 1966, № 9.

Для составляющих общество основных социальных величин (объединений людей) трудно подыскать специальное наименование; будем считать их «отдельными социальными организмами». В марксистской литературе такое понятие не ново. К. Маркс называл первобытную общину «социальным организмом» и одновременно «совокупным организмом связанных между собой рабочих сил»¹¹, а В. И. Ленин рассматривал общественно-экономические формации как «особые виды социальных организмов»¹². При этом необходимо подчеркнуть, что история не знает вечных по форме и содержанию социальных организмов; напротив, исторически они очень разнообразны, ибо, возникнув в определенную историческую эпоху, каждый организм существовал и развивался лишь до известного предела, а затем исчезал совсем или трансформировался настолько, что приобретал совершенно иной социальный характер.

Касаясь исторических судеб даже такого структурно стойкого социального организма, как община свободных людей, К. Маркс, с одной стороны, констатировал, что «жизнеспособность первобытных общин была неизмеримо выше жизнеспособности семитских, греческих, римских и прочих обществ», но, с другой — рассматривал эти общины не в их неизменной сущности, а в развитии: «Было бы ошибочно ставить их всех на одну доску; подобно геологическим образованиям и в этих исторических образованиях есть ряд типов первичных, вторичных, третичных и т. д.»¹³.

Из этого важного высказывания К. Маркса со всей очевидностью вытекает необходимость историко-типологического изучения социальных организмов. Оно тем и отличается от формально-сопоставительного метода, что предусматривает обозрение этих объектов не только во временном их сосуществовании («синхронии») или во временной их последовательности («диахронии»), не только в однолинейном плане их генетической преемственности и эволюции от простого к более сложному, но и на разных исторических «уровнях», выражающих качественно различные этапы социально-экономического развития общества. При таком изучении устанавливается историческая однотипность или разнотипность (даже внешне чем-то похожих друг на друга) социальных организмов, независимо от того, сосуществуют они хронологически или нет¹⁴.

В исторической литературе высказывалась мысль о существовании особенного «кочевнического мира, общества» — некоего субстантивного социального организма, развитием которого управляют сугубо специфические закономерности исторического процесса. В противовес этой спорной концепции, в советской науке преобладает мнение, что историю кочевников вполне можно объяснить действием тех же общих закономерностей, которые лежат в основе развития всего человеческого общества. В частности доказывается, что, несмотря на некоторую замедленность темпов социально-экономического развития кочевых обществ, в последних, как и среди земледельцев, происходили разложение общинно-родового строя и становление сословно-классовых отношений, развивавшихся по линии феодализма. Многими сторонами своего исторического развития кочевники были связаны с оседло-земледельческим населением и не без его воздействия совершали переход от кочевого образа жизни к оседлому или полuosедлому. Высказывалось мнение, что характер вза-

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 389, 391, 392.

¹² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 430.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 402.

¹⁴ См. Э. С. Маркарян, Об основных принципах сравнительного изучения истории, «Вопросы истории», 1966, № 7, стр. 22, 23.

имоотношений между оседлым населением и степняками определял собой основные особенности их общественного строя¹⁵.

Как бы то ни было, и при отмеченных связях кочевников и оседлого населения античности и средневековья те и другие все-таки размежевались на самостоятельные этнические группы и социальные организмы различной величины, и в этом отношении вполне можно говорить об обществах (структурах) скотоводов-кочевников и полукочевников.

С изложенной выше историко-социологической точки зрения любые локальные объединения кочевников — роды, племена и т. д. — предстают перед исследователем в качестве отдельных социальных организмов, которые могут (и должны) рассматриваться не только как сосуществующие или последовательно сменяющие друг друга генеалогические величины, но и как однотипные или разнотипные социальные структуры определенных исторических периодов. Обозревая в таком плане социальные образования кочевников и полукочевников Евразии, мы неизбежно придем к выводу, что их внутренний строй исторически давным-давно не выражает сущности родового общества и что известные нам социальные организмы тюрков и монголов соответствуют определенным этапам их исторического движения от первобытнообщинного строя к феодальному и от него к современности.

В данной статье, делающей только первый шаг в указанном направлении, рассматриваются наиболее зримые исторические типы социальных организмов скотоводческого населения нашей страны.

2. Структура традиционных родо-племенных организмов

Под наименованием «традиционные родо-племенные организмы» мы понимаем структурно наиболее ясные, ведущие свою историческую типологию из глубин родового строя объединения кочевников и полукочевников, которые основаны на сравнительно простых органических связях, признаваемых самими степняками в качестве кровнородственных связей. По типу это те общности (социальные организмы), которые, по выражению Маркса, «покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновленные родственники. Их структура есть структура генеалогического древа»¹⁶.

Средневековые письменные источники не оставляют сомнения в том, что генеалогический принцип предусматривался во всех тех жизненных случаях, когда необходимо было точно определить происхождение и общественную принадлежность то ли отдельного человека, то ли целой группы лиц как в разноразличной, так и в этнически однородной среде. По Рашид-ад-Дину, у всех древних монгольских племен «четкое и ясное родословное древо [шаджарэ], ибо обычай монголов таков, что они хранят родословие [своих] предков и учат и наставляют в [знании] родословия каждого появившегося на свет ребенка. Таким образом, они делают собственностью народа слово [зикр] о нем, и по этой причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени [кабилэ] и происхождения»¹⁷.

Сходные по типу генеалогии имело тюркоязычное население. Назвав по имени 22 родовых подразделения среднеазиатских огузов XI в., Махмуд Кашгарский дает любопытное пояснение: «Если встречаются два человека, не знающие друг друга, то один приветствует другого, потом

¹⁵ А. И. Першиц, О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевников-скотоводов, «Вопросы истории», 1955, № 11, стр. 74.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 418.

¹⁷ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. 1, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 13.

говорит: „Бой ким?“, то есть: „Кто твой род, племя, народ?“. И тот отвечает: „Салгур“, то есть: „род мой — племя Салгур“ или же называет один из родов, которые я перечислил в начале книги и которые [название родов] есть имена предков этих родов»¹⁸.

Но во времена Махмуда Кашгарского и Рашид-ад-Дина — в период становления у кочевников и полукочевников Евразии раннефеодальных отношений¹⁹ — внутреннее устройство (структура подразделений) крупных этнических объединений тюрков и монголов было довольно сложным, хотя формально и отражающим традиционное членение этнически однородного населения по родственным группам. Поэтому в стремлении восстановить самую простую по существу и по форме социальную структуру этих народов мы должны прибегнуть к целому ряду историко-этнографических реконструкций на основании письменных и языковых свидетельств, освещающих дофеодальное состояние тюрков и монголов.

Иерархия социальных организмов, существовавших у самых ранних кочевников дописьменного периода, остается весьма гадательной. Во всяком случае, превращение скота в собственность патриархальной семьи, могущей самостоятельно прокормить сравнительно большое число своих членов, уже в древности должно было подорвать хозяйственное единство рода, который, однако, сохранил за собою значение коллективного собственника на пастбища и защитника общих интересов сородичей. Производственные потребности скотоводов заставляли отдельные семьи соединяться в кочевые общины, в которых действовал принцип родственной взаимопомощи.

Пожалуй, один из наиболее ранних намеков на такую структуру содержат летописные данные об ухуаньцах — кочевниках Центральной Азии рубежа нашей эры. Из контекста следует, что низшим социальным звеном ухуаньцев была патриархальная семья, но над ней возвышалась кочевая община — соединение нескольких таких семей («стойбище», имевшее «низшего начальника»). Далее, от ста до тысячи юрт составляют общину» агнантных родственников в более широком плане, т. е. род и ветвь родов (по Н. Я. Бичурину, «племя»). По мере необходимости эти ветви одного генеалогического корня могли объединяться в более крупные группировки: известно, что ухуаньские вожди Наньлу «с поколением из 9000 кибиток» и Кюлигуй «с поколением из 5000 кибиток» объявили себя «князьями». Провозглашал себя князем и Чжань-Шунь, который «сделался верховным вождем всех ухуаньских поколений», т. е. союза племен²⁰.

К сожалению, мы не знаем, как в действительности назывались эти предполагаемые объединения ранних кочевников. До известной степени ответ на интересующий вопрос можно почерпнуть в древних тюркских и монгольских текстах.

Среди терминов родства, сообщаемых орхонскими надписями VII—VIII вв., обращают на себя внимание понятия *уруг* (игүү) и *урлуг джузлуг* (urluv jüzlüg), первое из которых С. Е. Малов трактует как «мои родственники, род, поколение, семена», а второе как «родственники и свойственники»²¹. Вероятно, это были важнейшие термины, по смыслу

¹⁸ «Материалы по истории туркмен и Туркмении» (далее МИТТ), т. I, М.—Л., 1939, стр. 312.

¹⁹ См. Б. Я. Владимирцов, Указ. раб.; Г. А. Федоров-Давыдов, Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, М., 1966, гл. VI.

²⁰ Н. Я. Бичурин (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 142 и сл.

²¹ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М.—Л., 1951, стр. 438, 439.

охватывавшие любой круг лиц, считавшихся состоящими друг с другом в отношениях родства и свойства, а фактически — в более разносторонних связях. На первом месте стояло, конечно, родство, отмеченное в орхонских надписях еще целым рядом терминов, имеющих основу *ог (ок)* — 'род'; таковы, например, слова *огул* — 'потомство', 'сын' и *огуш* — 'сородич'²².

Есть основания считать, что орхонские тюрки обозначали род термином *уруг* (позднее в том же значении он распространился в Средней Азии; ср. совр. туркм., узб. *уриқ* с буквальным значением 'семья'). Из енисейских надписей, например из текста «*altu baγ budun*» известен термин *баг* (возможно, сопоставимый с древнемонг. *обаг* и этимологически близкими ему тюрк. *обак*, *оба*), который В. В. Радлов и С. Е. Малов понимают в смысле «подразделение народа, поколение, род». В таком случае текст *altu baγ budun* переводится — 'народ (*будун*) из шести (родовых) делений'.

Из контекста древнетюркских надписей ясно вытекает, что *будун* — это большая этническая и социальная величина: *түрк будун* — это и все орхонские тюрки, составлявшие военное ядро каганата, и простой народ (*кара будун* — 'чернь') независимо от родовых подразделений; *токуз огуз будун* — это 'народ девяти (племен) огузов'²³. Собственно в этих значениях *будун* шире отдельного племени, скорее это группа родственных племен. Но как же тогда у древних тюрков называлось отдельное племя — генетическая величина и социальный организм? По С. П. Толстову, это было именно *баг*²⁴, но другие тюркологи придерживаются иных взглядов,

По мнению А. Н. Кононова, древние тюрки обозначали как «род», так и «племя» одним словом *ог (ок)*²⁵, но С. Е. Малов считает обозначением «племя» слово *огуш* (по А. Н. Кононову, 'сородич'). Особого противоречия между указанными этимологиями нет, так как понятия «род» и «племя» имеют однотипную семантическую структуру, но все-таки, читая текст в честь Кюль-Тегина «бирики огушым будунум», его вероятнее перевести «присоединившиеся (ко мне) родственные племена (народы)», чем (по С. Е. Малову) «союзные племена и народы»²⁶. В другом месте по смыслу *огуш* — часть *будуна*, понимаемого очень широко²⁷.

На основании изложенных соображений можно предложить такую реконструкцию наименований социальных организмов древних тюрков: род («семья») — *уруг* (енисейское *баг*?); союз родов (племя) — *ог* или *огуш*; союз родственных племен — *будун* (*эль*, *иль*, как будет показано ниже). Возможно, существовали и иные термины родо-племенных подразделений, связанных друг с другом сложными отношениями родства, свойства, старшинства и достоинства, но имеющиеся источники об этом умалчивают.

Анализируя древнемонгольские материалы, сосредоточенные в «Сокровенном сказании» и «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина, Б. Я. Владимирцов пришел к выводу, что основным социальным организмом древних монголов был агнатный род — *обог*, *обок*, члены которого считались происходящими от одного общего предка (*ebüge*). Так как роды росли и разветвлялись, причем оказывалось, что ряд *обоков* вел свою родослов-

²² А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 84.

²³ С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 27, 28.

²⁴ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 259.

²⁵ С основой *ог (ок)* А. Н. Кононов сопоставляет этноним *огуз*. По его убеждению, слово *огуз* первоначально могло означать просто «племена», «объединение племен», а затем превратилось в этническое имя с собирательным значением: *токуз огуз* — «девять (разных) племен»; *уч огуз* — «три (разных) племени» (А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 84).

²⁶ С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 27.

²⁷ Там же, стр. 28.

ную от одного и того же предка, брак между членами таких родов не допускался, и все они считались принадлежавшими к одной «кости» (*yasun*). Поэтому любому человеку важно было в точности знать свои «кость» («корень») и «род»²⁸.

Далее Б. Я. Владимирцов поясняет: «Для каждого члена древнего монгольского рода сородич *игух-игуг* — «потомок, отпрыск данного рода», следовательно, «родственник, родной сородич», между тем как всякое чужеродное лицо было *jad* «чужой, иностранец»; все, значит, делилось на *игух'ов* и *jad'ов*. Но среди *jad'ов* был род или роды и целые поколения, где жили *torgüd* «родственники по жене; членов таких родов можно было рассматривать уже не как настоящих *jad'ав*, их величали *xuda* «сват»... *Игух'ами* считались не только члены данного рода, но и всех родов, кровно связанных между собою происхождением от одного общего предка (*ebüge*), родов одной кости (*yasun*)»²⁹.

С последним обстоятельством мы действительно сталкиваемся при изучении подлинника «Сокровенного сказания». Например, по легенде, четверо сыновей Дува-Сохора после его кончины отделились от прочих родственников и образовали «особое поколение» (*игуг*) Дорбен, которое делилось на четыре рода (*oboq*), вместе составлявших племенной организм — *irgen* (*Dorben oboqtan bolju, Dorben irgen tege bolba*)³⁰. Из данного текста выясняется сложный характер соотношения между *уруком* — «сородичами вообще», *обоком* — родом и *иргенем* — племенем, союзом родов.

Б. Я. Владимирцов по этому поводу пишет: «Роды, близко кровные друг другу, составляли у древних монголов племя или подплемя (поколение), которое называлось *irgen*... Племенем — *irgen* можно было назвать всех Кият — Борджигин, разбившихся на много ветвей родов, „больших семей“. Конечно, в некоторых случаях трудно провести строгое различие между родом — *обох*, который сам являлся величиной сложной, ... и племенем — *ирген*»³¹. Интересные данные на сей счет сообщил Рашид-ад-Дин, касаясь сложного родословия монголов-дарлекинов, будто бы ведущих свой корень от двух легендарных предков — Нукуза и Кията: «Каждая их ветвь стала известной под определенным именем и названием и стала отдельным обоком, а под [термином] обак [имеются] в виду те, кои принадлежат к определенным кости и роду. Эти обаки еще разветвились. В настоящее время у монгольских племен так установлено, что те, которые появились от этих ветвей, чаще всего состоят между собой в родстве, и монгол-дарлекины — суть они»³².

Подлинник «Сокровенного сказания» подтверждает, что род — *обок* (*обох*) мог быть сложным организмом, имевшим свои довольно крупные подразделения: известно выражение *oboq bolqu* — «составить особое колено рода». Точно так же ирген — этническая и социальная величина племенного масштаба — мог разделяться на «подплемена» — *bölek irken ~ bölug irgen* — буквально «кучка народа»³³. В «Сказании» довольно употребителен термин *qari* (*xari*), мн. число *qarin*, которому С. А. Козин придает значение «род, племя, страна»; Б. Я. Владимирцов же считает его обозначением «большого рода, колена».

Самым низшим социальным подразделением у монголов была патриархальная семья — довольно многолюдный коллектив, ведущий самостоятельное хозяйство. По мнению Б. Я. Владимирцова, такая большая

²⁸ Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 46.

²⁹ Там же, стр. 60.

³⁰ С. А. Козин, Сокровенное сказание, М.—Л., 1941, стр. 207.

³¹ Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 79.

³² Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 153—154.

³³ С. А. Козин, Указ. раб., стр. 524, 526.

семья также могла называться *обо*³⁴. В виде вероятной параллели укажем древнетюрк. *äb* — 'дом, домохозяйство'³⁵. В словаре В. В. Радлова дано слово *оба* — 'юрта', 'семья', 'кочевье'³⁶. Это же слово у Махмуда Кашгарского означает даже «племя» (кабилэ)³⁷. И если даже последний явно преувеличивает, *оба* в различных ее смыслах рисуется объединением родственных семей, связанных совместным кочевьем, а как таксономическая единица — объединением большим, чем одна кибитка (соврем. узб. *uj* ~ *oj*, туркм. *öj*), но меньшим рода — *уруг*. У древних монголов существовала аналогичная величина — *bölek oboq* или *ayil* — хозяйственно-кочевое объединение некоторого числа родственных семей (кочевая община).

В таком виде предстает перед нами структурно наиболее ясная система взаимосвязанных социальных организмов древних тюрков и монголов на пороге вступления их в раннеклассовое общество. Органические связи, оформляющие и обрамляющие каждую отдельную единицу и поддерживающие данную систему в целом (в рамках определенной этнической общности), заключались не только в представлениях о кровном родстве и свойстве, но и в целой совокупности структурно-значимых факторов — экономических (совместные кочевья, хозяйственная взаимопомощь и т. д.), политических (совместная защита от внешней опасности) и этнических (родство языка, самосознания, культуры, быта, культов и пр.).

3. Структура «больших племен» — элей (илей), улусов

Историки давно заметили, что в различных обществах, переживавших развитие от общинно-родового к раннеклассовому строю, характерными были тенденции, приводившие к расширению межплеменных связей и к политической концентрации родственного населения в крупные союзы и конфедерации. Сильные племена привлекали к себе добровольно или подчиняли силой более слабые группы и, особенно в условиях подвижного кочевого быта, сливались с ними настолько, что образовывали обширные и довольно сплоченные социальные организмы (они же этнические общности) нового типа, так называемые «большие племена» (тюрк. *эль* — *иль*, монг. *улус*)³⁸.

Одним из примеров такого объединения был союз хуннов конца III в. до н. э., состоявший из многих «родов» (племен) и возглавляемый верховным вождем — шаньюем. Так как в общехуннском союзе соединились племенные величины, не одинаковые по родovitости, состоятельности и воинской силе, то в отношениях между ними установилась своеобразная иерархия «старшинства и достоинства» — от аристократического рода шаньюя до подчиненных племенных групп. По данным китайской хроники, из 24 управляемых вельможами «старейшинами» племенных единиц только 14 возглавлялись не членами царствующей фамилии, а наследственными племенными вождями, тогда как первые и главные 10 кочевых улусов находились под властью ближайших родичей шаньюя³⁹ и представляли собой, возможно, не их исконные родовые владения, а полученные от шаньюя уделы. Отмеченное явление было зачатком своего

³⁴ Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 71.

³⁵ С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 362.

³⁶ В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I, СПб., 1893, столб. 1157.

³⁷ МИТТ, т. I, стр. 310.

³⁸ Термин «большие племена» — *Großstämme* предложен немецкими историками для обозначения племенных объединений германцев III в. н. э. См. В. М. Жирмунский, Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков, М.—Л., 1964, стр. 46, 47.

³⁹ Н. Я. Бичурин, Указ. раб., стр. 119, 120.

рода удельно-улусной системы, которой в будущем при благоприятных обстоятельствах (наличии сильной деспотической власти с великодержавными устремлениями) было обеспечено значительное развитие. Но в хуннской «державе» было еще много «варварского», т. е. переходного от родового общества к раннеклассовому. Обширное, но внутренне слабое и исторически недолговечное военно-политическое объединение хуннов под властью наиболее удачливых шаньюей послужило первым опытом создания государственности древних тюрков на основе военно-демократической, переросшей в военно-иерархическую, системы.

В становлении раннеклассовой (прафеодальной и раннефеодальной) государственности у кочевников наблюдались определенные, повторяющиеся закономерности: соседствующие, обычно родственные племена разрастались и укрупнялись, вступали друг с другом в союзы или подчинялись наиболее сильной племенной группировке; в составе последней поднимался наиболее влиятельный аристократический род, который и брал на себя инициативу сколачивания более прочной конфедерации с авторитарным началом. Главной целью этой зарождающейся государственной власти было расширение сферы ее политического влияния на соседние страны и народы и возложение на них даннических отношений.

Зарождение именно таких отношений мы обнаруживаем в социальной структуре алтайских «орхонских» тюрков, активно выступивших на историческую арену в VI в. и создавших обширную «державу» — тюркский каганат. Могущество тюркских каганов из аристократического рода Ашина возросло на почве беспрепятственных завоеваний, открытого грабежа многих соседних племен; при этом главной целью завоеваний, как заметил в свое время К. Маркс, «всегда становилось присвоение людей» в качестве подданных и самостоятельных производителей, на которых (с помощью, конечно, военной силы) можно было возложить различные дани и повинности⁴⁰.

Китайские хроники и памятники орхонской письменности полны описаниями того, как тюркские каганы и хитрой союзнической политикой, и насильственными мерами создавали «вечный эль тюркского народа», который в одном орхонском тексте очень удачно назван *бод* — 'телом, организмом'⁴¹, что, по принятой нами терминологии, равно социальному организму. В трактовке самого термина *эль* (*иль*) исследователи расходятся: по В. В. Радлову, это «племенная общность»; по П. М. Мелиоранскому, — «племенной союз», но также и «самостоятельная государственная жизнь» орхонских тюрков; по С. П. Толстову, — «государство», «гражданская община» в античном понимании этого слова⁴². Оригинальное и, кажется, наиболее удачное решение вопроса предложил С. В. Киселев: «Судьба эля связана вовсе не с архаическими союзными отношениями племен, не с родо-племенными связями, но с судьбами ханов и бегов — с судьбами представителей аристократии. Эль есть организация ханов и бегов, противостоящая массам, обеспечивающая в рамках возможного господство над ними»⁴³.

Эль как формирующийся классовый социальный организм с военно-иерархической структурой и авторитарным управлением был призван отнюдь не для того, чтобы укрепить традиционные родо-племенные отношения и связи, а для того, чтобы, используя до времени родо-племенную субординацию, подчинить власти каганата (через прямое подчинение родо-племенной верхушки) свободное население обширных пространств.

⁴⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 729; т. 25, ч. II, стр. 353, 354.

⁴¹ См. С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 70, 372.

⁴² См. С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 259.

⁴³ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1949, стр. 282.

Тюркские каганы были в состоянии навязать даннические отношения многим соседним народам, но еще не обладали такой силой, чтобы полностью разложить свойственную этим народам традиционную социальную структуру.

Своеобразными чертами было отмечено существование огузского *иля*: Средней и Передней Азии. По Махмуду Кашгарскому, «огуз — одно из тюркских племен [кабиле], они же туркмены. Они состоят из 22 родов [бати]. У каждого рода их знак и клеймо для животных, по которому они узнают друг друга»⁴⁴. Ранние огузы представляли собой довольно пестрый конгломерат племенных объединений, нередко враждовавших друг с другом или вступавших во временные и непрочные союзы, но уже в X—XI вв. наблюдается тенденция к возвышению наиболее сильного племени и подчинение ему остальных под главенством «царя» — *ябгу*⁴⁵. М. Кашгарский прямо называет племя Кынык «первым и основным родом» огузов, из которого вышла династия султанов Сельджукидов⁴⁶. Опираясь на туркменские предания, Абул-гази сделал примечательное пояснение: «... государя поднимали из многочисленного уруга, малочисленные уруги присоединялись к нему; иногда [их] собиралось шесть-семь; а иногда [их] собиралось три-четыре. А бывало, что [все] они враждовали друг с другом, совершали набеги друг на друга, захватывали [друг друга] в плен»⁴⁷.

Длительное отсутствие прочной верховной власти не позволяло среднеазиатским туркменам сплотиться в единый политический организм, но их социально-этническая структура в целом отличалась значительной сложностью. Махмуд Кашгарский выделяет наиболее крупные подразделения туркмен — Кынык, Кайыг, Салгур (Салор), Язгыр (Языр) и т. д., замечая при этом: «Затем каждое племя их имеет подразделения (фирка) и колена (бати)»⁴⁸. Более детальную номенклатуру туркменских подразделений дает Абул-гази. На переднем плане у него всегда *уруг* (его монг. параллель — *омак*), причем уругом можно было назвать и родовую ветвь, и племя — «кость», и группу тесно связанных племен одного корня. Так, салоры — крупное племенное объединение — фигурируют у Абул-гази в качестве *уруга*, *халк'а* — «народа», а также *иля*, равнозначного «народу», а точнее — военно-политическому объединению родственных единиц. Употребляет Абул-гази и термин *тайфа*, который соответствовал объединению, более крупному, чем обычный *уруг*, но, как правило, являвшемуся частью (своего рода фратрией) «большого племени» — *халк*⁴⁹.

Но это лишь одна сторона общественных делений средневековых туркмен. Как бы ни были последние привержены к своему *уругу* (*омаку*), в их собственном представлении и в представлении окружающих каждый уруг обязательно входил в какое-либо более крупное объединение — этническое и политическое. По Абул-гази, «когда человек спрашивает человека, он спрашивает так: "Ты из омака какого иля?" Ответ мог быть следующим: "Мы из салорского народа огузского иля" (Біз огуз ілі салор халкандын турурмыз)⁵⁰». Это было этническое определение. Вместе с тем многочисленные подразделения огузского иля не считались равны-

⁴⁴ МИТТ, т. I, стр. 309.

⁴⁵ Там же, стр. 162, 184, 219, 229, 350.

⁴⁶ Там же, стр. 309.

⁴⁷ А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 56.

⁴⁸ МИТТ, т. I, стр. 310.

⁴⁹ С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, «Проблемы истории докапиталистического общества», 1935, № 9—10, стр. 8, 9.

⁵⁰ А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 52, 128.

ми друг другу в общественном отношении. В устной и ранней письменной традиции туркмен отразились различные исторические стадии развития иерархической структуры.

Сравнительно прост, хотя и не совсем ясен, порядок деления мифических шести сыновей Огуз-хана на «старших» — *бузук* и «младших» — *учук*, потомки которых составили обычные для кочевников «крылья» войска — правое и левое. Может быть, как думают некоторые исследователи (С. П. Толстов, Т. А. Жданко и др.), в таком порядке пережиточно отразились черты дуальной организации, но следует обратить внимание и на то, что, по А. Н. Кононову, название *учук* > *уч* — *ок* (в виде параллели *уч огуз*) вполне могло обозначать три разных племени⁵¹, по какой-либо причине оказавшихся в неравноправном союзе с более сильной группой *бузук*. В свете изложенных материалов об иерархической структуре хуннов и орхонских тюрок такое предположение не выглядит невероятным.

Во всяком случае, у Абул-гази при всей исторической туманности рассказа о том, что значит у туркмен «двенадцать йузликов и двадцать четыре аймака»⁵², отчетливо проступают черты господствовавшей в огузском иле военно-иерархической системы общественных отношений. Конечно, легендарное повествование о составивших огузский иль прямых потомках 24 «законных» внуков Огуз-хана и 24 лиц, «тех, кому Огуз-хан нарек имена, равно как и внуков, рожденных от наложниц», научной критики не выдерживает, но интересны слова Абул-гази о том, что первые («законные»), разделенные на 12 *бблук* — племенных групп, получили название *йузлик* — в данном случае «белая кость» в иле, тогда как вторые («незаконные» и отчасти даже неродственные) стали называться аймаком — практически группами более низкого общественного состояния и смешанного происхождения⁵³.

В ходе естественного дробления и расселения, военных походов в страны Передней Азии и иных жизненных обстоятельств структура подразделений огузского иля подвергалась существенным изменениям. Многие родственные группы и даже части их по разным причинам оказались вдалеке от исконных кочевий — *бајары јурт*⁵⁴ и, разместившись на новых землях, неизбежно образовывали новые объединения. Изучая расселение огузско-туркменского племени кайи в Передней Азии, Авни Али Джандар нашел мелкие его подразделения на громадном пространстве от Чанак-калэ до Карса, от Урфы до Манисы. В свою очередь, В. А. Гордлевский установил, что в одном только Анкарском вилайете были представлены подразделения по крайней мере 17 из 24 огузских племен, приведенные Сельджукидами из Средней Азии. Тем же автором сделан правильный вывод: в стремлении упрочить свою политическую власть «султан старался раздробить и разъединить племена, чтобы они чувствовали зависимость не от начальника племени, не от бея, а от султана»⁵⁵.

На данном, равно как и многих других примерах мы можем констатировать определенную закономерность в развитии общественных связей у средневековых кочевников: по мере нарастания разрушительных внутренних и внешних сил, систематически дробивших исконные родоплеменные группировки, развивались и становились правилом новые начала политической (не только племенной, но и территориальной) концентрации разрозненных групп различного генеалогического корня.

⁵¹ А. Н. Кононов, Указ. раб. стр. 91.

⁵² Там же, стр. 52.

⁵³ МИТТ, т. II, М.—Л., 1939, стр. 43, 125, прим.

⁵⁴ А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 50.

⁵⁵ В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1911, стр. 45, 49.

В указанный процесс втягивались большие массы населения на огромных пространствах степей, и привести в какую-либо систему такие сложнейшие конгломераты было под силу только централизующей государственной власти. Положим, ни Караханидам в Средней Азии, ни Сельджукидам в Малой Азии этого сделать не удалось. Иная историческая роль выпала монгольским завоевателям, заложившим и новые основы государственности, и новые формы группировки кочевого населения от Монголии до Поволжья.

4. Структура государственных образований с этнически разнородным составом

Здесь не место рассматривать перипетии формирования раннефеодального государства Чингиз-хана. Процесс сложения этой державы показал настойчивое и последовательное наступление сильной государственной власти на патриархально-родовой уклад, власти, ищущей и находящей себе социальную опору не в традиционных родо-племенных институтах, а вопреки им создающей себе социальную опору на началах военного вассалитета и классовых интересов вновь нарождающегося феодального строя, власти, вводящей новые узаконения, которые разрушили отжившую систему прафеодальных даннических отношений, заменив их системой обычного феодального фиска.

Еще до возвышения политической группировки кочевой знати во главе с Чингизом социально-этнические объединения монголов претерпели значительные структурные изменения. Внешние военные столкновения и внутренние распри больших и малых нойонов приводили к разъединению родов, рассеиванию мелких кочевых общин среди чужеродцев — *jad'ov* и возникновению совершенно новых социальных связей. Типичными стали отношения патроната и прямого подчинения слабых родов сильными. Подчиненные группы *ипаган богол* обычно кочевали совместно с господствующим родом, причем потребности обоюдной обороны и непосредственное соседство сглаживали отношения между ними настолько, что нередко начинали напоминать союзнические отношения двух близких родов⁵⁶.

Описанным путем оформлялись «большие племена», в которых реальной связью мелких подразделений были их союзнические отношения и совместные кочевья. Такое племя можно назвать архаичным термином *ирген*, но лишь в смысле большой совокупности людей с одним общим именем. В качестве же социального организма, уже основанного на началах сословно-иерархической системы прямого господства и подчинения, «большое племя» монголов XII—XIII вв. лучше назвать *улусом*, т. е. народом, объединенным в таком-то уделе под властью аристократического рода с ханом во главе⁵⁷.

В борьбе за державную власть Чингиз-хан опирался, конечно, и на сложившуюся до него систему «больших племен», в том случае, если эти группировки его поддерживали или покорялись без особого сопротивления; однако чаще он стремился сокрушить родо-племенную структуру враждебных ему сил, насильственно рассеивая наиболее сплоченные «большие племена» по другим инородным объединениям⁵⁸.

Период монгольских завоеваний ознаменовался массовым перемещением кочевого населения на обширнейшей территории. И если при этом традиционный порядок размежевания кочевников по родственным

⁵⁶ Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 63—65; Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, стр. 122.

⁵⁷ Б. Я. Владимирцов, Указ. раб., стр. 97.

⁵⁸ С. А. Козин, Указ. раб., стр. 162 и сл.

группам и не был сокрушен полностью, то все-таки он приобрел иной характер. Сплошь и рядом кровное родство в широком смысле практически становилось фикцией. Родственные объединения могли составлять мелкие общины различной «кости», но ведущие свое происхождение от одного легендарного предка, или входившие некогда в состав одного «большого племени». Возможным было и так называемое «территориальное родство», даже вплоть до возникновения экзогамии, основанное не на исконных кровных узах, а на давней территориальной близости и слиянии⁵⁹.

Особенно трансформировались понятия, связанные с родственной принадлежностью к объединениям более крупным, чем *уруг* (*омак*), объединениям, которые со времен разверстания подвластного Чингизидом населения по «тысячам» и «тюменям» (улусам) приняли характер военно-политических единиц и феодальных уделов. Если «тысячи» и могли соответствовать сохранившимся в целостности племенам, то тюмены — улусы обычно составлялись из «тысяч» и отдельных родов, собранных воедино принудительной властью из разных племен⁶⁰. Не следует забывать и того, что большие улусы — владения включали в свой состав совершенно различные по происхождению этнические группировки, которые могли сближаться и смешиваться друг с другом, создавать новые «родственные» объединения, вновь дробиться на составные части и опять составлять те или иные комбинации родства, свойства, соседства, подданства и так до бесконечности.

Достаточно характерный пример этого показывает история Ак-Орды, т. е. улуса кочевых узбеков Дешти-Кыпчака. В XV в. это был сложный конгломерат по крайней мере 23 племенных групп с особыми этническими именами тюркского и монгольского происхождения. Рузбехан, писатель начала XVI в., сгруппировал их как бы в три «народа» (тайифэ), учитывая, вероятно, их примерное этническое и политическое размежевание⁶¹. Однако потом эти эфемерные объединения раздробились и самыми разнообразными частями вошли в состав казахов, каракалпаков, узбеков, башкир и других народов⁶².

Сложная структура социальных организмов, которую исследователи фиксируют в средневековой истории населения Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири, не может быть признана прямым наследием первобытнообщинного строя. Фактически эта структура есть своеобразное порождение и санкция феодальной формации. Это совершенно ясно по отношению к таким административным единицам, как «тюмени» (то же «улусы», «или»), введенным в Средней Азии Чагатаями и существовавшим там много позднее⁶³. По существу аналогичный характер носит та развернутая номенклатура подразделений улуса (тюменя), которую мы находим в словаре Ахмеда Вифик-паши: улус делится на или, иль — на уймаки, уймак — на бои, бои — на уруки (роды)⁶⁴.

Письменный и полевой⁶⁵ материал хорошо показывает, насколько сложным было соотношение между этими генетическими и социальными величинами, ибо конкретные уруги, бои, аймаки и т. д. представляли собой или разделившиеся части недавних образований, или осколки каких-то стародавних группировок, может быть даже пришедших со стороны,

⁵⁹ Б. Э. Петри, Территориальное родство у северных бурят, Иркутск, 1924.

⁶⁰ Б. Я. В л а д и м и р ц о в, Указ. раб., стр. 108—110.

⁶¹ Б. А. А х м е д о в, Государство кочевых узбеков, М., 1965, стр. 16.

⁶² Т. А. Ж д а н к о, Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950, стр. 161—168.

⁶³ В. В. Б а р т о л ь д, Соч., т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 34, 50.

⁶⁴ Там же, стр. 394.

⁶⁵ См. работы Т. А. Ж д а н к о, Г. П. В а с и л ь е в о й, Я. Р. В и н н и к о в а и др.

или смешение самых разнородных единиц в рамках тех или иных административно-политических объединений.

Существование таких организмов объясняется характером социально-экономических отношений у средневековых скотоводческих групп Евразии. Отдельная семейная ячейка при всей ее хозяйственной самостоятельности не могла кочевать и пользоваться пастбищами, не объединяясь с подобными ей единицами в кочевую общину, а эта последняя не могла успешно использовать и охранять свои владетельные права на землю, не заручившись круговой порукой с другими общинами, ведшими счет происхождения от одного и того же предка (или бывшего предводителя) и имевшими общее управление. Но и такое объединение, в котором родственные отношения и взаимопомощь были действительно реальными и прочными, в свою очередь нуждалось в более широком территориально-племенном союзе, носившем уже характер «гражданской общины» с военно-политическими функциями. По мере вызревания феодальных отношений и усиления ханской власти на такую «гражданскую общину» и, соответственно, на ее подразделения возлагались отношения подданства со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими последствиями. Для кочевой аристократии и политических суверенов «присвоение людей» и соединение их в обширные *или* и *улусы* служило главным источником могущества⁶⁶. Для рядовых кочевников обязательная принадлежность к какой-либо общине была единственной возможностью выжить и сохранить свое хозяйство. Никуда не входить и быть полностью независимым средневековый кочевник не мог, так как и в степи действовала типично феодальная норма «нет земли без господина», располагающего принудительной властью, возведенной в традиционное владетельное право.

Размеры журнальной статьи не позволяют рассмотреть вопрос о социальной структуре территориально-административных делений, установившихся после присоединения к России Казахстана и Средней Азии. Впрочем, на эту тему написано немало серьезных работ советских историков, которые за пестротой родовых наименований, сведенных в генеалогические пучки, сумели разглядеть как давний распад родовых отношений и возникновение соседской общины, так и замену племенной этнической общности более широкой этнической группировкой кочевого населения, основанной на территориальных — «земляческих» связях.

Итак, изучение исторической структуры социальных организмов средневековых кочевников позволяет отчетливее показать, во-первых, что кочевническое общество не находилось в состоянии многовековой статичности и «врожденного» родового быта; во-вторых, что, совершая свой исторический путь от отношений доклассовых к развитым классовым, это общество создавало различные формы социальных и этнических объединений людей со все более усложнявшейся структурой, которая по мере исторического развития неизменно теряла качество родо-племенной организации, приобретая характер органической системы феодального типа.

SUMMARY

Investigations into the historical structure of social organisms of medieval nomads make it possible to demonstrate very clearly that nomadic society should not be rendered as a static one innately characterized by clan ties. In the process of transition from pre-class relations to classes this society developed various forms of ever more complicated social and ethnic structure. Being originally that of tribal character, it immutably turns into the feudal system.

⁶⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 729.

Д. М. Коган

СВЯЗИ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ ЭТНОГРАФИИ ГОРОДА

Вопрос о взаимосвязях городского и сельского населения является одним из важнейших в современной этнографии.

Село всегда было главным источником пополнения городского населения. И в прошлом, и в настоящее время в городах с интенсивно развивающейся промышленностью увеличение численности населения происходит не столько за счет естественного прироста, сколько за счет притока извне, в основном из сельской местности.

Обосновавшись в городе, бывший сельский житель постепенно воспринимает городской уклад жизни, получает большие возможности для культурного роста. У него формируются характерные для городского жителя бытовые привычки, духовные запросы, взгляды, до некоторой степени изменяется психология (например, в конце XIX — начале XX одно из проявлений изменения психологии бывшего сельского жителя заключалось в том, что он относился несколько свысока к своим односельчанам, чего не наблюдается теперь). Вместе с тем в его быту продолжают сохраняться отдельные традиционные черты, присущие сельскому населению.

Превращение сельского жителя в горожанина — очень сложный процесс, требующий серьезных исследований. Одним из важных вопросов такого рода исследований является определение характера связей городского населения с сельским.

В настоящей статье мы попытаемся проследить связи городской семьи с селом, вскрыть характер этих связей, их продолжительность и прочность¹.

В этнографической литературе этот вопрос до сих пор не получил должного освещения. Он затрагивается лишь мимоходом в некоторых работах, посвященных быту и культуре жителей села² и рабочих города³.

Для правильного решения проблемы о связях городского населения с селом в дореволюционное время большое значение имеет работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»⁴, в частности разделы,

¹ Вопрос о влиянии городской семьи на ее сельских родственников мы не рассматриваем.

² См., например, «Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 41, М., 1958; Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Культура и быт колхозников Калининской области, М., 1964.

³ В. И. Герасимова, Из опыта этнографического изучения рабочего класса на ленинградских заводах «Красный выборжец» и «Красногвардеец», «Сов. этнография», 1963, № 2, стр. 126—129; И. П. Труфанов, Опыт этнографического изучения рабочих ленинградского завода «Электросила» им. С. М. Кирова (По материалам этнографических исследований 1961—1962 гг.), «Сов. этнография», 1963, № 4, стр. 157—165. и др.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3.

посвященные исследованию процессов отходничества в русской деревне и формирования рабочего класса в городах в конце XIX в. за счет выходцев из села.

Интересные материалы можно почерпнуть в экономико-статистических очерках А. Г. Рашина⁵, в которых с большой глубиной раскрывается процесс формирования рабочего класса капиталистической России.

Полезные сведения имеются в кратких историко-этнографических очерках и различных статистических сборниках, изданных центральными и местными статистическими комитетами⁶.

Общее представление о быте сельских жителей, поселившихся в городах, можно найти в очерковой литературе⁷, относящейся в основном ко второй половине XIX в.

Материалы о динамике численности городского населения в советский период и об источниках притока жителей в города содержатся в книге С. Сулькевича⁸, анализирующего данные переписей населения 1926 и 1939 гг. Наконец, следует отметить опубликованные статистические материалы по итогам Всесоюзной переписи населения 1959 г.⁹, в которых отражены изменения в составе городского населения, происшедшие за послевоенные годы.

Настоящая статья написана главным образом по материалам полевых исследований, проводившихся отрядом Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР в городах Калуге, Ельце (Липецкой области), Ефремове и Новомосковске (Тульской области) в 1964 и 1965 гг.

* * *

Сохранению взаимосвязей городской семьи с селом способствует в значительной мере постоянный приток сельского населения в города.

В дореформенную эпоху «...города притягивали к себе крестьян и переход в городское гражданство расценивался ими как путь к социальному освобождению»¹⁰. Статистические данные за 1858 г. показывают, что в составе городского населения России было более 20% людей сельских сословий, преобладающая часть которых проживала в городах постоянно¹¹. Наибольший удельный вес крестьян-горожан был в губерниях преимущественно торгового развития, особенно Московской (48%) и Петербургской (44%)¹². Среди горожан, — выходцев из крестьянской среды, были владельцы различных торговых и ремесленных заведений, подростки, отданные в обучение мастерам-ремесленникам, крепостные-отходники, прибывшие в город на заработки. Крепостные крестьяне занимались на фабрики, заводы, работали грузчиками, бурлаками и т. д.

⁵ А. Г. Рашин, Формирование промышленного пролетариата в России, М., 1940.

⁶ М. Стахович, История, этнография и статистика Елецкого уезда, М., 1853; «Статистические таблицы Российской империи за 1856 г.», СПб., 1858; «Статистические таблицы Российской империи», вып. II. — Наличное население империи за 1858 г., СПб., 1863; «Сборник статистических сведений по Орловской губернии», т. II, Елецкий уезд, М., 1887; «Очерк кустарной промышленности в России», «Памятная книжка Тульской губернии на 1896 г.», Тула, 1897; «Краткий очерк торговой и промышленной деятельности Калужской губернии. Составил В. В. Шангин», Калуга, 1898; «Статистический ежегодник Калужской губернии за 1922 год», Калуга, 1923.

⁷ См. произведения Г. И. Успенского, С. Коронина (Н. Е. Петропавловского), А. И. Левитова, В. А. Слепцова, советского писателя Э. М. Казакевича и др.

⁸ С. Сулькевич, Население СССР, М., 1939.

⁹ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года», РСФСР, М., 1963.

¹⁰ См.: П. Г. Рындзюнский, Городское гражданство дореформенной России, М., 1958, стр. 54.

¹¹ «Статистические таблицы Российской империи», вып. II — Наличное население империи за 1858 г., стр. 319.

¹² П. Г. Рындзюнский, Указ. раб., стр. 227.

Особенно возросла численность городского населения в пореформенную эпоху. Как отмечал В. И. Ленин, «... города растут вдвое быстрее, чем остальное население. С 1863 по 1897 г. все население увеличилось на 53,3%, сельское на 48,5%, а городское на 97%»¹³.

Рост численности городского населения происходил преимущественно за счет малоземельных и безземельных крестьян, вынужденных в поисках заработка уходить из деревни на сезонный промысел в город и даже оставаться там на постоянное жительство. Так, в Елецком уезде в 1886 г. было зарегистрировано 3163 семьи крестьян-отходников (всего 10 641 чел.)¹⁴. Из них жили на стороне:

до 1 года —	173 семьи
от 1 до 5 лет —	743 »
от 6 до 10 лет —	398 семей
от 11 до 20 лет —	423 семьи
более 20 лет —	332 »
неизвестен срок —	1094 семьи ¹⁵

Крестьян из Елецкого уезда можно было встретить на шахтах Донбасса, на заводах в Кривом Роге; они занимались плотничным делом в Краснодаре, Армавире и других городах. Однако в Ельце, тогда уездном центре, проживала самая многочисленная группа крестьянских семей Елецкого уезда, выехавших на заработки, — более 27%¹⁶.

В Калужской губернии в 1896 г. более 14% крестьян¹⁷ занимались отхожим промыслом. Отходники направлялись в города преимущественно центральных губерний. Так, в 1902 г. среди пришлого населения, работавшего на фабриках и заводах Москвы, было 16,3% выходцев из Калужской губернии¹⁸.

Из поселившихся в городах крестьян Калужской губернии более 23% владели профессиями плотников, каменщиков, штукатуров; более 14% — влились в состав фабрично-заводских рабочих; около 10% были землекопами, грабарами, чернорабочими¹⁹. Помимо указанных промыслов, в которых было занято более 47% отходников, остальные (около 53%) работали легковыми извозчиками, булочниками, сапожниками, домашней и трактирной прислугой, слесарями, печниками, дворниками, приказчиками и т. д.

Срок пребывания на отхожих промыслах зависел от характера промысла, дальности расстояния его от дома, средств сообщения и т. д. Например, строители (плотники, каменщики, кровельщики, штукатуры, маляры) уходили в апреле и мае (на 7—8 месяцев) и возвращались обычно в декабре (на рождество), а те, кто работал на фабрике или на заводе, оставались в городе на весь год, приезжая домой лишь в праздничные дни²⁰. В течение всего года в городах жили также лица, приехавшие из деревни и работавшие дворниками, домашней и трактирной прислугой, занятые в торговле, на железной дороге и в различных мелких предприятиях. Кроме того, в таких городах, как Ефремов, Елец и

¹³ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 560.

¹⁴ «Сборник статистических сведений по Орловской губернии», т. II, Елецкий уезд, стр. 268—269.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Краткий очерк торговой и промышленной деятельности Калужской губернии. Составил В. В. Шангин», стр. 5—6.

¹⁸ «Перепись Москвы 1902 г.», ч. I — Население, вып. 2, М., 1906, стр. 24—26.

¹⁹ «Краткий очерк торговой и промышленной деятельности Калужской губернии. Составил В. В. Шангин», стр. 5—6.

²⁰ «Краткий очерк отхожих промыслов Калужской губернии в 1903 году в санитарном отношении», Калуга, 1907, стр. 14.

Калуга было много огородников, среди которых преобладали выходцы из крестьян. Переехав на постоянное жительство в город, они занимались разведением овощей и продавали их на городских базарах.

Отход на промыслы, увеличившийся за период с 1860 по 1900 г. в пять раз²¹, был обусловлен, как известно, развитием капитализма в городе и деревне, разрушением устоев старого крепостнического уклада, разорением и обнищанием крестьянских масс. В то же время общее развитие торговли и промышленности, рост городов, а следовательно, и городского населения с его потребностями были главными причинами спроса на пришлых рабочих.

Крестьяне, поступившие на фабрику или завод, первоначально использовали на подсобных работах или на несложных операциях, в которых применялся по преимуществу ручной труд. Отметим, что в небольших городах (Ефремов, Елец и др.) на некоторых предприятиях (кожевенном, винно-разливочном, табачном и др.) почти во всех производственных процессах применялся ручной труд. Втягиваясь в работу на фабрике, заводе или на железной дороге, крестьянин был заинтересован в твердом заработке и в силу этого предпочитал постоянную работу временной. Несмотря на то, что в сельской местности у него оставалась семья и нужны были руки для работы в поле, он не уходил с предприятия, но и не терял связи с семьей, посылал деньги для поддержания хозяйства, а также приезжал домой в дни праздников (пасха, рождество и т. д.).

Крестьяне, обосновавшиеся в городе и имевшие постоянный заработок, стремились переселить к себе свою семью. Но и когда семья переезжала в город, они не порывали связи с селом. Прежде всего они в известной мере оставались членами сельского общества и вынуждены были платить по раскладкам общества повинности. Кроме того, они продолжали поддерживать родственные или дружеские связи с односельчанами — ездили в гости на общие и семейные праздники, принимали у себя приезжающих в город односельчан и т. д.

* * *

Взаимосвязи городской семьи с селом сохраняются и в настоящее время. Однако если в прошлом приток сельских жителей был вызван разорением и обнищанием крестьянских масс, то теперь он является следствием перераспределения трудовых ресурсов между городом и селом в связи с развивающейся в условиях социализма промышленностью и механизацией сельского хозяйства. В годы Советской власти приток сельского населения в города наблюдается в гораздо больших масштабах, чем до Великой Октябрьской социалистической революции. Так, за период с 1926 по 1939 г. городское население СССР возросло более чем вдвое²², причем число прибывших из сельской местности в города (в связи с организованным набором рабочих в социалистическую промышленность) превысило естественный прирост городского населения более чем в три раза²³.

Рост городского населения происходит также и в связи с возникновением новых городов. Например, в созданном в годы первой пятилетки г. Новомосковске в 1939 г. насчитывалось уже более 76 тыс. чел.²⁴

²¹ Л. Е. Минц, Отход крестьянского населения на заработки в СССР, М., 1925, стр. 81.

²² С. Сулькевич, Население СССР, 1939, стр. 15.

²³ Там же.

²⁴ Там же, стр. 34.

Усиленное развитие промышленности в послевоенные годы обусловило дальнейший значительный рост численности городского населения.

Так, население г. Калуги в 1959 г. увеличилось по сравнению с 1939 г. на 150%, г. Ельца — на 153% и г. Новомосковска — на 140%²⁵. Основным источником роста численности населения в городах, где вводятся в строй новые промышленные предприятия, является приток населения извне, главным образом из сельской местности. Например, в г. Калуге в 1963 г. приток населения извне превысил естественный прирост в 1963 г. более чем в 2,7 раза, а в г. Новомосковске — более чем в 1,7 раза²⁶.

Среди переезжающих из сельской местности в города большую часть составляет учащаяся молодежь. После окончания учебного заведения — профтехшкол, техникумов, вузов — значительная часть молодежи остается жить и работать в городе²⁷. Оседают здесь и многие молодые люди — выходцы из сел — после демобилизации из Советской Армии, где во время службы они приобрели ту или иную профессию. Часть молодежи из сел приобретает профессию, обучаясь непосредственно на рабочем месте.

Стремление молодежи переехать на жительство в город обусловлено также тем, что уровень культуры в городе пока выше, чем в селе.

Постоянное увеличение численности городского населения в результате естественного прироста и в значительно большей степени за счет притока извне свидетельствует о том, что население города формируется из различных категорий людей, различающихся по социальному положению и происхождению, времени их появления и длительности проживания в городе. Так, кроме местных потомственных горожан, в состав городского населения входят: 1) приезжие из других городов, 2) бывшие сельские жители, переехавшие в город в разное время и 3) жители бывших деревень, вошедших в настоящее время в городскую черту. При этом вторая и третья категории по своей численности намного превосходят первую.

Следует также отметить, что число горожан — выходцев из сельской местности — значительно возрастает за счет лиц, проживающих в сельской местности вблизи от города (в радиусе до 15—20 км). Правда, назвать горожанами их можно условно, ибо многие из них живут в селе и лишь приезжают (рабочими поездами или рейсовыми автобусами) на работу в город. Некоторые предприятия выделяют для них специальные служебные автобусы. В тех случаях, когда им приходится работать в разные смены (в том числе вечернюю и ночную) или сочетать работу с учебой в вечернее время, они в определенные дни или недели остаются жить в городе у родственников или снимают комнату (на трех-четырех односельчан).

Таким образом, бывшие сельские жители составляют значительную часть городского населения. Это подтверждается и данными полевых исследований. Так, в 1965 г. было проведено сплошное обследование населения, проживающего в Калуге по ул. Софьи Перовской (342 семьи). Оказалось, что более 44% составляют семьи, в которых супруги (родители) являются уроженцами сельской местности, и около 6%, в которых

²⁵ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР», М., 1963, стр. 34.

²⁶ Сведения взяты в статистических отделах исполкомов городов Калуги и Новомосковска.

²⁷ Так, в колхозе «Искра» Елецкого района Липецкой области обучалось в различных учебных заведениях, главным образом в профтехшколах, в 1960 г. — 43, в 1961 г. — 55, в 1962 г. — 18, в 1963 г. — 70 и в 1964 г. — 59 чел. (Сведения взяты в правлении колхоза «Искра»).

один из супругов — потомственный горожанин, а другой — уроженец сельской местности. Необходимо учесть, что обследованная улица — одна из наиболее старых в городе. На ней сохранились почти все дома, построенные до Советской власти. Поэтому правомерно предположить, что в новых районах массовой застройки процент уроженцев сельской местности среди жителей будет значительно более высоким.

Вполне естественно, что наличие близких и дальних родственников, друзей и знакомых, проживающих в сельской местности, является важным фактором в поддержании связей горожан с селом.

Собранные во время экспедиции материалы показывают, что связи с селом характерны главным образом для горожан, сравнительно недавно переехавших из села в город, а также тех уроженцев города, чьи родители были сельскими жителями, и, наконец, для потомственных горожан, имеющих в деревне родственников.

В отдельных социальных и профессиональных группах городского населения число людей, связанных с деревней, различно. Они преобладают главным образом в рабочей среде. Связи с селом особенно характерны для рабочих, приехавших в город в послевоенные годы. Большая часть их работает на строительстве или на заводах, созданных преимущественно в послевоенный период. Гораздо меньше бывших сельских жителей в рабочих коллективах фабрик и заводов, основанных до Октябрьской революции (машиностроительный завод в Калуге²⁸, табачная фабрика в Ельце и др.). В прошлом кадры этих предприятий формировались также за счет сельских жителей. В настоящее же время в их рабочих коллективах преобладают коренные горожане — потомственные рабочие. Для таких предприятий характерна сравнительно небольшая текучесть кадров. В коллективах сложились свои традиции, например, традиция преемственности профессии (детьми от родителей). Многие рабочие стремятся устроить своих детей на «свой» завод и даже в «свой» цех. В немалой степени этому способствуют хорошие условия труда.

Кадры строительных рабочих постоянно пополняются за счет сельских жителей, так как часть рабочих по завершении стройки стремится перейти на завод или фабрику. Это стремление характерно в основном для людей, занятых на подсобных работах. Они хотят получить квалификацию, удовлетворяющую их индивидуальные склонности и улучшающую их материальное положение.

На новых промышленных объектах рабочий коллектив также формируется преимущественно за счет сельского населения. Большинство новых заводов воздвигается на городских окраинах, и кадры для них поставляют близлежащие деревни. Например, среди рабочих Турбинного завода (г. Калуга) бывших сельских жителей более 40% (переехали в город 5—10 лет назад), сахарного завода г. Ельца — более 70% (проживают в городе 2—3 года). В одном из цехов завода синтетического каучука г. Ефремова более 65% рабочих — выходцы из крестьян. Значительный приток сельских жителей до недавнего времени наблюдался в г. Новомосковске. За период своего развития этот город вобрал в себя много деревень. В строительных организациях Новомосковска особенно много рабочих, бывших в недавнем прошлом сельскими жителями.

Следует отметить, что многие крестьяне, поселившиеся в городах, работают в сфере обслуживания городского хозяйства. В г. Ельце, например, в коллективе по обслуживанию пассажирского автотранспорта

²⁸ На этом заводе исключение составляют некоторые цеха, введенные в строй в последние годы.

(автобусного и таксомоторного парка) бывшие сельские жители составляют 74 %, в г. Ефремове — 83 %.

Значительная часть бывших сельских жителей занята в системе здравоохранения, связи, торговли и т. д., главным образом на работах, не требующих высокой квалификации. В городских узлах связи они работают преимущественно почтальонами, монтерами на линиях (в коллективе городского узла связи Калуги — более 50 %, Ельца — 64 %). Многие женщины, переехавшие из сел, а также проживающие в сельской местности вблизи города, работают санитарками. Служащие, выходящие из села, часто встречаются среди медсестер, продавщиц магазинов, а также конторских работников в строительных и других организациях.

Как правило, все названные категории горожан имеют в деревне родственников и поддерживают в той или иной мере связи с селом. Характер этих связей и их прочность зависят от степени родства с сельскими жителями, продолжительности проживания в городе, от дальности расстояния между селом и городом, от конкретных материальных условий жизни городских и сельских родственников и целого ряда других факторов.

Прежде всего нужно отметить, что в основе взаимосвязей этой части городского населения с селом лежит принцип родства. Взаимосвязь проявляется в разных формах: экономической, морально-бытовой, духовной (этими терминами мы пользуемся условно). Все формы связи переплетаются между собой и дополняют одна другую.

Экономические связи поддерживаются между близкими родственниками (главным образом между родителями и детьми). Так, приехавшие из села в город юноши и девушки — учащиеся техникумов, институтов, профтехшкол, а также поступившие на предприятие или в учреждение в качестве учеников, получают материальную помощь от родителей или других близких родственников, оставшихся в селе. Например, Т. А. Белякова (1946 г. рожд., проживает в г. Калуге с 1962 г.) сообщила, что учится на двухгодичных курсах РОКК. Ее мать, живущая в селе, ежемесячно ей «присылает 20 руб., время от времени — продукты (яйца, масло, битую птицу и т. д.)». Мать покупает ей и одежду. Н. И. Жиребковой (1936 г. рожд., в г. Ельце проживает с 1952 г.), когда она училась в техникуме, «помогали продуктами, иногда деньгами» ее сестры, проживающие в г. Ельце, и братья из деревни.

Свою помощь родители рассматривают как содействие детям в приобретении необходимой квалификации (профессии). Поэтому иногда употребляют бытовавшее в прошлом выражение — «вывести детей в люди». Помощь со стороны братьев и сестер рассматривается ими как моральная обязанность.

Получая помощь в виде съестных припасов или небольшой суммы денег, молодежь до приобретения квалификации почти ничего не возмещает родителям, если не считать подарков, которые юноши и девушки, приехавшие в отпуск или на каникулы, обычно им привозят, да помощи в домашнем хозяйстве, и иногда в работе на молочно-товарной или свиноводческой ферме, в поле во время сенокоса и т. д.

Приобретя квалификацию, дети считают себя морально обязанными помогать родителям. Связи между ними обычно поддерживаются постоянно. Почти все сыновья и дочери, ставшие горожанами, независимо от продолжительности их проживания в городе, социального положения и т. д., делают подарки оставшимся в селе родителям (обычно даря одежду, обувь). Многие ежемесячно посылают родителям деньги (10—15 руб.). В ряде случаев дети помогают родителям в ремонте или по-

стройке дома (деньгами или непосредственным участием), заготовке топлива. Так, С. С. Чернышева (работница завода «Эльта», г. Елец) рассказывает, что в постройке дома родителям участвовали все братья и сестры. Один из братьев, живущий в городе, помогал деньгами, другие приезжали в выходной день работать.

Юноши и девушки, переехавшие в город из сельской местности, со временем создают собственные семьи. Своих детей они нередко отвозят в деревню к своим родителям и оставляют там иногда до момента поступления в школу. Они навещают их довольно часто (почти каждый выходной день), если деревня находится от города в пределах 70—80 км и до нее можно добраться поездом, автобусом или попутной машиной. Например, Л. Н. Волкова, проживающая в г. Ефремове в общежитии, сообщила: «По выходным дням еду к матери в село за 70 км. Она воспитывают внучку — мою дочь. Другие из общежития тоже едут в деревню к родственникам по выходным дням и на праздники». Если же деревня далеко, навещают детей гораздо реже, обычно в дни советских праздников, а иногда и религиозных (рождество, пасха или престольные дни), которые продолжают еще отмечать по традиции сельские жители старшего поколения.

Приезжая в деревню навестить ребенка и родных, молодые супруги везут с собой разные лакомства, иногда некоторые продукты. Своим родителям они стараются компенсировать затраты на ребенка, а в случае необходимости — оказывают им материальную помощь. В знаменательные дни (по случаю дня рождения, или какого-либо праздника) они привозят родителям и живущим с ними братьям и сестрам подарки.

То, что у родителей-стариков в деревне воспитываются их городские внучата, объясняется многими причинами. В ряде случаев это вызвано занятостью молодых супругов (например, если они работают и учатся), при которой им трудно бывает уделять должное внимание воспитанию ребенка даже при наличии детских учреждений (яслей, детских садов), мест в которых, кстати, пока еще недостает. Иногда это связано с неблагоприятными жилищными условиями (проживание в общежитии или в комнате, снятой на время у ее владельца). Во всех этих случаях в воспитании ребенка супругам оказывают помощь самые близкие родственники — их родители, живущие в деревне. Следует подчеркнуть, что, находясь в деревне, ребенок воспитывается, естественно, в условиях, характерных для сельского быта. Вследствие этого у него формируются интересы и привычки, присущие сельским жителям.

Иногда в воспитании детей молодым супругам помогает мать одного из них. Если она живет в непосредственной близости от города (3—5 км), то нередко берет ребенка к себе на 2—5 дней. Если же деревня далеко от города, то мать приезжает на временное или постоянное жительство к детям, ведет их домашнее хозяйство и присматривает за внучатами.

Городская семья поддерживает экономические связи также с другими живущими в сельской местности родственниками — сестрами, братьями, племянниками, дядями и тетями. Сельские жители привозят в город родственникам продукты своего личного хозяйства (овощи, картофель, масло, сало, фрукты и др.). Горожане, в свою очередь, привозят им пищевые продукты фабричного производства: кондитерские изделия, колбасы, различные консервы и т. д. Кроме того, горожане оказывают сельским родственникам помощь в их личном хозяйстве — обработке приусадебного участка, уборке урожая.

Житель г. Ельца Ф. И. Пестов рассказал, что он с семьей ездит в деревню к брату и сестре, работающим в совхозе, «помогать убирать

картошку с приусадебного участка. Брат и сестра обеспечивают нас и картошкой, и овощами...».

Нередко горожане оказывают помощь своим близким родственникам — колхозникам или рабочим совхоза — в обработке закрепленного за ними колхозного или совхозного участка (особенно на обработке и уборке трудоемких культур, например свеклы).

Необходимо отметить, что городские и родственные им сельские семьи в большинстве случаев стараются не оставаться в долгу друг у друга. Принимаются во внимание и помощь городских родственников на приусадебном участке, и затраты, связанные с пребыванием горожан у сельских родственников (особенно во время отпуска), а также проживание в деревне детей из городских семей (во время каникул). Формальные расчеты, разумеется, не производятся, но эквивалент в какой-то степени соблюдается.

Связи городских семей и горожан-одиночек с селом не ограничиваются лишь экономической стороной жизни. Об этом свидетельствует сохранение ряда семейных традиций, которых придерживаются обе стороны. Как уже отмечалось, многие горожане приезжают в деревню довольно часто (по выходным дням), в семейные и общественные праздники, а сельские жители нередко гостят у своих родственников-горожан.

При этом наблюдается интересное явление: горожане едут в деревню в дни старых, религиозных праздников, которые еще отмечает по традиции часть старшего поколения; для горожан и многих сельских жителей эти праздники не имеют религиозного смысла, они — лишь повод для встречи с родными. По словам одного из наших информаторов, «в такие дни в деревне собирается много родственников, живущих в других местах (городах и рабочих поселках. — Д. К.). Когда встречаемся, узнаем, кто как живет». Сельские же жители едут в город отмечать в семье родственников советские праздники и семейные торжества.

Городские и сельские родственники встречаются обычно и по случаю свадеб, рождения ребенка, похорон. Например, Г. М. Сазанов (г. Елец, водитель автобуса) рассказал, что в 1964 г. он был в деревне на свадьбе племянницы. Когда же его дочь выходила замуж, то к нему приехали все родственники из деревни; И. А. Рощина (г. Калуга, работник почты) сообщила: «...В деревне у двоюродной сестры и деверя бываю во время отпуска или когда у них отмечается семейный праздник. Они тоже у нас бывают. А если кто из них приезжает на базар, то непременно к нам приходит. Помоются в ванной, пообедают — и домой».

В ряде случаев, как показали наши полевые исследования, продолжает бытовать обычай, в силу которого для вступления юноши и девушки в брак (особенно девушки) необходимо получить одобрение родителей. Так, М. Р. Савина (работница Комбината художественных промыслов, г. Елец) рассказала: «Все сестры, в том числе и я сама, при выборе мужей обязательно советовались с родителями. Выходили замуж по старшинству. Я вышла замуж третья, по порядку». Пенсионерка Д. В. Афончикова (г. Калуга) сообщила, что ее дочь (медсестра), когда выходила замуж, жила в другом городе. До свадьбы жених прислал письма «родителям невесты и своим (в село), в которых просил разрешения на брак».

Часто, как нам рассказывали, юноша или девушка приезжают с невестой или женихом в деревню, чтобы показать их родственникам (что сопровождается хождением в гости) и получить одобрение родителей (последнее присуще также и горожанам, не связанным с деревней). Следует отметить, что этот традиционный обычай за годы Советской власти получил новое содержание. В нем выражается не власть роди-

телей над детьми, а взаимное уважение поколений. Соблюдение этого обычая свидетельствует о довольно прочных связях бывшей сельской молодежи с селом.

Нередко несколько односельчан в городе вместе поселяются в общежитии или снимают комнату, а иногда и работают на одном производстве. В большей степени это характерно для девушек. Они часто вместе посещают кино, концерты, бывают в клубе, на танцах, читают и делятся впечатлениями о прочитанном, отмечают дни рождений (устраивают угощение в складчину и дарят подарки) и т. д.

Молодежь, переехавшая в город, поддерживает связи не только со своими сельскими родственниками, но и со многими односельчанами — друзьями. Переписывается с ними, а если деревня находится сравнительно близко от города (до 25—40 км), то приезжает в село один-два раза в месяц, вместе с ними отмечают советские праздники.

Довольно часто юноши или девушки, приехавшие в город из села, вступают в брак с жителями или жительницами села, иногда со своими (ставшими городскими) односельчанами или уроженцами из другой соседней деревни. В какой-то мере это обусловлено духовной близостью будущих супругов.

Многие из бывших сельских жителей справляют свадьбы в деревне. При этом наряду с элементами новой свадебной обрядности соблюдается и ряд традиционных обрядов (благословение родителей, выкуп невесты, битье горшков, выдача приданого, одаривание близких родственников жениха и невесты, свадебное шествие с ряжеными и другие). Причем браки молодежь регистрирует обычно в городе за один-три дня до свадьбы. Если город находится недалеко от деревни, то к молодым на регистрацию приезжают близкие родственники из села, друзья их детства, или родственники-односельчане, живущие в городе. Если же между городом и деревней расстояние большое, на регистрацию брака приглашаются близкие товарищи по работе.

Нередки и браки, когда один из супругов — потомственный горожанин, а другой — сельский житель, переехавший в город, или житель сельской местности, работающий в городе. У таких молодоженов свадьба обычно празднуется в течение двух дней — первый день в городе, второй — в деревне, причем и в городе иногда соблюдаются некоторые традиционные обряды, характерные для сельской свадьбы. Приверженцами традиционной обрядности, как правило, являются родители молодоженов, в первую очередь те, которые живут или прежде жили в сельской местности.

Если город расположен далеко от деревни, молодожены устраивают по случаю регистрации брака обычную вечеринку, приглашая на нее городских родственников и друзей. Свадьбу же в большинстве случаев, по настоянию сельских родственников, они справляют в деревне.

Семьи, в которых оба супруга или один из них — недавние выходцы из села, сохраняют связи с селом в большей степени, чем лица, проживающие в городах в течение длительного периода (13—15 лет). Связи с селом в большей степени сохраняются неженатой молодежью.

По нашим наблюдениям, некоторые связи с селом сохраняют и те уроженцы города, родители которых были крестьянами. Это обычные связи с родственниками — дедушками и бабушками, дядями и тетками, двоюродными братьями и сестрами.

В прошлом, до Октябрьской революции, многие сельские жители, уходя в город, преследовали главную цель — выбраться из нужды. Их связи с оставшимися в деревне родственниками (главным образом с семьей) носили преимущественно экономический характер. В первые

годы Советской власти и в годы первой пятилетки в связях городской семьи с селом экономическая основа продолжала играть важную роль.

В настоящее время связи с селом также в известной мере носят экономический характер. Однако их нельзя считать чисто экономическими, ибо они обусловлены принципами морально-этического порядка. Так нередко дети посылают деньги и подарки живущим в селе родителям не потому, что последние в этом нуждаются; дети считают своим моральным долгом перед родителями оказывать им всяческое внимание и поддержку. С повышением материального уровня населения города и деревни, с приближением культурно-бытовых условий села к городским экономические связи постепенно потеряют свою значимость. На первый план, по-видимому, будут выступать морально-бытовые и культурные связи. Уже сейчас все большее значение приобретают морально-бытовые связи. Так, регулярную денежную помощь родителям, поездки в село родным горожане считают проявлением внимания к своим сельским родственникам. Тем же самым принципом горожане руководствуются при выборе для них подарков, которые должны отвечать возросшим вкусам сельского населения.

Что касается культурных связей между городской и сельской семьей, то это большая и сложная проблема, требующая специального изучения.

Вместе с тем наблюдаются и факты прекращения связей городской семьи с селом — в случае смерти, например, стариков-родителей или других близких родственников, живущих в селе или в случае переезда их в город. Следует учесть, что многие старые города, территориально расширяющиеся, а также создающиеся новые, вбирают в себя большое число сельских населенных пунктов. Все эти факторы в какой-то мере обуславливают разрыв связей многих городских семей с селом. Но вместе с тем возникают и новые связи, поскольку село продолжает оставаться источником притока населения в города в силу указанных выше причин.

В статье мы остановились лишь на некоторых моментах, характеризующих современные связи городского населения с селом. Статья, разумеется, далеко не исчерпывает всего их многообразия. Эта проблематика требует несомненно дальнейших исследований.

SUMMARY

The subject of the article are relations of urban and country population. The author utilizes the materials of field research in the central part of Russian Soviet Federal Republic and comes to the conclusion that the most solid ties of urban and country population are based on kin relations between former countrymen who moved into towns (as well as their descendants) and their relatives still living in the countryside.

К. Фойтик

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ЭТНОГРАФИИ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

В настоящее время главной задачей, решением которой заняты этнографические и фольклорные центры Чехословакии, является подготовка многотомного обобщающего труда по истории чешской и словацкой народной культуры. В этом труде, кроме описания отдельных явлений народной культуры, основанного на полевых материалах, собранных в XIX—XX вв., и на архивных и литературных источниках, должен быть представлен и глубокий анализ исторического развития этих явлений. Создание столь грандиозного по масштабам труда впервые предпринято в Чехословакии. В этой сложной и ответственной работе, планируемой на многие годы, участвуют научные сотрудники институтов Чехословацкой и Словацкой Академий Наук, а также сотрудники многих других институтов Чехословакии.

Естественно, что подготовка сводного труда по истории чешской и словацкой народной культуры потребовала решения многих вопросов как чисто технического, так и теоретического характера. Они связаны со сбором и публикацией разрозненных данных о традиционной народной культуре и с определением места отдельных традиционных явлений в быту народа¹, объяснением происхождения и ранних фаз развития каждого явления, его взаимосвязи с культурой других народов, оценкой различных влияний на формирование данного явления и т. д.²

В связи с этим выявилась необходимость проведения ряда работ. Прежде всего, надо взять на учет все сохранившиеся до наших дней уникальные предметы (и сведения о них) традиционной народной культуры. Это касается не только данных полевых исследований, но и материалов, хранящихся в фондах отдельных музеев и частных собраниях. Цель такого учета — упорядочить и сделать доступными для научного использования богатейшие коллекции. Речь идет главным образом о коллекциях, собранных во II половине XIX в. не имевшими специальной подготовки энтузиастами-патриотами. Это отразилось на отборе ими материала, критериях определения «народности» отдельных предметов, их документации. В некоторых небольших музеях, особенно в частных собраниях, хранятся без должной паспортизации многие уникальные предметы, нередко дополняющие наши сведения об отдельных сторонах культуры.

¹ Достаточно сказать, что в течение столетий менялось, например, значение отдельных элементов свадебного обряда, различных обычаев и обрядов, связанных с земледелием, или календарных обычаев, нередко сохраняющихся до настоящего времени и в городах, а иногда и возрождающихся здесь заново.

² Очень важна, например, оценка роли, которую играли в народной культуре юридические предписания определенного времени. В народной среде долго сохраняются следы старых контактов: так, в обычном праве виноделов до XV в., когда были записаны первые советы владельцам виноградников, сохранились обычаи, связывающие виноградарство в Моравии с Византией (ср. J. Pošvář, O původu viničních právních zvyklostí na jižní Moravě, «Slovácko», 1965, № 7, str. 82—89).

Далее представляется необходимой проверка данных, содержащихся в прежних этнографических и фольклорных монографиях, а также в записях, хранящихся в архивах различных институтов. Благодаря усилиям многих поколений уже в XIX в. был собран большой и разнообразный этнографический материал. Однако именно в период чешского «национального возрождения» с его восторженным патриотизмом множество материалов было собрано для музеев коллекционерами-любителями, не имевшими никакой научной подготовки. Они обращали внимание преимущественно на те черты культуры народа, которые являлись наиболее архаичными и, по их мнению, истинно народными, отвечавшими «духу народа», и игнорировали все то, что противоречило их представлениям о необычайном совершенстве народной культуры³. Кроме того, в XIX в. (и первой половине XX в.) объектом этнографического изучения были только жители сел, да и то лишь определенные их слои как в имущественном, так и в возрастном отношении⁴. Первое теоретически грамотное этнографическое изучение рабочих, развернувшееся довольно интенсивно в 90-х гг. прошлого века перед Этнографической чехославянской выставкой в Праге (1895 г.), было запрещено правительством⁵.

Следует также использовать этнографические материалы, содержащиеся в периодической печати XVIII и XIX вв. Наряду с многочисленными журналами имеются самые различные областные публикации, календари, близкие народу своей направленностью и содержанием. Они интересны не только как источник информации о некоторых явлениях народной культуры того времени, но и с точки зрения их влияния на формирование мировоззрения народа⁶. Очень важна библиографическая работа по систематизации этнографических и фольклорных статей, разбросанных в многочисленных новейших центральных и областных журналах и газетах⁷.

³ С этим связаны, например, преимущественный интерес к народному костюму, семейным и календарным обычаям как основным элементам народной культуры, и почти полное игнорирование других, столь же или еще более стабильных, элементов культуры, например, сельскохозяйственных орудий.

⁴ Здесь нужно сказать о противоречиях между той картиной деревенского быта прошлого века, которую рисуют материалы, собранные этнографами в XIX и XX вв., и информацией, содержащейся в других, более объективных источниках, например в административных данных. Информаторы, рассказывающие о своей юности, нередко приукрашивают действительность: быт того времени приобретает черты всеобщей гармонии, когда всеми соблюдались установленные обычаи, особенно нормы взаимоотношений между молодым и старым поколением. С другой стороны, ими преувеличиваются размеры бедствий, перенесенных в молодости, тяжесть выполняемых работ, они выражают недовольство «падающим» почтением молодежи к старшим, хотя во времена молодости старшее поколение предъявляло к ним те же претензии. Новшества, связанные с быстрым развитием экономики, разрушающим старые порядки в деревне, иногда принимались старшим «опытным» поколением с недоверием и завистью, так как следующее поколение было избавлено от части тех тяжелых работ (например, в земледелии), которые в прошлом были обязательны.

⁵ Cp. O. Skalníková, Národopisná výstava československá a dělnictvo, «Československý lid» (далее ČL), 1955, roč. 42, str. 106—112; K. Fojtík, Dům na předměstí (Etnografická studie o životě obyvatel činžovního domu v Brně), «Brno v minulosti a dnes», 1960, roč. 5, str. 45—47.

⁶ В настоящее время подготовлена библиография интересных с точки зрения этнографии и фольклористики статей периодической печати Чехии и Моравии до середины XIX в. В занимательных чтениях того времени, до сих пор недостаточно доступных, сохраняются, например, многочисленные сведения о танце с мечом в Страни в восточной Моравии в начале XIX в., о свадебном обряде в южной Моравии около 1810 г., о рабочих колониях в г. Брно около 1830 г. и т. д. Календари и многие статьи публицистов уделяли большое внимание народной культуре с конца XVIII в.

⁷ Первое место здесь принадлежит библиографии, публикуемым в качестве приложения к «Этнографическому чехословацкому вестнику». См.: V. Karbůšický, Soupis folkloristických příspěvků v hudebních časopisech CSSR 1945—1959 (1960).

Необходимо также скорейшее изучение и фиксация сохранившихся явлений традиционной народной культуры в областях, жители которых переселяются в другие места в связи с расширением угольных разработок или постройкой плотин. Задачи этнографов, собирающих материал в этих районах, будут различны. Так, в шахтерских районах, где жители целых деревень и даже городов переселяются на новые места, этнограф исследует культуру и быт малознученных групп населения, а также процесс интеграции, проходящий в новых местах жительства, отдельные явления в особенности социальной и духовной культуры, например прекращение старых и образование новых соседских объединений, нормы и формы их бытования, в меньшей мере некоторые стороны материальной культуры — пищу, способы расстановки мебели в помещениях и т. д. Охрана памятников предшествующего этапа развития связана здесь с изучением новых элементов культуры, что способствует выявлению стабильности отдельных традиционных явлений.

В затопляемых районах исследуется традиционная народная культура, уже описанная в большинстве случаев раньше, с целью дополнения и проверки прежних данных. Иногда сбор материалов здесь проводится совместно с музеями, так как многие элементы народной культуры при переселении жителей в новые места бесследно исчезают⁸.

Задачей этнографов является также изучение современного состояния народной культуры в промышленных и сельских местностях, жителям которых не предстоит переселение. Приступая к работе в промышленных городах и областях, признанных в европейской науке почти повсюду объектом этнографического изучения, столь же важным и необходимым, как современная деревня, этнограф должен прежде всего определить цели, и в связи с ними методы исследования, а также критерии установления границ изучаемой области. Без этого невозможна серьезная разработка программы исследований и руководства для сбора сравнительного материала (общая схема работы с информатором, отбор информаторов, способ записи и т. п.).

Проблему изучения промышленных центров пытались решить самыми разными путями ученые многих стран: одни, собирая синхронные данные с небольшими историческими экскурсами⁹, подчеркивали социологическую сторону исследования, очень важную для интерпретации этнографических данных, но не подавляющую; другие пытались исследовать быт и культуру населения промышленных центров, особенно предместий, и влияние современного индустриального развития на их быт и представления¹⁰; третьи приступали к решению вопроса, выявляя

A. a R. Jeřábkoví, *Soupis etnografických a folkloristických příspěvků v Museu Franciscum Annales 1895—1898 a v Časopise Moravského musea zemského 1901—1938* (1962);

V. Karbusický, *Soupis etnografických a folkloristických příspěvků v Časopise Českého musea 1827—1940* (1961); R. Žátko, *Výberová bibliografia ľudovej kultúry karpatskej na Slovensku* (1962); A. a R. Jeřábkoví, *Soupis etnografických a folkloristických příspěvků v Časopise Matice moravské 1869—1943* (1964); R. Jeřábek, *Soupis etnografických a folkloristických příspěvků ve Sborníku Musejní společnosti ve Valašském Meziříčí 1884—1911* (1964); R. Jeřábek a kol., *Bibliografie národopisných příspěvků v regionálnich časopisech moravského Slovácka* (1964); и х же, *Soupis národopisných příspěvků v regionálnich časopisech Moravského Valašska* (1966). Самостоятельно вышла публикация «*Soupis časopiseckých prací z Valašska a Záhří*», (Brno, 1965), подготовленная Л. Кунцем.

⁸ Инвентаризация элементов народной культуры здесь особенно важна, так как эта территория может явиться границей распространения какого-либо элемента, и точное обозначение ее необходимо при работе над этнографическим атласом.

⁹ Напр., работа: W. Brepohl, *Industrievolk im Wandel von der agraren zur industriellen Daseinsform (dargestellt am Ruhrgebiet)*, Tübingen, 1957.

¹⁰ Речь идет не о простом изучении разрозненных предметов и явлений, сохранившихся от прошлого быта у новых «мещан», как это делалось при первых попытках исследования, а скорее об определении основных психических и этнических принципов.

основные черты, которыми культура рабочих и городских жителей отличается от традиционной культуры жителей села¹¹.

Разнообразие целей и методов этнографического изучения промышленных центров и областей само по себе свидетельствует о необычайной сложности проблем, стоящих перед этнографами. Сложность этих проблем и в их новизне, и в недостаточной разработанности методики и технической оснащенности работы этнографов в сравнительно монолитной традиционной среде. Назрела необходимость более подробного и точного определения понятий, с которыми до сих пор имели дело этнографы, интуитивно ограничивая их объем и содержание. Необходимо определить также отношение этнографии к родственным общественным дисциплинам, а это опять-таки означает углубление теоретических положений этнографической науки, которые, в свою очередь, находят подтверждение в конкретных исследованиях, проводимых в разных странах с помощью различных методов.

Определить цели исследования культуры и быта населения промышленных центров стремились и этнографы Чехословакии в своих замечательных монографиях («Kladnensko», Praha, 1961; «Rosicko—Oslavansko», Praha, 1961; «Banická dědina Žakarovce», Bratislava, 1956), а также ведущиеся в настоящее время работы в Готвальдовском районе Остравской области и в районах новостроек у г. Кошице. Ученые описывают явления традиционной культуры, сохранившиеся у населения промышленных центров, чаще всего пережитки крестьянского быта, а также новые элементы культуры и быта, возникающие под влиянием социалистических общественных и производственных отношений в однородной социальной и возрастной среде рабочих кварталов и поселков, в первую очередь в так называемых рабочих колониях — жилых комплексах, построенных в горняцких городах и других промышленных центрах для некоторой части постоянных рабочих предприятий; таким комплексом поселков-колоний был например, почти весь г. Готвальдов¹². Однако этнография не может ограничиться лишь простым описанием явлений. Цель ее — постигнуть глубокие изменения в культуре и быте населения промышленных городов и областей, которые явились следствием преобразования экономических и общественных условий жизни; выявить в этом сложном, нередко противоречивом развитии действительные ценности, связывающие современную культуру и быт с предшествующими периодами и способные развиваться в будущем, открыть в универсальных и, на первый взгляд, однородных явлениях, отношениях и нормах наиболее характерные для исследуемой территории. Это очень трудная задача, ибо такие явления, отношения и нормы не всегда заметны. Их нередко скрывают сами информаторы — или потому, что недооценивают их и боятся показаться «отсталыми», «несовременными», или же из простой скромности, которая мешает говорить о слишком интимных вещах¹³. Решение этой задачи будет способствовать сохранению и развитию ценных элементов тра-

¹¹ См., напр. исследование: R. Braun, *Industrialisierung und Volksleben, «Die Veränderungen der Lebensformen in einem Industriegebiet»*, Bd. I—II, Erlenbach—Zürich — Stuttgart, 1960, 1962.

¹² Эта цель, в достижении которой методы этнографии приближаются к методам социологии, кажется нам очень важной: сравнение, например, некоторых результатов работы, полученных при изучении норм соседских связей, показывает значительное отличие их от подобных связей в тех же условиях, в современных капиталистических городах.

¹³ Мы говорим вовсе не о преднамеренном приспособлении, как это понимают некоторые исследователи. Ср., напр.: W. E. Mühlmann, *Homo creator*, Wiesbaden, 1962, S. 318 и, f.

диционной народной культуры в промышленных городах социалистической Чехословакии¹⁴.

Подобное положение наблюдается и в областях с преобладанием земледельческого населения (чисто земледельческих областей, развивающихся без постоянного контакта с промышленными или административными центрами и вне культурного влияния этих центров, в Чехословакии нет). И в них, хотя бы в своих «внешних» проявлениях, традиционная народная культура приобретает новые черты, связанные с растущим влиянием быта соседних городов.

Большую роль в распространении городского влияния играет торговля. Крестьяне охотно покупают товары фабричного производства, деревенские ремесла постепенно угасают. Деревенские жители и сами часто бывают в городах (этому способствует развитая сеть железнодорожных и автобусных линий), где приобретают не только дорогостоящие вещи, например мебель или праздничную одежду, как это было еще перед второй мировой войной, но и предметы самой первой необходимости.

Дальние поездки деревенских жителей — членов кооперативов в другие области, а нередко и за границу, которые раньше им были практически недоступны, влияют гораздо меньше, ибо быт населения других стран или отдаленных областей настолько отличается от их собственного, что не вызывает подражания. Из дальних поездок чаще всего привозят лишь украшения. Большую роль в распространении городского влияния играет телевидение.

Этнографам необходимо также обратить внимание на переоценку значения традиционной, в особенности деревенской, народной культуры в сознании не только городского, но и сельского населения. Особенно заметно это в отношении к «внешним» проявлениям традиционной материальной культуры, к жилищу и его мебелировке, рабочей и в особенности праздничной одежде, не говоря уже о сельскохозяйственных орудиях и другом инвентаре земледельческого хозяйства. За исключением нескольких областей с ярко выраженным региональным своеобразием, где усилия направляются на сохранение народных традиций (традиционные формы культуры пропагандируются печатью, радио, телевидением, например, в моравской Словакии)¹⁵, младшее и среднее поколение сельских жителей старается перенимать «внешние» стороны городского быта, избавиться от всего того, что подчеркивает их профессию земледельцев и деревенское происхождение. Большую роль здесь играет изменение оценки профессий земледельца (некогда весьма почетной) и квалифицированного рабочего.

Уважение к народной традиции, всеобщее признание отдельных норм, нередко поддерживаемых ранее даже в принудительном порядке наибо-

¹⁴ Большой интерес в этой связи представляет изучение проблемы фольклоризма, важной для понимания некоторых современных явлений, например, растущего интереса к предметам народного искусства в среде, которая в прошлом отличалась стремлением к преодолению традиционного, т. е. сельского быта, и к замене его новым «прогрессивным», «современным», «городским» (такие настроения в деревне еще сильны, например, в Словакии). Интересно в этом отношении распространение традиционных песен, танцев из одних областей в другие, где специфика культуры в прошлом была совершенно иной (например из Валахии или Моравской Словакии в другие районы Моравии или Чехии). Фольклоризм сочетается с большим интересом к разным старинным вещам, давно вышедшим из моды (кофейные мельницы, ступки и пр.).

¹⁵ С обновлением отдельных характерных черт региональной культуры мы встретились в последние годы в областях, богатство народного костюма которых было удивительным еще в прошлом. Это также своеобразная разновидность фольклоризма в деревне. Так, например, в с. Ланжгот у Бржецлава группа молодежи надевает по воскресеньям богатый местный традиционный костюм, в с. Жлутава у г. Готвальдова сохраняется новогодний карнавал с масками, на который съезжаются жители окрестных деревень и т. д.

лее уважаемыми жителями деревни, престиж тех жителей, которые придерживаются местных обычаев, — все это постепенно уступило место скептическому отношению большей части деревенского населения к традиционной народной культуре и признанию превосходства городского быта в его «внешних» проявлениях. Тяга к городскому образу жизни приводит к растущим расходам на обстановку жилища: наряду с новыми потребностями в удобствах городского быта (водопровод, ванна и т. д.) здесь проявляется и желание продемонстрировать степень зажиточности семьи (подобно этому и с той же целью раньше крестьянские семьи несли непомерные расходы при устройстве свадеб или похорон, так как должны были сделать все, что предписывала социальная норма для данного слоя общества). Если в прошлом общественный престиж зависел в деревне от тщательности соблюдения внешних норм культуры, то сейчас наблюдается, особенно у деревенской молодежи, показное пренебрежение к ним, приближение к общепризнанному городскому стандарту.

С этими изменениями в отношении к местным традициям и растущим авторитетом города этнограф должен считаться при изучении современной деревни, когда он объясняет процесс развития, или даже ограничивается простой регистрацией явлений.

Город уже в прошлом веке влиял в той или иной степени на внешнюю сторону культуры и быта не только тех людей, которые переехали в город и нашли работу на фабриках, но и на чисто крестьянское население¹⁶. Пути этого влияния — распространение промышленных товаров торговцами и ремесленниками. Однако, нельзя не признать, что в деревне, так же как и в бурно растущих предместьях промышленных городов, в первой половине прошлого века это стремление к «урбанизации»¹⁷ затронуло лишь внешнюю сторону культуры и быта. «Внутренние» же, скрытые, и более важные их стороны большей частью сохранялись неприкосновенными: известна, например, стабильность народной пищи¹⁸, устойчивость деревенского типа соседских отношений, в частности, представлений о нормах взаимных прав и обязанностей соседей и т. д.¹⁹ Соседские отношения, которые в деревне были связаны с потребностями повседневного быта, проявляются сейчас в условиях общежития в городских домах и микрорайонах, населенных людьми одной профессии, одного уровня образования, одинаковых интересов вне работы. Иногда сохраняется и влияние малочисленной группы «старожилов»²⁰.

¹⁶ Интенсивность этого влияния быстро росла не только потому, что были уничтожены цеховые ограничения, но и потому, что незначительные в прошлом различия в культуре большинства городских и сельских жителей в течение XIX в. намного увеличились, деревня отстала от города.

¹⁷ Характер и действительность контактов между городом и деревней зависят главным образом от рода этих контактов: именно поэтому иногда говорят о влиянии города на деревню как о влиянии «модернизма», а термин «урбанизация» не употребляют.

¹⁸ Особенно долго сохраняются некоторые блюда, связанные с традиционными календарными обычаями (например, на Рождество), а также те, которые готовятся по специальному рецепту к особому случаю, например, в дни семейных праздников, как угощение для гостей. Интересно, что в городе такие блюда часто приобретают характер семейного «фирменного блюда» (так же, как в отдельных ресторанах).

¹⁹ Если для соседских взаимоотношений в городе важны прежде всего объединяющие людей общие интересы, то для деревни и сейчас важен территориальный принцип; это сохраняется и в новых районах, например в г. Готвальдове проявляется необычайная готовность к соседской взаимопомощи. В отдельных случаях и у жителей многоэтажных домов в больших городах (например, в г. Брно) все семьи, живущие в доме, считают своей обязанностью участвовать в похоронах своего «соседа», жителя «их» дома.

²⁰ Старожилы в крупных городских домах почти всегда составляют 20—25% всех жильцов. Некоторые семьи живут в одной и той же квартире или доме уже не в первом поколении, соседские связи в таком случае завязываются еще в детстве.

Поверхностное изучение, основанное на внешнем впечатлении или информации, собранной косвенным путем, приводит, с одной стороны, к переоценке степени урбанизации деревенской жизни в целом и игнорированию в связи с этим традиционных локальных форм быта, а с другой стороны — к недооценке отдельных стадий появления новых форм, заимствованных из города ²¹.

Несомненны преимущества классического метода этнографического изучения — метода непосредственного, длительного наблюдения. Его применение позволяет глубоко проникнуть в существо оценки деревенской молодежью местных традиций и разглядеть за внешними проявлениями нигилизма действительное отношение к ним.

Особое место в этнографическом изучении современности занимают работы среди чешских и словацких меньшинств за границей — в Польше, Румынии, Венгрии, ГДР, Югославии. Речь идет не только о простом описании современной картины их жизни, хотя и это представляет определенный интерес. Благодаря особым условиям, в которых развивались культура и быт национальных меньшинств, эта работа может дать ценнейший материал как о ранних формах отдельных элементов культуры на их первоначальной родине, так и о роли контактов в другой национальной среде ²².

Этнографическое изучение современности, которое в нашей науке представляет собой единое целое и лишь условно разделяется на две ветви — изучение промышленных городов, рабочего класса и исследования в деревне, — необыкновенно трудная и сложная задача. Ее решению способствовало бы теснейшее сотрудничество этнографов со специалистами смежных дисциплин, особенно на подготовительной стадии работы и на ее заключительном этапе — интерпретации собранного материала ²³. Однако до сих пор не удалось создать комплексную исследова-

²¹ Новое отношение к городу выражается и в том, что элементы городского быта переживаются пассивно, в то время как раньше они всегда приспосабливались к местной традиции.

²² В таких компактных группах меньшинств всегда дольше сохраняются отдельные явления традиционной культуры, уже исчезнувшие на их прежней родине. Результатом проведенных работ была публикация ряда статей. Основной материал, полученный в Румынии, напечатан в журнале «Český lid», roč. 49 за 1962 г.: V. Scheufler, O. Skalníková, Kultura rumunských Čechů, Hmotná a duchovní kultura (str. 145—160); J. Jech, Lidové povídky (str. 161—172); V. Karbusický, Písňový a hudební folklór (str. 173—184); S. Utěšený, O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu (str. 201—209). См. также специальные работы: O. Skalníková, V. Scheufler, Zklady hmotné a duchovní kultury českých kovozemědělců v rumunském Banátu, ČL, 1963, roč. 50, str. 332—342; J. Jech, Lidové povídky rumunských Čechů, там же, str. 343—357. Сведения об одной из старейших групп чешских переселенцев в Польше в р-не Стржеллина содержатся в работе: I. Heroldová, K akulturačnímu procesu nejstarší české menšiny, ČL, 1966, roč. 53, str. 146—159. Чехам в Югославии, кроме книги R. Bednárika «Slováci v Juhoslávii» (Bratislava, 1964) посвящена статья O. Sobotky «Svatební zvyky Čechů a Slováků na Daruvarsku v Jugoslávii», ČL, 1965, roč. 52, str. 227—231. Более общий характер носят статьи: I. Heroldová, Etnografická problematika českých národnostních menšin, ČL, 1964, roč. 51, str. 366—379; е е же, Ethnographical Problems of Czech National Minorities, «Referáty československé delegace na VII. mezinárodním kongresu UISAE v Moskvě», 1964. Перечень выполненных работ, связанных с этой темой, содержит ее статья «České národnostní menšiny a národopis», «Národopisné aktuality», 1966, č. 3—4, str. 12—20.

²³ Например, при подготовке исследований в районе Остравы участвовали историки, изучавшие историю микрорайона; в меньшей мере можно было опираться на исследования социологов, которые в этой области работают специально (не говоря о том, что социологи очень мало внимания уделяют ранним фазам развития городского и сельского обществ, а знания эти были бы очень нужны для этнографической интерпретации фактов). При подготовке работ в г. Готвальдове, наоборот, удалось найти контакт с социологами, в особенности в смысле урегулирования этнографических и социологических методов исследования и расстановки сил. Об опыте этого интересного сотрудничества информирует М. Гайек; см. M. Hajek, Die ethnographische Erforschung des

тельскую группу, которая изучала бы один и тот же объект с точки зрения различных общественных наук, что обеспечило бы всестороннее рассмотрение данных о современном состоянии и развитии отдельных явлений культуры или их комплекса.

Не менее важное значение имеют и попытки объективного освещения ранних этапов развития чешской и словацкой народной культуры на основании сведений самых различных источников. Уже в конце прошлого века были предприняты попытки использовать, кроме полевого материала, архивные данные, старую литературу моралистов, разнообразные юридические сборники и огромное богатство иллюстраций в старой печати. Широкому использованию всех видов архивных источников мешала их недостаточная обработка. Они были разбросаны в многочисленных малых местных архивах, не было и нужной информации об отдельных фондах. Кроме того, архивные материалы, отражавшие, иногда с удивительными и неожиданными подробностями, старый быт, касались почти всегда лишь крупных городских центров²⁴. Маленькие городки, а тем более деревни, оставались в стороне; отдельные архивные данные, случайно найденные исследователями других дисциплин, в особенности историками, не могли идти в сравнение с данными о больших городах.

Историческая этнография в Чехословакии может опираться на работы по истории культуры (в том числе и народной культуры) Зигмунда Винтера и Ченка Зибрта, написанные с учетом архивных материалов, а также на опыт работы сотрудников других институтов в архивах малых городов. Хотя эти работы не могли дать полной картины народного быта, однако их вклад в развитие методики исторической этнографии бесспорен: они указали на те возможности, которые открывает использование архивных данных, а их недостатки лишний раз говорят о необходимости сопоставления этих данных с другими источниками, в том числе и с полевыми материалами.

Чтобы сделать источники, хранящиеся в разных местах, более доступными для исследователей, работники архивов провели большую работу по концентрации мелких собраний в крупных архивохранилищах. Тем самым был открыт путь к тщательной обработке и сравнению различных архивных фондов, что было необходимо для реконструкции истории развития каждого явления культуры²⁵. Ведь нужно выяснять конкретные социально-экономические условия работы и жизни народа в деревне, в маленьком городке и в крупном городе в разные периоды, чтобы почув-

Gebietes Gottwaldov soziologisch gesehen. Die methodische Auswertung als konkreter Beitrag zur Mitarbeit zwischen den Wissenschaften, «Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university», 1966, G. 10, str. 17—32.

²⁴ Того же характера крупные работы З. Винтера, прежде всего его двухтомный труд «Kulturní obraz českých měst», посвященный культурной жизни в XV—XVI веках (Прага, 1890 и 1892) и «Český průmysl a obchod v. XVI věku», (Прага, 1913); «Dějiny kroje v zemích českých od počátku věku XV. až po dobu bělohorské bitvy» (Прага, 1893). См. также публикации Ченка Зибрта: Čeňek Zíbrt, «Dějiny kroje v zemích českých od dob nejstarších až po války husitské» (Прага, 1892); «Staročeské výroční obyčeje, pověry, slavnosti a zabavy prastarodní, pokud o nich vypravují písemné památky až po náš věk» (Прага, 1889), «Rády a práva starodávných pijanských cechu a družstev kratochvilných v zemích českých» (Прага, 1910), «Veselé chvíle v životě lidu českého I—VIII» (Прага, 1909—1911), дающие главным образом сведения, взятые из более старой литературы, но с попыткой их исторической интерпретации, т. е. освещения путей и причин их развития.

²⁵ Часто, однако, даже многосторонняя архивная информация недостаточна для понимания значения отдельных записей, напр. связей, характерных для термина «Koltre» в XV и XVI веках. Это было вызвано неточностью самого термина, старофранцузского «colstre» и «coltre», (перина, пуховое одеяло), итальянского «coltrice», «coltre-mate-gazzo», «coperta da letto». Неточность привела к тому, что термин переносился и на новые предметы в домашнем обиходе.

ствовать «дух времени». Необходимо определить критерии оценки второстепенных и третьестепенных функций каждого традиционного элемента и явления, познакомиться с различными факторами, под влиянием которых народная культура в наших землях развивалась по меньшей мере с XVI века²⁶.

Исследования, ведущиеся в этом направлении, опираются главным образом на архивные данные, дополняемые этнографическими материалами. Одновременно чехословацкие этнографы в последнее пятилетие проводили работу по изучению этнографических коллекций, собранных в XIX и XX вв., причем архивные и литературные данные использовались ими лишь для проверки, уточнения и дополнения этих материалов. И здесь наши ученые достигли значительных успехов, например при исследовании старых форм земледелия, поселений, народных промыслов и обычаев²⁷.

Написание истории чешской и словацкой народной культуры является, как уже говорилось, основной задачей всех чехословацких этнографов на ближайшие годы. Однако значительное место в чехословацкой этнографии занимают и другие работы. Так, уже несколько лет ведется изучение цыган, живущих в Чехословакии²⁸, разрабатываются проблемы балканистики²⁹; в последние годы успешно развивается и этнографическое изучение населения других континентов, особенно африканистика и американистика³⁰.

Подготовкой истории чешской и словацкой культуры заняты и фольклористы. Много внимания они уделяют каталогизации собранного материала; их фонды, в особенности собрания народных песен, обозначены в архивах уже пятизначными номерами. Классификация в каталогах текстов и мелодий, проводимая фольклористами с учетом самых разных критериев, готовится к будущей статистической обработке с помощью вычислительных машин, что является одной из основных задач

²⁶ Попытки дать полную картину отдельного цикла обычаев содержат статьи К. Фойтика, см.: K. Fojtík, *Svatba na střední a západní Moravě v 16 a 17. století*, ČL, 1965, roč. 52, str. 332—343; ег о же, *K otázce podmínek vývoje lidové kultury v 16. a 17. století*, ČL, 1966, roč. 53, str. 294—306. Большую помощь в этой работе оказали публикаций историков см.: Fr. Matějek, *Feudální velkostatek a poddaný na Moravě s přihlédnutím k přilehlému území Slezska a Polska*, Praha, 1959; V. Procházka, *Česká poddanská nemovitost v pozemkových knihách 16 a 17. století*, Praha, 1963; J. Petráň, *Zemědělská výroba v Čechách v druhé polovině 16. a počátkem 17. století*, Praha, 1963.

²⁷ Напр. J. Krmarík, *Dva typy zemědělského nářadí a jejich severní hranice v Pošumaví: Agrikultura, «Sborník Polnohospodářského muzea v Nitře»*, 1963, str. 41—54; ег о же, *Příspěvek k historii českých rádel*, ČL, 1965, roč. 52, str. 321—332; V. Pražák, *K problematice vzniku jizby a síně v čs. obydlí a jejich vztahů k staroslovanskému a frankskému domu*, ČL, 1965, roč. 52, str. 267—275; L. Stěpánek, *Vývoj sídel v širší oblasti Královéhradecka a Orlických hor, «Vědecké práce Československého zemědělského muzea 1965»*, str. 117—138; D. Stránská, *O vývoji truhel zvaných sůsek a skřínka, «Časopis Slezského muzea. — Acta Musei Silésiae»*, 1963, roč. 12, str. 39—63; M. Ludvíková, *Morawskie druki bezpośrednie na tkaninach, «Polska sztuka ludowa»*, roč. 19, str. 183—190; S. Švecová, *Klasifikácia rodinných foriem v slovenskom materiáli*, ČL, 1966, roč. 53, str. 85—89. Очень важны в этом отношении работы Я. Крамаржика о старых формах земледельческого производства в Шумаве (канд. дисс.), В. Шойфлера о чешском гончарстве (в печати), Г. Лаудовой о южночешском льноводстве (канд. дисс.).

²⁸ Ср. E. Horváthová, *Cikáni na Slovensku I*, Bratislava, 1964.

²⁹ Ср. работу Г. Гинковой о средневековых путешествиях по Болгарии, как историческом источнике (канд. дисс.). См. также V. Frolec, *Půdorysný vývoj domu v sošijské oblasti*, ČL, 1964, roč. 51, str. 93—99; ег о же, *Vliv rozkladu velkorodiny na vývoj lidového obydlí v západním Bulharsku*, ČL, 1965, roč. 52, str. 164—175.

³⁰ Их центры — музей им. Напрстка и Карлов университет, а также Институт этнографии и фольклористики и Институт востоковедения ЧСАН. См.: L. Holý, *Rozpad rodového zřízení ve východoafrické Mezifíči*, Praha, «Rozprawy CSAV», 73, 1963; ег о же, *Local Communities among the Berti, «Annals of the Náprstek Museum»*, 1962, roč. 1, str. 37—52; M. Stuchlík, *Batak social and political organization*, там же, str. 101—122; V. Solc, *Meeresflösse in Vietnam*, там же, str. 123—130, и др.

научного исследования. Эта работа необходима и для теоретической разработки разных видов классификаций и схем. Особенно трудна классификация в области музыкального и танцевального фольклора: необходимо найти совершенно новые символы, которые отражали бы сложную специфику музыки и танцев и в то же время отвечали общим требованиям каталогизации. Все это требует подробного и многогранного анализа основной части собранных фондов, определения главных, специфических черт чешского и словацкого песенного фольклора³¹, которые стали основой системы каталогизации. Составление каталога текстов песен также связано с решением ряда теоретических проблем³², в первую очередь с проблемой критериев классификации.

Большое внимание уделяется изучению збойничьих традиций, над которыми много работали и раньше³³, исследованию интернациональных связей фольклора³⁴, анализу фольклорных традиций и их развития в определенных областях³⁵. Так же, как и этнографы, фольклористы много занимаются проблемами современных традиций, например, новым музыкальным и словесным творчеством³⁶.

Самостоятельным разделом труда по истории чешской и словацкой народной культуры будет этнографический атлас. Чехословакия в этом отношении отстает от большинства европейских стран. Работа над атласом была начата только в последние годы. Подготовлены к печати пробные анкеты, уточнены общие принципы исследования, определено место

³¹ Ср., напр., O. Elschek, *Pojem a základne znaky hudobného folklóru: Hudobnovedné štúdie* 3, Bratislava, 1959, стр. 5—42; A. Elscheková, *Náčrt a zásady systému analýzy a triedenia slovenských ľudových melodií*; «Slov. národopis», 1963, ро. 11, стр. 43—50; Z. Horáľková, *Archaické útvary strofické v českých a slovenských ľudových písnich*, там же, стр. 310—359; K. Vetterl, *The method of classification and grouping of Folk melodies*, «Studia musicologica Academiae Scientiarum Hungaricae», 1965, № 7, стр. 349—355; D. Holý, *The classification of ornamental elements in folk dance—music against the background of a metrorhythmical basis*, там же, стр. 263—272; Š. Tóth, *Pohybové skupiny slovenského ľudového tanca*, «Hudobnovedné štúdie», 3, Bratislava, 1959, ро. 43, стр. 118; D. Klímová—Rychnová, *Příprava katalogy českých pověstních žánru*, «Slov. národopis», 1963, ро. 11, стр. 439—484; L. Pourová, *K otázkám třídění pověstí*, ČL, 1963, ро. 50, стр. 67—73.

³² Ср. напр., O. Zilynskyj, *K historické klasifikaci jarního písňového folklóru u východních a západních Slovanů*; «Slov. národopis», 1963, ро. 11, стр. 259—285; O. Sirovátka, *Vyprávění a dramatická řeč v lidové baladě*, «Slovácko», 1964, ро. 6, стр. 43—52; J. Jech, *Zur Methode der wiederholten Aufzeichnung von Volkerzählungen*, «Laographia», IV, International Congress for Folk Narrative Research in Athens, Lectures and Reports, Athény, 1965, S. 199—208; еро же, *Zur Erforschung der nationalen Eigenarten des Märchens*, там же, S. 516—526; K. Dvořák, *Kette und Ring als Strafe*, «Deutsches Jahrbuch für Volkskunde», 1965, Уд. 11, т. II, S. 332—339; J. Jech, *Fremdsprachige Wendungen in der Volkskunde*, там же, S. 275—299; H. Laudová, *Sword dances and their parallels in the CSSR*, «Journal of International Folk Music Council», vol. 15, June 1963, pp. 62—63; J. Jech, *Retězová variabilita českých tolklórních látek* (в печати) и др.

³³ Ср., напр., A. Sivek, *Ondráš z Janovic*, Ostrava, 1958; A. Melicherčík, *Jánošíkovská tradícia na Slovensku*, Bratislava, 1952; еро же, *Juraj Jánošík, hrdina proti-feudálneho odboja slovenského ľudu*, Martin, 1963; V. Gašparíková, *Zbojník Michal Vdovec v histórii a folklóre gemerského ľudu*, Bratislava, 1964; J. Kramářík, *Kozínovská pověst* (в печати).

³⁴ Напр., K. Horáľek, *Le specimen folklorique du roman byzantin «Kallimachos et Chyrsorhoë»*, «Laographia», IV, Congress ISFNR, стр. 174—178; O. Sirovátka, *Die Erle — Die verwünschte Tochter*, «Deutsches Jahrbuch für Volkskunde», 1965, Уд. 11, т. II, S. 300—308; O. Sirovátka, *Česká lidová slovesnost a její mezinárodní vztahy* (в печати).

³⁵ Напр. D. Klímová—Rychnová, *Vypravěčský repertoár národopisné oblasti ve svétle hospodárskych a spoločenskych styku*, ČL, ро. 51, стр. 65—72; ее же, *Příspěvek k studiu vypravěčskych motivu*, ČL, ро. 52, стр. 14—24.

³⁶ Напр. S. Burlasová, *K problému genézy, funkcie a štýlu ľudovej piesne s družstevnou tematikou*, «Slov. národopis», 1964, ро. 12, стр. 3—67.

атласа в многотомном труде по истории чешской и словацкой народной культуры. Основу атласа составит группа тесно связанных между собой карт, отражающих распространение отдельных явлений. Таковы, например, карты распространения отдельных типов земледельческих орудий, способов обработки земли, торговых центров и торговых путей и т. д.

Материалы к отдельным картам — а они связаны с подготовкой основного обобщающего труда — собираются, с одной стороны, с помощью сети корреспондентов, организованных Чехословацким Этнографическим обществом, с другой стороны, подготавливаются всем коллективом научных работников, исследующих отдельные стороны народной культуры на основе собственных полевых материалов, старых этнографических собраний, разнообразных архивных и литературных источников. Чехословацкий этнографический атлас, отдельные тетради которого будут издаваться регулярно с 1972 г., явится одним из главных результатов подробного этнографического исследования территории Чехословакии.

Перечень работ, которыми заняты сейчас чешские и словацкие этнографы и фольклористы одновременно с подготовкой труда по истории чешской и словацкой культуры, очень пестр и велик. С одной стороны, он включает в себя ряд конкретных исследований, с другой — касается многих основных теоретических вопросов, без решения которых невозможно продолжать разработку общей теории развития народной культуры и выяснить роль отдельных факторов, определяющих это развитие.

SUMMARY

Outlining the main problems and methods in Czechoslovak ethnography and folklore, the author gives an account of the preparation of voluminous work on the history of Czech and Slovak folk culture as well as the investigations carried out in this connection.

Д. Е. Еремеев

ЯЗЫК КАК ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

(ИЗ ОПЫТА ЛЕКСИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Процессы глоттогенеза и этногенеза далеко не тождественны: во-первых, развитие языка идет по своим специфическим законам, отличающимся от закономерностей формирования и изменения этноса, а во-вторых, этногенез гораздо шире глоттогенеза: в его сферу, кроме истории языка данного народа, входит и сама история этого народа, особенно история его материальной и духовной культуры. Однако основные этапы этнической истории какого-либо конкретного народа не могут не отражаться на его языке, вызывая определенные изменения в фонетической структуре, грамматическом строе и, главным образом, словарном составе. Особенно это касается процессов этнической ассимиляции, основу которой составляет именно языковая ассимиляция. Диалектическая сущность ассимиляционных законов убедительно проявляется в развитии языка. Ассимиляция — процесс двусторонний, процесс взаимодействия, взаимовлияния двух (по меньшей мере) этнических общностей; и как бы ни была, казалось, полно ассимилирована одна какая-либо этническая общность другой, первая также вносит свой вклад в новообразованный этнос. И это наглядно отражается в языке. Так, если взять семью тюркских языков, то мы увидим заметное влияние на фонетику, грамматику и лексику языка какого-либо конкретного народа языков тех народов, роль которых была значительной в его этногенезе: алтайский язык испытал воздействие монгольских языков, туркменский — иранских, чувашский — финно-угорских и славянских, якутский — тунгусо-маньчжурских и монгольских и т. п.¹

Особенно много материала для этногенетических выводов дает анализ лексики. Это понятно, так как лексические единицы заимствуются зачастую параллельно самим элементам культуры, которые они обозначают. Правда, для выражения новых понятий могут создаваться и новообразования (частный случай такого явления представляют собой кальки), отражающие заимствованные элементы культуры; новые понятия могут выражаться и старыми словами, изменившими прежнее значение. Но в данной статье будет рассмотрено лишь прямое заимствование иноязычной лексики как наиболее наглядный пример межъязыкового взаимодействия.

Приступая к этногенетическому анализу какого-либо языка, нужно прежде всего решить, какую именно лексику взять для исследования. В этом отношении необходим как общен исторический, так и конкретно этнографический подход. К примеру, если исторически известно, что какая-то этническая общность, распространившись по новой территории, ассимилировала впоследствии прежних местных насельников, то мы

¹ Подробно о тюркских языках в этом отношении см.: Н. А. Баскаков, Тюркские языки, М., 1960, стр. 26, 27, 41, 60, 97, 98.

вправе ожидать наличия субстрата местных языков в языке новообразовавшегося этноса. Это наиболее характерно для тех случаев, когда пришедшая этническая общность сталкивается с новыми для нее географическими условиями и перенимает, хотя бы частично, навыки хозяйства и особенности культуры местных народов. Так, в индийских языках есть субстраты «аборигенных» доарийских языков, ибо арии, пришедшие на Индостан, встретились здесь с совершенно новыми для них географическими и климатическими условиями, с новыми во многих отношениях флорой и фауной. Естественно, что местные географические и зооботанические реалии вошли в новообразовавшиеся индийские языки. Кроме того, нужно учитывать, что при ассимиляции иногда совершенно меняется хозяйственно-культурный тип ассимилирующей этнической общности. Так, арии, ассимилировав местное население Индостана по языку и в определенной степени по культуре, сами были как бы ассимилированы им по типу хозяйства и многим элементам материальной и духовной культуры, превратившись из кочевых скотоводов в оседлых земледельцев.

Сходное явление наблюдается и в современных языках Латинской Америки (испанском и португальском), где четко прослеживаются заимствования из местных индейских языков, носители которых были ассимилированы. Многие навыки хозяйства и элементы культуры индейцев были восприняты европейскими переселенцами, а лексические единицы, их обозначающие, — испанским и португальским языками. Точно в таком же аспекте можно говорить и о влиянии языков уральских и сибирских народов на уральские и сибирские диалекты русского языка. Подобные примеры многочисленны.

Однако при анализе заимствованной лексики нужно учитывать довольно большой фонд слов, которые проникают в язык безотносительно к процессам этногенеза, отражая лишь историю культурных влияний, а не историю этнической ассимиляции. Так, в русский язык вошло много греческих слов после принятия и распространения христианства на Руси, а многие слова из западноевропейских языков (например, из французского) проникли в него благодаря чисто культурному, но не этническому влиянию. Далее, языки тюркских народов Сибири, воспринявших монгольскую культуру, заимствовали значительное количество монгольской «культурной» лексики, а языки тюрков Средней Азии, как и турецкий, буквально наводнены арабскими элементами, вошедшими в эти языки под воздействием ислама и арабо-исламской культуры. В турецком разговорном языке, например, арабизмы составляют до 30%, в литературном — не менее 50%². Но такое обилие арабизмов в турецком языке говорит не о какой-то особо крупной роли арабов в этногенезе турок, а лишь о сильнейшем влиянии арабской культуры на турецкую через ислам, просвещение, литературу. Правда, арабы принимали участие и в этногенезе турок: отдельные арабские племена переселились вместе с турками на вновь завоеванные османцами земли на Балканах и в Малой Азии³, а в Османской империи происходило довольно интенсивное смешение арабов и турок друг с другом.

Но роль арабов в этногенезе турок была гораздо меньшей, чем роль других народов — греков, армян, курдов. Поэтому, если искать в араб-

² С. Майзель, Арабские и персидские элементы в турецком языке, М., 1945, стр. 3.

³ Например, известен такой исторический факт: когда Сюлейман, сын Орхана-бея (одного из первых османских правителей), попросил отца прислать мусульман для заселения завоеванных земель на Галлипольском полуострове, туда было переселено племя арабов из района Кареси на Мраморном море (А. С. Тверитинова, Фальсификация истории средневековой Турции в кемалистской историографии, «Византийский временник», т. VII, 1953, стр. 16).

ской лексике турецкого языка те слова, которые имеют непосредственное отношение к этногенезу, нужно исключить из нее все арабизмы, вошедшие в турецкий язык в связи с распространением ислама, а также благодаря просвещению, литературе, через администрацию (канцелярский язык состоит почти исключительно из арабизмов), через военную службу (военная терминология в Османской империи была в основном арабская) и т. д.

Для выяснения особенностей этногенетического языкового анализа пример с турецким языком показателен, как нам кажется, по целому ряду причин. Во-первых, турецкий народ, а вместе с тем и турецкий язык, сложились сравнительно недавно, в не очень отдаленный от нашего времени исторический период, хорошо освещенный нарративными источниками⁴. Поэтому сведения, которые дает этногенетический анализ турецкого языка, легко могут быть проверены по фактам этих источников. А такой перепроверенный итог обладает высокой степенью достоверности и, следовательно, дает право извлечь из подобного анализа также общеметодические выводы, которые будут полезны при такого рода исследованиях и других языков.

Во-вторых, одна из особенностей формирования турецкого народа состоит в том, что в его этногенезе приняли участие два основных, но крайне противоположных по своему культурно-хозяйственному типу этнических компонента — тюркские племена кочевников-скотоводов, перекочевавшие в Малую Азию, и местные малоазийские народы, характерным типом хозяйства которых являлись оседлое земледелие и в приморских районах — морское рыболовство. Только часть курдов, практиковавших кочевое и отгонное скотоводство, была близка по типу хозяйства тюркам. В процессе смешения с местным населением тюрки-кочевники переходили на оседлость, перенимая навыки земледелия и оседлой жизни у коренных жителей. Можно сказать, что в культурно-хозяйственной ассимиляции побеждали малоазийские народы, обладавшие более высокой по сравнению с кочевниками-скотоводами оседлой земледельческой культурой, имевшие богатый опыт и развитые навыки хозяйства применительно к местным географическим условиям. Но в языковой ассимиляции победителями выходили тюркские диалекты, правда изменявшие при этом некоторые фонетические и грамматические особенности и заимствовавшие огромное количество местной лексики⁵. Это воздействие местных малоазийских языков на диалекты тюркских племен в незначительной степени повлияло на формирование турецкого языка (в основу которого и легли эти диалекты), обогатив его фонетически, грамматически и лексически. И эти пласты местных заимствований легко выделяются в современном турецком языке. Например, в области лексики их нужно искать среди тех терминов, которые относятся к земледелию, строительству и особенностям оседлых жилищ, мореходству, рыбным промыслам, т. е. среди терминологии, не характерной для хозяйства и культуры кочевников-скотоводов. Тюрками были заимствованы и многие слова, связанные с местными особенностями географической среды, климата, фауны и флоры.

В-третьих, лингвистические особенности турецкого языка, как и всех других тюркских языков, характеризующиеся неизменностью корней-основы, облегчают этногенетический анализ: в тюркских языках корни

⁴ Массовое переселение тюркских племен в Малую Азию началось в конце XI в. и продолжалось до конца XIII — начала XIV в., а период формирования турецкой нации падает на XIV—XV вв.

⁵ Так же было у венгров Дуная, узбеков Средней Азии и некоторых других народов.

и производные основы слов удивительно мало подвергались изменениям и обычно в памятниках тысячелетней давности имеют тот же вид, что и в современных тюркских языках. Поразительна также стабильность основных значений большей части слов, относящихся к общетюркскому фонду⁶. Естественно, что на таком фоне очень легко выделяются заимствованные из других языков слова: они как бы лежат на поверхности словарей, представляя собой, по археологической терминологии, «подъемный материал». Все перечисленные причины и позволили избрать турецкий язык как наиболее подходящий для опыта этногенетического анализа.

В турецком языке можно выделить несколько конкретных субстратов, восходящих к языкам ассимилированных турками групп малоазийского населения. Одной из таких групп, с которой вошли в соприкосновение перекочевывавшие в Малую Азию тюркские племена, были греки — древняя этническая общность с высокой оседлой земледельческой и мореходной рыболовецкой культурой. В течение многовекового общения с тюрками в тюркских государствах, образовавшихся на территории Малой Азии (государство Сельджукидов, княжества Караманидов, Данишмендидов и других династий), началась тюркизация малоазийских греков. Позже, в период Османской империи, новые крупные массы малоазийских греков были отуречены, влившись в состав турецкой народности. Ассимилированные греки внесли громадный вклад в турецкую культуру, оставили значительный след в турецком языке, особенно в его словарном составе.

Грецизмы, заимствованные турецким языком⁷, можно классифицировать по следующим тематическим разделам. Прежде всего, это географические и зооботанические реалии: названия морских ветров — *roğaz* (северный ветер), *iodos* (юго-западный ветер); морских явлений — *talaz* (морская волна), *yakamoz* (фосфоресцирование моря), *apafog* (прибой); морских рыб и животных — *pisi* (камбала), *paçota* (тунец), *zargana* (морской угорь), *vatoz* (скат), *lüfer*, *levrek*, *kofana* (виды морского окуня), *istakoz* (омар), *ahtapot* (осьминог), *çağanoz* (краб) и т. д.⁸.

Значительная часть мореходных и рыболовецких терминов в турецком языке также греческого происхождения: *egrer* (сеть), *prama* (тяжелая лодка), *perese* (грузило), *şararı* (шеремет), *dalyan*, *livar* (типы садков для рыбы), *körfez* (залив), *liman* (порт), *kemenk* (гарпун), *iskarmoz* (уклющина), *zoka* (рыболовный крючок), *kılavuz* (лоцман). С рыболовством связаны названия и рыбных блюд: *lâkerda* (соленая рыба), *li-*

⁶ Сборник «Историческое развитие лексики тюркских языков», М., 1961, Введение, стр. 4.

⁷ Этимология многих турецких слов указана в следующих работах: А. З. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I—II, СПб., 1869—1871; В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. I—IV, СПб., 1893—1911. Этимология указывается также в толковом словаре турецкого языка. См. «Türkçe sözlük», З. baskı, Ankara, 1959. Происхождение многих турецких слов отмечает и Д. А. Магазаник в своем «Турецко-русском словаре» (М., 1945). Кроме того, есть специальные работы по турецкой этимологии: G. Meyer, Türkische Studien, I. Die griechischen und romanischen Bestandtheile im Wortschatze des Osmanisch-Türkischen, «Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften», 1893, 128 Bd., I Abh., S. 1—93; B. Kerestedjian, Quelques matériaux pour un dictionnaire étymologique de la langue turque, London, 1912; A. Titze, Griechische Lehnwörter im anatolischen Türkisch, «Oriens», 1955, t. VIII, № 2, S. 204—257; его же, Einige weitere griechische Lehnwörter im anatolischen Türkisch, «Nemeth armağanı», Ankara, 1962.

⁸ За недостатком места в статье приводятся не исчерпывающие списки заимствованных слов, а лишь наиболее характерные примеры. Тех, кто интересуется более подробной этимологией турецкой лексики, можно отослать к вышеуказанным трудам, в которых разработан этот материал довольно основательно, хотя и в чисто лингвистическом аспекте.

korinoz (копченая рыба), şigoz (сушеная скумбрия), pilâki (жареная рыба с острой приправой).

К земледельческой терминологии относятся многие заимствованные названия сельскохозяйственных орудий: tırgan (коса), diren (вилы), düğen (молотильная доска); агротехнические термины: kirizma (глубокая пахота), gübre (удобрение), sınır (межа), fidan (привой), padas (земля под паром), filiz (всходы), fide (рассада), demet (сноп), tınaz (стог сена), temen (скирда); названия культурных и диких растений: kiraz (черешня), defne (лавр), taflan (лавровишня), küknar (ель), ahlat (дикая груша), dalya (виноградная лоза), razakı (сорт винограда), bezelye (зеленый горошек), biber (перец), maydanoz (петрушка), lâhana (капуста).

Близко примыкают к земледельческой терминологии и грецизмы, обозначающие элементы материальной культуры, непосредственно связанные с земледелием, например, названия мучных изделий: pide (лепешка из квашеного теста), simit (бублик), somun (каравай), beze (тесто), peksimat (сухарь).

Терминология, относящаяся к оседлому жилищу, строительству домов, также богата греческими заимствованиями: kulube, kelif (типы деревянных — бревенчатых или дощаных — хижин), kiler (кладовая), bodrum (погреб), avlu (огороженный двор), temel (каменный фундамент), tonos (свод), kiremit (черепица), tuğla (обожженный кирпич), moloz (щебень для фундамента), pedavra (дранка для покрытия кровли).

Некоторые исследователи считают, что слово hanaу — название двухэтажного дома особого типа (первый этаж — хозяйственно-подсобные помещения, второй — жилые комнаты) также заимствовано турками у греков. Так, А. Титце возводит его к греческому слову 'ανωγι (верхний этаж)⁹. В пользу подобной этимологии говорит и сам факт местного происхождения этого типа дома, характерного вообще для всего Восточного Средиземноморья.

Через греческий язык вошли в турецкий и многие итальянские слова, также относящиеся в большинстве к мореходно-рыболовецкой терминологии, например, dümen (руль судна), olta (удочка), iskele (пристань), sintine (трюм), fırtına (шторм); gümene (якорная цепь), güverte (палуба), и лексике, связанной с земледелием и оседлой жизнью: rekolte (сбор урожая), portakal (апельсин), fırın (печь в пекарне), mola (жернов), mandıra (крытый хлев), badana (штукатурка). Так, итальянское слово maangone (столяр) в греческом языке приняло окончание — ос (μαραγκος), конечная согласная которого уже в турецком стала звонкой: maangoz. Но многие итализмы проникали в турецкий язык и непосредственно из итальянского (морские, технические, коммерческие и другие термины), они вошли путем культурных контактов, безотносительно к этногенетическому процессу.

Обилие грецизмов в турецком языке, причем в лексике, обозначающей важнейшие элементы материальной культуры (например, земледельческая терминология представлена такими основными понятиями, как пахота, уборка урожая, межа, сноп, стог, скирда, коса, вилы, молотильная доска, каравай, лепешка), свидетельствует о сильнейшем влиянии местного греческого населения на культуру турок. Подобное влияние может быть объяснено именно тем, что греки приняли непосредственное и широкое участие в этногенезе турецкого народа, а не только простым культурным заимствованием в процессе длительного общения, хотя последнее также сыграло свою роль. О большом вкладе греков в этно-

⁹ А. Titze, Griechischen Lehnwörter..., S. 211.

генез турок говорит и факт проникновения многих греческих слов в области наиболее консервативной лексики, так называемой «интимной», например, в названия частей тела и органов человека, продуктов его жизнедеятельности, терминологию, связанную с рождением и воспитанием ребенка. Так, грецизмами являются *omuz* (плечо), *salıya* (слюна), *lõğusa* (роженица), *pınpı* (колыбельная)¹⁰. Последние два слова указывают на «женское» влияние, которое шло скорее всего через гречанок, вступавших в браки с турками или взятых в гаремы.

Вывод о крупном вкладе греков в формирование турецкого народа подтверждается фактами и из других источников. Так, турецкое население западных районов Малой Азии переняло антропологический тип местного дотурецкого населения. Это свидетельствует о том, что массы туркизированных греков были очень многочисленны: в их антропологическом типе совершенно растворились антропологические черты пришедших тюрков. Это находит объяснение и в фактах истории. В государстве Сельджукидов и в Османской империи существовала система массового набора и обучения христианских юношей, подростков и мальчиков для службы в армии и правительственных учреждениях — *девширме*. Впоследствии многие из них, естественно, окончательно ассимилировались с турками. При этом некоторые занимали крупные административные и военные посты, становились видными деятелями культуры и науки. Например, великий османский зодчий Синан и известный турецкий мореплаватель и картограф Пири Реис были греками по происхождению. Кроме того, немало гречанок, как уже отмечалось выше, попадало в турецкие гаремы. Но главным фактором этнического смешения все же был ассимиляционный процесс. Как известно, христианское население в Османской империи, в том числе и греки, облагалось дополнительными налогами, терпело много притеснений от властей, подвергалось опасности погромов и убийств. В этих условиях было выгодно (а часто это было и единственным способом спасти жизнь) принимать ислам, что и делали многие христиане. А новообращенные мусульмане уже более легко подвергались отуречиванию.

Турки заимствовали обрядовую сторону многих греческих обычаев и связанную с ней лексику. Так, грецизм *imese*, который обозначает особый вид взаимопомощи при сельскохозяйственных работах, сопровождаемый многими обрядами древнего земледельческого культа, свидетельствует о том, что по крайней мере обрядовая форма этого обычая была перенята перешедшими к оседлости турками у греков. Затем в районе Испарты (западная Турция) распространен магический обряд, связанный с географическими грецизмами *lodos* (юго-западный ветер) и *rougaz* (северный ветер): весной крестьяне-турки устраивают праздничное представление — выдачу дочери *лодоса* за сына *пойраза*. Это делается для того, чтобы «умилостивить суровый северный ветер и вызвать потепление погоды»¹¹. А. Титце приводит также заимствованное из греческого языка зейбеками (туркоязычное племя западной Анатолии) название дерева — *nehtel* (греч. *δαφνέλαο* «лавр»), почитаемого ими как «священное»¹². А ведь лавр как раз занимал у греков особое место в культовых обрядах.

¹⁰ Нужно подчеркнуть, что это не научные термины, которые обычно проникают в язык через литературу, а народные, широко бытующие в разговорном языке слова.

¹¹ Обряд описан в статье: Н. Farhan, Isparta'da Lodos'un kızını Rougaz'a gelin etmek, «Halk bilgisi haberleri», 1930, № 5.

¹² А. Titz e, Указ. раб., стр. 215. Многое заимствовано турками у греков в свадебном обряде: обычай публичного бритья жениха, факельное шествие после свадьбы и т. п. Сильное греческое влияние на фольклор и обычаи турок-стамбульцев обнаружил турецкий этнограф А. Сюхейль. Он приводит даже такой любопытный пример:

В местных малоазийских заимствованиях турецкого языка, особенно в его восточно-анатолийских диалектах, прослеживаются армянский и курдский пласты. Так, турецкий этнограф Х. Сарачоглу сообщает, что в ряде районов восточной Анатолии крытый хлев, овчарня и скотоводческий хутор называются *kom*¹³, молотильная доска — *kam*, упряжка в 6—12 быков с плугом — *kötan*, земли под паром — *hegk*¹⁴. Все эти слова — армянского происхождения¹⁵. А. З. Будагов приводит еще один арменизм в турецком языке — *agastak* (потолок)¹⁶. Очевидно, что заимствованная армянская лексика тоже связана с земледелием и оседлой культурой. Интересно, что в западной Анатолии большинству этих арменизмов соответствуют грецизмы: *mandıra* (хлев), *düğün* (молотильная доска), *padas* (земля под паром).

Часть армянских слов могла войти в турецкий язык через курдский, в котором их довольно много. Кстати, отмеченные арменизмы есть и в курдском языке: *кам* — молотильная доска, *гом* — овчарня, *котан* — плуг¹⁷.

В пользу более вероятного проникновения этой группы слов в турецкий язык через курдский говорит факт большего этнического смешения турок с курдами, чем с армянами, в силу их общей принадлежности к одной и той же религии — исламу суннитского толка. Как известно, общность религии играет важную роль в процессе ассимиляции, в частности, она значительно повышает процент смешанных браков между соседствующими этническими группами. Например, армяне, принимавшие ислам, туркизировались гораздо быстрее, чем армяне-христиане. Так, одну из этнографических групп населения Турции составляют хемшины, отуреченные армяне. Большая часть их была сначала исламизирована, затем утратила родной язык и отуречилась. Однако их меньшая часть, сохранившая христианство, хотя и усвоила турецкий язык, в то же время не утратила армянского, оставшись двуязычной группой.

К числу чисто курдских заимствований в турецком языке можно отнести такие скотоводческие термины, как *tiftik* (ангорская коза и ее шерсть), *lor* (сорт сыра из козьего молока), так как козоводство вообще, а особенно разведение ангорских коз, является характерной и, видимо, древнейшей чертой курдского кочевого скотоводческого хозяйства. Но в подавляющем большинстве скотоводческая терминология в турецком языке является тюркской, ибо основным занятием турков было именно скотоводство.

в Стамбуле несчастлив «тяжелым» днем считается вторник, день недели, когда Стамбул был взят турками, т. е. день, действительно несчастливый для греков. Но теперь это поверье перешло и к самим туркам. Он пишет также, что многие «святые места» одинаковы как для турок-мусульман, так и для греков-христиан, и что первые и вторые совершают к ним паломничества в одни и те же дни. (A. Sühel, Türkiye'de tıbbî folklor hakkında rapor, «Halk bilgisi haberleri», 1936, № 56). Многие греческие (а также и другие малоазийские — курдские, армянские) заимствования в духовной культуре турок отмечены в работах: В. А. Гордлевский, Из османской демонологии, «Этнографическое обозрение», 1914, № 1—2, стр. 1—45; его же, Османская свадьба, там же, № 3—4, стр. 1—60; его же, Османские исторические сказания, там же, 1915, № 1—2, стр. 1—17; его же, Быт османца в суевериях, приметах и обрядах, там же, № 3—4, стр. 1—14.

¹³ Постройки на пастбищах для зимнего содержания скота, имеющие запасы сена, называются *kom*. Со временем они превращаются в хутора и деревни (H. Sağaçoğlu, Doğu Anadolu, с. I, İstanbul, s. 266).

¹⁴ Там же, стр. 231, 436, 445, 468.

¹⁵ См., например, «Народы Кавказа», ч. II, М., 1962, стр. 464, 466, 498, 648, 649.

¹⁶ А. З. Будагов, Указ. раб., т. I, стр. 25.

¹⁷ Т. Ф. Аристова, Курды Закавказья, М., 1966, стр. 59, 94. Автор пользуется случаем выразить искреннюю благодарность М. Г. Асланову и А. Е. Панян за консультацию по армянским заимствованиям в турецком языке.

Курдизмы подводят нас к очень широкому пласту заимствований в турецком языке — иранскому. Этот пласт очень сложен, он как бы многослоен по времени и месту своего образования. Во-первых, это — сравнительно новые по времени, малоазийские по месту заимствования (например, из курдского языка); во-вторых, более ранние — переднеазиатские (например, из персидского языка) и, наконец, самые древние — среднеазиатские, восходящие к древним иранским языкам (сакским, аланским, согдийскому, хорезмийскому и др.). Волна тюркских племен, начавших в V—VI вв. массовое движение из Центральной Азии в Среднюю Азию, Переднюю Азию и Восточную Европу, к XI—XIII вв. постепенно докатилась до современных западных границ распространения тюркских народов — Малой Азии и Балкан. На всем этом долгом историческом пути она вбирала в себя иранские элементы (помимо других, если говорить в более широком смысле, индоевропейских элементов)¹⁸ как в отношении языка, так и культуры. Изменялись тюрки и антропологически, смешиваясь с европеоидами и в силу этого утрачивая по мере продвижения на Запад прежние монголоидные черты¹⁹.

Н. А. Баскаков делит историю развития тюркских языков на несколько эпох: алтайскую (она уходит далеко в древность²⁰, заканчиваясь в III в. до н. э.), хуннскую (продолжалась до V в. н. э.), древнетюркскую (V—X вв.), среднетюркскую (X—XV вв.), новотюркскую (XV—XX вв.)²¹. При этом он отмечает, что в алтайскую эпоху тюркские языки были мало разобщены с монгольскими, но что в хуннскую эпоху возрастает влияние древнеиранских языков на тюркские, а в древнетюркскую эпоху происходит полная дифференциация тюркских и монгольских языков²².

В свете этого общего процесса можно допустить, что выделению тюркских языков в самостоятельную ветвь в большой степени способствовало языковое и, следовательно, этническое влияние ираноязычных народов. Об этом говорят многочисленные лингвистические параллели между тюркскими и иранскими языками. Не противоречат этому предположению и последние данные исторической лингвистики, в частности топонимики, подтверждающие древнейшее распространение индоевропейского, главным образом ираноязычного, населения далеко на Восток, вплоть до Центральной Азии. Впоследствии же это население в большинстве своем было тюркизировано²³.

Об ассимиляции ираноязычных (или шире — индоевропейских) племен Восточного Туркестана и Западного Китая тюрками в конце хун-

¹⁸ Нас в данном случае интересуют те тюркские предки турок, которые продвигались в Малую Азию и на Балканы южным путем — через Среднюю Азию и Иран, а частично и через Дербентское ущелье. На всем этом длинном пути они встречались и смешивались с ираноязычным населением. Тюрки, попавшие на Балканы северным путем — через южнорусские степи, а затем проникшие с Балкан в Малую Азию, также принесли с собой многие иранские элементы. Но они подверглись и более широкому индоевропейскому влиянию, в частности славянскому. Осевшие же на востоке Европы тюркоязычные группы, в частности тюркские предки чуваш, испытали сильное воздействие финно-угорских языков и культуры.

¹⁹ Например, в огузской группе тюркоязычных народов монголоидные черты постепенно уступают место европеоидным, если рассматривать эти народы по их географическому расселению с востока на запад: туркмены, считающиеся европеоидами, еще имеют заметные монголоидные черты, у азербайджанцев их уже меньше, у турок — почти нет, у гагаузов — почти совсем нет.

²⁰ С. Е. Малов считал, что, судя по развитости языка тюркских письменных памятников V—VI вв. н. э., тюркские языки существовали «веков за пять до нашего летоисчисления»: С. Е. Малов, Древние и новые тюркские языки, «Изв. АН СССР», Отделение литературы и языка, 1952, т. XI, вып. 2, стр. 135.

²¹ Н. А. Баскаков, Указ. раб., стр. 28—45.

²² Там же, стр. 28.

²³ Подробное обоснование этой гипотезы является уже темой особой работы.

нской эпохи (III—V вв.) можно говорить уже как об историческом факте. В свою очередь в язык тюрков проникали иранские элементы. О контактах и этническом смешении между тюрками и ираноязычным населением этих районов в указанный период говорят очень древние иранские заимствования в тюркских языках: бёри/бёрю (волк), шад, ябгу (титулы родоплеменных предводителей), ашина (этноним тюркского — туркизированной иранского? — племени) и другие слова²⁴.

В древнетюркскую эпоху (V—X вв.) эта ассимиляция продолжалась. Она стала особенно интенсивной с начала VIII в., когда южный Туркестан со смешанным тюркским и иранским населением был завоеван арабами. В связи с исламизацией местного населения произошло широкое взаимодействие между тюркскими языками, с одной стороны, и иранскими (в том числе таджикским, персидским), с другой. Тюркские языки испытали в этот период сильнейшее влияние лексики, фонетической структуры и грамматического строя иранских языков²⁵. В это же время в тюркские языки (а также и в иранские) началось массовое проникновение арабских слов, о чем уже говорилось выше.

Словарь языков тюркских племен, составленный Махмудом Кашгарским в конце XI в., содержит много иранских слов: армуд (груша), армаган (подарок), кешюр (морковь), там (стена), кенд (город), тене (зерно)²⁶, акшам (вечер), бамук (хлопок), сирке (уксус) и другие²⁷. Все эти слова есть и в современном турецком языке: armut (груша), armagan (подарок), keşür (морковь, восточноанатолийские диалекты), kent (городок), tane (зерно), dam (крыша, землянка), akşam (вечер), pamuk (хлопок), sirke (уксус). Но вошли они, конечно, в турецкий язык, как уже давно освоенные тюрками слова, появившиеся в языках тюркских племен еще до прихода их в Малую Азию.

Иранская лексика в турецком языке относится ко многим сторонам хозяйства и культуры. Но ее преобладающая часть связана опять-таки с земледелием и оседлым бытом. Так, можно выделить названия растений: çavdar (рожь), pirinç (рис), nohut (горох), mercimek (чечевица), şalgam (репа), hiyar (огурец), karpuz (арбуз), şeftali (персик), nar (гранат); даже такие собирательные названия, как sebze (овощи), meyva (фрукты); агротехнические термины: bostan (огород), bahçe (сад), bağ (виноградник), harman (молотьба), pençer (пахарь), sarpan (яма для хранения зерна); наименования блюд и продуктов, связанных с земледельческой культурой: şerit (шпресная лепешка), erişte (лапша), reçel (варенье), nişaste (крахмал), maya (дрожжи), nan (хлеб), çorba (похлебка), pilâv (плов), hoşaf (компот); термины, связанные с постройкой оседлых жилищ: tahta (доска), cam (стекло), duvar (стена), pencere (окно), bacas (печная труба), pervaz (карниз), merdiven (лестница). Этимология большинства этих слов дана в словарях А. З. Будагова и В. В. Радлова как персидская. Такой же указана она и в словаре Д. А. Мара-

²⁴ Сводка работ о древних иранских заимствованиях в тюркских языках дана в книге: С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 11—113. См. также его статью «Проблемы ранней истории племени турок (ашина)» в сб. «Новое в советской археологии», М., 1965, стр. 278—281. В. И. Абаев возводит бёрю к сакскому бирга, сравнивает с осетинским бирэг (берэг): В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958, стр. 263. Ср. также русское «бирюк».

²⁵ Н. А. Баскаков, Указ. раб., стр. 41—60.

²⁶ «Divanü lûgat-it-Türk tercümesi», с. I, Ankara, 1939, s. 95, 140, 343, 431; с. III, Ankara, 1941, s. 44, 157.

²⁷ С. Ахаллы, Махмуд Кашгарынын сөзлүги ве түркмен дили, Ашгабат, 1958, стр. 71, 108, 137. Э. В. Севортян считает, что слово «акшам» заимствовано огузами из согдийского языка. Э. В. Севортян, Пробные статьи к этимологическому словарю тюркских языков, М., 1966, стр. 74.

заника. Однако это неверно. Как было показано выше, это лексика широкого круга иранских языков, а не только персидского языка.

Многие из приведенных слов есть и в среднеазиатских тюркских языках (туркменском, узбекском, киргизском, казахском), некоторые из них зафиксированы и в средневековых тюркских языках (чагатайском, куманском). Это еще раз говорит о том, что они были заимствованы тюрками в Средней Азии. Правда, эти слова в других языках имеют несколько иную фонетическую окраску и не всегда те же самые значения, что в современном турецком языке, например: туркм. там (дом), узб. шурпа (похлебка). Ср. турецкие *dam* (крыша, землянка), *çorba* (похлебка). Но это явление объясняется уже спецификой внутреннего развития самих указанных языков.

Кроме лексического влияния, субстраты в процессе языковой ассимиляции оказывают сильное воздействие и на фонетическую структуру ассимилирующего языка. Иногда это влияние в корне меняет всю звуковую систему победившего языка. Так, узбекский язык под воздействием таджикского (а таджики сыграли огромную роль в этногенезе узбеков) стал окаяющим и почти полностью утратил гармонию гласных, присущую тюркским языкам. А в азербайджанском, турецком и гагаузском языках появились новые согласные — в, ф, не характерные для тюркских языков. Последнее явление для азербайджанского языка объясняется ираноязычным влиянием, для турецкого, кроме общеираноязычного, также курдским²⁸ и греческим, для гагаузского — еще и славянским и романским. Таким образом, в изменениях фонетической структуры языка также отражаются этногенетические процессы²⁹.

Большое влияние оказали иранские языки и на грамматическую структуру турецкого языка (словообразование, морфологию и синтаксис): опромно число заимствований иранских предлогов, префиксов и суффиксов, союзов; в османском языке широко употреблялась иранская грамматическая форма, так называемый «персидский изафет»³⁰. Однако основная масса этих заимствований носила «книжный» характер — вошла в язык через персидскую литературу, а также через просвещение, администрацию, армию³¹.

До сих пор мы рассматривали в лексике турецкого языка заимствованные элементы — лексические субстраты, носители которых участвовали в этногенетическом формировании турецкого народа³². Однако основа турецкого языка — тюркская: типично тюркскими являются определяющие моменты фонетической структуры, грамматического строя, большинство лексики.

Здесь мы подходим к очень важному вопросу: всегда ли языковая доминанта (языковая основа, возобладавшая в процессе этногенеза) соответствует этнической (культурно-хозяйственной и антропологической) доминанте? Пример этногенеза турок дает на этот вопрос отрицатель-

²⁸ Например, в курдском языке часты случаи перехода б/п > в/ф: араб. шараб (вино) > курд. шерав; перс. хошаб (компот) > курд. хошаф. Эта закономерность, видимо, под влиянием курдского языка, усвоена некоторыми диалектами турецкого языка. Так, в диалектах центральной и восточной Анатолии слово «otomobil» (автомобиль, недавнее французское заимствование) превратилось в «tomofil».

²⁹ Рамки статьи не позволяют, к сожалению, подробно остановиться на этом вопросе.

³⁰ См. С. Майзель, Указ. раб., стр. 34—47.

³¹ Персидское культурное влияние было очень сильным в государстве Сельджукидов Малой Азии, где «придворным» языком был фарси.

³² В турецком языке много заимствований и из южнославянских, венгерского, румынского языков. Эти элементы тоже связаны преимущественно с оседлой культурой и земледелием. Но подробно остановиться на этом не позволяет ограниченный объем статьи.

ный ответ: в языке турок доминантой явилась тюркская основа (хотя и испытывавшая влияние малоазийских языковых субстратов), но в турецком этносе (хозяйственно-культурном типе, антропологическом облике) возобладали этнические субстраты ассимилированных по языку групп малоазийского населения. Правда, у турок обнаруживаются и элементы, восходящие к тюркскому этносу (отдельные черты культуры, преимущественно духовной, некоторые слабые признаки монголоидности), но это лишь частности.

Подобных примеров этнография знает немало. Но, с другой стороны, известны случаи и совпадения языковой и этнической доминанты в результате процесса этногенеза (например, у монголов, казахов). Таким образом, все зависит от конкретных исторических условий.

Тюркская основа турецкого языка сближает его с другими тюркскими языками, это является общим для данных языков (подобно тому как славянская языковая основа составляет общее для всех славянских языков). Чем же обусловлено особенное, отличающее один язык от другого в пределах языковой семьи? Очевидно, что, во-первых, это различные субстраты, вошедшие в состав родственных языков при ассимиляции иноязычных групп, а во-вторых, различные части самой основы, восходящие к разным племенным языкам и диалектам. Есть и третья причина, вызывающая различия между языками, — расхождение языков в процессе спонтанного развития. Но этот момент не имеет прямого отношения к проблеме этногенеза. Так, в языках тюркских народов особенное определили, с одной стороны, языковые субстраты ассимилированных этнических групп, например: у туркмен — древних иранских народов Средней Азии, у азербайджанцев — иранских народов Кавказа, мидян, албанов, персов, у турок — греков, курдов, армян, славян. С другой стороны, у турок, азербайджанцев, туркмен, гагаузов победившим в языке компонентом оказался огузский. Этот общий для указанных народов огузский компонент в то же время является и особенным, выделяющим огузскую языковую группу из всей тюркской семьи языков. Наконец, в этногенезе туркмен и, в меньшей степени, азербайджанцев приняли участие, помимо огузов, другие тюркские народы, например кыпчаки, также внесшие свои особенности как в язык, так и этнос этих народов.

Анализ огузского языкового пласта и сопоставление его частей в туркменском, азербайджанском, гагаузском и турецком языках дает более точное представление и об огузском этническом компоненте, о доли его участия в этногенезе названных народов. Прежде всего выясняется, что огузский языковый пласт больше сохранился у турок и гагаузов, а у азербайджанцев и особенно у туркмен он подвергся сильным изменениям под воздействием кыпчакских языков. Так, Махмуд Кашгарский отмечает, что для огузов характерны звонкие согласные в начале слова — д (вместо т), г (вместо к), а также б (вместо м): деве (верблюд), а не тев; как у других тюрков, гель (иди), а не жель, бен(я), а не мен³³. Он отметил также такие особенности языка огузов, как наличие грамматической формы на -асы — барасы ер (место, куда надо идти)³⁴, выпадение согласного звука г в аффиксе причастия настоящего времени — барган > баран (идуший)³⁵, вариант утвердительного междометия эв (да)³⁶. У турок и гагаузов мы как раз находим наиболее полное сохр

³³ «Divanü lûgat-it-Türk...», с. I, s. 31, 339; с. III, s. 225. См. также Н. А. Баканов. Тюркские языки, стр. 144.

³⁴ «Divanü lûgat-it-Türk...», с. I, s. 33.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 51.

нение всех этих особенностей: deve/деве (верблюд), dam/дам (крыша), то же самое у азербайджанцев, но у туркмен — tye, там; gel/гель (иди), но у туркмен и азербайджанцев — кель; ben/бен (я), но у туркмен и азербайджанцев — мэн; evet/эвет (да), но у азербайджанцев бэли, а у туркмен — хавва. Сохранилась у турок и грамматическая форма на -ası, а в аффиксе причастия настоящего времени отсутствует звук g. В лексике также существуют очень близкие параллели между турецким и гагаузским языками, не находящие себе аналогий в других тюркских языках даже огузской группы: тур. — ana baba, гаг. — ана боба (родители), тур. — dayı, гаг. — дайын (дядя по матери), тур. — karı и гаг. — кары (жена), тур. — enişte и гаг. — эниште (зять, муж сестры), тур. — düñr, гаг. — дюнюрджю (сват) ³⁷, тур. — tosun и гаг. — тосун (бычок), тур. — düve и гаг. — дюве (телка), тур. — kuzu и гаг. — кузу (ягненок), тур. — domuz и гаг. — домуз (свинья), тур. — koraу и гаг. — копай (охотничья собака) ³⁸. Выясняется также, что северо-западные диалекты турецкого языка сильно сближаются с гагаузским языком фонетически: возникновение вторичных долгих гласных в результате стяжения сочетаний гласных с согласной ğ/ə (aaç/aaç < ağaç/агач, buçday/буудай < buğday/буудай), ассимиляция n/nl > nn/nn — onnar/оннар < onlar/онлар, annamak/аннамак < anlamak/анламак ³⁹.

Наконец, турецкий язык, особенно его северо-западные диалекты, и гагаузский — оба сближаются с печенежским языком: ср. в печенежском языке переходы г/ > й в конце слов (бэг, бей), к/г > в (көкерчи > күверчи), т/д (тае > дае) ⁴⁰ с полной аналогией в турецком и гагаузском языках: beу/бей, güvercin/гюверджин, dağ/даг.

Таким образом, гагаузский язык и северо-западные диалекты турецкого языка сближаются между собой именно в отношении наибольшего сохранения огузских особенностей. Поэтому можно предположить, что у этих языков был какой-то общий огузский компонент, усиливший их огузские черты или способствовавший их сохранению, и очертить его ареал районом Фракии и северо-запада Малой Азии. Определить этническую принадлежность этого компонента помогают исторические данные. Известно, что накануне сельджукского завоевания и одновременно с ним турки проникали в Малую Азию и с северо-запада, с Балкан. Это были племена печенегов, узов, которые Византия селила в пограничных провинциях. В битве при Манцикерте в 1071 г. у византийцев на правом фланге были узы из Фракии, а на левом — печенеги. Они перешли на сторону огузо-туркменских войск Сельджукидов в этой битве. Видимо, в диалектах этих тюркских племен и нужно искать тот компонент, который усилил огузские черты гагаузского и турецкого языков: узы — это и были огузы ⁴¹, а печенеги — близкородственные им племена ⁴².

Стало быть, в этногенезе турок, кроме тюркских племен, переселившихся в Малую Азию с востока (преимущественно огузских и туркмен-

³⁷ См. Л. А. Покровская, Термины родства в тюркских языках, сб. «Историческое развитие лексики тюркских языков», стр. 25, 49, 57, 58, 60, 65, 76.

³⁸ См. А. М. Шербак, Названия домашних и диких животных в тюркских языках, там же, стр. 99, 101, 113, 124, 127.

³⁹ Примеры по гагаузскому языку взяты из указанной выше работы Н. А. Баскова, стр. 133.

⁴⁰ Примеры по печенежскому языку взяты там же, стр. 130.

⁴¹ Византийские хроники именовали огузов узами, арабские — гуззами, русские летописи — торками.

⁴² Часть печенегов входила в состав огузов и, естественно, сблизились с ними как в языковом, так и в этническом отношении.

ских), играли значительную роль и тюркские племена, проникшие в Малую Азию с запада, — узы и печенеги.

Итак, этнолингвистический анализ лексики турецкого языка позволяет сделать следующие выводы о некоторых закономерностях языкового и этнического взаимодействия в процессе этногенеза: 1) Лексические заимствования дают довольно точное представление о тех этнических группах, которые были ассимилированы в языковом отношении какой-либо этнической общностью в процессе этногенеза. 2) Субстратная лексика заимствуется зачастую (но не всегда) параллельно самим элементам культуры, которые она обозначает; для этногенетических выводов особенно показательна лексика, связанная непосредственно с хозяйством и культурой; легко выделяется географическая и зооботаническая лексика, заимствованная новообразовавшейся этнической общностью в процессе освоения заселяемой территории и принадлежащая, как правило, прежним насельникам этой территории. 3) При лексическом анализе языка в целях этногенетического исследования необходимо отделять от иноязычной лексики те лексические единицы, которые говорят лишь о культурном влиянии, культурных заимствованиях, отражают распространение какой-либо религиозной системы и т. п., но не связаны с этногенетическим процессом. 4) Анализ основы языка, указывающей на этнический компонент, возобладавший при языковом взаимодействии в процессе этногенеза, помогает определить, из каких этнических (в частности, племенных) групп состоял этот компонент.

SUMMARY

Being a case study of the turkish lexic, the article pursues the object to elucidate the linguistic influence of various ethnic strata in the process of ethnogenesis which is usually parallel to the cultural interaction.

The author comes to the conclusion that the lexicological analysis of a certain language (as well as grammatical and phonological ones) combined with the historical and anthropological data can provide rather precise and reliable facts on the ethnogenesis and ethnic history of the given people and particularly on the role of substratum in its formation.

Г. Ф. Деб ец

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АФГАНИСТАНЕ

В 1964—66 гг. автор этого сообщения, по поручению гуманитарного факультета Кабульского университета, собрал некоторые данные по этнической антропологии в разных провинциях Афганистана.

Декан факультета профессор Гулям Хасан Муджадиди и его заместитель профессор Мир Гуссейн-шах взяли на себя труд организовать эти исследования и получить необходимые ассигнования, сотрудники факультета профессора Нек Мохаммед Селим, Мухаммед Кабир Сар-вари, Моджавер Ахмед Зияр, Убайдулла Иса и Сеид Султан-шах Хом-мам сопровождали автора в поездках по стране, вели всю организационную работу на местах, заполняли опросную часть антропологических бланков, а также измеряли длину тела ¹.

Измерения головы, определения описательных признаков, а также запись этих данных всегда производились автором. На всем протяжении работы использовались одни и те же инструменты: толстотный циркуль Матьё с дуговой шкалой и скользящий циркуль фирмы Гнейпель. Цвет волос определялся по шкале Фишера, цвет кожи (на внутренней поверхности плеча) по шкале Лушана, цвет глаз по словесной схеме Бунака. Для описательных определений использовались модели Ярхо и графические схемы автора.

Работа еще не закончена даже в узких пределах ограниченной программы, однако уже теперь представляется целесообразным сообщить о полученных результатах.

В прилагаемых таблицах приведены средние арифметические и частоты тех признаков, которые представляются автору наиболее существенными. В той же таблице указано время сбора материала, что является, по мнению автора, необходимым условием публикации подобных данных даже в краткой форме. Всегда возможно, что границы классов описательных признаков в представлении исследователя несколько смещаются со временем. Подробные таблицы, в которые включены данные о всех признаках, о распределении описательных признаков по классам и о величинах стандартного отклонения измерительных признаков опубликованы ротационным способом ².

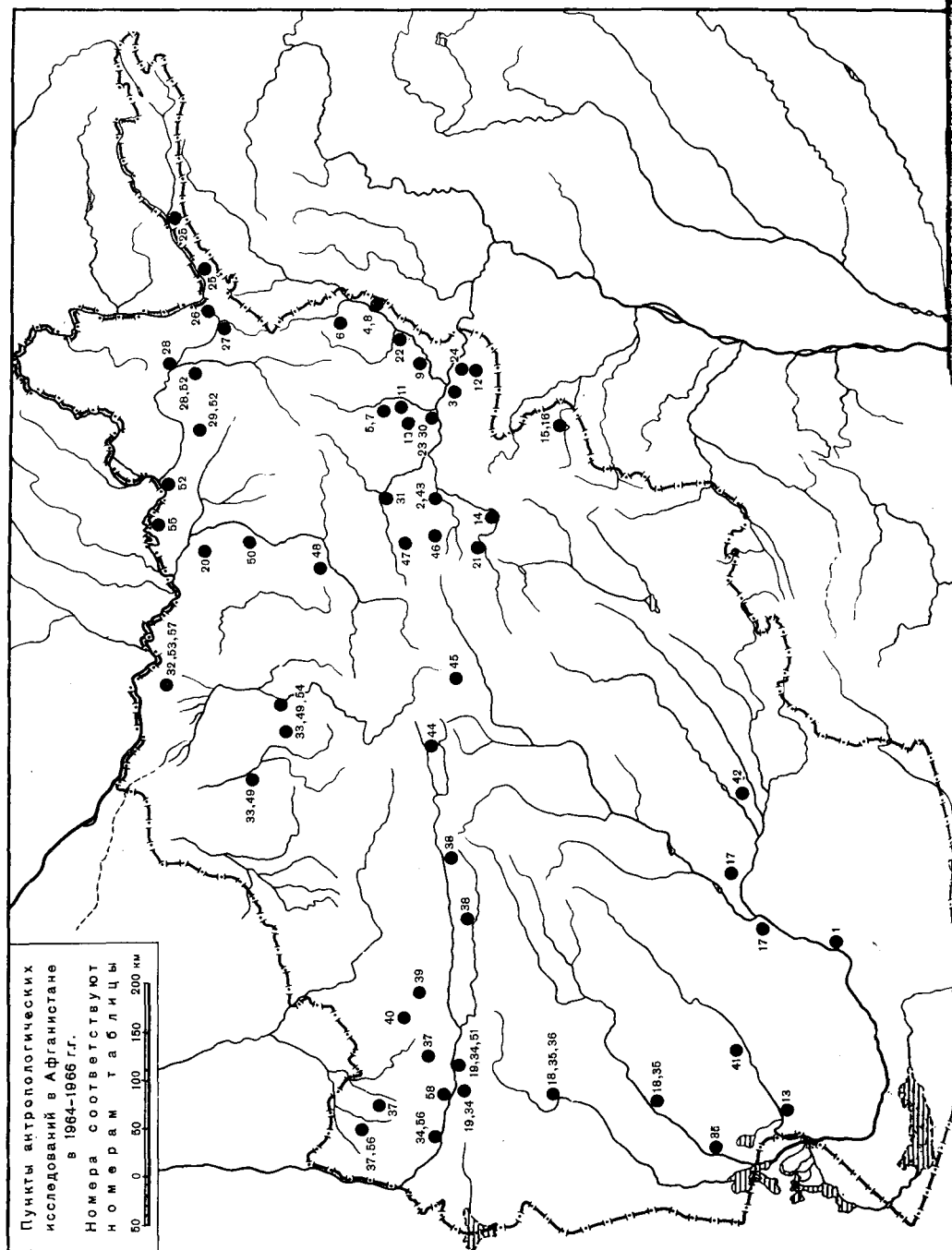
Положение пунктов исследования отмечено на прилагаемой карте.

Программа исследований была намеренно ограничена по трем причинам. Во-первых, представления об антропологических особенностях насе-

¹ Губернаторы провинций и другие административные лица неизменно оказывали автору большую помощь в организации работы.

Автор выражает всем им глубокую признательность, также как и шоферам Сураб-уд-дину и Ахмед-шаху, которые не считаясь со временем и порой с трудными условиями, обеспечили возможность посещения некоторых горных и пустынных районов.

² Желающие могут получить их у автора по адресу: Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт этнографии.

Средние величины и частоты основных признаков

	Брагуи (1) 22—23.12.65	Индусы (2) 20—25.11.64	Лжаты (3) 22—23.11.65; 18—19.1.66	Гуджары		Нуристанцы		Чиласи (9) 13.11.64	Пашаи		Белуджи (13) 19—20.12.65	Омруи (14) 1—7.11. 64	Пуштуны								
				Кунар (4) 11.11.64	Агингар(5) 10-17.1.66	Кати (6) 10.11.64	Ашкун (7) 10—17.1.66		Алашант (10) 17.11.65	Агингар (11) 18.11.65			Тирани (12) 23—24.11.65								
Общее число наблюдений	100	72	50	44	41	113	63	34	70	70	100	75	100	100	100	100	100	100	100	112	77
Возрастные группы	18	18	24	27	5	23	14	38	20	17	28	19	18	43	13	26	17	46	51	16	2
Возрастные группы	49	50	44	53	61	49	59	56	44	50	41	48	53	50	50	50	54	51	52	51	52
Возрастные группы	33	32	32	30	34	28	27	6	36	33	31	33	29	37	30	24	29	33	33	46	46
Возрастные группы	77	69	33	19	8	64	37	25	31	50	14	46	63	60	30	41	35	22	35	22	22
Возрастные группы	79	70	61	63	76	69	92	64	55	78	71	52	73	80	93	88	86	59	86	59	59
Возрастные группы	2,77	2,65	2,41	3,20	2,73	2,34	2,33	2,54	2,53	2,24	2,34	2,90	2,08	2,75	2,85	2,56	2,42	2,39	2,42	2,39	2,78
Возрастные группы	3,52	3,61	3,34	3,50	3,72	3,25	3,23	3,29	3,28	3,38	3,14	3,63	3,35	3,71	3,63	3,37	3,64	3,49	3,49	3,39	3,39
Возрастные группы	2,36	2,21	2,06	2,18	2,35	2,19	2,11	2,35	1,93	2,12	2,23	2,20	2,27	2,25	2,26	2,33	2,20	2,18	2,20	2,20	2,20
Возрастные группы	1,04	0,42	1,18	0,45	0,58	0,17	0,13	0,15	0,38	0,23	0,17	0,80	0,41	0,19	0,16	0,30	0,39	0,13	0,13	0,17	0,17
Возрастные группы	0	0	0	0	0	2	12	0	1	3	3	0	2	4	4	1	0	2	4	4	4
Возрастные группы	91	92	94	84	90	80	55	88	72	79	85	75	60	55	83	84	78	61	61	61	61
Возрастные группы	82	67	34	32	19	83	49	29	55	54	36	44	76	70	58	66	65	42	42	42	42
Возрастные группы	5,20	5,29	5,35	5,47	5,95	4,99	4,39	4,78	5,04	5,19	5,13	5,33	5,20	5,34	5,35	5,74	5,28	5,40	5,40	5,40	5,69
Возрастные группы	2,61	2,65	2,24	2,55	2,59	2,53	2,78	2,59	2,15	2,46	2,42	2,36	2,48	2,73	2,59	2,47	2,50	2,40	2,40	2,40	2,56
Возрастные группы	177,9	185,9	179,7	177,8	176,5	183,2	176,1	179,9	185,2	186,6	181,1	183,2	184,5	183,5	180,1	181,6	184,2	185,0	185,0	181,6	184,2
Возрастные группы	122,3	125,0	122,4	124,7	124,9	122,4	120,7	122,1	127,2	122,3	125,4	121,7	125,1	126,0	126,0	123,3	124,5	125,6	129,2	123,3	124,5
Возрастные группы	133,7	133,0	132,8	137,5	135,4	137,4	135,5	137,4	138,2	137,5	137,3	135,4	137,1	140,5	141,3	135,8	136,0	140,2	140,2	135,8	136,0
Возрастные группы	102,8	102,3	104,2	103,5	100,0	105,1	102,1	104,7	105,3	104,3	105,4	106,8	105,1	106,8	107,5	108,0	106,7	105,8	105,8	106,7	105,8
Возрастные группы	2,44	2,29	2,30	2,47	2,34	2,50	2,51	2,50	2,60	2,41	2,33	2,48	2,44	2,46	2,54	2,56	2,47	2,71	2,71	2,54	2,47
Возрастные группы	53,9	55,3	54,3	56,2	54,0	54,1	54,8	54,9	57,3	54,2	55,4	55,5	54,3	54,5	53,6	54,2	55,6	57,5	57,5	54,2	55,6
Возрастные группы	51,3	51,8	51,9	53,5	51,3	51,5	51,9	52,1	53,5	51,9	51,4	53,0	52,3	52,5	50,4	51,3	53,0	55,4	55,4	51,3	53,0
Возрастные группы	36,5	36,9	36,5	38,0	36,6	35,4	34,7	36,8	36,0	36,4	36,0	36,6	37,3	38,2	36,9	36,6	36,7	37,0	37,0	36,9	36,6
Возрастные группы	1	3	2	0	0	2	2	0	0	0	1	3	2	1	2	2	2	2	2	2	2
Возрастные группы	44	60	50	57	41	44	30	68	25	46	38	49	52	52	62	50	60	53	53	50	53
Возрастные группы	9	8	10	7	5	11	6	0	7	4	6	9	9	8	2	5	2	5	2	5	5
Возрастные группы	49	29	38	36	54	43	62	32	68	57	43	39	44	39	34	43	36	40	36	36	40
Возрастные группы	2,09	2,07	1,98	2,11	2,10	2,11	2,41	2,26	1,95	2,20	2,29	2,06	2,46	2,14	1,94	2,06	2,09	2,08	2,08	2,06	2,09

Т а б л и ц а 1 (окончание)

	Брауи (1) 22—23.12.65	Индусы (2) 20—25.11.64	Джаты (3) 18—19.1.66 22—23.11.65	Гуджары		Нуристанцы		Чиласи (9) 13.11.64	Пашаи		Тираи (12) 23—24.11.65	Белуджи (13) 19—20.12.65	Ормури (14) 1—7.11.64	Пунгуны		Фарах (18) 15—17.12.65	Гарат (19) 4—12.12.65	Кочевники дуррани (20) 14.12.64
				Кунар (4) 11.11.64	Алигар (5) 10—17.1.66	Кати (6) 10.11.64	Ашкун (7) 10—17.1.66		Алишанг (10) 17.11.65	Алигар (11) 18.11.65				Кочевники (15) 19—20.10.66	Кочевники (16) 19—21.10.66			
Положение осей ноздрей	2,38	2,30	2,30	2,23	2,22	2,48	2,43	2,26	2,20	2,40	2,32	2,30	2,36	2,27	2,14	2,22	2,31	2,31
Эпикантус %	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	0	0	0	1	0	1	4
Складка века %	39	49	62	46	44	41	44	53	47	59	46	49	37	51	57	53	46	43
Ширина рта	51,6	50,0	50,2	52,7	52,1	50,4	52,1	50,9	51,9	50,9	50,2	51,4	51,9	50,9	51,7	51,3	51,7	53,6
Высота верхней губы	13,7	13,5	12,7	12,2	11,2	12,4	11,2	12,5	12,6	11,7	13,8	14,6	13,9	13,4	13,2	13,5	14,6	14,6
Профиль верхней губы	2,17	2,14	2,02	2,16	2,18	2,06	2,10	2,06	1,95	2,08	1,97	2,13	2,15	2,55	2,39	2,02	2,09	2,45
«Толщина» обеих губ	16,0	19,7	16,7	17,0	17,8	16,9	17,3	17,4	18,4	17,6	16,6	15,3	15,4	16,6	16,6	17,9	16,5	15,3
Продольный диаметр	183,8	188,8	187,3	193,1	190,9	192,8	191,3	192,2	194,6	186,8	189,5	189,1	188,8	193,8	190,3	186,1	194,5	195,9
Поперечный диаметр	149,5	144,0	140,7	147,9	145,1	147,9	147,6	145,4	147,5	149,6	145,2	146,9	146,0	148,4	152,7	149,6	144,7	147,7
Наименьшая ширина лба	101,3	104,0	101,5	103,8	102,4	103,9	103,1	102,9	105,8	102,8	101,1	102,1	103,9	105,2	106,8	103,0	103,1	104,0
Наклон лба	2,62	2,57	2,40	2,23	2,41	2,53	2,50	2,32	2,75	2,54	2,67	2,66	2,39	2,65	2,45	2,65	2,54	2,14
Развитие надбровья	1,40	1,18	1,44	1,64	1,61	1,41	1,68	1,59	1,32	1,43	1,73	1,32	1,36	1,35	1,41	1,28	1,44	1,35
Длина тела	1635	1663	1635	1706	1680	1664	1645	1645	1649	1642	1662	1641	1700	1712	1693	1650	1675	1693

Примечание к таблице:

Волосы на груди и рост бороды: 5 баллов, 5 — очень сильно развит. Рост бровей: 3 балла, 3 — сильный (сросшиеся). Цвет кожи: О — Душан 3 и 7-9; 1—10-14; 2—15-18. Цвет волос: О — Фишер 16-24; 1 — 13-15 и 25; 2—9-12 и 26; 3—6-8; 4—5; 5—4; 6—27. Горизонтальная профилировка лица: 3 балла, 3 — суженная. Высота переносы: 3 балла, 3 — высокое. Положение осей ноздрей: 3 балла, 3 — сагитальное. Наклон лба: 3 балла, 3 — опущенное. Положение верхней губы: 3 балла, 3 — опущенная. Развитие надбровья: 4 балла (практически в Афганистане 3 балла), 1 — слабое. Профиль верхней губы: 3 балла, 3 — опистохейный. В таблицах приведены средние баллы. Измерительные признаки, как обычно, в миллиметрах.

	Пуштуны				Памирцы				Таджики								Физрукы (39)	Аймаки Калани-нав (40)														
	Кунар (22)		Лагман (23)		Наврухтар (24)		Ваханцы (25)		Кашкар (26)		Джурм (28)		Кешм (29)		Лагман (30)				Чаркор (31)		Бахт (32)		Сангчарак (33)		Герат (34)		Фарак (35)		Теймур, сури, танди (36)		Джешмиды (37)	
	10—11.11.65	11—12.11.64	18—20.11.65	24—25.11.65	12—14.9.66	14—15.9.66	15—16.9.66	1—2.8.66	3—8—19.66	18—20.11.65	26.12.64	20.12.64	24—28.9.66	4—13.12.65	15—18.12.65																	
Общее число наблюдений Возрастные группы % Форма волос % прямых Золосая или покров на груди Рост бороды Рост бровей Цвет кожи Цвет глаз % светлые % карие Цвет волос Золос Средний бал Горизонтальная профилировка лица	100	100	100	100	103	109	100	124	93	100	102	100	100	88	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
	21	20	24	22	17	22	19	14	20	26	23	19	21	21	18	26	23	26	23	26	23	26	23	26	23	26	23	26	23	26	23	26
	39	44	44	55	47	48	51	70	47	41	52	51	45	52	53	36	50	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	
	40	36	32	23	36	30	30	16	33	33	22	36	27	29	33	22	26	26	26	26	26	26	26	26	26	26	26	26	26	26	26	
	55	45	48	25	6	11	6	13	19	56	41	6	8	28	49	23	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	
	74	56	77	68	100	64	83	85	74	71	63	67	63	75	67	78	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	
	2,46	2,39	2,27	2,35	1,70	1,73	1,72	2,40	2,40	2,18	1,93	1,99	2,19	2,08	2,18	2,52	2,04	1,58	2,28	2,28	2,28	2,28	2,28	2,28	2,28	2,28	2,28	2,28	2,28	2,28	2,28	
	3,37	3,55	3,29	3,26	3,17	3,38	3,04	3,54	3,14	3,32	3,04	3,36	3,36	3,23	3,43	3,84	3,28	3,17	3,58	3,58	3,58	3,58	3,58	3,58	3,58	3,58	3,58	3,58	3,58	3,58	3,58	
	2,15	2,28	2,22	2,39	2,20	2,14	2,14	1,89	2,18	2,20	2,03	1,94	2,16	2,28	2,23	2,24	2,20	1,95	2,10	2,10	2,10	2,10	2,10	2,10	2,10	2,10	2,10	2,10	2,10	2,10	2,10	
	0,18	0,23	0,24	0,16	0,20	0,15	0,21	3,27	0,22	0,28	0,09	0,18	0,20	0,13	0,41	0,31	0,07	0,08	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07	0,07
1	2	2	1	1	2	4	2,13	2	2	1	0	0	2	1	0	0	0	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	
55	86	78	80	67	58	70	0,05	64	86	76	87	74	84	91	86	80	77	74	74	74	74	74	74	74	74	74	74	74	74	74	74	
81	60	59	52	44	48	45	2	27	71	52	29	18	45	70	36	33	59	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	
5,65	5,15	5,20	5,25	4,76	5,11	5,12	4,8	5,23	5,39	5,36	5,28	5,44	5,34	5,22	5,48	5,39	5,33	5,48	5,48	5,48	5,48	5,48	5,48	5,48	5,48	5,48	5,48	5,48	5,48	5,48	5,48	
2,53	2,45	2,22	2,41	2,15	2,15	2,18	3,38	2,23	2,29	2,46	2,12	2,24	2,37	2,65	2,57	2,19	2,26	2,53	2,53	2,53	2,53	2,53	2,53	2,53	2,53	2,53	2,53	2,53	2,53	2,53	2,53	
185,4	181,3	181,5	183,6	179,4	178,0	179,2	2,37	182,7	180,3	185,0	182,9	187,5	183,8	179,5	180,5	183,5	184,0	185,2	185,2	185,2	185,2	185,2	185,2	185,2	185,2	185,2	185,2	185,2	185,2	185,2	185,2	
128,8	123,8	123,8	124,5	122,6	123,0	121,9	124,5	129,6	126,1	126,3	126,3	127,1	124,2	123,3	125,2	126,2	126,1	126,2	126,2	126,2	126,2	126,2	126,2	126,2	126,2	126,2	126,2	126,2	126,2	126,2	126,2	
135,9	137,8	136,0	137,4	138,4	138,4	139,4	148,4	139,6	136,4	136,5	140,0	143,1	136,2	134,8	136,4	136,2	136,7	136,8	136,8	136,8	136,8	136,8	136,8	136,8	136,8	136,8	136,8	136,8	136,8	136,8	136,8	
105,4	106,2	105,9	106,0	104,5	105,5	107,2	125,5	106,6	105,7	104,5	106,9	109,4	106,8	104,9	105,4	106,9	106,7	107,7	107,7	107,7	107,7	107,7	107,7	107,7	107,7	107,7	107,7	107,7	107,7	107,7	107,7	
2,52	2,55	2,34	2,47	2,27	2,41	2,28	4,39	2,52	2,31	2,57	2,31	2,32	2,27	2,44	2,45	2,26	2,29	2,51	2,51	2,51	2,51	2,51	2,51	2,51	2,51	2,51	2,51	2,51	2,51	2,51	2,51	
55,8	55,9	54,8	55,7	53,6	53,4	52,7	107,9	53,5	54,8	54,1	54,6	54,5	54,6	53,1	53,8	55,1	54,7	54,7	54,7	54,7	54,7	54,7	54,7	54,7	54,7	54,7	54,7	54,7	54,7	54,7	54,7	54,7
53,1	52,8	52,3	53,3	50,6	50,5	49,7	2,36	50,4	52,1	51,9	51,3	51,8	51,6	50,5	51,1	51,7	51,6	52,4	52,4	52,4	52,4	52,4	52,4	52,4	52,4	52,4	52,4	52,4	52,4	52,4	52,4	52,4
36,4	36,8	36,6	36,4	36,2	35,3	36,4	55,0	36,3	37,0	36,0	36,0	37,3	36,9	37,3	37,1	36,6	36,2	36,7	36,7	36,7	36,7	36,7	36,7	36,7	36,7	36,7	36,7	36,7	36,7	36,7	36,7	36,7
1	4	3	0	3	4	3	51,6	2	4	1	0	5	2	4	3	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
47	32	49	47	50	44	62	36,5	58	61	50	59	60	65	60	57	51	63	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59
12	3	5	2	5	8	7	2	7	5	8	3	9	6	7	7	2	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
40	51	43	51	42	44	28	58	33	30	41	38	26	27	29	38	45	29	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33
2,07	2,08	2,08	2,06	1,94	1,95	2,02	6	1,93	2,06	2,05	1,96	1,96	2,18	1,93	2,43	2,09	2,00	2,05	2,05	2,05	2,05	2,05	2,05	2,05	2,05	2,05	2,05	2,05	2,05	2,05	2,05	2,05
2,40	2,38	2,15	2,42	2,23	2,26	2,16	34	2,21	2,09	2,29	2,17	2,26	2,18	2,17	2,34	2,31	2,20	2,24	2,24	2,24	2,24	2,24	2,24	2,24	2,24	2,24	2,24	2,24	2,24	2,24	2,24	2,24
2	0	1	2	1	1	1	2,17	2	0	1	9	4	1	4	2	2	6	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8	8
54	43	59	43	75	67	72	2,25	64	44	47	74	64	60	60	62	63	65	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60
Складка века %							1																									

Таблица 2 (окончание)

	Пуштуны				Памирцы			Таджики							Аймаки					
	Вардак (21) 10-11.11.65	Кунар (22) 12-11. 64	Латман (23) 18-20.11.65	Танграпар (24) 24-25.11.65	Ваканцы (25) 12-14.9.66	Ишканишцы (26) 14-15.9.66	«Забакан» (27) 15-16.9.66	Джурм (28) 1-2.8.66	Кешем (29) 3-8.18-19.66	Латман (30) 18-20.11.65	Чарикор (31) 26.12.64	Балх (32) 20.12.64	Сангчарак (33) 24-28.9.66	Герат (34) 4-13.12.65	Фарах (35) 15-18.12.65	Текмурин, зурин, танри (36) 15-16.12.65	Джамшиды (37) 5-7.12.65	Таймени (38) 6-7.10.66	Фирзакун (39) 1-2.10.66	Аймаки Кала-и-нау (40) 1-2.10.66
Ширина рта	50,8	50,0	50,4	50,6	50,7	50,0	50,3	49,4	50,3	49,4	49,0	49,6	50,6	50,9	50,4	50,8	50,4	50,0	49,7	50,3
Высота верхней губы	13,3	13,0	12,6	13,4	13,4	13,2	13,5	14,0	13,4	12,4	14,2	14,3	14,5	14,6	14,6	15,0	13,9	14,0	15,0	15,1
Профиль верхней губы	2,36	2,25	2,15	2,24	1,97	2,02	2,00	2,17	2,04	2,00	2,13	1,75	2,09	2,00	1,95	2,10	1,96	2,21	2,30	2,15
«Толщина» обеих губ	16,0	16,9	15,9	16,5	15,5	15,5	15,1	16,6	15,7	17,0	17,4	15,5	15,5	15,1	16,5	14,9	15,8	15,4	14,8	14,7
Продольный диаметр	192,3	193,5	188,5	189,7	180,2	180,5	181,5	182,4	181,8	186,0	185,2	183,6	183,5	195,4	194,0	195,9	195,0	192,8	195,0	195,0
Поперечный диаметр	144,5	147,0	146,9	146,9	152,9	152,4	151,6	154,6	154,3	147,2	149,0	151,8	156,1	143,5	142,1	144,9	144,3	145,1	144,5	146,1
Наименьшая ширина лба	103,7	103,7	103,2	102,2	104,6	104,8	104,9	105,2	105,6	102,4	103,0	105,3	105,9	103,2	102,8	104,2	103,1	104,4	102,7	103,4
Наклон лба	2,74	2,44	2,65	2,78	2,58	2,64	2,54	2,72	2,89	2,51	2,49	2,83	2,67	2,52	2,62	2,58	2,48	2,46	2,54	2,29
Развитие надбровья	1,28	1,54	1,28	1,14	1,24	1,44	1,34	1,28	1,42	1,27	1,42	1,23	1,35	1,22	1,21	1,25	1,23	1,32	1,23	1,26
Длина тела	1701	1694	1663	1675	1620	1638	1620	1679	1658	1637	1693	1698	1671	1665	1655	1654	1662	1650	1672	1673

Таблица 3

	Персы (41)	Кизилбашы (42)	Афшары (43)	Хазара						Моголы		Узбеки				Туркмены		Арбабы (57)	Бакрен (58)		
				Лан (44)	Панджков (45)	Бесуд (46)	Гурбанд (47)	Душин (48)	Сангчарак (49)	Аккор (50)	Герат (51)	Бадкшан (52)	Т-58	Балх (53)	Сангчарак (54)	Кундуз (55)	Герат (56)				
Общее число наблюдений	55	56	100	100	98	118	80	100	100	100	100	72	50	138	97	100	100	100	109	90	23
Возрастные группы	24	27	25	20	13	24	28	31	25	25	31	18	18	14	14	18	18	23	22	18	17
Возрастные группы	49	48	39	52	60	46	56	45	46	46	45	43	34	51	60	44	44	48	51	45	26
Возрастные группы	27	25	36	28	27	30	16	24	29	29	24	39	48	29	26	38	29	29	27	37	51
Возрастные группы	35	29	35	20	15	14	21	36	6	6	17	17	12	42	3	4	4	4	36	11	44
Возрастные группы	60	83	60	90	93	57	86	18	83	83	81	82	83	75	100	100	100	100	75	—	36
Возрастные группы	2,78	2,55	2,25	1,36	1,22	1,46	1,22	1,22	1,28	1,38	1,22	1,86	1,95	1,55	1,87	1,46	1,54	1,76	2,14	2,70	2,70
Возрастные группы	3,48	3,46	3,48	2,52	2,39	2,56	2,57	2,57	2,36	2,36	2,57	2,93	2,94	2,91	2,96	2,66	2,52	3,01	3,39	3,89	3,89
Возрастные группы	2,35	2,26	2,42	1,87	1,87	2,00	1,80	1,96	1,83	1,83	1,96	2,41	1,96	1,97	1,89	1,83	1,71	2,04	2,39	2,04	2,04
Возрастные группы	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00

Цвет светлые % карие % голубые	0	82	96	70	78	0	1	69	76	75	0	0	74	60	2	0	81	82	75	1	0	4
Цвет волос % светлый % темный	0	5,10	5,49	5,41	5,19	0	1	52	5,36	5,31	0	0	24	22	4,81	5,09	5,44	23	5,00	5,30	0	87
Горизонтальная профилировка лица	0	2,27	2,50	1,91	2,19	0	1	5,67	1,79	4,74	5,31	0	1,69	1,75	5,48	1,86	1,94	1,75	1,98	0	5,55	2,61
Физиономическая высота лица	177,4	181,9	185,7	186,8	187,0	187,5	188,4	189,9	185,1	181,7	187,7	185,3	190,4	189,2	184,5	185,7	185,7	184,5	184,5	185,7	184,6	
																						177,4
Морфологическая высота лица	119,9	124,1	126,7	127,0	127,5	127,5	127,5	127,5	127,5	127,5	127,5	127,5	127,5	127,5	127,5	127,5	127,5	127,5	127,5	127,5	127,5	
																						119,9
Скуловой диаметр	131,9	133,8	135,2	142,9	142,9	142,9	142,9	142,9	142,9	142,9	142,9	142,9	142,9	142,9	142,9	142,9	142,9	142,9	142,9	142,9	142,9	
																						131,9
Нижнечелюстной диаметр	103,8	103,2	105,7	110,0	109,1	109,1	109,6	109,5	108,2	108,2	110,0	103,6	109,5	110,4	109,4	108,9	110,1	109,4	109,4	108,9	110,1	
																						103,8
Высота переносья	2,36	2,27	2,31	1,83	1,83	1,83	1,87	1,84	2,25	2,04	2,09	2,24	1,99	2,12	2,07	2,48	2,52	2,48	2,07	2,48	2,52	
																						2,36
Высота носа от назиона	51,8	53,8	54,5	54,8	54,3	56,8	53,4	56,4	56,4	56,4	54,9	53,8	55,3	56,9	55,2	56,0	55,0	56,0	55,2	56,0	55,0	
																						51,8
Высота носа от селлона	49,4	50,6	51,4	50,1	49,9	50,4	51,6	49,2	52,0	50,3	50,8	50,3	51,0	51,6	51,4	52,4	52,8	51,4	52,4	52,8	52,8	
																						49,4
Ширина носа	36,9	37,2	36,6	38,0	37,1	37,0	38,3	38,4	36,9	37,2	37,2	36,9	37,0	36,6	37,0	36,6	37,0	36,6	37,0	36,6	36,8	
																						36,9
Общий профиль спинки носа, %	5	9	55	61	58	17	7	16	6	12	4	7	3	5	0	0	0	5	0	0	0	
																						5
Положение кончика носа	2,00	1,86	2,00	1,84	2,00	1,99	1,91	1,91	1,91	2,11	1,92	1,82	1,85	1,75	1,90	2,15	2,17	2,17	2,12	2,12	2,17	
																						2,00
Положение осей ноздрей	2,21	2,25	2,16	1,96	2,00	2,02	2,01	2,01	2,01	2,01	2,01	2,01	2,01	2,01	2,01	2,01	2,01	2,01	2,01	2,01	2,43	
																						2,21
Эпикантус %	0	9	66	93	24	60	2	32	29	19	28	4	14	10	17	7	0	0	0	0	0	
																						9
Складка века %	65	51,1	49,8	50,9	14,3	14,7	14,3	14,9	14,6	14,7	14,2	14,7	15,2	14,0	15,1	14,8	15,4	15,5	15,5	15,7	15,7	
																						65
Ширина рта	13,6	14,3	14,3	14,4	14,4	14,6	14,7	14,2	14,7	14,2	14,7	15,2	14,0	15,1	14,8	15,4	15,5	15,5	15,7	15,7	15,7	
																						13,6
Высота верхней губы	1,94	16,2	19,1	14,7	17,1	16,6	15,7	17,1	15,9	17,2	15,4	14,6	14,6	15,7	15,1	16,3	14,8	16,2	14,7	14,7	14,7	
																						1,94
Профиль верхней губы	189,4	193,4	192,5	186,3	185,3	189,7	186,1	183,2	193,5	194,3	183,9	186,0	183,4	194,3	196,6	184,4	184,4	184,4	184,4	184,4	184,4	
																						189,4
Продольный диаметр	144,1	144,6	143,7	154,5	153,5	147,6	155,4	153,4	147,7	144,2	156,2	150,9	154,3	147,2	144,2	151,9	154,4	154,4	154,4	154,4	154,4	
																						144,1
Поперечный диаметр	102,0	101,6	102,4	105,3	105,3	103,2	105,6	105,8	104,7	102,9	106,3	105,0	104,1	104,5	102,6	106,0	106,0	106,0	106,0	106,0	106,0	
																						102,0
Наименьшая ширина лба	2,74	2,50	2,67	2,66	2,56	2,38	2,58	2,64	2,47	2,51	2,66	2,85	2,75	2,70	2,63	2,36	2,82	2,82	2,36	2,82	2,87	
																						2,74
Наклон лба	1,32	1,49	1,29	1,18	1,28	1,32	1,42	1,25	1,36	1,46	1,20	1,24	1,33	1,27	1,17	1,26	1,17	1,26	1,17	1,26	1,17	
																						1,32
Развитие надбровья	1620	1657	1681	1643	1636	1654	1665	1664	1665	1668	1668	1668	1668	1668	1668	1668	1668	1668	1668	1668	1668	
																						1620
Длина тела	1620	1657	1681	1643	1636	1654	1665	1664	1665	1668	1668	1668	1668	1668	1668	1668	1668	1668	1668	1668	1668	
																						1620

ления земного шара и отдельных его областей все еще базируются в первую очередь на «классических» признаках строения лица и покровов. Поскольку, в этом отношении население Афганистана оставалось почти не изученным, представлялось естественным закончить прежде всего этот этап исследования, чтобы развитие наших представлений об антропологии Афганистана шло по тому же пути, по которому развивалась антропологическая наука в целом. Во-вторых, увеличение программы неизбежно повлекло бы за собой уменьшение числа исследованных групп (увеличить число сотрудников не представлялось возможным). В-третьих, наконец, сбор данных по группам крови, по дерматоглифике и по другим признакам, к которым теперь в наибольшей мере привлечено внимание антропологов, может быть осуществлен разными лицами и в течение более длительного срока, в то время как в определении описательных признаков субъективный фактор играет, к сожалению, очень большую роль. Поэтому сравнимость данных весьма выигрывает, если они собраны в течение короткого времени и одним лицом, к тому же обладающим длительным опытом. Эти условия являются, конечно, очень существенным препятствием для нормального развития данной отрасли антропологической науки. С полным основанием указывалось, что составление фототек сняло бы многие трудности и создало бы условия для гораздо более плодотворного развития исследований в этой области. К сожалению, по причинам материального и технического свойства в Афганистане не удалось собрать такую фототеку.

При выборе групп для исследования пришлось столкнуться с рядом затруднений³. В Афганистане в основном завершается процесс консолидации афганской нации. Границы между отдельными этнографическими группами все более стираются, хотя, конечно, не в равной мере. Уже три поколения назад завершилось политическое объединение территории, начавшееся еще в XVIII в. В настоящее время все население Афганистана объединено и экономически. Национальная общность афганцев представляет собой один из примеров характерного для нашей эпохи процесса, в котором общность языка является далеко не столь существенным фактором, как например, в XIX и в начале XX в. Языки пушту или дари⁴, закрепленные ныне действующей конституцией как официальные, являются разговорными (родными) почти для 90% населения. Нет сомнения, что владение этими языками является необходимым условием культурного развития всех этнографических групп Афганистана. Кроме них, всемирному быту сохранилось, правда, еще около тридцати языков, из которых на узбекский приходится около 9%, на туркменский около 2% и на все остальные тоже около 2%. Сохранению этих языков способствует далеко еще не изжитое затворничество женщин. Будучи почти изолированными от общественной жизни, матери семейств сохраняют язык своих предков и передают его детям обоего пола.

Однако этнографические группы афганской нации в той или иной степени еще могут быть выделены не только по языку. Кроме общенационального самосознания, сохранилось также сознание принадлежности к

³ Эти затруднения были бы неизмеримо больше, если бы мы не располагали работой С. И. Брука (С. И. Брук, Этнический состав стран Передней Азии, «Сов. этнография», 1955 г., № 2) и ее последующими модификациями: Карта народов Передней Азии, М., 1960, а также Атлас народов мира, М., 1964. После трех поездок по стране мы смогли, конечно, отметить несколько второстепенных неточностей в картах С. И. Брука. Однако автор должен, несколько не преувеличивая, заявить, что без этих карт работа по антропологии Афганистана была бы выполнена на гораздо более низком уровне.

⁴ В живой речи этот термин еще только начинает укрепляться. Подавляющее большинство афганцев называет этот язык фарси.

определенной этнографической группе, для обозначения которой чаще всего употребляется арабский термин *каум*. В русской терминологии нельзя, пожалуй, найти точный эквивалент этому понятию. Да и содержание его довольно расплывчато и вряд ли может быть научно сформулировано.

Начать с того, что семьи, ведущие свою генеалогию от рода Мухаммеда, причисляют себя к кауму «сеид» независимо от языка, местожительства и образа жизни. Сеиды могут жениться на девушках из другого каума, но дочерей своих отдают только за сеидов. Местами сеиды составляют чуть не все население некоторых деревень. Следовало бы, пожалуй, для целей антропологического исследования выделить их в особые группы, но это не было сделано. Во-первых, автор, особенно на первых этапах работы, был совершенно недостаточно знаком с этнографическими особенностями исследуемых групп. Во-вторых, сеиды в общем сравнительно малочисленны и из них трудно было составить достаточно представительные группы. В-третьих, они, по крайней мере на глаз, не отличаются от людей, среди которых живут. Последнее не относится, однако, к сеидам хазара, которые заметно отличаются от остальных хазара гораздо меньшей выраженностью признаков монголоидной расы. По отношению к хазара пересчет данных с выделением сеидов всех шести территориальных групп будет произведен в ближайшее время. Надо заметить, что сеиды хазара, очевидно, вследствие своей принадлежности к шиитскому толку ислама, почти никогда не вступают в браки с сеидами суннитами. В какой-то мере они вместе с тем представляют собой часть каума хазара, хотя брачные ограничения по отношению к другим хазара действуют здесь в обычной форме.

Вообще брачные отношения у афганцев очень сложны и в дальнейшем следует обращать на эту сторону дела гораздо больше внимания чем это удалось сделать автору. Здесь, конечно, возникнут большие трудности, так как между полным запретом брачных связей тех или иных групп и полным отсутствием ограничений браков между определенными группами существуют все степени перехода, когда браки заключаются, но «редко», «не очень часто» и т. п.

Ниже приводятся краткие сведения об исследованных группах в том порядке, в каком они помещены в таблицах. Данные о религии и об образе жизни приводятся только в тех случаях, когда речь идет не о суннитах и не об оседлых земледельцах, к каковым относится большинство исследованных групп. Несколько более подробные данные имеются в упомянутых ротапринтных публикациях.

1. Брагуи. Эта немногочисленная группа полукочевников живет на юге страны от пакистанской до иранской границы. Сильно смешаны с белуджами, белуджский язык знают все, хотя все же помнят и свой. С пуштунами в браки не вступают, но языком пушту владеют, по крайней мере мужчины. Ничем не отличаются, по их словам, от брагуев Белуджистана (Западный Пакистан) и до последнего времени свободно переходили почти не отмеченную на территории границу. Исследованы в долине Гильменда, следовало бы для контроля обследовать еще одну группу в юго-восточном углу страны, где их живет довольно много в округе Шоравак.

2. Индусы. Это наиболее обособленная группа населения Афганистана. По религии индуисты или сикхи, по образу жизни почти исключительно городские торговцы. Родной язык — пенджабский в Кабуле, Чарикоре и в Джалалабаде, синдский — в Кандагаре (там сикхов мало). Все, конечно, свободно владеют пушту и дари, теперь многие пользуются этими языками и в домашнем быту. Исследованная группа происходит

из Кабула, среди них есть и индуисты, и сикхи. Последних исследовать трудно, они очень неохотно снимают тюрбан, что запрещено обычаем. Следовало бы собрать данные также по индусам Кандагара.

3. **Дж а т ы**. Это тоже очень обособленная группа. Происхождение названия установить не удалось. Ясно, однако, что «джаты» Афганистана это совсем не то, что джаты Индии. По образу жизни афганские джаты — настоящие цыгане, они живут в палатках, дают представления с обезьянками, женщины изготавливают украшения и торгуют ими, гадают. Формально мусульмане сунниты, но женщины чадры не носят и держатся свободно, без смущения разговаривают с мужчинами. Между собой говорят на языке, который сами, как слышалось автору, называют энку (диалект пенджабского?)⁵. На вопрос о кауме около половины исследованных отметили, что они «белуджи», другие отвечают неопределенно. В брачном отношении совершенно изолированы. Кочуют между Кабулом, Жалалабадом и Хостом. Говорят, что численность их около пяти тысяч шатров, возможно, что эти данные сильно преувеличены.

4—5. **Г у д ж а р ы**. Переселились в Афганистан из Кашмира, по их словам, в прошлом столетии. Козоводы, земледелием не занимаются, живут в шалашах из камней и ветвей, под скальными навесами. Впрочем, в Кунарской долине некоторые гуджары теперь живут зимой в деревнях в обычных здесь глинобитных домах. В брачном отношении изолированы, хотя, пожалуй, не в такой степени как джаты. Исследованы в долине Алингара и Кунара, в других местах гуджаров нет.

6—7. **Н у р и с т а н ц ы**. До обращения в мусульманство в 1890-х годах назывались кафирами. В научной западной литературе этот термин употребляется и поныне, в особенности по отношению к языкам. Изоляция этих групп несколько уменьшилась, пожалуй, по сравнению с прошлым столетием, но незначительно. Дорог по-прежнему почти нет, можно проехать только по долине Башгела, языки вполне сохранились, хотя мужчины все же знают пушту и дари. Рассказывают, что эмир Хабибулла лет 60 назад подарил нуристанским старейшинам несколько десятков женщин хазара, захваченных в качестве военной добычи при подавлении одного из последних восстаний в Хазараджате. Так или иначе люди, обладающие комплексом монголоидных признаков, среди нуристанцев встречаются. Вряд ли это след какой-либо древней примеси, слишком уже явно заметно сочетание нескольких признаков.

В 1964 г. удалось исследовать группу восточных катй в Камдеше. Они относят себя к кауму джадидй, что значит «новообращенные». В 1965 г. были исследованы ашкунй в бассейне Алингара. Эти называют свой каум «вама», очевидно, по имени селения, лежащего, впрочем, уже в бассейне р. Печ. Ашкунй обратились в мусульманство за несколько лет до похода Абдур-Рахмана в Кафиристан (1895—1896 гг.) и поэтому отличают себя от джадиди. Впрочем, оба термина употребляются пуштунами и таджиками, а самими представителями этих групп только тогда, когда они говорят на пушту или на дари.

Парунй и вайгелй нам не удалось обследовать. Впрочем об этих народах имеются данные немецкой и датской экспедиций⁶. Сравнимость этих данных оставляет желать лучшего, но так как у всех авторов имеются материалы из долины Башгела, то при помощи коннекции ориентировочное сравнение все же возможно.

⁵ М. Г. Асланов любезно сообщил автору, что речь идет с «хиндко». Так называют разные индийские языки в районах, где говорят по-пуштунски.

⁶ A. Herrlich, Beitrag zur Rassen- und Stammeskunde der Hindukusch — Kafiren. Deutsche im Hindukusch, Berlin, 1937; J. Balslev Jorgensen, L. Edelberg, C. Krebs and H. Siiger. Anthropological Studies in the Hindu Kush and the Punjab, «Folk», vol. 6, Kobenhavn, 1965.

8. **Н а р и́.** Это одна из групп «кохистанцев», говорящих на языке гаварбати. Свободно говорят на пушту, владеют также дари. На вопрос о кауме отвечают: «таджик», но некоторые называют «кохистани». Хорошо помнят о своем родстве с жителями Кунарской долины за нынешними пределами Афганистана.

9. **Ч и л а с и́.** Их язык считается диалектом языка пашаи, но это только по мнению лингвистов. Сами себя они не причисляют к пашаи, говорят, что они таджики. Языком дари владеют, но за пределами своего селения чаще пользуются языком пушту.

10—11. **П а ш а и́.** Обе исследованные группы говорят на разных диалектах, но отчетливо сознают свою языковую и этническую близость. Называют себя таджиками, но в долине Алингара, особенно дальше к северу, некоторые говорят, что они пашаи. Находясь в постоянном контакте с ашкун, с гуджарами и с пуштунами, пользуются языком пушту на базарах, в административных учреждениях и пр. Говорят, что не отличаются от пуштунов ни по образу жизни, ни по обычаям. Брачные связи, впрочем, редки, и, как обычно, пуштуны иногда берут женщин пашаи, но не отдают за них своих дочерей.

12. **Т и р а и́.** Эта группа совершенно ассимилирована пуштунами. Некоторые старики помнят отдельные слова и фразы на языке тираи, но говорить на нем никто не умеет. Отвечая на вопрос о кауме, всегда говорят «тирай», но этот термин в их понимании равнозначен с наименованиями пуштунских племен. Некоторые утверждают даже, что тираи — это одно из подразделений момандов. Ограничений при браках с пуштунами нет, но так как тираи несколько изолированы географически в долине Курт, то они все же сохраняют известную генетическую обособленность.

13. **Б е л у́ д ж и.** В области компактного расселения на юге страны белуджи сохраняют в быту свой язык и сравнительно обособлены от пуштунов, но сильно смешаны с брагуи. Однако уже в районе Гиришка и Кандагара, в значительной мере также в области Фарах, белуджи совершенно ассимилированы пуштунами, живут в одних деревнях, говорят только на пушту. Здесь белуджи по существу представляют собой одно из пуштунских племен. Они не только отдают пуштунам своих дочерей, но и женятся на пуштунах. «Эти «белуджи» в наших материалах входят в соответствующие пуштунские группы. Кроме того, «белуджи» были встречены в Бадахшане близ Кешема. Здесь они говорят на дари, белуджского не знают, но отличаются от соседних таджиков по образу жизни, вступают в браки с таджиками. Хотя кешемские «белуджи» и не называют себя таджиками, они все же включены в группу таджиков Кешема.

14. **О р м у р и́.** Теперь они почти совсем ассимилированы пуштунами. Несколько человек еще могут говорить на языке ормури, но практически им не пользуются. На вопрос о кауме отвечают либо «ормури», либо «таджик». Известную обособленность ормури сохраняют только потому, что расселены сравнительно компактно в деревнях вокруг селения Барак-барак, центра провинции Логар.

15—24. **П у ш т у́ н ы.** Это не каум, а более широкое понятие. На вопрос о кауме называют племя: ачикзай, попользай и т. п. Однако понятие пуштунского этнического единства все же существует, только не под этим названием. И у самих пуштунов и у соседей они известны под именем афганцев. Термин «пуштуны» появился только после возникновения вопроса о Пуштунистане. Впрочем, в иной фонетической форме (патаны) он существовал и ранее, но за пределами Афганистана. В современной афганской прессе афганцами называют всех граждан Афганистана, но

пуштунов, живущих за его политической границей, так не называют. Мы сохраняем здесь официальную терминологию, хотя в настоящее время она мало распространена в живой речи.

Распределить собранный материал по племенам оказалось невозможным. Только две группы кочевников составлены по племенному принципу, так как в данном случае это имеет реальный смысл. Все остальные пуштуны сгруппированы по территориальному принципу, что более или менее соответствует популяциям.

26—28. Памирцы. Все они называют себя таджиками. Все свободно говорят на дари. Однако в быту еще сохранились языки шугнанский (с рушанским диалектом), ишкашимский, ваханский и сангличи. Нам удалось исследовать ваханцев, ишкашимцев (из которых многие уже говорят только на дари) и «зебакцев», говорящих только на дари и не сохранивших даже воспоминания о том, что их предки когда-либо говорили на другом языке. Возможно, что предки «зебакцев» говорили на языке сангличи, который теперь сохранился выше, по долине, но нам не удалось найти подтверждения этому мнению. Общей для всех памирцев, включая и «зебакцев», является религия, они исмаилиты, вследствие чего генетически изолированы от других таджиков Бадахшана. Однако значение различий между разными толками ислама в современном Афганистане быстро стирается.

29—35. Таджики. Происхождению этого термина посвящено много работ. В современном Афганистане значение его довольно расплывчато. Мы видели, что таджиками называют себя и памирцы, и многие пашаи, и ормури. Родным языком таджиков является дари, однако не все, говорящие на этом языке, называют себя таджиками. Кроме аймаков и теймури, о которых речь будет ниже, на дари говорят многие группы населения Логарской провинции, которые тем не менее не называют себя таджиками. Поэтому термин «таджик» и «парсиван»⁷ не синонимы, как может показаться с первого взгляда.

36. Теймурӣ, зурӣ, таирӣ. В прошлом это племена кочевников, теперь многие из них живут оседло и от соседних таджиков не отличаются ни по языку, ни по образу жизни. Браки с таджиками тоже не ограничены обычаем, но все же представители этих племен таджиками себя никогда не называют.

37—40. Аймаки. Широко известен термин «чор-аймаки». Чор — на языке дари означает четыре. Поэтому по традиции принято подгонять под это число подразделения аймаков. Однако здесь нет полной ясности. Чаще всего к числу чор-аймаков относят джемшидов, фирузкуй, таймени и аймаков Кала-и-нау, которых иногда называют хазара Кала-и-нау. Однако информаторы таймени исключают из числа чор-аймаков та аймаков Кала-и-нау, то еще какую-нибудь группу, но причисляют к ним теймури (вместе с зурӣ и таирӣ). Некоторые группы аймаков явно имеют в своем составе тюркские элементы. В прошлом они были кочевниками, теперь оседлы или полуоседлы. У аймаков Кала-и-нау и у таймени еще сохранилась, наряду с глинобитными домами, войлочная юрта с коническим верхом, явно отличная от узбекской.

Наиболее сложный состав у аймаков Кала-и-нау. Они неохотно причисляют себя к хазара, хотя знают, что так их зовут соседи. Основное отличие в религии: аймаки Кала-и-нау сунниты в отличие от собственного хазара. Впрочем, среди родов аймаков Кала-и-нау есть даи зангӣ, как и среди хазара Хазараджата. По всей вероятности, фигурирующий в лите-

⁷ Происходит от «фарси забон», т. е. персоязычный.

ратуре со времени Феррье⁸ термин «дех-и-зейнат» является искаженным «даи занги». Теперь, во всяком случае, о названии дех-и-зейнат никто из аймаков не слышал. Однако не все аймаки Кала-и-нау относятся к роду даи занги, среди них есть и кылчаки и другие группы неясного происхождения.

Как и в отношении группы теймури, об аймаках можно сказать, что они относятся к дариязычной половине афганской нации. В условиях быстро растущего общеафганского национального самосознания отличия всех этих групп друг от друга и от таджиков не имеют, по существу, реального содержания. Эти отличия не больше, чем, например, отличия разных племен и этнографических групп киргизов, казахов или узбеков в Советском Союзе.

41. Персы. Живут главным образом в Джувейне и в долине Хаш-руда. Они шииты и этим отличаются от таджиков, хотя сами себя и называют порой таджиками. Но соседи их таджиками не считают. Происхождение этой группы автору выяснить не удалось.

42. Кизилбáши. Это городские жители Кандагара: торговцы, ремесленники, интеллигенты. Шииты. Говорят на дари. Отчетливо помнят, что их предки пришли в XVIII в. из Ирана с Надир-шахом Афшаром. Но в отличие от афшаров Кабула, по-тюркски не говорят и утверждают, что и предки их никогда не говорили. Термин «кизилбаши» сами никогда не употребляют.

43. Афшáры. Живут в пригородах Кабула. Шииты. Торговцы, ремесленники, интеллигенты. Соседи называют их тоже кизилбашами. Но в отличие от кизилбашей Кандагара, кабульские афшары либо еще сохранили в быту тюркский язык, либо помнят, что на этом языке (они называют его азери) говорили их предки. Однако сами кизилбаши и афшары не придают, по-видимому, никакого значения этим различиям. Браки между обеими группами обычны. Теперь все чаще браки заключаются и с суннитами. В прошлом кизилбаши и афшары чаще чем сунниты брали в жены девушек хазара.

44—49. Хазарá. До XIX в. хазара были, конечно, особым народом, отличным не только от пуштунов, но и от таджиков, хотя хазара и тогда говорили на диалекте дари с тюрко-монгольскими элементами в лексике. После включения в состав Афганистана хазара некоторое время были национальным меньшинством, следы этого положения сохраняются и теперь, хотя быстро стираются. В литературе встречается термин «берберий», которым обозначают хазара Хазараджата в отличие от хазара Кала-и-нау. О последних сказано выше. Термин «берберий» соответствует скорее всего русскому «дикари», а этимологически восходит к тому же корню, что и «варвары». Автору пришлось слышать этот термин в Капдагаре, где он служит для разграничения двух шиитских групп: кизилбашей и хазара. Но в Кабуле, в самом Хазараджате и в областях к северу от Гиндукуша термин «берберий» если и известен более или менее образованным людям, то не отождествляется с хазара.

В ответ на вопрос о кауме всегда отвечают «хазара», в том числе и сенды, хотя последние не без колебания. Что же касается «племен» или «родов» хазара (даи-занги, даи-кунди и пр.), то сознание принадлежности к этим группам гораздо менее отчетливое, чем, например, у пуштунов, которые ясно осознают свою принадлежность к определенному племени. Племенные подразделения хазара приобрели скорее географический характер, но не полностью; мы видели, что часть аймаков Кала-и-нау все-таки называет себя даи-занги.

⁸ J. P. Ferrier, *Voyages et aventures en Perse, dans l'Afghanistan et le Turkestan*, Paris, 1870.

Брачная изоляция хазара от соседних групп еще сохраняется, хотя браки с кизилбашами и афшарами, принадлежащими к тому же шиитскому толку ислама, что и хазара, не составляют исключения. В особом положении находятся сеиды. Одна из исследованных нами групп, хазара округа Доши, исповедует исмаилизм. Сеиды этого округа берут жен иногда даже у исмаилитов Бадахшана.

50—51. Моголы. Среди рассеянных по Афганистану островков этой немногочисленной этнографической группы могольский язык еще сохранился в нескольких деревнях в долине Герируда близ Герата. Но и там этот язык доживает последние годы. Старики его помнят, но практически им почти не пользуются. В других местах моголы сохранили только воспоминание о том, что их предки два — три поколения тому назад говорили по-могольски. Разговорным языком служит в Гератской области дари, в других — пушту.

Мнение о том, что моголы — это часть хазара, дольше сохранившие могольский язык, не может быть принято без существенных оговорок. Моголы — сунниты и уже это говорит о различии исторических судеб этих этнографических групп афганской нации. В брачном отношении моголы, однако, довольно изолированы, браки с соседями теперь редки, хотя антропологические данные свидетельствуют о том, что доля европеоидного элемента у моголов безусловно выше, чем у хазара.

52—54. Узбеки. По происхождению узбеки Афганистана не отличаются, конечно, от узбеков Советского Союза. Среди них есть и потомки дешт-и-кыпчаковских узбеков с племенами коунрад, кенегес и т. п. Мы исследовали их в районе Сангчарака. Есть и представители более древнего «карлукского» или «чагатайского» элемента. К ним относятся наши группы из Бадахшана и Балха. Различия в диалектах сохранились; сангчаракские узбеки говорят «джетты» (семь), «джол» (дорога), «джаман» (плохо) и т. д., бадахшанские и балхские: йетты, йол, йаман. Однако на вопрос о кауме, те и другие без колебания отвечают «узбек». Сознание племенной принадлежности неясное, некоторые вообще не понимают, о чем идет речь⁹.

Несмотря на общность происхождения узбеков, живущих к северу и к югу от Аму-Дарьи, совершенно очевидно, что политическая граница, проведенная по этой реке еще в XVIII в., сыграла известную этнографическую роль. Языком культуры для афганских узбеков является дари, в последние годы с ростом культурного уровня значение этого фактора резко усилилось. Брачные связи узбеков Афганистана с таджиками широко распространены, расселены те и другие попеременно, процесс оформления афганских узбеков как этнографической группы афганской нации идет быстрыми темпами и недалек от своего завершения.

55—56. Туркмены. Афганские туркмены находятся по отношению к туркменам Туркмении в том же, примерно, положении, что и афганские узбеки к узбекам Узбекистана. Территориально и, следовательно, в брачном отношении туркмены, правда, несколько более обособлены.

57. Арабы. Арабский язык еще сохранился в некоторых селениях на севере провинции Балх (в окрестностях Даулетабада), где мы производили наши исследования. Конечно, и здесь все арабы знают дари, конечно, и здесь дари является языком культуры. В брачном отношении арабы все же несколько изолированы, они женятся, конечно, и на узбеках и на таджиках, но это далеко не правило.

⁹ Впрочем, этим наблюдениям нельзя придавать большого значения, вопросы задавались автором на плохом английском языке и переводились на дари лицами, не имеющими понятия о сущности дела.

58. Евреи. Теперь их в Афганистане почти не осталось, все переселились в Израиль. Нам удалось измерить немногим более двух десятков взрослых мужчин в Герате, может быть столько же можно было найти в Кабуле, но этого сделать не удалось. В брачном отношении евреи, конечно, полностью изолированы. По образу жизни они торговцы и ремесленники.

Собранные материалы во многом уточняют антропологическую характеристику этнографических групп Афганистана. Впредь до углубленной разработки данных можно говорить только о самых непосредственных результатах.

Еще в XIX в. стало известно, что хазара, живущие в центре Афганистана, характеризуются признаками монголоидной расы и этим отличаются от таджиков и афганцев. В 1924 г. Д. Д. Букинич подтвердил это наблюдение статистически. Данные Букинича особенно ценны тем, что им были одновременно обследованы аймаки-хазара, джемшиды, таджики и пуштуны. Поэтому оказалось возможным сравнение¹⁰.

Наши данные с полной очевидностью показывают, что признаки монголоидной расы выражены у хазара с большей отчетливостью, чем у какой бы то ни было другой этнографической группы Афганистана, не исключая моголов. Хотя моголы до недавнего времени сохраняли свой язык, а местами и теперь его помнят, в антропологическом отношении черты монголоидной расы выявляются у них гораздо менее отчетливо, чем у хазара. Узбеки и туркмены Афганистана в общем, по-видимому, не отличаются от узбеков и туркмен Советского Союза (у тех и других довольно велики групповые различия, поэтому о суммарной характеристике говорить трудно, да и не очень нужно). Следует все же отметить, что ни в одной из трех узбекских и двух туркменских групп Афганистана не найдено столь определенной выраженности признаков монголоидной расы как у хазара.

Французский археолог Фуше высказал предположение, что хазара родственны не с центральноазиатскими, а с гималайско-тибетскими монголоидами. Наши данные не позволяют присоединиться к этому мнению. Правда, различия между обоими этими ветвями монголоидной расы не очень велики. Хорошо сравнимых и достаточно полных данных о гималайских монголоидах у нас нет. К тому же точное выявление признаков одного из компонентов смешанной группы (а хазара все-таки бесспорно смешаны с европеоидами) представляет собой нелегкую задачу. Все-таки сравнительно большие размеры ширины лица и нижней челюсти говорят скорее о том, что монголоидный элемент, вошедший в состав хазара, происходит из Центральной Азии.

Примесь монголоидного элемента отмечена также у всех групп аймаков. Больше всего — у аймаков Кала-и-нау, меньше всего — у фирузкуи. Однако у всех аймаков европеоидный компонент решительно преобладает.

В наше время самый принцип выделения компонентов в составе той или иной группы вызывает резкие и во многом справедливые возражения. Действительно, в формировании физического типа той или иной группы смешение далеко не всегда играет основную роль. Однако в Афганистане и в Средней Азии на самом деле имело место переселение монголоидов из Центральной Азии и смешение их с древними европеоидами. Это очевидно не только по данным истории, но и по характеру

¹⁰ Сводка данных Д. Д. Букинича была опубликована только в 1953 г. Л. В. Ошаниным. См. Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова, Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953, стр. 142.

межгрупповой корреляции признаков. Поэтому в данном случае выделение компонентов вполне оправдано.

Все перечисленные результаты произведенных наблюдений уточняют, конечно, наши представления о соотношении европеоидной и монголоидной рас в Афганистане. Можно, однако, заметить, что научное значение этих наблюдений не очень велико. Итак известно, что центрально-азиатские кочевники неоднократно вторгались в Среднюю Азию и в Афганистан и что в результате этих вторжений происходило смешение рас. Позволительно все-таки надеяться, что в сопоставлении с другими данными наши материалы послужат в какой-то мере основанием для выводов и заключений более глубокого свойства.

Гораздо интереснее исторические проблемы, относящиеся к более удаленным эпохам. Оставляем в стороне вопросы, относящиеся к арабскому завоеванию, к эпохе эллинизма, памятники которой все ярче вскрываются археологическими раскопками. Никаких следов этих событий в наших данных обнаружено не было, из чего не следует, конечно, что они не будут найдены в дальнейшем.

Наиболее существенными являются вопросы, связанные с эпохой распространения арийских языков. В какой мере арианизация сопровождалась переселением людей? Это большая историческая проблема и нельзя ожидать, что собранные нами материалы дадут существенные основания для ее решения. Все же можно попытаться дать ответ на некоторые частные вопросы.

В этом отношении известный интерес представляют наши данные о брагуи. Можно было полагать, что дравидоязычные брагуи являются остатком доарийского населения Афганистана. Можно было также думать, что это древнее население в какой-то мере приближалось по своему физическому типу к экваториальным расам, что могло найти отражение в цвете их кожи, в форме волос, в строении мягких частей носа и губ. Правда, уже наблюдения Г. Филда в Белуджистане¹¹ свидетельствовали о том, что между дравидоязычными брагуи и ираноязычными белуджами нет в этом отношении сколько-нибудь определенных различий. Но на это можно было заметить, что белуджи сильно смешаны с брагуи и что при сравнении с пуштунами и таджиками все же выявятся хоть небольшие, но определенные различия. Этих различий обнаружить не удалось. Цвет кожи у брагуи, правда, темнее, но по всем остальным признакам, о которых шла речь, сколько-нибудь заметной разницы между брагуи и белуджами, с одной стороны, пуштунами и таджиками, с другой, найдено не было. Таким образом, если брагуи действительно являются остатком доарийского населения, то это население мало отличалось в антропологическом отношении от современных пуштунов и таджиков.

Однако при обсуждении вопроса об исторических обстоятельствах арианизации речь должна идти не о больших расах, а о так называемых расах второго порядка. Здесь мы сталкиваемся с большими трудностями. Начиная с Рипли и Деникера, положивших начало антропологической систематике европеоидов, принято придавать большое значение росту и поперечно-продольному (головному) указателю. Известно, однако, что эти признаки быстро изменяются. Поэтому степень сходства по росту и форме головы далеко не соответствует степени родства. Наши исследования внесли некоторые уточнения, касающиеся поперечно-продольного указателя, но значение их остается неясным. Прежде всего это относится к таджикам западного Афганистана (Герат и Фарах). Вопреки ожиданию, они оказались не брахицефалами, как таджики северных провин-

¹¹ H. Field, An Anthropological reconnaissance in West Pakistan, 1955, «Papers of the Peabody Museum of Archaeology and Ethnology», vol. LII, Cambridge, 1959.

ций Афганистана и Советского Союза, а долихокефалами. Таким образом, западные таджики по форме головы ближе к западным пуштунам, к теймури, к некоторым группам персов, курдов, луров Ирана, даже к арабам Ирака и к некоторым азербайджанцам, чем к таджикам северных провинций. Если бы такое направление сходства соответствовало бы степени родства, то отсюда проистекали бы интересные выводы об этногенезе всех перечисленных народов. К сожалению, у нас нет уверенности, что дело обстоит именно так, т. е. что сходство в данном случае соответствует родству. Вопрос о влиянии формы колыбели на форму головы продолжает быть дискуссионным. Форма головы, определяемая поперечно-продольным указателем, зависит, конечно, от многих разнообразных факторов. Неверно, по-видимому, сводить все к воздействию колыбели. Но нельзя не признать, что именно в Передней Азии колыбель играет огромную роль. А в Афганистане (равно как в Азербайджане и в других странах) распространение брахицефалии явно соответствует распространению переднеазиатской колыбели. Замечено к тому же, что в тех случаях, когда поперечно-продольный указатель выше 82, коэффициент вариации поперечного и продольного диаметров заметно увеличивается. Нельзя, однако, быть уверенным, что и крайние формы долихоцефалии не вызваны искусственной деформацией иного рода. Речь идет о тугих повязках на голове ребенка. Этот обычай встречается у туркмен, но он существует и у других этнографических групп. Автору не удалось получить сколько-нибудь полной информации об этом обычае. Этнографические исследования здесь настоятельно необходимы. Они могут быть успешно осуществлены этнографом (лучше женщиной), владеющим языком дари.

Так или иначе, нельзя считать, что пуштуны и таджики в целом различаются по средним величинам поперечно-продольного указателя. Оказалось, что есть не только долихоцефальные таджики, но и сравнительно брахицефальные пуштуны (наши группы из района Гиришка и кочевники гильзаи). По данным Рисли¹², у пуштунов в районе Кветты за пределами нынешних границ Афганистана средние величины поперечно-продольного указателя также обычно выше 80.

Однако в антропологической системе европеоидов наиболее важную роль играет в конце концов не поперечно-продольный указатель, а цвет волос и глаз и другие признаки, по которым южные европеоиды отличаются от северных. К сожалению, эти другие признаки нелегко выявить статистически вследствие несовершенства техники наблюдений. В общей форме все же можно, по-видимому, утверждать, что у северных европейцев заметно чаще, чем у южных, встречаются поднятые формы кончика и основания носа и, соответственно, вогнутый профиль хрящевой части. Волосистой покров на теле у южных европеоидов развит сильнее.

Все эти данные могут найти свое место при попытке выяснения исторических обстоятельств распространения арийских языков в Афганистане. Однако при этом встает вопрос об их прародине. Большинство современных исследователей полагает, что индоевропейские языки, в том числе и арийские (индо-иранские) сформировались в Европе и, скорее всего, в средней ее полосе. В Афганистан и в прилежащие области Средней Азии арийские языки, по всей вероятности, проникли с севера из современного Казахстана. Приняв эту концепцию, мы имеем право предполагать, что древнейшие арийцы были более светлоглазы, чем современные афганцы, что у них реже встречались выпуклые формы носа с

¹² H. Risley, The People of India, Calcutta, 1915.

опущенным основанием, что волосистой покров тела был у них менее развит. При обсуждении этого вопроса не должно, конечно, играть никакой роли то обстоятельство, что эти научные предположения были использованы для всякого рода расистских фальсификаций.

В связи с этими предположениями внимание антропологов всегда привлекали сообщения о блондинах, которых путешественники встречали на Памире и в Гиндукуше. В отношении Памира теперь выяснилось, что эти данные сильно преувеличены. Однако в Нуристане действительно встречаются группы с относительно высокой частотой светлых глаз и русых волос. Таковы, например, исследованные нами ашкуниты. Таковы пары, которых исследовали наши предшественники Херрлих и Эдельберг.

Суммируя все имеющиеся данные, получаем у разных групп нуристанцев следующие частоты темных глаз.

Кати западные	$58 \pm 7 \%$
Кати восточные	$79 \pm 2 \%$
Паруны . . .	$47 \pm 5 \%$
Вайгели . . .	$91 \pm 5 \%$
Ашкуниты . . .	$56 \pm 5 \%$

В этом подсчете использован метод коннекции, предназначенный для сглаживания методических различий. Техника подсчета не излагается здесь за недостатком места, а также потому, что данные, лежащие в его основе, мало надежны. Так или иначе, остается, что и Херрлих и Эдельберг нашли среди парунитов больше светлых глаз, чем среди восточных кати. Последние, по нашим данным, не отличаются от пуштунов или таджиков. Вайгели, по-видимому, еще меньше соответствуют представлению о светлоглазых нуристанцах.

Вместе с тем было замечено, что нуристанцы отличаются от других афганцев более низкой верхней губой и более узкой нижней челюстью. Эти отличия более рельефно выступают в форме индексов. Высота кожной части верхней губы может быть выражена в долях «толщины» обеих губ, а ширина нижней челюсти — в долях наименьшей ширины лба. По этим индексам нуристанцы, а также другие дардские группы (пашаи и прочие) ближе к группам индийского происхождения, чем к пуштунам и таджикам. Еще дальше нуристанцы отстоят в этом отношении от русских или латышей. Ни в строении носа, ни в развитии волосистого покрова на теле нуристанцы не обнаруживают признаков смешения с северными европейцами. Конечно, среди нуристанцев можно встретить людей, похожих на западных европейцев. Херрлих тщательно выделил таких людей и опубликовал их фотографии. Таких людей можно встретить и среди пуштунов и среди таджиков. Однако нет никаких оснований предпочесть в данном случае гипотезу о смешении с какими-то западными или северными европейцами гипотезе о том, что эти люди представляют собой нормальные отклонения от среднего типа. В общем повышение частоты светлых и смешанных глаз в некоторых группах Нуристана не является, по-видимому, основанием для заключения о примеси западно-европейского происхождения. Прав был, по всей вероятности, Н. И. Вавилов¹³, по мнению которого относительно светлая пигментация нуристанцев является результатом воздействия изоляции и связанного с ней близкого родственного скрещивания, способствовавшего выделению наследственных рецессивов.

Антропологические данные не дают, таким образом, оснований для заключения о переселении в Афганистан сколько-нибудь значительного

¹³ Н. И. Вавилов и Д. Д. Букнич, Земледельческий Афганистан, Л., 1929.

числа людей, физически похожих на жителей Средней Европы. Если древние арийцы действительно походили на среднеевропейцев, то в Афганистан их проникло очень мало и они вскоре без заметного следа растворились в массе местного доарийского населения.

Можно, однако, допустить, что первые арийские завоеватели и их потомки не были приспособлены к новым условиям, например к малярии, вследствие чего и вымерли в течение ряда поколений. Мы не можем опровергнуть возможность такого предположения. Вообще всегда трудно опровергать необоснованные предположения.

Можно предположить далее, что распространение арийских языков происходило так сказать поэтапно. Первоначальный физический тип предков арийцев растворялся постепенно еще до того, как арийцы проникли в Афганистан. Нечто подобное происходило, по-видимому, в процессе распространения тюркских языков. На территорию Малой Азии и Закавказья тюркские языки были принесены людьми, у которых черты монголоидной расы были выражены далеко не в той мере, как у древнейших тюрков.

Во всяком случае, распространение арийских языков на территорию Афганистана не привело к сколько-нибудь существенным изменениям физического типа. И здесь мы действительно не имеем оснований ставить вопрос о деле участия какого-то «среднеевропейского компонента» в сложении физического типа афганцев. Само существование такого «компонента» не доказано. В этом случае мы имеем все основания с полным вниманием отнестись к критикам концепции расы.

Нам удалось, таким образом, частично заполнить некоторые белые пятна на антропологической карте Передней Азии в части, касающейся признаков строения головы, покровов и роста взрослых мужчин. Интерпретация собранных данных в значительной мере является задачей будущих исследований. Для этого необходимо, во-первых, закончить первый этап работы по частично выполненной программе, во-вторых, расширить эту программу, в-третьих, наконец, сопоставить данные антропологии с данными лингвистики, этнографии, археологии и истории. В этих областях, впрочем, тоже предстоит большая работа.

SUMMARY

The results of anthropological research fulfilled in Afghanistan during 1964—1966 are summed up in the article.

The author indicates the traces of mixture of Europeoid and Mongoloid races. The signs of Mongoloid race are expressed more evidently among Hazara than among Moghuls although the latters have used their own language until recently. The Mongoloid features of Uzbeks and Turkmans, too, are not so apparent as those of Hazara. In the physical type of Brahui there are no traits of Negroid or Australoid races. Among Nuristani (Kaffirs) one can come across some individuals with lightcoloured eyes. But it is not an evidence of admixture of Northern Europeoid; this is merely the result of genetical drift.

Н. Н. Чебоксаров

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

Одним из крупных достижений советской науки за 50 лет, прошедших после Великой Октябрьской социалистической революции, является комплексная разработка проблем этногенеза и этнической истории. Характерно, что в недавно законченном многотомном издании Института этнографии АН СССР «Народы мира» этим проблемам отведено видное место. Не случайно в двух томах серии, отмеченных премией имени Н. Н. Миклухо-Маклая, проблемам происхождения народов и истории формирования современного этнического состава населения нашей планеты уделено большое внимание¹. На VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в августе 1964 г. работал специальный симпозиум «Проблемы происхождения древних и современных народов», само название которого показывает, что советские и многие зарубежные ученые разных специальностей рассматривают этническую историю как всемирный процесс, протекавший во все периоды существования людей современного вида и продолжающийся в настоящее время².

Уже после VII МКАЭН появилось несколько работ советских этнографов, посвященных происхождению и этнической истории народов СССР³ и некоторых зарубежных стран⁴. В последние годы значительно возрос интерес советских этнографов к разработке теоретических

¹ «Численность и расселение народов мира», под ред. С. И. Брука, «Народы мира, этнографические очерки», М., 1962, стр. 11—58; «Народы Восточной Азии», под ред. Н. Н. Чебоксарова, С. И. Брука, Р. Ф. Итса, Г. Г. Стратановича, то же М.—Л., 1965, Введение, стр. 9—130.

² Н. Н. Чебоксаров, Проблемы происхождения древних и современных народов (вступительное слово на симпозиуме), М., 1964.

³ См. например: Т. А. Жданко, Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций в СССР, «Сов. этнография» (далее СЭ), 1964, № 6, стр. 16—24; О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева, Этнографические исследования национальных процессов в Прибалтике, СЭ, 1965, № 5; И. С. Гурвич, Этническая история северо-востока Сибири, «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), нов. серия, т. 89, М., 1966.

⁴ А. И. Першиц, Племя, народность и нация в Саудовской Аравии, СЭ, 1961, № 5; С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития народов Азии и Африки, СЭ, 1961, № 4; С. И. Брук, Основные проблемы этнической географии (Методика определения этнического состава населения, принципы этнического картографирования), М., 1964; А. В. Ефимов, К вопросу о возникновении и развитии наций в Латинской Америке, сб. «Нации Латинской Америки», М., 1964; Н. Н. Чебоксаров, Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии (по данным полевых исследований советских антропологов и этнографов), СЭ, 1966, № 2.

проблем этногенеза и этнической истории, в частности типологии этнических общностей, которой и посвящена настоящая статья⁵.

Многие этнографы безоговорочно отождествляют понятие «этническая общность» с «народом». С. А. Токарев, например, прямо пишет: «В этнографической науке уже давно установился взгляд, что этнические общности, т. е. попросту народы (разрядка моя. — Н. Ч.) отличаются друг от друга не по одному какому-либо признаку, а по совокупности нескольких признаков...»⁶. Подобно этому В. И. Козлов ставит знак равенства между понятиями «этническая общность» и «народ»⁷. Того же взгляда придерживается и Л. П. Лашук⁸. М. Г. Левин и автор настоящей статьи еще в 1957 г. высказали несколько отличное мнение, согласно которому термин «этническая общность» шире понятия «народ», так как им можно назвать как «группу народов, близких по языку и культуре», так и «часть народа, имеющую известное языковое и культурное своеобразие»⁹. Та же точка зрения в более развернутом виде была изложена автором во вступительном слове на симпозиуме «Проблемы происхождения древних и современных народов»¹⁰.

Действительно, часто бывает очень трудно провести принципиальное разграничение между отдельным народом или группой родственных по происхождению и языку народов, обладающих многими сходными, а часто и общими особенностями культуры и отчетливо сознающими свою этническую близость. Яркими примерами таких групп народов могут служить восточные славяне — русские, украинцы и белорусы, народы северной Индии, говорящие на различных диалектах языка хинди и с трудом отграничиваемые один от другого, или современные испаноязычные нации Латинской Америки¹¹. Очень часто бывает, что отдельные этнические общности в процессе своего исторического развития распадаются на самостоятельные народы, не утрачивающие, однако, своей этнической близости. Именно так обстояло дело с древнерусской народностью, на базе которой сложились русский, украинский и белорусский народы. Что мешает называть такие родственные группы народов этническими общностями? В то же время можно согласиться с В. И. Козловым и Л. П. Лашуком, что подобные группы целесообразно обозначать как «этно-лингвистические»¹², подчеркивая тем самым большую роль языкового сходства в их выделении.

С другой стороны, нередко бывает трудно провести границу между народами (особенно крупными) и входящими в их состав местными

⁵ С. И. Брук, Указ. раб.; О. А. Ганцкая, Л. Н. Терентьева, Указ. раб.; И. С. Гурвич, Указ. раб.; В. К. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко, Основные направления этнических процессов у народов СССР, СЭ, 1961, № 4; Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XII веке, ТИЭ, нов. серия, т. 55, М., 1960; Т. А. Жданко, Указ. раб.; В. И. Козлов, Некоторые проблемы теории нации, «Вопросы истории» (далее ВИ), 1967, № 1; его же, О понятии этнической общности, СЭ, 1967, № 2; Л. П. Лашук, О формах донациональных этнических связей, ВИ, 1967, № 4; М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Расы, языки и народы, «Очерки общей этнографии», Общие сведения, Австралия и Океания, Америка, Африка, М., 1957; С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей, Вопросы философии (далее ВФ), 1964, № III; Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб.

⁶ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 43.

⁷ В. И. Козлов, О понятии этнической общности, стр. 117—118.

⁸ Л. П. Лашук, Указ. раб., стр. 78.

⁹ М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 10.

¹⁰ Н. Н. Чебоксаров, Проблемы происхождения древних и современных народов, стр. 5.

¹¹ Там же, стр. 2.

¹² В. И. Козлов, О понятии этнической общности, стр. 118; Л. П. Лашук, Указ. раб.

«этнографическими группами», различающимися по территории своего расселения, многим хозяйственным, культурным и бытовым особенностям, а нередко и по диалектам. В составе русского народа, например, наиболее крупными этнографическими группами являются южные и северные великоруссы, внутри которых отчетливо выделяются еще более мелкие местные группы (например, поморы, казаки различных районов и т. п.). Подобные же этнографические группы существуют и среди многих других народов, например, американцев, немцев, французов, китайцев, бразильцев и т. д.

Таким образом, «этническая общность» — понятие более широкое, чем «народ». Существуют, очевидно, этнические общности различных таксономических категорий или порядков. Народы — это как бы основные единицы этнической классификации человечества, наряду с которыми можно выделять этнические общности, таксономически более высокого и более низкого порядка. Первые можно назвать этнолингвистическими общностями, а вторые — этнографическими группами. Проблемы этногенеза и этнической истории должны включать вопросы происхождения этнических общностей всех порядков, от наиболее крупных до самых мелких. В советской и зарубежной специальной литературе вместо слова «народ» часто употребляется заимствованный из древнегреческого языка термин «этнос», имеющий по существу то же самое значение.

В советской, а отчасти и зарубежной научной литературе неоднократно предпринимались попытки дать определение этническим общностям, установить признаки, по которым они отличаются от всех других общностей людей. Никто не сомневается в том, что для образования любой этнической общности, люди, входящие в ее состав, должны обитать на какой-то определенной территории, находиться между собой в реальных хозяйственных связях и понимать друг друга, т. е. говорить на одном языке. Очевидно, таким образом, что этнические общности всегда представляют собой исторически сложившиеся социальные коллективы, которые разграничиваются по признакам, возникшим в процессе общественно-экономического развития человечества. Тем самым этнические общности принципиально отличаются от тех общностей людей, которые выделяются по биологическим признакам, например, от рас, конституциональных типов и т. п. Этим не снимается конечно, проблема соотношения этнических и биологических групп человечества, но исключается возможность их отождествления, неизбежно ведущая к биологизации истории и дающая основание для реакционных расистских концепций¹³.

В этногенетической литературе последних лет много внимания уделяется оценке значения отдельных признаков для определения понятия этнической общности¹⁴. Вряд ли, однако, можно что-либо возразить против использования при таком определении указанных выше особенностей, присущих каждой этнической общности, по крайней мере, в период ее образования (единая территория, реальные хозяйственные связи, общий язык), если только не абсолютизировать их и не считать постоянными и обязательными для всех периодов истории человечества в целом и истории каждого народа в отдельности. Хорошо известно, что в процессе развития многих этнических общностей, первоначальные

¹³ См., например, М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 39—41; Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин, Антропология, М., 1963, гл. 18: Нация и раса, стр. 321—322; В. П. Алексеев, Расизм в современной антропологии, Сб. «Против расизма», М., 1966, стр. 7—26.

¹⁴ В. И. Козлов, Указ. работы; С. А. Токарев, Указ. раб.; Н. Н. Чебоксаров, Указ. работы.

территориальные, хозяйственные и даже языковые связи ослабевают, а нередко, и полностью разрываются, в то время как сами этнические общности продолжают существовать еще длительное время. Можно указать немало народов (например, армяне, цыгане, тамилы, малайцы, китайцы и многие другие), которые в настоящее время живут в различных, удаленных друг от друга странах, экономически мало связанных или совсем не связанных между собой. В то же время есть немало стран и областей, где живут бок о бок самые разнообразные народы, давно уже тесно связанные между собой территориально и экономически, но сохраняющие этническую обособленность. В СССР такими крупными районами со сложным этническим составом являются, например, Кавказ, Средняя Азия, Волго-Камье и Приуралье, в меньшей степени — Сибирь, Прибалтика и Дальний Восток. Этническая обособленность отдельных групп населения сохраняется часто даже в пределах небольших государств со сложной этнической историей (Сингапур, Малайя, Лаос, Цейлон в Азии, большинство государств Африки, образовавшихся после второй мировой войны, многие страны Центральной Америки).

Реже нарушается общность языка, который и в наше время остается одним из важнейших этнических определителей. Можно утверждать, что каждый народ говорит или, по крайней мере, говорил в прошлом на своем языке. Но уже давно сложилось много различных народов, пользующихся одним и тем же языком. Вспомним, например, широкое распространение английского, испанского или малайского, в меньшей мере — португальского или французского языков. У многих крупных и широко расселенных народов языковые различия между отдельными этнографическими группами настолько велики, что исключают взаимное понимание (при неграмотности и незнании общелитературного языка). Это относится, например, к китайцам в Восточной Азии или к немцам в Центральной Европе. Известны также случаи, когда небольшие этнические общности сохраняют ясное представление о своей этнической принадлежности даже при полной утрате родного языка. Так случилось с татарами Литвы и Польши, которые забыли свой язык, но помнят о своем происхождении, сохранили многие характерные для татар культурно-бытовые особенности (в частности религию) и считают себя татарами.

К числу важнейших признаков, разграничивающих отдельные этнические общности, относятся также культурные особенности, которые каждый народ вырабатывает в процессе своего исторического развития и затем передает от поколения к поколению. Совокупность этих взаимосвязанных между собой особенностей составляет то, что в этнографической литературе обычно называют этнической традицией¹⁵. Такие традиции складываются в те или иные исторические эпохи в связи с социально-экономическими и естественно-географическими условиями жизни каждого народа, но после своего возникновения они приобретают значительную устойчивость и долго сохраняются даже тогда, когда условия эти успевают сильно измениться. Роли культурных особенностей в определении понятия «этническая общность» не отрицает никто из исследователей, работавших над этой проблемой.

Однако не следует культурную специфику народа понимать только в узком «этнографическом» смысле слова как совокупность традици-

¹⁵ Н. Н. Чебоксаров, Проблемы происхождения древних и современных народов, стр. 3; сравни также: Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Некоторые проблемы этнографии (на примере народов Юго-Восточной Азии), СЭ, 1967, № 3.

онных особенностей материальной и духовной культуры, сложившихся в прошлом. Речь идет о культурных достижениях того или иного народа в целом, о накопленной им информации, о его вкладе в современную мировую культуру. В наши дни люди определяют свою этническую принадлежность не столько по тому, что они живут в домах сходного типа, одеваются в платья одного покроя, любят одни и те же кушанья, или поют одни и те же песни, сколько по тому, что они являются обладателями культурного наследства своего народа, продолжателями его прогрессивных творческих усилий в различных областях хозяйственной, общественной и культурной деятельности, науки, литературы и искусства. Вот почему проблемы этногенеза и этнической истории неотделимы от вопросов истории культуры, формирования и развития тех специфических хозяйственных, культурных и бытовых особенностей, которые свойственны любому этносу, современному или древнему, большому или малому.

Нам кажется, что эти положения не противоречат ни фактическим данным о больших культурно-бытовых различиях между разными социальными группами одного народа в классовом обществе, ни столь же реальным материалам о несовпадении границ географического распространения отдельных особенностей культуры с этническими территориями. Можно вполне согласиться с В. И. Козловым, что «...определяя этническую общность, следует делать упор не на „общность культуры“, а на те специфические элементы ее культуры и культурно-бытовые особенности людей, которые вместе с языком создают неповторимый облик основных этнографических групп этой общности»¹⁶. Своеобразие культурного облика является тем основным критерием, по которому нередко разграничиваются народы, давно живущие на общей территории и тесно связанные между собой экономически. Так, например, в Югославии сербы, хорваты, черногорцы и боснийцы говорят на одном и том же сербо-хорватском языке, обитают на смежных территориях, издавна находятся между собой в экономической связи, но тем не менее являются самостоятельными народами со своей самобытной культурой. Подобно этому в Китае китайцы (хань) и дунгане (хуэй), говорящие на китайском языке, расселены чересполосно в разных районах страны (иногда в одних и тех же городах и деревнях), но заметно отличаются друг от друга своими исторически сложившимися бытовыми особенностями, частично связанными с различной религией.

Что касается культурно-бытовых различий между социальными группами внутри одного этноса, то хотя различия эти и имеют тенденцию углубляться на всем протяжении истории классового общества, они никогда не охватывают всего культурного достояния народа, особенно его достижений в области науки, литературы и искусства. Прогрессивное творчество А. С. Пушкина, И. Е. Репина или Д. И. Менделеева составляет, в первую очередь, неотъемлемую часть сокровищницы русской культуры и только через эту культуру становится достоянием всего передового человечества. В этой связи очень уместно вспомнить мысли, высказанные В. И. Лениным в его известной статье «О национальной гордости великороссов», написанной в 1914 г. «Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, — писал В. И. Ленин, — чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы её трудящиеся массы (т. е. 9/10 её населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов». И дальше: «Мы гордимся тем, ... что эта среда

¹⁶ В. И. Козлов, О понятии этнической общности, стр. 23.

(великорусская) выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика»¹⁷.

Очевидно, могут существовать народы, живущие на одной территории, имеющие общую экономическую базу и говорящие на одном языке, но нет и не может быть даже двух народов с совершенно одинаковой культурой. Если народ утрачивает свою культурную специфику, он перестает существовать как отдельный самостоятельный этнос. Именно так случилось со многими этническими общностями, известными по историческим данным, которые, хотя и не вымерли биологически, но исчезли социально, так как в культурном отношении полностью слились с соседними народами. Это относится, например, к различным этническим общностям Восточной Европы, упоминаемым в русских летописях и других средневековых источниках (меря, мурома, мешера, чудь заволоцкая, голядь, ятвяги и многие другие)¹⁸.

По нашему мнению, именно культурная специфика должна рассматриваться как основной признак всякого этноса, позволяющий во всех без исключения случаях отграничить его от других этносов. В сущности говоря, даже язык, обычно считающийся главным этническим определителем, теснейшим образом связан с культурой говорящего на этом языке народа, поскольку его культура, в первую очередь духовная, в значительной мере всегда выражается на определенном языке. Язык часто и, по нашему мнению, вполне справедливо называют формой существования культуры. Этнография, наука о народах, является в то же время наукой об их культуре. Каждый этнос надо рассматривать как исторически сложившийся коллектив людей вместе с территорией его формирования и последующего расселения, созданной им культурой и языком, который эту культуру выражает.

Таким образом, можно наметить целый ряд признаков, являющихся весьма существенными при характеристике этнической общности. В разные эпохи и в разных исторических условиях одни из них могут иметь большее, другие — меньшее значение. Взаимодействие этих признаков, их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности, выражаются в виде вторичного явления — этнического самосознания, которое, в конечном счете, оказывается решающим для определения принадлежности отдельных людей или целых человеческих коллективов к той или иной этнической общности. Этническое самосознание представляет собой своего рода результат действия всех основных факторов, формирующих этническую общность. Самосознание это, как правило, связывается с определенным названием этнической общности, хорошо известным каждому, кто причисляет себя к этой общности. В демографической и паспортной практике нашей страны такое этническое имя обычно обозначают как «национальность».

Автор настоящей статьи еще в 1964 г. высказал мысль, что «этнической общностью можно считать всякую общность, которая складывается на определенной территории среди людей, находящихся между собой в реальных социально-экономических связях и говорящих на взаимопонятном языке, сохраняет, как правило, на протяжении всего своего существования известную культурную специфику и сознает себя от-

¹⁷ В. И. Ленин, О национальной гордости великороссов, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 106.

¹⁸ См., например, М. Г. Рабинович, Н. Н. Чебоксаров, Ранние этапы этнической истории, Исторические судьбы народов, в книге «Народы европейской части СССР», I, «Народы мира, этнографические очерки», М., 1964, стр. 26—57.

дельной самостоятельной общественной группой»¹⁹. С. А. Токарев, примерно в то же время, предложил предварительное определение этнической общности, как общности людей, «которая основана на одном или нескольких из следующих видов социальных связей: общность происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии (если эта последняя сохраняется)»²⁰. В. И. Козлов подверг оба эти определения критическому разбору и в свою очередь высказал мысль, что «основными признаками этнической общности являются: этническое самосознание и самоназвание, язык, территория, особенности психического склада, культуры быта, определенная форма социально-территориальной организации или четко выраженное стремление к созданию такой организации»²¹.

Несмотря на известные различия этих определений, в них нетрудно найти и общие черты. Так, территория формирования и расселения, экономические связи, общий язык и специфические культурные особенности фигурируют в той или иной форме во всех приведенных (а также и во многих других) определениях этнической общности. Общность происхождения вряд ли может считаться признаком каждой этнической общности. Как, например, следует понимать общность происхождения современных американцев, мексиканцев, китайцев, и многих других народов, сложившихся из различных этнических компонентов? Психический склад, быт и религия, фигурирующие в качестве этнических признаков, не являются самостоятельными, так как всегда выступают в тесной связи с особенностями культуры. Что же касается определенной формы социально-территориальной организации и, тем более, государственной принадлежности, то эти признаки могут быть отнесены только к этническим общностям самого конца периода первобытнообщинного строя и в еще большей мере эпохи классового общества. С учетом всего сказанного и в настоящее время нет оснований отказываться от предварительного определения этнической общности, сформулированного автором.

К числу важнейших теоретических проблем этногенеза и этнической истории относится также вопрос о типах этнических общностей. Общности эти, несомненно, столь же древни, как древни сами люди — по крайней мере люди современного вида. Но столь же ясно, что этнические общности разных исторических эпох, обладая некоторыми общими признаками, в то же время качественно отличаются друг от друга. Было бы большой ошибкой ставить знак равенства между современными нациями и древними племенами и исследовать происхождение тех и других с помощью одних и тех же методов. Советские ученые придают большое значение постановке вопроса о типах этнических общностей, характерных для различных социально-экономических формаций.

Наиболее ясен для нас вопрос об этнических общностях эпохи первобытнообщинного строя. Общности эти, обычно называемые племенами, складывались, как и все другие этнические общности, на определенной территории среди людей, находившихся между собой в реальных хозяйственных связях, говоривших на одном языке и обладавших специфическими культурными особенностями. Однако в отличие от этнических особенностей более поздних исторических эпох племенные общности основывались на действительных или мнимых кровно-родственных связях, то есть состояли из людей, имевших общее происхождение или во

¹⁹ Н. Н. Чебоксаров, Проблемы происхождения древних и современных народов, стр. 5.

²⁰ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 44.

²¹ В. И. Козлов, О понятии этнической общности, стр. 126.

всяком случае считавших себя связанными таким происхождением. Второй характерной особенностью племенных общностей являлось отсутствие внутри них заметного социального расслоения, а тем более антагонистических классов. В силу этого культура этих общностей была единой: этническая и социальная специфика культуры в то время совпадали.

Племя, состоявшее из нескольких (первоначально, вероятно, двух) экзогамных родов, было древнейшей территориально-социальной общностью людей современного вида, возникшей, надо думать, на базе первобытного стада в результате обуздания в последнем животных инстинктов. Однако отдельное племя со свойственными ему институтами представляет скорее одну из ранних форм социальной организации, а не самостоятельную этническую общность. Основными типами этнических общностей эпохи первобытнообщинного строя были вероятно, группы родственных племен, живущих на смежных территориях, говорящих на диалектах одного языка и обладавших многими общими особенностями культуры. Именно такие племенные группы и представляли собой, по-видимому, основные этносы или народы эпохи первобытнообщинного строя. Отдельные племена были своего рода этнографическими группами внутри подобных племенных общностей «первого порядка».

Изложенные взгляды на происхождение древнейших этнических общностей подтверждаются фактическими материалами, относящимися к народам, в жизни которых до недавнего времени сохранялись многие черты первобытнообщинного строя. Так, например, австралийцы делились на отдельные племена, общее количество которых достигало 500. Численность разных племен колебалась от нескольких сот до нескольких тысяч человек. Большинство этих «племен» (камилиарои, курнаи, нарриньери, аранда, варрамунга и др.) представляло собой, по-видимому, уже племенные группы — своего рода народы или этносы первобытного общества. У австралийцев не было ни племенных вождей, ни племенных советов, ни каких-либо других форм постоянной племенной организации. Но каждая племенная группа имела свое название, территорию, свои особые обычаи, обряды, предания о происхождении и другие этнические традиции. Отдельные племена большей частью говорили на диалектах одного языка, характерного для целой племенной группы, т. е. для «первобытного этноса». Границы между этими этносами часто бывали неопределенными и расплывчатыми: отдельные племена и племенные группы как бы постепенно переходили друг в друга, образуя своего рода «этническую непрерывность». Особенно характерной подобная непрерывность была, по-видимому, для папуасов Новой Гвинеи, по отношению к которым некоторые исследователи говорят о «контактных этнических общностях»²².

Гораздо более сложной была племенная организация у народов, которые ко времени изучения их этнографами стояли на грани перехода к классовому обществу. Ярким примером такой усложненной организации могут служить ирокезы, племена которых (сенека, кайюга, онондага, онеида и могавки) в отличие от австралийских племен, имели особые племенные советы, включавшие военных вождей и старейшин для мирного времени, называемых европейскими авторами «сахемами». Признаки, характерные для племен ирокезов, Ф. Энгельс считал вообще типичными для племенной организации позднего этапа развития первобыт-

²² Н. А. Бутин ов, Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, Сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов», ТИЭ, нов. серия, т. 80, 1962.

ного общества²³. Аналогии этой организации по историко-этнографическим данным можно найти у народов различных стран и исторических периодов во всех частях света. Яркими примерами могут служить племенные общности восточных славян I тыс. н. э.: вятичи, кривичи, ильменские словене, радимичи, дреговичи, древляне, поляне и другие, позднее сплотившиеся в древнерусский этнос. К той же категории этнических общностей должны быть отнесены такие народы, как, например, обские угры (ханты и манси) Западной Сибири, чукчи и айны Дальнего Востока, зулусы и бечуаны Южной Африки, древние германцы и многие другие²⁴. В ряде случаев, главным образом при контактах с классовыми обществами, племенная структура и кровнородственные связи могут исчезнуть и уступить место чисто территориальным (без резкого социального расслоения внутри народа). Такова была, например, судьба многих мон-кхмерских и мяо-яоских этносов Южного Китая и Северного Индокита, а также горных народов Филиппин.

Этнические общности тех эпох истории человечества, когда существовали антагонистические классы, принципиально отличались от племенных групп двумя основными признаками: во-первых, тем, что общности эти состояли из людей, связанных друг с другом не кровным родством, но хозяйственно-культурными отношениями территориально-соседского характера, и, во-вторых, тем, что они всегда включали эксплуататорские и эксплуатируемые классы, заметно отличавшиеся друг от друга своим социально-экономическим положением и культурно-бытовыми особенностями. Для обозначения этнических общностей раннеклассовых (докапиталистических) формаций в советской научной и политической литературе употребляется обычно один и тот же термин «народность». Надо, однако, иметь в виду, что «народности» различных исторических периодов по многим существенным особенностям сильно отличаются друг от друга²⁵. На заре развития классового общества основу народа составляли, как правило, свободные общинники (земледельцы или скотоводы), которые подвергались различным видам эксплуатации со стороны нарождавшейся родоплеменной знати, принадлежавшей нередко к другому этносу. С возникновением в некоторых странах (главным образом в Передней Азии и Средиземноморье) рабовладельческих обществ начал формироваться особый эксплуатируемый класс — рабы, — отличавшийся, по крайней мере на первых порах, от рабовладельцев и свободных общинников своей этнической принадлежностью. Рабы долгое время не входили в состав основных этносов тех стран, где они жили, и только медленно и, можно сказать, очень болезненно включались в их состав.

В феодальном обществе эксплуатируемые группы населения — крепостное крестьянство и трудящиеся города — всегда составляют основу этноса, и именно их культурно-бытовые особенности выступают в качестве характерных этнографических признаков всего народа. Что же касается социальной верхушки феодального общества, то по мере развития феодальных отношений у нее все сильнее проявляются «космопо-

²³ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., Изд. 2, т. 21, стр. 92—95.

²⁴ Л. П. Лашук, Указ. раб., стр. 84—85.

²⁵ См. указанные выше работы В. И. Козлова, С. А. Токарева и Н. Н. Чебоксарова, а также А. Г. Агаев, К вопросу о теории народности, Махачкала, 1965; его же, Народность как социальная общность, ВФ, 1965, № 11, стр. 26—36; см. также: А. М. Архангельский, Племя, народность, нация как исторические формы общности людей, М., 1961; Э. И. Минаков, Племя, народность, нация как исторические формы общности людей, Тирасполь, 1961; В. В. Алексеев, Род, племя, народность, нация (исторические формы общности людей), М., 1962.

литические» тенденции и по своему культурно-бытовому укладу, а часто и по самосознанию она отрывается от трудящихся масс. Так, в раннефеодальную эпоху этот процесс был очень характерен для многих стран Северной и Западной Африки, где параллельно с исламизацией местная верхушка отрывалась и вступала на путь арабизации. В позднефеодальное время почти во всех странах Европы феодальная знать, все более и более обособляясь по культурно-бытовому укладу от трудящихся, почти полностью перешла на французский язык и подражала сложившимся у французской аристократии нравам и обычаям. В этот же период наиболее часто встречались общества, где в результате завоеваний почти совпадали линии классовых и этнических различий. Так было, например, в средние века в Латвии и Эстонии, Ирландии, позднее во многих странах Центральной и Южной Америки.

Необходимо также подчеркнуть, что при феодализме (как и при рабовладении) наряду с характерными для этого периода народностями продолжали существовать этнические общности, сложившиеся в предыдущие исторические эпохи. Так, например, в состав русского феодального государства XV—XVIII вв. входили различные группы племен, расселенные на огромных пространствах от Поволжья до Тихого океана. Когда русские люди, перевалив через Уральские горы, начали освоение Сибири, они встретились там с многочисленными народами, которые по своей этнической структуре представляли собой племенные общности, сложившиеся еще в эпоху первобытнообщинного строя. Такими были маньси (вогулы) и ханты (остяки), различные группы самодийских и тунгусских племен, а также палеоазиаты, эскимосы и алеуты. Аналогичные процессы включения в состав феодальных государств народов, сохранивших многие особенности первобытнообщинного строя, наблюдались и во многих других странах. Например, в Индии, в Южном Китае, Индокитае, Индонезии и на Филиппинах крупные народности с развитыми феодальными отношениями заселяли, главным образом, плодородные долины больших рек и морские побережья, оттесняя небольшие этносы в горы, где они еще долго сохраняли племенную структуру.

Этнические общности нового типа, складывающиеся с развитием капиталистических отношений, в советской научной и политической литературе обычно называют «нациями». Характерные особенности наций, отличающие их от этнических общностей предшествующих эпох, определены во многих работах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Самое главное в образовании наций, по Ленину, это укрепление экономических связей между всеми местными группами народа (или соседних родственных народов), слияние местных рынков в единый общий национальный рынок²⁶. В России процесс этот начался в XVII в., в других европейских странах он развертывался несколько раньше или позднее, но всегда в связи с зарождением капиталистических отношений (первоначально в виде уклада в недрах феодального общества). В Северной и Южной Америке, в Азии, а тем более в Австралии, Океании и в Африке нации стали складываться не ранее конца XVIII — начала XIX в. по мере развития капитализма в отдельных странах этих частей света. В. И. Ленин очень четко отличает нации от местных групп феодального периода, которые, хотя и были территориальными, а не кровно-родственными, как первобытные племена, тем не менее не представляли собой единого экономического целого²⁷. С образованием наций,

²⁶ В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов, Соч., т. I, стр. 115—183 (о формировании наций, стр. 137—138).

²⁷ В. И. Ленин, там же.

как правило, постепенно сходило на нет местное этническое самосознание, заменяясь сознанием общенациональным. В дискуссии о нации, развернувшейся в последнее время на страницах советских научных журналов (прежде всего «Вопросы истории») нации обозначаются как «исторические», «социально-исторические» или «социально-этнические» общности²⁸.

Советские этнографы считают нацию одним из видов этнической общности²⁹. «Этническая общность» — это «родовое» понятие, а «племя», «народность», «нация» — понятия видовые. Несомненно, что каждая нация является народом (этносом), но далеко не всякий народ можно рассматривать как нацию. Важно отметить, что в самых последних дискуссионных статьях о нации историки и философы все чаще обозначают ее как этническую общность³⁰. В этом нельзя не видеть влияния работ советских этнографов, которые принимают все более и более активное участие в разработке актуальных проблем национального развития.

Придавая решающее значение в процессе формирования наций развитию экономических связей между отдельными территориальными общностями одного этноса или группы соседних этносов, нельзя в то же время абсолютизировать эти связи, считать их неизменными и обязательными на всех этапах существования наций, а главное, подменять понятие экономической основы образования наций представлением об их экономической обособленности. Совершенно прав В. И. Козлов, когда он пишет: «Сложность проблемы экономической общности нации связана с тем обстоятельством, что экономические факторы обычно влияют на формирование наций косвенным путем, через соответствующие надстроечные формы — политические, идеологические и др. Особенно велика роль политического фактора государства, пришедшего на смену первоначальной, родоплеменной организации общества»³¹. Экономические, лингвистические и историко-этнографические данные, относящиеся к самым разнообразным народам, полностью подтверждают эти положения. Политическое развитие народов, образование государств и в той или иной степени устойчивых границ между ними было мощным этногенетическим фактором на всем протяжении истории классового общества. Это нетрудно понять, если учесть, что необходимой предпосылкой образования любой этнической общности является общность территориальная, которая всегда нарушается, если она рассекается государственными границами. Чем дольше существуют эти границы, тем большую роль они играют для распадаения прежде единых народов на новые этносы. При капитализме, когда особенно возрастает роль экономических связей в этническом развитии, политический фактор выдвигается на первый план. Можно даже утверждать, что национальная консолидация полностью завершается только тогда, когда народы,

²⁸ П. М. Рогачев, М. А. Свердлин, О понятии «нация», ВИ, 1966, № 1; Обсуждение статьи П. М. Рогачева и М. А. Свердлина «О понятии „нация“», ВИ, 1966, № 2; М. С. Джунусов, Указ. раб.; С. Т. Калтахчян, К вопросу о понятии «нация», ВИ, 1966, № 6; П. Г. Семенов, Нация и национальная государственность в СССР, ВИ, 1966, № 7; М. О. Мнацаканян, Нация и национальная государственность, ВИ, 1966, № 9; Т. Ю. Бурмистрова, Некоторые вопросы теории нации, ВИ, 1966, № 12; В. И. Козлов, Некоторые проблемы теории нации; Н. А. Тавакалян, Некоторые вопросы понятия «нация», ВИ, 1967, № 2, стр. 115—123; Н. П. Ананченко, От нации к интернациональной общности людей, ВИ, 1967, № 2; Л. П. Лашук, Указ. раб.

²⁹ См. цитированные выше работы С. И. Брука, А. В. Ефимова, В. И. Козлова, Л. П. Лашука, С. А. Токарева и автора.

³⁰ См. работы, указанные в сноске ²⁸.

³¹ В. И. Козлов, Некоторые проблемы теории нации, стр. 94.

идущие по этому пути, обретают политическую самостоятельность или, по крайней мере, автономию в рамках национальных или многонациональных государств. Так, в зарубежной Европе почти все крупные народы, сложившиеся в нации — англичане, голландцы, французы, испанцы, португальцы, немцы, итальянцы, шведы, датчане и др., образовали в XV—XIX вв. свои национальные государства.

Нации не являются, конечно, единственными этническими общностями капиталистической эпохи. И при капитализме продолжают существовать народы, сложившиеся в более раннее время, которые не становятся экономически сплоченными единицами, и, следовательно, не формируются в самостоятельные нации. Такие общности часто обозначались как «народности» капиталистического периода, хотя по своему классовому составу и особенностям культуры они сильно отличаются от народностей раннеклассовых обществ³². Именно такие народности, возникшие еще при феодализме, но продолжающие существовать и сохранять свою этническую самобытность, представляют собой многие национальные меньшинства в развитых капиталистических странах, как, например, уэльсцы в Англии, бретонцы во Франции, фриулы в Италии, и т. п.

Нации и народности капиталистического периода, как и этносы раннеклассовых обществ, состоят из антагонистических классов, между которыми все время происходит политическая, экономическая и идеологическая борьба. Как известно, основными классами периода капитализма во всем мире являются буржуазия и пролетариат. Однако наряду с ними в эту эпоху в большинстве стран продолжают существовать, хотя и постепенно разлагаются, классы феодального времени — помещики и крепостные крестьяне. Кроме того, в составе всех перечисленных классов складываются различные социальные группы и прослойки — мелкая, средняя и крупная буржуазия, промышленный и сельскохозяйственный пролетариат, кустари-ремесленники, интеллигенция, по своему происхождению, экономическому положению и идеологии связанная с разными классами. Удельный вес всех этих групп в составе различных наций и народностей может быть очень различным; в значительной степени он зависит от соотношения в хозяйственной жизни отдельных народов социально-экономических укладов. Тем не менее культурно-бытовые различия между разными классами и социальными группами наций и народностей эпохи капитализма всегда бывают очень значительными. Это дало основание В. И. Ленину выдвинуть свое положение о «двух нациях в каждой современной нации» о «двух национальных культурах в каждой национальной культуре»³³. Речь идет о противопоставлении реакционной культуры господствующих классов — буржуазии и примыкающих к ней обуржуазившихся помещиков, с одной стороны, и прогрессивной демократической культуры широких трудящихся масс во главе с рабочим классом, с другой стороны.

Своеобразно протекают процессы национального развития в бывших колониальных и зависимых странах, недавно освободившихся из-под гнета империалистов. Преобладают здесь, несомненно, исторически прогрессивные процессы экономического, культурного и политического сближения разных народов, их интенсивного взаимодействия во всех областях общественной жизни. Очень важно подчеркнуть, что такое сближение происходит, как правило, в рамках исторически сложившихся государств. Политические границы в зарубежной Азии (как,

³² А. Г. Агаев, Народность как социальная общность, стр. 29—31.

³³ В. И. Ленин, Критические заметки по национальному вопросу, Соч. т. 20, стр. 3—34.

впрочем, и в Африке и Латинской Америке) стали в наши дни в большинстве случаев также рубежами между формирующимися крупными историческими общностями нового типа, независимо от того, являются ли они однородными или неоднородными в этническом отношении. Нет сомнения, например, что к таким общностям принадлежит и ясно сознает эту принадлежность большинство населения стран Южной и Юго-Восточной Азии: Индии, Непала, Цейлона, Бирмы, Таиланда, Камбоджи, Индонезии и Филиппин. Такого рода общности в новейшей историко-этнографической литературе часто называют «этнополитическими» или «национально-политическими»³⁴.

В последнее столетие огромную роль в сплочении народов всех стран Зарубежной Азии, Африки и Латинской Америки имел подъем в них национально-освободительного движения, в которое втягивались разные этнические общности, отличавшиеся друг от друга по численности, уровню социально-экономического развития, языку, особенностям хозяйства, культуры и быта. Участие в общей борьбе в сильнейшей степени способствовало укреплению хозяйственно-культурных связей между этими народами, росту у них патриотизма и ясного сознания принадлежности к одному целому — общей для всех них Родине. Герои национально-освободительной борьбы становились героями всей страны, независимо от того, из какого народа они вышли³⁵.

После завоевания независимости тенденции социально-экономического и культурного сплочения народов развивающихся стран еще более усилились. У населения этих государств выросло сознание принадлежности к новым национально-политическим общностям, которые в популярной литературе и прессе называют иногда «народами» в самом широком смысле слова. В наши дни вполне реальными стали такие понятия, как «народ Индии», «народ Бирмы», «народ Индонезии» и т. п. Несмотря на то, что каждый из этих «народов» состоит из различных этнических общностей. Очевидно, что национально-политические общности не могут быть безоговорочно отождествлены с общностями этническими, в том числе и с нациями, хотя в политической жизни многих зарубежных стран постоянно пользуются термином «нация» для обозначения именно таких исторических общностей нового типа. Термин «нация» в этом случае приобретает чисто политический смысл и по существу совпадает с понятием «государство». Советские ученые понимают под нацией этническую общность определенного периода в истории человечества, а вовсе не любое государство. Могут существовать как национальные, так и многонациональные государства. В зарубежной Азии примерами первых могут служить Камбоджа и Япония, примерами вторых — Индия и Бирма.

С переходом от капитализма к социализму антагонистические классы постепенно исчезают, а вместе с тем на смену двум национальным культурам приходит единая общенародная социалистическая культура, не носящая уже классового характера. Тем самым формируются этнические общности нового типа, свободные от неразрешимых социальных противоречий. Основными этническими общностями нашего времени в странах социализма являются социалистические нации, которые принципиально отличаются от наций периода капитализма, так как состоят,

³⁴ С. И. Брук, Н. Н. Чебоксаров, Современный этап национального развития, стр. 89—90; С. И. Брук, Основные проблемы этнической географии, стр. 28; Н. Н. Чебоксаров, Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии, стр. 52.

³⁵ Н. Н. Чебоксаров, Этнические процессы в странах Южной и Юго-Восточной Азии, стр. 53; его же, Сорок дней в Индонезии, «Вестник АН СССР», 1962, № 10.

главным образом, из двух дружественных классов — рабочих и крестьян и тесно связанной с ними интеллигенции, обладают единой социалистической по содержанию, национальной по форме культурой, находятся между собой в тесных хозяйственных и культурных связях, которые прогрессивно развиваются на основе полного равноправия, дружбы и взаимопомощи. Однако, наряду с социалистическими нациями в странах социализма сохраняются менее консолидированные экономически и, как правило, менее многочисленные этносы, которые часто называются «социалистическими народностями»³⁶. Для народностей этих характерны, конечно, те же специфические признаки, что и для социалистических наций, так что разграничение между обоими типами народов стран социализма довольно сложно, тем более что многие социалистические народности в процессе социально-экономического и культурного развития складываются в нации. Все же главными критериями разграничения наций и народностей в эпоху социализма и перехода к коммунизму являются их численность, компактность этнической территории, уровень экономического, особенно промышленного развития, социальный состав (в первую очередь наличие национального рабочего класса), степень политико-административной и культурной автономии, развития литературы, искусства и науки на родном языке.

В СССР — первом социалистическом государстве мира — национальный вопрос был коренным образом разрешен на основе ленинской национальной политики, главным принципом которой является юридическое и фактическое равноправие всех больших и малых народов и их право на самоопределение. «В условиях социализма, — говорится в Программе КПСС, — происходит расцвет наций, укрепляется их суверенитет... Возникновение новых промышленных центров, открытие и разработка природных богатств, освоение целинных земель и развитие всех видов транспорта усиливают подвижность населения, содействуют расширению взаимного общения народов Советского Союза. В Советских республиках совместно живут и дружно трудятся люди многих национальностей. Границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое бывшее значение, поскольку все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе и в равной мере удовлетворяются материальные и духовные запросы каждого народа, все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели — коммунизму»³⁷.

В настоящее время Советский Союз представляет собою многонациональное социалистическое государство, которое населяют около 140 народов, тесно связанных длительной совместной жизнью в пределах одного государства. В СССР, как и в других социалистических странах, на основе равноправия и братского сотрудничества разных народов получили дальнейшее развитие процессы этнической и национальной консолидации. Очень ярко процессы эти выражены, например, на Кавказе, который отличается исключительно сложным и пестрым этническим составом населения. Так, в Дагестане, где живет несколько десятков крупных и малых этнических общностей, говорящих на различных языках кавказской семьи, в настоящее время многие мелкие народности — цезы, годоберинцы, хваршинцы и другие — превращаются в этнографические группы наиболее крупного этноса Дагестанской АССР — аварцев. Аналогичные процессы этнической консолидации и вхождения малых народностей в крупные социалистические нации имеют место и в

³⁶ А. Г. Агаев, Народность как социальная общность, стр. 31—36.

³⁷ Материалы XXII съезда КПСС, М., 1961, стр. 126.

Закавказье, где основными центрами этих процессов стали, естественно, самые многочисленные народы, имеющие свои союзные республики — грузины, армяне и азербайджанцы. Укрупнение этнических общностей и укрепление всех видов экономических, общественных и культурных связей между ними, происходит также в европейской части СССР, в Средней Азии и в Сибири³⁸. Одной из самых характерных особенностей национального развития народов СССР в нашу эпоху развернутого строительства коммунизма является все более и более широкое распространение среди них русского языка. Своим родным этот язык считают примерно 130 млн. человек; однако, если учесть, что он служит в СССР главным языком межнационального общения, то общее число людей, которые постоянно пользуются им, превысит 150 млн.³⁹ С распространением русского языка тесно связано также формирование в нашей стране совершенно новой, еще не виданной в истории национально-политической общности советского народа. Так же как «народ Бирмы», «народ Индии», или народ любой другой страны с многонациональным составом населения, советский народ не является, конечно, этнической общностью. Однако социально-экономическая сплоченность советского народа, единство его культуры (при всем многообразии ее национальных форм), наличие общей коммунистической идеологии и ясно осознанной цели — строительства коммунизма — все эти характерные черты позволяют рассматривать советский народ как высший тип многонациональной исторической общности.

В других странах социализма, вступивших на путь социалистического строительства позднее Советского Союза, процессы этнического и национального развития отличаются большим своеобразием. В МНР, на пример, где переход к социализму произошел непосредственно от феодального строя, минуя стадию капитализма, монгольская социалистическая нация складывается путем сближения различных монголоязычных или монголизированных народностей, которые консолидируются вокруг монголов — халха (их насчитывается около 800 тыс. при общей численности населения республики почти 1 млн. чел.). В однациональной Корее и особенно в многонациональном Вьетнаме, где докапиталистические общественно-экономические уклады до последнего времени были очень сильны, формирование наций и народностей на базе социализма тормозится искусственным разделением этих стран и агрессивными действиями американских империалистов.

В социалистических государствах Европы национальное развитие наших дней также имеет свои особенности. В Польше, Венгрии и Болгарии, где на долю основных народов приходится свыше 90 % населения, после второй мировой войны образовались высококонсолидированные социалистические нации, с которыми постепенно сливаются малочисленные национальные меньшинства, пользующиеся полным юридическим и фактическим равноправием. В Чехословакии социалистическое общество развивается на основе союза двух братских наций: чехов и словаков, сохраняющих свое языковое и культурное своеобразие. В Румынии наряду с основной нацией — румынами в социалистическом строительстве активно участвуют крупные национальные меньшинства — венгры, немцы, цыгане, евреи и др. В Югославии в процессе социально-эконо-

³⁸ См. работы, приведенные в прим. 3, а также Н. Г. Волкова, Вопросы двуязычия на Северном Кавказе, СЭ, 1967; № 1; Р. Ш. Джарылгасинова, К вопросу о культурном сближении корейцев Узбекской ССР с соседними народами, СЭ, 1966, № 5.

³⁹ В. И. Козлов, Языки мира, в кн. «Атлас народов мира», М., 1964, стр. 123—126.

мического и культурного взаимодействия близких южнославянских народов — сербов, хорватов, словенцев, македонцев, боснийцев и черногорцев — складывается прочная национально-политическая общность. В ГДР на базе социализма также разворачивается национальная консолидация. Однако консолидации немецкого народа в целом препятствует агрессивная реваншистская и шовинистическая политика правящих кругов ФРГ и Западного Берлина.

Этнические процессы, протекающие в настоящее время в странах социализма могут служить до известной степени прообразом национального развития всего человечества в период перехода от капитализма к коммунизму. Для всего этого периода характерно развитие экономических связей между разными народами как внутри определенных государств, так и в пределах всего социалистического лагеря, а затем и всего мира, постепенное исчезновение антагонистических классов и ликвидация разрыва между социальными и этническими группами человечества, рост двуязычия и даже многоязычия, когда все большее количество людей хорошо владеет, кроме своего родного языка, государственным языком своей страны, а нередко и иностранными языками, наконец, расширение и углубление обмена лучшими достижениями науки, литературы и искусства между разными этническими общностями. Результатом всех этих взаимосвязанных процессов наших дней является укрупнение этносов, слияние многих небольших этнических общностей с крупными нациями, формирование новых национально-политических общностей в пределах отдельных национальных или многонациональных государств, обогащение мировой цивилизации наиболее прогрессивными элементами культуры всех больших и малых народов.

SUMMARY

The author presents a survey of the investigations by Soviet ethnographers into the theoretical problems of ethnogenesis and ethnic history of modern and ancient peoples. The articles by S. I. Brook, A. V. Efimov, V. I. Koslov, L. P. Lashook, S. A. Tokarev and some others dealing with the problem of types of ethnic unity in various periods of socio-economic history (tribe, nationality, nation) are analyzed in detail. According to the present author's view, every kind of unity based on real socio-economic relations among people living on a common territory, speaking a mutually understandable language, having common culture and ethnic selfconsciousness can be treated as ethnic unity. In the course of its existence such a unity maintains definite cultural peculiarity, its members realizing themselves to be an independent social group.

П. Н. Третьяков

ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ И БАЛТИЙСКИЙ СУБСТРАТ¹

Мысль о Верхнем Поднепровье, как области, принадлежавшей некогда племенам балтийской группы, высказанная впервые на рубеже нашего века главным образом на основании наблюдений над гидронимией, в настоящее время получает общее признание.

Фундаментальные исследования восточноевропейской гидронимии, предпринятые в начале нашего века К. Бугой, в 20-х и 30-х гг. М. Фасмером, а в последнее время В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым, полностью подтвердили мнение филологов — пионеров изучения днепровских балтов. Стало очевидным, что отчетливый слой балтийской гидронимии лежит не только по всему Верхнему Поднепровью, охватывая на юге поречье Припяти, Нижней Десны и Сейма, но и по северной и восточной периферии днепровского бассейна. Граница поселений древних балтов, отделявшая их от прибалтийских и поволжских финно-угров, судя по этим данным, шла от Рижского залива на восток вдоль водораздела Западной Двины и рек, впадающих в озера Чудское и Ильмень. От верховьев Волги она круто поворачивала к юго-востоку, по западной части Волго-Окского междуречья и пересекала Оку где-то вблизи устья Москва-реки. Отсюда граница балтов шла на юг, несколько восточнее Верхней Оки, к верховьям Сейма. Круто поворачивая далее на запад по линии Сейм—Припять, она отделяла балтов сначала от западных иранцев — скифов или сарматов, а затем, на Правобережье Днепра — от славян.

Плотность и отчетливость балтийской гидронимии в очерченных пределах, ограниченных на западе землями ятвягов и древних литовских и латышских племен, свидетельствует о том, что днепровские балты некогда являлись единственными хозяевами этой обширной области. Они не отступили на северо-запад в период расселения славян, как думали раньше некоторые исследователи. Оставаясь на старых местах, они долго жили в славянском окружении, пока не растворились в славянской среде. Если бы балты в свое время покинули Верхнее Поднепровье, славяне не смогли бы наследовать их гидронимию. Следовательно, восточные балты послужили некогда существенным компонентом днепровских славянских группировок².

К таким же точно выводам привели и археологические изыскания в области Верхнего Поднепровья. Культура раннего железного века (I тыс. до н. э. и начала н. э.) обнаруживает здесь много общего с культурой древнего населения Юго-Восточной Прибалтики. Одна из племенных групп того времени, известная в археологии по городищам с штрихованной керамикой, владела территорией, охватывающей бассейн Немана и

¹ По поводу статьи В. В. Седова, К происхождению белорусов, «Сов. этнография», 1967, № 2.

² В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, М., 1962.

все Северо-Западное Поднепровье. В равной мере эта группа была и прибалтийской (литовской) и днепровской. Другие группы верхнеднепровского населения того времени, выявленные археологами в восточных и южных частях Верхнего Поднепровья — днепро-двинская в среднем течении Западной Двины и на Смоленщине, верхнеокская и, наконец, юхновская в поречье Десны и Сейма — имели такие же, как в Юго-Восточной Прибалтики или близкие к ним приемы домостроительства, формы поселений, облик материальной культуры. Лишь одна из верхнеднепровских группировок раннего железного века — юго-западная, так называемая милоградская — несколько отличалась по особенностям своей материальной культуры как от других верхнеднепровских группировок, так и от древнего населения Прибалтики. Но это объясняется, вероятно, не столько ее особым происхождением и этнической спецификой, сколько тесными связями с племенами Юго-Запада, стоявшими на более высокой ступени культурного развития.

Все верхнеднепровские группировки раннего железного века, в том числе верхнеокская, древности которой известны на Оке выше г. Калуги, на Угре и по верхнему течению Москва-реки, заметно отличались от поволжского финно-угорского населения — предков мордовских, мерянских и других племен. Граница между днепровскими балтами и финно-угорскими племенами Поволжья и Севера, которую можно наметить по археологическим данным, в основных чертах совпадает с только что обрисованной гидронимической границей. Совпадение двух этих границ — гидронимической и археологической — является бесспорным доказательством их правильности.

Более поздние памятники днепровских балтов — остатки поселений и городища — убежища I тыс. н. э. изучены еще далеко недостаточно, лишь в некоторых местностях. Но они точно также во многом соответствуют древностям территории Литвы и Латвии и в то же время существенно отличаются от остатков культуры финно-угорских племен. В это время своеобразие культуры балтов и финно-угров отчетливо обнаруживалось в характере экономики и образе жизни, в бытовой обстановке и в уборе костюма, у тех и других племен изобилующего металлическими украшениями, но различных типов. Это были два северных восточноевропейских мира — финно-угорский и балтийский, не похожие один на другой. В свою очередь оба они заметно отличались от третьего — славянского мира, находящегося в ту пору в пределах Поднепровья в движении с юга на север. Вследствие этого славянские древности оказались здесь очень сложными для изучения. Вскоре элементы более развитой славянской культуры стали проникать в среду местного населения, свидетельствуя о начавшейся ассимиляции днепровских балтов пришельцами-славянами³.

А если мы обратимся к памятникам культуры русского средневековья, прежде всего, к материалам курганов, принадлежавших сельскому населению, то среди них нельзя уже будет обнаружить бесспорные древности днепровских балтов, сохранивших свою этническую специфику. Зато по всей средней и северной частям восточнославянского ареала, в ранне-средневековой культуре отчетливо представлены балтийские элементы — наследие балтийского субстрата.

Вот уже ряд лет выявлением и систематизацией балтийских элементов в восточнославянских древностях много и плодотворно занимается В. В. Седов. При этом он выступает не только как археолог, но и как ред-

³ П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге, М.—Л. 1966, стр. 63—190, 220—285.

кий в наше время «энциклопедист», в равной мере оперирующий данными археологии, лингвистики, гидронимии, антропологии, этнографии. Судя по статье, опубликованной в журнале «Советская этнография» (№ 2 за 1967 г.), В. В. Седов подошел к заключительной стадии исследований в данной области, к определению роли балтийского субстрата в истории восточного славянства. Его основной вывод прозвучал, однако, несколько неожиданно. В. В. Седов полагает, что балтийский субстрат создал белорусскую народность, балтийский субстрат — это специфический, по его мнению, элемент, отличающий белоруссов как от русских, так и от украинцев.

Сама по себе эта мысль не новая — белоруссы сложились на балтийском субстрате, русские — на финно-угорском, украинцы — на иранском и тюркском (субстрате и суперстрате)! Однако в такой категорической форме ее никто еще не высказывал, прежде всего потому, что эту мысль никто и никогда не рассматривал как убедительно объясняющую такое сложное историческое явление, как обособление белорусской народности. Как известно, большинство исследователей — филологов и историков, говоря о белоруссах, придерживались и придерживаются по сей день другой точки зрения. Распад древнерусской народности на три части — на русских, белоруссов и украинцев — связывается ими не столько с различным племенным составом далекого прошлого (он, конечно, сыграл свою роль), сколько с историческими условиями и событиями XIII—XIV вв. — периода феодальной раздробленности. Ведь народность — это явление не столько этническое, сколько историческое!

Спорным, на мой взгляд, является и сам подход В. В. Седова к проблеме происхождения белорусской народности. Он рассматривает эту проблему в отрыве от истории русских и украинцев, в его статье о происхождении и специфике русской и украинской народностей не сказано ни слова. Тогда как только при сопоставлении процессов формирования русских, белоруссов и украинцев можно получить действительно объективную картину, можно выяснить, на каком этапе истории и вследствие каких именно причин развитие некогда единой древнерусской народности пошло по трем, хотя и смежным, но все же различным путям.

Я не являюсь специалистом в области истории XIII—XIV вв., в течение которых развитие древнерусской народности пошло тремя путями, и не буду рассматривать концепцию В. В. Седова в сравнении с господствующими в литературе представлениями. Однако, на основании более ранних материалов, относящихся к концу I — началу II тыс. н. э. — археологических, исторических и других, мне представляется, что роли днепровских балтов в истории восточно-славянских народностей получила у В. В. Седова неправильную оценку.

Вопрос о времени проникновения славян в область Верхнего Поднепровья и о сроках ассимиляции ими местного балтийского населения является спорным.

По мнению одних исследователей, эти процессы были весьма длительными, охватившими значительную часть I тыс. н. э. Другие продолжают защищать точку зрения историков и филологов конца XIX — начала XX в., в соответствии с которой расселение славян в Верхнем Поднепровье и по его периферии рассматривается, как относительно кратковременный акт, падающий на третью четверть I тыс. н. э., главным образом, на VI—VIII вв., что значительно «сужает» и время ассимиляции славянами днепровских балтов.

Как известно, составители летописей ничего не сообщили о днепровских балтах. Они, очевидно, и не подозревали, что балты являлись «первыми насельниками» Верхнего Поднепровья, подобно тому, как поволжские финно-угры — меря, весь, мурома — были предшественниками

славяно-русского населения на Белом озере и в восточной части Волго-Окского междуречья — в Ростове и Муроме. То, что в западной части Волго-Окского междуречья имелась балтийская группа — голядь, известная по летописным памятникам XI и XII вв., отнюдь не позволяет сделать вывод, что в это время подобные же группы балтов сохранялись и в Верхнем Поднепровье. Голядь просуществовала так долго лишь потому, что она оказалась в стороне от главных путей славянского движения из Верхнего Поднепровья на восток. Они проходили по Оке и по Верхней Волге, обходя землю голяди с севера и юга. В области Верхнего Поднепровья процесс ассимиляции балтов ко времени составления Начальной летописи, очевидно, уже закончился. Балты уже растворились среди славяно-русского населения, во всяком случае настолько, что уже нигде не осталось их компактных группировок, сохранивших свою этническую специфику и какую-то автономию. Нет никаких оснований подозревать летописцев в неведении. Составители летописи хорошо знали о финно-угорских племенах в далеком Залесье, новгородские известия рассказывают о води и ижоре. Летописцы хорошо знали о ятвягах, живших на западных рубежах Руси и археологические памятники которых, как показал В. В. Седов, достаточно определенно отделяются от древнерусских⁴. И то, что летописцы ничего не знали о балтах в земле дреговичей, кривичей, родимичей и вятичей, конечно, не было случайностью. Очевидно, днепровские балты вошли как древний компонент в состав этих группировок и уже потеряли свою специфику к XI—XII вв.

Являясь защитником представлений о раннем проникновении славян в область Верхнего Поднепровья и, следовательно, о длительности процесса ассимиляции славянами местного балтийского населения, хочу указать на следующее. В область поволжских финно-угров в восточной части Волго-Окского междуречья славяно-русское население стало проникать заметными группами в конце IX и X вв. К этому времени относятся древнейшие курганы у Переяславля, Ростова Великого и Суздаля. Особенно большими массами оно продвинулось туда в последующие XI и XII вв., главным образом из Поднепровья и Новгородской земли. Судя по археологическим и письменным данным, не вызывающим никаких сомнений, для ассимиляции местного финно-угорского населения — мери, муромы и жившей севернее белозерской веси понадобилось не менее трех — четырех столетий⁵. И следует думать, что славяно-балтийские контакты, завершившиеся ассимиляцией днепровских балтов, были, вероятно, столь же, а быть может и более продолжительными. Если некоторая близость языков и культур славян и балтов могла способствовать этому процессу, ускорить его по сравнению с ассимиляцией поволжских финно-угров, совсем чуждых славянам по языку и культуре, то общие исторические условия славяно-балтийских контактов, по сравнению с условиями X—XIV вв. в Поволжье, отнюдь не предопределяли здесь быстрого течения процессов ассимиляции. Речь идет о том, что контакты славян и балтов в Поднепровье завязались еще до образования Древнерусского государства, до возникновения древнерусских городов, до того, как земледельческое население — пришлое славяно-русское и местное — оказалось в феодальной зависимости. Все эти условия были налицо, когда в Поволжье началась ассимиляция мери и муромы; их еще не было при появлении славянского населения в Верхнем Поднепровье. Конечно, время сложения древнерусских группировок — кривичей, дреговичей, вятичей — это уже не седая первобытность. Это период складывания

⁴ В. В. Седов, Курганы ятвягов, «Сов. археология», 1964, № 4.

⁵ Е. И. Горюнова, Этническая история Волго-Окского междуречья, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 94, 1961.

классового общества. Но несомненно, что тогда еще не было тех стимуляторов ассимиляции, которые появились в древнерусское время.

Но как бы в дальнейшем не разрешился вопрос о хронологических рамках ассимиляции днепровских балтов, повторяю, что в начале II тыс. н. э., еще до составления начальной летописи, этот процесс в основных чертах завершился. И археологи, в частности В. В. Седов, в отношении населения Поднепровья XI—XII вв. могут говорить не о балтах, а лишь об отдельных элементах их культуры, вкрапленных в мощной толще древнерусских древностей.

Освоение славянами северной части территории Древнерусского государства совершилось не сразу. Сначала ими было занято Верхнее Поднепровье и лишь затем более отдаленные области. Если возможно спорить относительно времени освоения кривичами Северо-Запада, будущей Псковской земли (это связано в археологии с так называемыми длинными курганами), то в отношении Новгородской земли и Северо-Востока, то есть Ростово-Суздальской земли, спорить как будто бы не приходится. Эти области, ставшие впоследствии главной платформой формирования русской (великорусской) народности, были прочно освоены славяно-русским населением лишь через несколько столетий по сравнению с Верхним Поднепровьем, Новгородская земля — раньше, Ростово-Суздальская — позже. Хорошо известно также, что восточная часть Волго-Окского междуречья — будущая Ростово-Суздальская земля — была заселена, главным образом, выходцами из Поднепровья и в меньшей мере из Новгородских земель. Об этом писал еще А. А. Спицын в работе «Владимирские курганы»⁶. И это, кажется, ни у кого и никогда не вызывало никаких сомнений. Выше уже шла речь о том, что особенно мощные потоки переселенцев из Поднепровья в Ростово-Суздальские края шли в XI и XII вв., что послужило одной из предпосылок переноса в Залесье и государственного центра Руси.

Из всего этого следует, что северные и особенно северо-восточные области Руси, ставшие колыбелью русской (великорусской) народности, были заселены отнюдь не «чистыми» славянами, а древнерусским населением, давно впитавшим в себя, в той или другой степени, днепровский, балтийский субстрат.

Как известно, русская (великорусская) народность подразделяется филологами и этнографами на две части — северную и южную. Важнейшим древним историческим компонентом южной части послужили вятичи. Они были основным населением Рязанской земли; они заселили поречье Москва-реки. Их курганы раскапывают археологи в окрестностях Москвы.

Известно также, что на основной вятической территории в бассейне Верхней Оки имелся некогда мощный балтийский субстрат. Об этом свидетельствуют и отчетливая балтийская гидронимия и археология. Вряд ли кто будет оспаривать тот факт, что верхнеокская, так называемая мощинская культура второй и третьей четверти I тыс. н. э., принадлежала балтам. Об этом свидетельствуют и вещи с эмалью, и облик городищ и открытых на них построек, и погребальная обрядность. Ясно также, что это древнее верхнеокское население отнюдь не исчезло бесследно. Элементы его яркой культуры налицо в культуре населения окских и верхневолжских городищ последних веков н. э., принадлежащих к роменско-боршевскому типу, особенно в его погребальной обрядности. Об этом я писал еще в 1941 г. в работе «Северные восточнославянские племена»⁷.

⁶ А. А. Спицын, Владимирские курганы, «Изв. археологич. комиссии», вып. 15, СПб., 1905.

⁷ «Материалы и исследования по археологии СССР», № 6, 1941, стр. 41, 42, 51.

Многие положения, высказанные там, естественно, давно устарели, но сопоставление курганов VIII—X вв. с мощинскими (Шаньково, Почепок и др.) выдержало проверку временем. Там же речь шла и о том, что «руководящая форма» сельской вятической культуры — височное кольцо с трапециевидными лепестками восходит к височным украшениям с трапециевидными подвесками, которые, как стало ясно теперь, относятся к балтийским формам. Словом, у вятичей балтийский субстрат был, быть может, более сильный, чем у радимичей и дреговичей, таким же сильным, как у кривичей. А вятичи отнюдь не были в числе предков белоруссов.

В последние годы стало мало-помалу выясняться, что верхнеднепровское славянское население, главным образом, левобережное, в третьей четверти I тыс. н. э. участвовало в славянском движении на юг — на Средний Днепр, Южный Буг, Днестр и далее к Дунаю. Его путь отмечен своеобразной керамикой реберчатых, биконических форм⁸. Еще не все археологи с этим согласны; еще мало имеется исследованных памятников. Но каждый новый полевой археологический сезон приносит новые и новые доказательства правильности этих наблюдений. Сезон минувшего 1966 г. также оказался весьма результативным. Поселения третьей четверти I тыс. н. э. с реберчатой керамикой и характерными жилищами-землянками были найдены в нескольких пунктах по Нижней Десне, Сейму, по верховьям Сулы и Псла. В частности, есть все основания думать, что именно этим верхнеднепровским населением были принесены на Средний Днепр украшения геометрического стиля с эмалью — характерный элемент культуры балтов, усвоенный на Верхнем Днепре славянами — долгое время ставившие археологов в недоумение. Следовательно, некоторые части Среднего Поднепровья и других южных древнерусских областей также были заселены славянами, в той или иной мере уже поглотившими балтийский субстрат или испытывавшими на себе его влияние.

Из всего сказанного, мне представляется, можно сделать лишь единственный вывод. Днепровские балты были компонентом древнерусского населения на широких пространствах, выходящих далеко за пределы их древней территории, — и на северо-востоке и на востоке, и в какой-то мере на юге. Они послужили субстратом не белорусской средневековой народности, как думает В. В. Седов, а ее предшественницы — древнерусской народности. Балтийский субстрат явился таким древним этническим и историческим элементом, который не отделил в свое время белорусскую средневековую народность от украинской и русской народностей, а, наоборот, послужил одной из общих, объединяющих их особенностей.

Статья В. В. Седова, о которой здесь идет речь, сопровождается несколькими картами — результатом большого и кропотливого труда, итогом изучения литературы, архивных материалов и коллекций в музеях. Но эти карты (я могу судить только об археологических), как мне представляется, свидетельствуют отнюдь не в пользу мнения В. В. Седова. Они убедительно показывают, что в древнерусское время балтийские элементы различного характера были распространены на пространствах, значительно более широких, чем будущая белорусская территория. Элементы эти, собственно говоря, занимают почти всю древнерусскую землю.

⁸ П. Н. Третьяков, Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, стр. 254—273.

Первая археологическая карта В. В. Седова посвящена балтийским элементам в древнерусских курганах. Такими он считает головные венчики из спиральных пронизок, шейные гривны латгальских типов, некоторые формы подвесок, браслеты, украшенные изображением змеиных голов, подковообразные застёжки и некоторые другие украшения, а также сопровождающие умерших конские захоронения. Ошибается В. В. Седов, утверждая, что к волго-окским финно-уграм головные венчики попали от балтов. Это не так: в Волго-Камье это очень древняя черта костюма, идущая от эпохи бронзы. Нужно было отметить более определенно, что подковообразные застёжки являются характерным элементом убора не только балтов, но и финно-угров, и в славянскую среду, особенно в новгородских землях и на Северо-Востоке, они могли попасть и от последних.

Необходимо сказать еще два слова о принятой В. В. Седовым гидронимической границе днепровских балтов. Он проводит ее кое-где с некоторым «запасом», по крайним точкам, с чем, конечно, согласиться нельзя. Так, в своем исследовании верхнеднепровской гидронимии В. Н. Топоров и О. Н. Трубачев указали на несколько балтийских гидронимов южнее Припяти. На этом основании они позволили себе «усомниться в изолирующей роли Припяти» и допустили, что в восточной части припятского Правобережья (по Уборти, Славечне и Ушу), может быть, когда-либо имелись поселения балтов⁹. А В. В. Седов отдает балтам все правобережное припятское Полесье, и на востоке и на западе, всю археологическую «волость» Ю. В. Кухаренко, где никаких древностей балтов I тысяч. н. э. нет и в помине¹⁰. Если следовать такой методике, соединяя крайние точки, то северную границу иранцев пришлось бы провести в днепровском Левобережье по линии Могилев — Брянск — Курск¹¹. Поречье Средней Десны и широкое правобережье Сейма оказались бы иранскими — сарматскими. Но так не станет делать самый ярый «сарматский патриот»!

Даже в том случае, если мы сохраним в неприкосновенности гидронимическую границу балтов, нарисованную В. В. Седовым, из его карты с очевидностью следует, что балтийские элементы в древнерусских курганах повсюду далеко выходят за эту границу. Они были разнесены расселявшимся славяно-русским населением повсюду, речь о чем уже шла выше. Карта В. В. Седова является прекрасным подтверждением этой мысли. А если обратиться к лингвистической территории белоруссов (у В. В. Седова она дана по Е. Ф. Карскому, который также несколько преувеличивал¹²), то окажется, что эта территория составляет лишь половину тех пространств, на которых в средневековых курганах обнаруживаются предметы балтийского характера.

Вторая археологическая карта В. В. Седова фиксирует распространение средневековых погребений с восточной ориентировкой, необычной для славяно-русского населения. В. В. Седов полагает, что это чисто балтийская традиция, хотя другие исследователи высказывают по дан-

⁹ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Указ. раб., стр. 233.

¹⁰ Ю. В. Кухаренко, Памятники железного века на территории Полесья, «Свод археологических источников», вып. ДІ-29, 1961; его же, Средневековые памятники Полесья, там же, вып. ЕІ-57, 1961.

¹¹ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Указ. раб., стр. 229—231, приложение — карта № 2.

¹² Е. Ф. Карский, Этнографическая карта белорусского племени, Пгр., 1917. Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, ч. I. М., 1949, приложение — Диалектологическая карта восточноевропейских языков; «Русская диалектология» (под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой). М., 1964, приложение — Диалектологическая карта русского языка.

ному поводу, на мой взгляд, весьма серьезные сомнения¹³. Не вступая в полемику по этому вопросу, отмечу лишь, что погребения с восточной ориентацией на карте В. В. Седова точно так же, как и вещи балтийских типов, размещаются не только там, где некогда жили восточные балты, но и на Верхней Волге, в Костромском Поволжье, на Оке, на южных притоках Припяти, на левых притоках Днепра южнее Десны и Сейма. Если это действительно балтийский элемент, то в древнерусское время он был свойствен не только предкам белоруссов, но и древнерусскому населению других областей. Жаль, что мы не можем сказать — сколько погребений с восточной ориентировкой имелось в 7000 курганов, раскопанных А. С. Уваровым и П. С. Савельевым на территории Ростово-Суздальской земли. Исследователи не отмечали таких случаев, но в других раскопках в Верхнем Поволжье (на восток и на запад от области раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева) открылось немало погребений с восточной ориентацией. А. С. Уваровым и П. С. Савельевым в Ростово-Суздальской земле были встречены несколько десятков погребений с конем, что, по В. В. Седову, является балтийской традицией.

Мне можно возразить, указав, что «плотность» балтийских элементов в древнерусских средневековых курганах была наиболее высокой именно в пределах Верхнего Поднепровья, где позднее сформировалась белорусская народность. Это бесспорно, как очевидно и то, что балтийский субстрат должен был сказываться здесь заметнее, чем на многих других древнерусских землях. Но в концепции В. В. Седова речь идет не о степени плотности балтийского субстрата, а о том, что он был специфическим элементом, якобы отличавшим этнический состав предков белоруссов от предков русских и украинцев. По мнению В. В. Седова, балтийский субстрат — главная особенность формирования белорусской средневековой народности. По моему мнению, балтийский субстрат не являлся исключительной особенностью белорусской народности.

И последнее замечание. Следует иметь в виду, что далеко не все балтийские элементы в древнерусских средневековых курганах Верхнего Поднепровья следует относить за счет древнего местного субстрата. Предки белоруссов — дреговичи и западные кривичи — веками находились в постоянном контакте с ятвягами, литовцами и другими балтийскими соседями. Эти контакты были мирными и немирными, они шли путями торговли и путями войн, во время которых увозился «полон», словом, они сопровождались постоянной инфильтрацией населения и культурных элементов. Это распространялось, конечно, и на развитие языка. Возьмем восточнолитовские средневековые древности: разве там не встречаются вещи древнерусского происхождения? Их там немало. Можно составить карту распространения древнерусских элементов в средневековых памятниках ятвягов и литовцев. Она будет достаточно плотной, но, глядя на нее, никто не скажет, что эти элементы — наследие славянского субстрата. Вероятно, добрая четверть балтийских элементов в верхнеднепровских средневековых курганах — это также не наследие древнего субстрата, а результат соседских отношений славяно-русского населения с соседними балтийскими группировками.

Речь идет при этом не только о тех вещах, которые были явно прибалтийскими, изготовленными на западе, но и о вещах, которые вошли в быт и получили в славяно-русском Поднепровье свою жизнь и не воспринимались как нечто иноземное.

Если принять во внимание, что не все балтийские средневековые элементы в Верхнем Поднепровье были прямым наследием субстрата, то

¹³ Г. Ф. Соловьева, К вопросу о восточной ориентировке погребенных в славянских курганах XI—XIII вв. «Сов. археология», 1963, № 2.

окажется, что в средневековых древностях этой области балтийский субстрат представлен лишь немного отчетливее, чем в древностях других древнерусских областей. Станет еще очевиднее, глядя на карты В. В. Седова, что древние днепровские балты послужили субстратом не только раннесредневековых предков белоруссов, а всей древнерусской народности¹⁴.

Мне представляется, что правы те исследователи — лингвисты и историки, — которые рассматривают проблему образования белорусской средневековой народности в исторических рамках XIII—XIV вв., и обязательно в неразрывной связи с проблемой образования двух других восточнославянских народностей — русских и украинцев.

SUMMARY

As a result of hydronymic and archaeological studies it is clear now that the ancient inhabitants of the Upper Dnieper Valley belonged to Baltic tribes. In the period of the settling of eastern Slavs these aboriginal tribes have not moved northward, as was supposed by some authors, but stayed in the original place of settlement and gradually disappeared amidst Slavs.

V. V. Sedov holds the opinion («Sovietskaya Etnografiya», 1967, № 2) that ancient Balts had been a substratum to those eastern Slav groups which were later on incorporated into the Byelorussian people. This is said to call forth the specific features of Byelorussians as distinguished from Russians and Ukrainians.

The present author cannot agree with Sedov's hypothesis. Archaeological data testify to the fact the Baltic elements in the early medieval culture were characteristic not only to the ancestors of the Byelorussian people but to all eastern Slav groups as well. Ancient Balts had been absorbed by the Slavs some centuries before the features peculiar to the Byelorussian people were formed. A more convincing opinion is that the problem of formation of Byelorussians is to be treated in the historical limits of XIII—XIV centuries. As to the ancient Balts, they were a substratum to not only Byelorussians but also to early medieval Russian nationality which is considered to be the common ancestor of Russians, Byelorussians and Ukrainians.

¹⁴ Не могу одобрить излюбленного В. В. Седовым прилагательного — «балтский», употребляемого вместо традиционного — балтийский. «Балтский» — слово неблагозвучное, с четырьмя согласными подряд, оно звучит не по-русски. И потом, если быть последовательным, то и Балтийское море следует называть Балтским морем!

А. Д. Дридзо

БАРБАДОС И ЕГО НАСЕЛЕНИЕ

30 ноября 1966 г. в Вест-Индии появилось еще одно независимое государство — Барбадос. Процесс ликвидации остатков британской колониальной империи в Западном полушарии охватывает один остров Карибского моря за другим. Нелишне будет отметить, что Барбадос — это двадцать третья английская колония, добившаяся независимости с момента окончания второй мировой войны.

Исторические судьбы острова отличаются известным своеобразием. Коренных жителей на его территории к началу колонизации не оказалось. Раскопки, произведенные за последние годы, свидетельствуют, что когда-то остров был обитаем; но, по-видимому, индейцы, еще до открытия Колумба, переселились в более плодородные и лучше орошаемые места.

Первое английское поселение на острове было создано в 1624 г., а регулярная колонизация началась с 1627 г. Барбадос принадлежит к числу тех крайне немногочисленных британских колоний в Карибском море, которые никогда не переходили в руки другой державы.

Англичане начали выращивать здесь хлопчатник и табак. На Барбадос, по своей и не по своей воле, стали прибывать белые колонисты, и те из них, кто был лично свободен, получали участки земли. Остальные (уголовные преступники, несостоятельные должники и главным образом политические ссыльные) оказались на положении рабов. Эти «белые слуги» должны были отработать на хозяина определенное количество лет — семь, если им еще не исполнилось 18, и пять, если они уже достигли этого возраста. Однако жили они под постоянной угрозой увеличения срока. Так, белый раб, поднявший руку на хозяина, должен был проработать на него дополнительно еще два года. Женитьба без согласия хозяина приносила увеличение срока на четыре года. Отец «незаконного» ребенка обязан был искупить свою «вину» работой еще в течение трех лет. Все эти положения впервые были установлены именно на Барбадосе и затем уже распространены на другие острова¹.

Довольно быстро (с 50-х годов XVII в.) выяснилось, что существует культура гораздо более выгодная, чем табак и хлопчатник, а именно — сахарный тростник. Перестройка экономики по «сахарному типу» сопровождалась вытеснением мелких белых землевладельцев. Если в 1642 г. белых на острове было 37,2 тыс. чел., то в 1684 г. осталось всего лишь 23,6 тыс. С 1645 по 1667 г. число землевладельцев снизилось с 11 200 до 745, а доля плантаций в производстве сахара возросла с 40 до

¹ «Calendar of State Papers, Colonial, America and the West Indies 1661—1668», London, 1880, p. 42.

80%. С 80-х годов XVII в. начался расцвет сахарной промышленности, повлекший за собой усиленный ввоз рабов из Африки.

Точное число рабов, ввезенных на Барбадос, неизвестно. Можно только утверждать, что оно было весьма велико. Так, за период 1712—1760 гг. на остров прибыло более 150 тысяч негров. Однако численность рабов возросла за это время лишь с 42 тыс. до 70 тыс. — настолько катастрофической была смертность, обусловленная прежде всего беспощадной эксплуатацией. Подсчитано, что, несмотря на значительный ввоз, число рабов на Барбадосе сокращалось тогда почти на 4,5% ежегодно.

Невыносимые условия жизни, тяжелый труд на плантациях не смирили негров, не превратили их в покорных слуг колонизаторов. Остров не раз сотрясали восстания рабов (наиболее крупные — в 1649, 1685, 1692, 1702, 1816 гг.).

Своеобразие условий, сложившихся на Барбадосе, нашло отражение и в том, как изменилась обстановка после отмены рабства (происшедшей, как и во всей Британской империи, в 1830-х годах)².

На других островах негры немедленно бросили работу и ушли с плантаций на свободные земли. Начался процесс создания мелких крестьянских хозяйств. Барбадос явился исключением. Свободных земель здесь не было почти совершенно, и бывшим рабам, хотели они того или нет, пришлось остаться на плантациях в качестве наемных рабочих. Уже в 1840 г. был принят закон, регулирующий эти новые отношения. Главная его цель состояла в том, чтобы закрепить рабочую силу за плантациями. Так, самовольный уход от хозяина карался крупным штрафом и даже тюремным заключением. Однако после отмены в 1846 г. Англией покровительственных тарифов на сахар производство его стало сокращаться, и перед трудящимися во весь рост встала угроза безработицы. С начала 1850-х годов резко усиливается эмиграция на другие острова (за 1861—1891 гг. остров покинуло 30 тысяч человек), но в последнее десятилетие XIX в. из-за конкуренции свекловичного сахара работы для барбадосцев в Вест-Индии больше не оказалось.

Некоторой отдушиной явилось строительство Панамского канала. За 1904—1914 гг. только по контрактам на Панамский перешеек выехало не менее 20 тыс. чел. К этому числу следует прибавить множество отправившихся на свой страх и риск. После завершения строительства канала главным центром эмиграции стали для барбадосцев Соединенные Штаты и Англия. Попытки найти работу на родине оказывались все более и более безнадежными. «Как только капиталистическое производство овладевает сельским хозяйством или по мере того как оно овладевает им, — пишет Маркс, — спрос на сельскохозяйственных рабочих абсолютно уменьшается..., причем выталкивание рабочих не сопровождается, как в производстве неземледельческом, большим привлечением их...»³. Только за период 1921—1946 гг. число рабочих на сахарных плантациях уменьшилось с 33 тыс. до 23 тыс. человек. Необходи-

² R. H. Schomburgk. History of Barbados, London, 1848; C. S. S. Higham. The Negro policy of Ch. Codrington. «Journal of Negro History», April, 1938, pp. 130—153; F. J. Klingberg. Codrington Chronicle, 1710—1834, Berkeley, 1949; J. H. Bennett. The problem of slave labour supply at the Codrington plantations, «Journal of Negro History», April, 1952, pp. 115—141; егo же, Bondsmen and bishops. slavery and apprenticeship on the Codrington plantations of Barbados, 1710—1838, Berkeley, 1953; D. Lowenthal. The population of Barbados, «Social and Economic Studies», December, 1957, pp. 447—501.

³ К. Маркс, Капитал, т. I, отдел VII, гл. XXIII; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 657.

димо иметь в виду, что сахарная промышленность составляет основную и по существу единственную сколько-нибудь развитую отрасль хозяйства острова.

Остров в течение трех веков был британской колонией, и в политическом отношении барбадосцы оставались полностью бесправными вплоть до конца 1930-х годов. Кровавые события 1937 г., когда Барбадос (как и другие вест-индские острова) стал ареной ожесточенных классовых боев привели к появлению на нем первых профсоюзов и первых прогрессивных политических организаций. Под влиянием этих событий в недрах «Барбадосской прогрессивной лиги», созданной негритянскими буржуазными интеллигентами в начале 1930-х годов, возникли лейбористская партия Барбадоса (ЛПБ) и Барбадосский союз рабочих — первая профессиональная организация на острове⁴. Когда местный парламент из архаического учреждения, существующего с 1639 г., превратился в орган, избираемый более или менее значительной частью населения (1948 г.), большинство мест в нем получили лейбористы, постепенно превратившиеся в партию консервативной части буржуазии; вновь созданное местное правительство возглавил лидер этой партии Грэнтли Адамс. В 1955 г. левое ее крыло откололось от ЛПБ и образовало Демократическую лейбористскую партию (ДЛП), отражающую интересы радикальной буржуазии. С декабря 1961 г. большинство в парламенте принадлежит ей.

Пытаясь задержать процесс распада своих колониальных владений в Карибском море, Англия добилась в 1958 г. объединения их в так называемую Вест-Индскую федерацию (куда вошел и Барбадос). Однако вскоре стало ясно, что этот план терпит неудачу. После роспуска Федерации (1962 г.) колонизаторы сделали попытку объединить в некоем ее подобии мелкие острова, причем Барбадосу отводилась здесь особая роль, так как после Ямайки и Тринидада он был самой крупной английской колонией в Карибском море. Неуклонное стремление народа к независимости остановить, однако, не удалось. Еще 16 октября 1961 г. Великобритания вынуждена была предоставить острову полное самоуправление. 30 ноября 1966 г. Барбадос стал независимым государством.

Выступая на торжествах, посвященных провозглашению независимости, премьер-министр Эррол Барроу заявил, что Барбадос намерен установить и поддерживать дружественные отношения со всеми странами мира. Он объявил затем о намерении нового государства вступить в Организацию американских государств. Если все члены Британского содружества наций, находящиеся на территории Америки, вступят в ОАГ, заявил премьер-министр, то это «сведет к минимуму возможность инцидентов, подобных гражданской войне в Доминиканской республике». Вместе с тем он заявил, что возглавляемое им правительство намеревается «установить дипломатические отношения с Формозой»⁵. Барбадос поддерживает весьма тесные и дружественные связи с Гвианой. Обе эти страны (вместе с Антигуа) выступили в октябре 1965 г. как инициаторы создания «Карибской зоны свободной торговли». Достигнута договоренность об организации совместных дипломатических представительств в Англии и Канаде, относительно объединения некоторых функций представительств в США⁶.

⁴ W. H. Knowles. Trade Union development and industrial relations in the British West Indies, Berkley and Los Angeles, 1959, p. 108—110.

⁵ «Barbados Move to Join O. A. S.», «The Times», 30.XI.66, p. 6.

⁶ P. L. Montgomery, Barbados joining independent nations, «The New York Times», 30.XI.66, p. 39.

В экономическом отношении Барбадос представляет собой страну с монокультурным типом экономики. Сахар и другие продукты, извлекаемые из сахарного тростника (ром и меласса), составляют 95% вывоза. «На нашем долгом пути, — писали в 1946 г. составители десятилетнего плана развития Барбадоса, — все приводило нас обратно к сахару; сахар — это жизненная кровь острова»⁷. Из менее чем 28 тыс. га годной для обработки земли под сахарные плантации отведено около 24 тыс. Однако подавляющая часть этих земель находится в руках владельцев крупных плантаций, тесно связанных с британским капиталом, либо непосредственно его представляющих. Плантаторам, в распоряжении каждого из которых не менее 100 га, принадлежит 75% обрабатываемой земли, а 92% крестьян — только 10% земли. 77% крестьян имеет участки менее 0,5 га. Не удивительно, что мелкие землевладельцы производят лишь 16% урожая тростника.

Все остальные культуры представлены в сельском хозяйстве Барбадоса чрезвычайно слабо. Можно назвать лишь хлопок, а из продовольственных культур — батат, бобовые, бананы и другие фрукты, ямс, кукурузу, таро, кассаву. Однако земли для их выращивания не хватает. С другой стороны, крестьяне стремятся каждый свободный клочок засеять сахарным тростником, приносящим больше всего дохода. Плантаторы же, несмотря на закон, отводящий 12% посевных площадей под продовольственные культуры, уделяют им минимум внимания. В итоге 1/3 ввоза острова составляют продукты питания. На импорт муки из Канады, риса и зерновых из Гвiany, картофеля из Ирландии тратится до 5 миллионов долларов в год, на молочные продукты — до 3 миллионов. Хотя около 2 тыс. жителей острова и занимаются рыболовством добытой ими рыбы не хватает для внутреннего потребления. Это, впрочем, не удивительно: из 600 лодок только 81 оснащена мотором. На импорт рыбы страна затрачивает 1 миллион долларов в год. Промышленных предприятий на Барбадосе очень немного, и производят они сигареты (из привозного табака), пищевые жиры (из привозных кокосов), рубашки (из привозной ткани), мыло, пиво, бисквиты, воск. Есть небольшой нефтеочистительный завод. Главной отраслью индустрии остается производство сахара (20 заводов), а также рома (3 завода).

Большие надежды возлагаются на специфически вест-индский вид «промышленности» — туризм. Число туристов (преимущественно из США) возрастает более чем на 15% ежегодно. Если в 1958 г. их было 25 тыс., то в 1966 — уже 67 тыс.⁸ К провозглашению независимости известная американская фирма Хилтон построила на острове большой отель стоимостью в 4,5 миллиона долларов. На живописном побережье растет район роскошных вилл и особняков, уже получивший название «Платиновый берег».

Но, разумеется, рост туризма — это не решение насущных проблем острова.

Значительная часть населения может рассчитывать на работу лишь в период уборки сахарного тростника (от 4 до 6 месяцев). Не случайно остальная часть года (январь — июнь) носит на Барбадосе название «тяжелое время»⁹. Плантаторы, отмечается в одном официальном документе, «так хорошо отдают себе в этом полный отчет», что «сопротивляются... механизации как только могут»¹⁰. На каждое освободив-

⁷ D. Lowenthal, Указ. раб., стр. 480.

⁸ «Goodbye to mother», «Time», 2.XII.66, p. 33.

⁹ J. Handler, Some aspects of work organization on sugar plantation in Barbados, «Ethnology», January, 1965, p. 26.

¹⁰ D. Lowenthal, The population of Barbados, p. 481—482; См. также G. E. Cumber, Employment in Barbados, «Social and Economic Studies», June, 1959.

шееся рабочее место сразу же находится множество претендентов. Когда одна из столичных фирм объявила о наборе ста человек для временной работы, улицу запрудило пятьсот безработных, явившихся предложить свои услуги¹¹.

«Капиталистическое накопление, — писал Маркс, — постоянно производит, и притом пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно избыточное, т. е. избыточное по сравнению со средней потребностью капитала в самовозрастании, а поэтому излишнее или добавочное рабочее население»¹².

В условиях, существующих ныне на острове, когда «программа интенсивного промышленного развития дала пока что ничтожные результаты»¹³, единственным выходом для трудящихся Барбадоса остается эмиграция.

Уже в 1946 г. из каждых 11 уроженцев острова один проживал за пределами Вест-Индии. До начала 1960-х годов основным районом эмиграции оставалась Англия. В середине 1950-х годов она поглощала до 78% естественного прироста населения Барбадоса. Если вначале за океан отправлялись прежде всего лица с высшим образованием, то ближе к нашему времени большинство эмигрантов составляют механики, медсестры, а затем и рабочие низкой квалификации и просто черно-рабочие. Как и другие вест-индцы, барбадосцы в Англии работают в больницах, на транспорте, на кирпичных заводах. Они составляют значительный процент гостиничного персонала, работников общественного питания, слуг. Примерно 40% эмигрантов — женщины. Однако в 1962 г. свободный въезд в Англию из колоний и стран Содружества был запрещен. В последний перед его принятием год туда эмигрировало около 5000 барбадосцев. В 1962 г. число эмигрантов упало до 2545. Зато в связи с созданием в июле 1966 г. новой международной организации, объединившей 13 вест-индских государств и Канаду, улучшились перспективы эмиграции в эту страну. Узаконено, в частности, положение 20 тысяч вест-индцев, прибывших в Канаду ранее, минуя эмиграционное ведомство.

Эмиграция в США до последнего времени не играла важной роли для Барбадоса. В 1952 г. из всей Вест-Индии могли выезжать в США только 100 человек в год. Примерно тысяча человек из Барбадоса приезжают на несколько месяцев для уборки фруктов во Флориду. Но в 1966 г. набор сезонников прекратился. В последнее время, однако, возник спрос на людей, имеющих высшее образование. Барбадосцев, готовых работать за более низкую плату, находящихся под постоянной угрозой высылки на родину, эксплуатировать безопаснее и выгоднее. Утечка же необходимых специалистов, какой бы незначительной численно она ни была, наносит ущерб экономике острова. Когда представитель США на торжествах 30 ноября вручил премьер-министру Барроу дар своего правительства — 50 тысяч долларов «для развития технического образования», этот ответил не без яда: «Наши молодые специалисты уезжают в США, — и вы хотите, значит, компенсировать нам часть расходов на их подготовку...»¹⁴.

¹¹ T. Matthews, The West Indies after the Federation, «Current History», January, 1966, p. 29.

¹² К. Маркс, Капитал, т. I, Соч., т. 23, стр. 644.

¹³ D. Lowenthal, Указ. раб., стр. 486; G. E. Cumber, Working glass emigration from Barbados to the U. K., «Social and Economic Studies», March, 1957, p. 83; см. также А. Дриццо, Население Ямайки, «Сов. этнография», 1962, № 5, стр. 105—106.

¹⁴ P. L. Montgomery, Указ. раб., стр. 39.

В целом, однако, эмиграция не в силах поглотить искусственно созданный избыток населения, хотя Барбадос является, пожалуй, единственной страной в мире, ассигнующей специальные средства для поощрения эмигрантов (уже в 1957 г. 500 тысяч долларов).

* * *

Население Барбадоса быстро растет. В 1954 г. оно составляло 156 800 чел., в 1960 г. — 232 000, к настоящему времени увеличилось до 250 тыс. чел. Учитывая, что площадь острова — 431 км², его смело можно отнести к наиболее густонаселенным местностям земного шара. Если Гонконгу принадлежит первое место в мире по плотности населения, а Мальте — второе, то Барбадос прочно занимает третье.

88,7% населения составляют негры, 6% — мулаты, 4,3% — белые (самый большой процент во всей Вест-Индии). Оставшийся процент приходится на долю индийцев и китайцев.

Американский исследователь особо отмечает, что Барбадос извещен «своими одеревенелыми («rigid») социальными барьерами в сфере классов и цвета кожи»¹⁵.

Это обстоятельство, однако, не следует толковать упрощенно. Состоятельный или даже богатый негр — явление теперь на острове отнюдь не исключительное. Во главе Барбадоса находится состоящее из негров правительство и возглавляет его также негр.

Однако незначительная группа англичан, в большей своей части связанная по происхождению с плантаторами XVII—XVIII вв., продолжает задавать тон в экономической жизни острова. «Подавляющую часть богатств острова контролируют белые»¹⁶, а почти всю наименее обеспеченную прослойку его населения составляют негры и темнокожие мулаты.

Существование расовой дискриминации логически вытекает из этих особенностей жизни Барбадоса. Дискриминация проявляется на острове прежде всего в сфере обслуживания. Еще в начале 1960-х годов существовало немало гостиниц, парикмахерских и других заведений, куда негры и темнокожие мулаты не допускались. В середине 1950-х годов немало шуму наделал скандал в связи с тем, что одна из парикмахерских главного города Барбадоса — Бриджтауна — отказалась обслужить нескольких гвианцев, прибывших на остров с важной миссией. Следует упомянуть и дискриминацию в области труда.

Вопрос о расовой дискриминации стал предметом рассмотрения в парламенте. «Не существует и тени сомнения, — заявил в своей речи 26 января 1956 г. тогдашний премьер-министр Грэнтли Адамс, — что кроме социальных различий, имеются и другие, производимые на основе расы и цвета кожи некоторыми людьми, главным образом в гостиничном деле. Это не только раздражает жителей острова, но и не дает возможности нашим гостям хорошо о нем отзываться»¹⁷.

В тот же день был принят закон, запрещающий дискриминацию. Однако оппозиция утверждала: в этом акте «так много лазеек, что он остается не более чем просто жестом»¹⁸. Будущее подтвердило справедливость сделанных тогда же заявлений, что «в Вест-Индии нет ни одной колонии, где расовые предрассудки распространены так же, как

¹⁵ D. Lowenthal, Указ. раб., стр. 496.

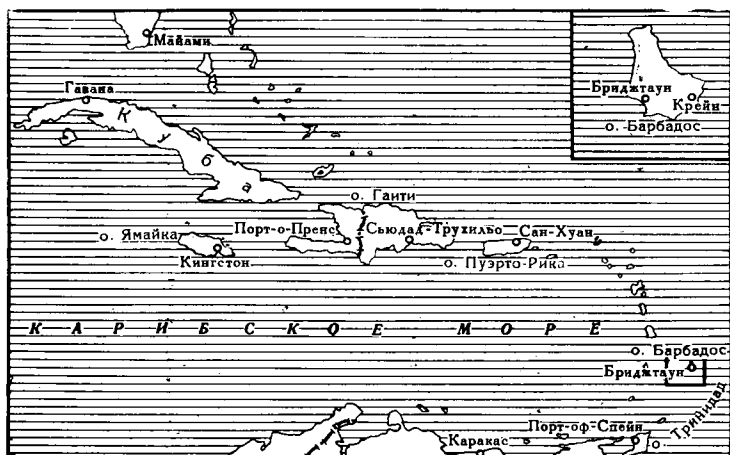
¹⁶ «Goodbye to Mother», p. 33.

¹⁷ D. Lowenthal, West Indies chooses a capital, «Geographical Review», July, 1958, p. 352.

¹⁸ Там же.

здесь», или что «Барбадос представляет собой не очень хорошее общество для тех, кто на нем живет». В 1958 г. главным образом именно по этой причине «кандидатура» Бриджтауна, как столицы Вест-Индской федерации¹⁹, была отвергнута другими островами²⁰.

Провозглашение независимости приведет, вероятно, к изменениям и в сфере межнациональных отношений. Следует, однако, иметь в виду,

что растущий приток туристов из США — да еще при том значении, которое придается сейчас на острове иностранному туризму, не может не оказать влияния на этот процесс.

Редким явлением остаются смешанные браки. Атмосфера расовой дискриминации, тесно связанной с классовой структурой общества, нашла выражение и в том, что сохраняются до наших дней небольшие почти эндогамные группы, воспринимаемые сейчас как своего рода анахронизм.

Интересна в этом плане очень своеобразная часть белого населения Барбадоса, так называемые «редлегз» — потомки «белых рабов», высланных некогда из Англии. Часть из них еще живет на восточном побережье острова, занимаясь земледелием, рыболовством и работой на ремонте дорог. В последнее время, однако, большинство из них переселилось в Бриджтаун, где они как белые могут занимать многие должности, на которые менее охотно берут негров. Известно уже несколько разбогатевших семей «редлегз», фактически сливающихся с экономически господствующей на острове группой европейского происхождения. Сто — двести человек, по-прежнему живущие в восточных приходах, остаются, как отмечал в свое время тринидадский писатель Сэмюэл Селвон, не просто людьми, почти лишенными средств к существованию, но и своего рода отверженными (outcasts). Смешанных браков среди «редлегз» до сих пор почти нет²¹.

Говорят барбадосцы на местном диалекте английского языка. Помимо фонетических особенностей (более мягкое произношение; тенденция к замене гласных или к опусканию гласной в начале слова — например

¹⁹ Существовала в 1958—1962 гг.

²⁰ D. D. Dowenthal, *West Indies chooses a capital*, p. 353.

²¹ S. Selvon, *The West Indian patch-work*, «Geographical Magazine», October, 1955, pp. 516—517. Подробнее см.: E. T. Price, *The Redlegs of Barbados*, «Journal of the Barbados Museum and Historical Society», February, 1962, pp. 47—50.

'twus вместо it was, свойственная, впрочем, не только Барбадосу) существуют и грамматические особенности, главная отличительная черта которых — стремление к упрощению. Можно указать и некоторые характерные словоупотребления — например мачете, применяющееся для рубки тростника, носит название «билл» (англ. «bill» — топорик или секач). Свой остров барбадосцы называют «Бим» (Bim), а самих себя — «Бэдженз» (Bajans).

По религии подавляющее большинство верующих — англикане. Англиканская церковь, а также «моравские братья», методисты и католики получают финансовую поддержку государства (в форме жалования священнослужителям и т. п.).

Выше уже упоминалось, что остров населен чрезвычайно густо. Существует шутовское определение: «Барбадос — это бесконечная деревня» и второе: «Это город, в предместьях которого растет сахар»²².

Действительно, из 71 тыс. горожан почти 97% сосредоточено в столице (г. Бриджтаун — 12 тыс. населения) и ее обширных пригородах. Здесь сосредоточено, таким образом, около $\frac{1}{3}$ жителей острова. Кроме столицы, есть один небольшой городок (2100 чел.), все остальные поселения — сельского типа²³.

Характерно, что более $\frac{2}{3}$ «белых» живет именно в Бриджтауне и его пригородах. Они составляют здесь не менее 10%, а в примыкающей к столице части прихода Крайст-Чёрч — более 25% населения.

Бриджтаун, где возможностей устроиться на работу значительно больше, чем в сельской местности, стягивает к себе почти всю внутреннюю миграцию на Барбадосе (до 85%). Обращает на себя внимание высокий процент женщин среди мигрантов (по приходу Сент-Майкл, где находится Бриджтаун, — более 60%). Столица дает работу более чем одной трети женского самостоятельного населения острова — ведь именно здесь требуются служанки, горничные, кухарки, няни, уборщицы и т. п.²⁴

Сельские поселения относятся главным образом к многодворному типу (в однодворных проживает в среднем не более 13%, а в приходе Сент-Майкл — 5,2%; исключение — неплодородные районы вроде прихода Сент-Эндрью, где этот процент возрастает до 40,8). В рабочих поселках при плантациях дома беспорядочно скучиваются в самом неплодородном углу поместья или, чаще, вытягиваются по обе стороны дороги, иногда в два-три ряда. В центре деревни находится несколько лавок, иногда часовня. Дом плантатора или управляющего расположен всегда в некотором отдалении. Несколько выделяются неплодородные районы, где преобладает кучевой тип поселения.

Дома, как правило, деревянные (не менее 90%). Коралловый камень используется лишь при строительстве общественных зданий или домов богатых людей. У обычного же деревенского жителя камень идет только на фундамент. Листьями пальмы крышу кроют реже, чем на других островах, так как пальм на Барбадосе меньше. Деревенские дома дешевы, но непрочны; зато если возникает необходимость, их легко можно перенести в другое место. $\frac{1}{5}$ таких домов — однокамерные, $\frac{2}{5}$ — двухкамерные. Обычные размеры дома — 4,2 — 5,4 м в длину, 2,4 — 3 м в ширину. Характерная особенность планировки деревни состоит в том, что дома стоят буквально «впритирку», площадь двора большинства из них

²² D. Lowenthal, Population of Barbados, p. 472.

²³ G. W. Roberts, The population of Jamaica, Cambridge, 1957, p. 162.

²⁴ D. Lowenthal, Population of Barbados, p. 477.

не превышает нескольких квадратных метров (включая и огород). Этого нельзя не связать с высокой ценой на землю. Наблюдатели единодушно отмечают особую чистоту барбадосских домов, городских и сельских поселений²⁵.

Одежда жителей Барбадоса — легкая, чаще всего из белой материи, не отличается от одежды обитателей других вест-индских островов.

В пищевом рационе барбадосцев много крахмалистых веществ, но не хватает животных белков, кальция, витамина А и рибофлавина. Ограничиваясь в основном клубнеплодами, бобовыми и фруктами, они потребляют мало свежих овощей, мяса, молока, ибо все эти продукты ввозятся на остров, и для покупки их нужны значительные средства. В «тяжелое время» большая часть трудящихся голодает или находится на грани голода; заработка хватает лишь до середины недели. Одно из обследований установило, что в этот период даже многие дети с четверга до субботы (т. е. до очередной получки у родителей) питаются всухомятку и весьма нерегулярно. Местные деликатесы вроде фаршированного черного краба или различных блюд из зеленой черепахи рассчитаны скорее на туристов, трудящимся барбадосцам все это не по карману.

В тесной связи с недостаточным питанием, с низким уровнем жизни находится и катастрофически высокая детская смертность — 132,8 на 1000. Из каждых трех новорожденных умирает один, из каждых восьми детей один не доживает до года. Таких цифр не знает статистика ни одного из островов Вест-Индии. Широко распространены желудочно-кишечные, кожные, легочные и венерические заболевания. Медицинское обслуживание — платное (за исключением только одной больницы), врач принимает без денег лишь при наличии свидетельства о бедности. Однако чтобы получить этот документ, надо отправиться к инспектору в центр прихода, часто за несколько километров. Результаты же получаются мизерные: разрешение на два бесплатных визита в течение трех месяцев!

Традиции, сложившиеся в области просвещения, также выделяют остров среди его соседей, но уже в положительном плане. Барбадос — самая грамотная страна Вест-Индии. Образование для детей от пяти до четырнадцати лет бесплатное. Читать и писать здесь умеют 98% населения. Считывается 117 начальных и 10 средних школ. С 1963 г. функционирует Колледж искусств и наук Вест-Индского университета.

Всеобщая грамотность — важная предпосылка для развития национальной культуры. Однако многие интеллигенты вынуждены покидать Барбадос, так как ни работы по специальности, ни издательских возможностей на острове почти нет. Самый известный писатель — Джордж Лэмминг (род. в 1927 г.) достиг литературной известности уже в Англии, где он живет с 1950 г. и где вышли все его книги, в том числе романы «В замке моей кожи» (1953 г. — о волнениях конца 30-х годов), «Эмигранты» (1954 г.), «Зрелость и невинность» (1958 г.), «Время рисковать» (1960 г.) и др. В 1950-х годах начал издаваться литературный журнал «Бим», значение которого выходит за пределы Барбадоса. Один из редакторов журнала — поэт Фрэнк Коллимор (род. в 1893 г.). Стихи Коллимора и других барбадосских поэтов — Хилтона А. Воана (род. в 1901 г.) и Питера Блэкмена вошли в изданную на русском языке антологию вест-индской поэзии²⁶. Издание «Бима» сопряжено с боль-

²⁵ D. Lowenthal, Population of Barbados, p. 472—474.

²⁶ «Время пламенеющих деревьев. Поэты Антильских островов» (Редактор-составитель и автор предисловия Е. Л. Гальперина), М., 1961, стр. 155—169. «Бим» очень сочувственно откликнулся на выход этой антологии.

шими финансовыми трудностями, из-за которых он не раз уже оказывался на грани закрытия.

Распространены на Барбадосе и народные оркестры, главное место в которых принадлежит металлическим бочонкам разной величины, с акустическими отверстиями. Под аккомпанемент этого оркестра исполняются народные песни и танцы.

Характеристика культуры и быта Барбадоса будет неполной, если не сказать о значительном английском влиянии на многие стороны жизни его жителей. Отражением этого факта являются часто встречающиеся в печати прозвища острова — «Маленькая Англия», «Тропический остров Уайт». Многие улицы и площади в Бриджтауне носят те же названия, что и в Лондоне, например Трафалгар-сквер, где, как и в английской столице, стоит памятник Нельсону (только установлен он был значительно раньше, чем в Англии). Движение на Барбадосе левостороннее, как и на Британских островах. Полиция и чиновники точно копируют своих британских коллег. Повсеместно распространен обычай пить чай, как и в Англии, ровно в пять часов дня. Любимой игрой является крикет. Капитан крикетной команды, завоевавшей звание чемпиона, Гэрфилд Соберс чувствовался в августе 1966 г. как национальный герой. В парламенте встал даже вопрос о сооружении ему памятника. Однако в конце концов решили все же ограничиться его изображением на почтовой марке.

Эти и другие черты в сочетании с тем обстоятельством, что остров на протяжении всей своей истории оставался британской колонией, вселили в сердца колонизаторов приятную уверенность: уж кто-кто, а Барбадос не захочет, наконец просто не сможет, уйти из-под власти метрополии.

Действительно, некоторые культурно-бытовые особенности барбадосцев выделяют их из среды остальных вест-индцев. Они «больше англичане», чем ямайцы или тринидадцы. Но «бэджэнз» — отнюдь не «английские крестьяне с черной кожей», как назвал их один американский социолог²⁷. История, культура и быт барбадосцев генетически неразрывно связаны с Вест-Индией, и свое политическое будущее они представляют себе совсем не в том плане, в каком виделось это чиновникам из недавно упраздненного за ненужностью британского министерства колоний.

²⁷ S. M. Greenfield, English rustics in black skin. A study of modern family forms in preindustrialization society, New Haven, 1966.

Ю. И. Першиц

О МЕТОДИКЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОДНОНАЦИОНАЛЬНОЙ И СМЕШАННОЙ БРАЧНОСТИ

1. В статье О. А. Ганцкой и Г. Ф. Дебеца «О графическом изображении результатов статистического обследования межнациональных браков»¹ приводятся данные о частоте зарегистрированных однонациональных и смешанных браков между представителями различных национальностей одного из районов Литвы и частоте этих браков, которую теоретически следовало бы ожидать, если бы каждый вступающий в брак, независимо от национальности, с одинаковой вероятностью выбирал любое из лиц противоположного пола, живущих в рассматриваемом районе.

Возникает вопрос о способе сопоставления подобных статистических данных и об оценке на их основе различий в относительных количествах браков, заключенных внутри каждой национальной группы и между представителями различных групп. В этой статье мы введем некоторые понятия и выведем некоторые формулы, позволяющие выполнить такую оценку.

Необходимо отметить, что хотя изложение ведется применительно к распределению браков по типам, а населения — по группам в зависимости от национальности, все изложенное ниже может быть использовано и при делении населения по группам и браков по типам по любому другому признаку (например, социальной принадлежности).

Пусть рассматриваемый район населен несколькими национальностями, число которых обозначим через s . Запишем их в некотором порядке числами от 1 до s . Обозначим общее число браков, заключенных за рассматриваемый период, через n , а число вступивших в брак мужчин и женщин национальности i — соответственно через m_i и f_i . При этом i может принимать все значения от 1 до s : $i=1, 2, \dots, s$. Очевидно, что

$$\sum_{i=1}^s m_i = \sum_{i=1}^s f_i = n,$$

т. е. сумма чисел мужчин и сумма чисел женщин всех национальностей, вступивших в брак, равна общему числу заключенных браков.

Если предположить, что национальная принадлежность не оказывает влияния на выбор супруга, то события, состоящие в том, что в какой-либо наудачу взятой супружеской паре муж будет национальности j , а жена — национальности k (такой же, если $j=k$, или любой другой, если $j \neq k$), будут независимыми. Вероятность совместного наступления двух независимых событий равна произведению вероятностей каждого из них. В данном случае эти вероятности равны доле мужчин национальности j в общем числе мужчин и доле женщин национальности k в общем числе женщин, вступивших в брак. Обозначим их соответственно через μ_j и φ_k . Очевидно, что

$$\mu_j = \frac{m_j}{n}, \quad \varphi_k = \frac{f_k}{n}.$$

Тогда, обозначив через p_{jk}^* вероятность того, что в наудачу выбранной паре национальность мужа j , а жены — k , определяемую в предположении о независимости между собой национальностей мужа и жены, можем написать:

$$p_{jk}^* = \mu_j \varphi_k. \quad (1)$$

¹ «Сов. этнография», 1966, № 3.

Эту вероятность О. А. Ганцкая и Г. Ф. Дебеч называют теоретической вероятностью соответствующего сочетания национальностей супругов.

2. Однако вероятности браков между представителями одной и разных национальностей определяются не только их относительными количествами, так как национальности супругов отнюдь не независимы. Обозначим вероятность события, состоящего в том, что мужчина некоторой национальности j женится на женщине национальности k , через r_{jk} . Если бы выбор супруга не зависел от национальности, то эта вероятность была бы равна доле женщин национальности k в общем числе женщин, т. е. φ_k . Но фактически выбор супруга от национальности зависит. Поэтому r_{jk} в общем случае не равна, а лишь пропорциональна φ_k , т. е.

$$r_{jk} = \Psi_{jk} \varphi_k. \quad (2)$$

Здесь Ψ_{jk} — коэффициент пропорциональности, зависящий от j и от k . Чем больше значение этого коэффициента, тем больше (при одной и той же доле женщин национальности k в общем числе женщин) вероятность вступления мужчины национальности j в брак с женщиной национальности k и, наоборот, чем меньше коэффициент Ψ_{jk} , тем меньше указанная вероятность. Пусть, например, k_1 и k_2 — какие-нибудь две национальности и $\Psi_{jk_1} > \Psi_{jk_2}$. Это значит, что при одной и той же доле женщин национальностей k_1 и k_2 в общем числе женщин мужчины национальности j вступали бы в брак с первыми чаще, чем со вторыми, и притом в $\frac{\Psi_{jk_1}}{\Psi_{jk_2}}$ раз.

Как правило, чаще всего заключаются браки между представителями одной и той же национальности. Поэтому введем в рассмотрение отношение

$$\lambda_{jk} = \frac{\Psi_{jj}}{\Psi_{jk}}. \quad (3)$$

Оно показывает, во сколько раз чаще мужчины национальности j вступали бы в однонациональные браки, чем в браки с женщинами национальности k , при одинаковой доле тех и других женщин в общем числе женщин. Поэтому указанное отношение естественно назвать коэффициентом предпочтительного заключения мужчинами национальности j однонациональных браков по сравнению с браками с женщинами национальности k . В частном случае $k = j$ имеем $\lambda_{jj} = 1$.

Хотя, как правило, при $k \neq j$ коэффициент λ_{jk} значительно больше единицы, принципиально он может быть, вообще говоря, и меньше единицы. Это возможно, если смешанные браки мужчин национальности j с женщинами национальности k преобладают над однонациональными браками мужчин национальности j при одинаковой доле женщин той и другой национальностей.

С помощью коэффициентов λ_{jk} могут быть сопоставлены не только однонациональные и смешанные браки, но и смешанные браки различных типов между собой. Пусть, например, для национальностей j , k и l известны λ_{jk} и λ_{jl} . Отношение этих коэффициентов

$\frac{\lambda_{jk}}{\lambda_{jl}}$ показывает, во сколько раз чаще мужчины национальности j вступают в брак с женщинами национальности k , чем с женщинами национальности l , при одинаковой доле женщин той и другой национальностей. Разумеется, указанное отношение может быть как больше единицы, так и меньше ее.

Из формулы (3) следует, что

$$\Psi_{jk} = \frac{\Psi_{jj}}{\lambda_{jk}}.$$

Подставив это выражение в формулу (2), получим:

$$r_{jk} = \frac{\Psi_{jj}}{\lambda_{jk}} \varphi_k. \quad (4)$$

3. В общем случае вероятность того, что в произвольно выбранной паре национальность мужа j , а жены k равна произведению доли мужчин национальности j в общем числе мужчин на r_{jk} . Следовательно, обозначив вероятность этого через p_{jk} , можем напи-

сать:

$$p_{jk} = \mu_j r_{jk}.$$

Подставляя сюда выражение (4), получим:

$$p_{jk} = \frac{\Psi_{jj}}{\lambda_{jk}} \mu_j \varphi_k. \quad (5)$$

Отсюда следует, что

$$\lambda_{jk} = \Psi_{jj} \frac{\mu_j \varphi_k}{p_{jk}}. \quad (6)$$

Положим в этом равенстве $k = j$. Тогда, учитывая, что $\lambda_{jj} = 1$, можно написать:

$$\Psi_{jj} \frac{\mu_j \varphi_j}{p_{jj}} = 1,$$

откуда

$$\Psi_{jj} = \frac{p_{jj}}{\mu_j \varphi_j}$$

Подставив это выражение в равенство (6), получим

$$\lambda_{jk} = \frac{\varphi_k p_{jj}}{\varphi_j p_{jk}} \quad (7)$$

Формула (7) позволяет вычислить значения коэффициентов предпочтительного заключения однонациональных браков для всех j и k , если из статистических данных известны φ_k , φ_j , p_{jj} , p_{jk} . Она показывает, что для мужчин национальности j коэффициент предпочтительного заключения однонациональных браков по сравнению с браками с женщинами национальности k равен произведению отношения доли женщин национальности k к доле женщин национальности j и отношения фактической доли однонациональных браков национальности j к фактической доле браков между мужчинами национальности j и женщинами национальности k в общем числе заключенных браков.

Если в исходном статистическом материале распределение вступивших в брак по национальностям и браков по типам дано не в долях единицы, а в абсолютных числах, то в формуле (7) отношения долей, не вычисляя их, можно заменить отношениями соответствующих абсолютных чисел (при этом числитель и знаменатель каждого отношения увеличивается в одинаковое число раз и отношение не изменяется):

$$\lambda_{jk} = \frac{f_k}{f_j} \frac{n_{jj}}{n_{jk}}, \quad (8)$$

где $n_{jj} = p_{jj} \cdot n$ и $n_{jk} = p_{jk} \cdot n$ — абсолютные числа соответственно однонациональных браков мужчин национальности j и их смешанных браков с женщинами национальности k .

Формуле (7) можно придать и другой вид. Умножив числитель и знаменатель первого отношения в правой части этой формулы на μ_j , получим:

$$\lambda_{jk} = \frac{\mu_j \varphi_k}{\mu_j \varphi_j} \cdot \frac{p_{jj}}{p_{jk}},$$

но по формуле (1)

$$\mu_j \varphi_k = p_{jk}^*,$$

$$\mu_j \varphi_j = p_{jj}^*.$$

Поэтому предыдущее равенство можно переписать в виде

$$\lambda_{jk} = \frac{p_{jk}^*}{p_{jj}^*} \frac{p_{jj}}{p_{jk}},$$

или

$$\lambda_{jk} = \left(\frac{p_{ij}}{p_{ij}^*} \right) : \left(\frac{p_{jk}}{p_{jk}^*} \right),$$

где p_{ij}^* и p_{jk}^* — величины, определяемые по формуле (1). При вычислении λ_{jk} по формуле (9) необходимо найти отношение фактической доли однонациональных браков национальности j в общем числе браков к их вероятности, определенной в предположении о независимости между собой национальностей мужа и жены, затем найти такое же отношение для браков между мужчинами национальности j и женщинами национальности k и первое отношение разделить на второе.

4. Предположим теперь, что распределение браков по типам (т. е. величины p_{jk}) неизвестно из-за отсутствием соответствующего статистического материала, но зато известны или могут быть каким-либо образом приблизительно оценены значения коэффициентов предпочтительного заключения однонациональных браков (например, с помощью выборки). Покажем, как в этом случае определить доли однонациональных и смешанных браков каждого типа мужчин каждой национальности.

Искомые доли могут быть определены по формуле (4), если будут известны величины Ψ_{jj} . Для определения этих величин воспользуемся тем, что

$$\sum_{k=1}^s r_{jk} = 1,$$

или, учитывая формулу (4),

$$\Psi_{jj} \sum_{k=1}^s \frac{\varphi_k}{\lambda_{jk}} = 1,$$

откуда

$$\Psi_{jj} = \frac{1}{\sum_{k=1}^s \frac{\varphi_k}{\lambda_{jk}}}. \quad (10)$$

Подставив это выражение в формулу (4), получим

$$r_{jk} = \frac{\varphi_k}{\lambda_{jk} \sum_{k=1}^s \frac{\varphi_k}{\lambda_{jk}}}. \quad (11)$$

Эта формула и решает поставленную задачу.

Доли однонациональных и смешанных браков каждого типа в общем числе браков могут быть определены по формуле (5), если в нее подставить вместо Ψ_{jj} выражение (10).

$$p_{jk} = \frac{\mu_j \varphi_k}{\lambda_{jk} \sum_{k=1}^s \frac{\varphi_k}{\lambda_{jk}}}. \quad (12)$$

5. Рассмотрим подробнее частный случай, когда сопоставляются однонациональные и смешанные браки без подразделения последних по типам. В этом случае λ_{jk} при $k \neq j$ имеет одно и то же значение, зависящее от j , и, как всегда, $\lambda_{jj} = 1$.

Общее значение λ_{jk} при $j \neq k$ обозначим через q_j . Вычислим сумму $\sum_{k=1}^s \frac{\varphi_k}{\lambda_{jk}}$, входящую в формулы (10), (11) и (12). В рассматриваемом случае величина φ_k принимает два значения: φ_j , если $k = j$ (доля женщин национальности j), и $1 - \varphi_j$, если $k \neq j$ (доля женщин всех остальных национальностей). Поэтому

$$\sum_{k=1}^s \frac{\varphi_k}{\lambda_{jk}} = \frac{\varphi_j}{1} + \frac{1 - \varphi_j}{q_j} = \frac{1 + (q_j - 1) \varphi_j}{q_j}.$$

Теперь по формуле (11) найдем долю однонациональных браков мужчин национальности j :

$$r_{jj} = \frac{q_j \varphi_j}{1 + (q_j - 1) \varphi_j}. \quad (13)$$

Обозначив долю их смешанных браков через $\bar{r}_{jj}$, можем написать:

$$\bar{r}_{jj} = 1 - r_{jj} = \frac{1 - \varphi_j}{1 + (q_j - 1) \varphi_j}. \quad (14)$$

Доли однонациональных и смешанных браков мужчин каждой национальности по отношению к общему числу заключенных браков определяются по формуле (12) и соответственно равны:

$$p_{jj} = \frac{q_j \mu_j \varphi_j}{1 + (q_j - 1) \varphi_j}, \quad (15)$$

$$\bar{p}_{jj} = \frac{\mu_j (1 - \varphi_j)}{1 + (q_j - 1) \varphi_j}. \quad (16)$$

6. Если из статистических данных известны доли однонациональных или доли смешанных браков мужчин каждой национальности от браков мужчин данной национальности или от общего числа браков, то формулы (13) — (16) позволяют определить значения коэффициентов предпочтительного заключения однонациональных браков по сравнению со смешанными (без подразделения их по типам). Из формул (13) и (15) следует:

$$q_j = \frac{r_{jj} (1 - \varphi_j)}{\varphi_j (1 - r_{jj})} \quad (17)$$

и

$$q_j = \frac{p_{jj} (1 - \varphi_j)}{\varphi_j (\mu_j - p_{jj})}. \quad (18)$$

Если в исходном статистическом материале распределение вступивших в брак по национальностям и браков по типам дано в абсолютных числах, то в этих формулах отношения долей следует заменить отношениями соответствующих абсолютных чисел. Тогда получим:

$$q_j = \frac{n_{jj} (n - f_j)}{f_j (m_j - n_{jj})} \quad (19)$$

7. Полученные выше формулы могут быть применены и для изучения смешанных браков женщин, если во всех формулах заменить μ на φ , а m на f и наоборот, а буквы r , p , φ , λ и q отметить штрихом. При этом, например, r'_{jk} будет означать долю женщин национальности j , вышедших замуж за мужчин национальности k , p'_{jk} — долю браков между женщинами национальности j и мужчинами национальности k от общего числа браков, λ'_{jk} — коэффициент предпочтительного заключения однонациональных браков женщинами национальности j по сравнению с браками их с мужчинами национальности k и т. д. Таким образом, формула (7) примет вид (учитываем, что $p_{jj} = p_{jj}$ и $p_{jk} = p_{kj}$):

$$\lambda'_{jk} = \frac{\mu_k}{\mu_j} \cdot \frac{p_{jj}}{p'_{jk}} = \frac{\mu_k}{\mu_j} \cdot \frac{p_{jj}}{p_{kj}},$$

а формула (9) — вид

$$\lambda'_{jk} = \left(\frac{p_{jj}}{p_{jj}^*} \right) : \left(\frac{p'_{jk}}{p_{jk}^*} \right) = \left(\frac{p_{jj}}{p_{jj}^*} \right) : \left(\frac{p_{kj}}{p_{kj}^*} \right).$$

Аналогично изменятся и все остальные формулы.

8. Необходимо отметить, что коэффициенты предпочтительного заключения однонациональных браков, определяемые методом, изложенным в этой статье, учитывают не только различие субъективного отношения людей к заключению брака с представителями своей и других национальностей, но также и такие объективные факторы, как территориальное расселение людей разных национальностей, степень их смешения, возможность и частота контактов между ними и т. п. Разделение субъективного и объективных факторов требует дальнейшей работы. Одним из путей к этому является изучение субъективного отношения людей к заключению смешанных браков путем непосредственного опроса или распространения соответствующих анкет.

Для иллюстрации приложения изложенного метода к анализу конкретного статистического материала рассмотрим численные примеры.

Пример 1. Определим коэффициенты предпочтительного заключения однонациональных браков кабардинцев, кабардинок, балкарцев и балкарок по сравнению с их смешанными браками в пределах Кабардино-Балкарской АССР в 1939 г. Необходимые данные представлены в табл. 1².

Таблица 1

Распределение браков по национальностям у народов Кабардино-Балкарии в 1939 г. (в абсолютных числах)

Национальность невест Национальность женихов	Кабардинки	Балкарки	Другие кавказские народы	Русские и другие некавказские народы	Итого
Кабардинцы	1456	12	18	68	1554
Балкарцы	14	314	1	12	341
Другие кавказск. народы	9	3	40	28	80
Русские и др. некавказские народы	14	3	10	1122	1149
Итого	1493	332	69	1230	3124

Занумеруем национальности и группы национальностей в той же последовательности, в какой они записаны в табл. 1.

Воспользуемся формулой (8). Тогда, например, коэффициент предпочтительного заключения однонациональных браков кабардинцев по сравнению с их смешанными браками с балкарками будет равен:

$$\lambda_{12} = \frac{f_2}{f_1} \cdot \frac{n_{11}}{n_{12}},$$

где f_1 и f_2 — соответственно общее число кабардинок и общее число балкарок, вступивших в брак; n_{11} и n_{12} — соответственно число однонациональных браков кабардинцев и браков между кабардинцами и балкарками.

При определении коэффициента предпочтительного заключения однонациональных браков кабардинок по сравнению с их смешанными браками с балкарками эту формулу следует изменить в соответствии с замечаниями, изложенными в п. 7:

$$\lambda'_{12} = \frac{m_2}{m_1} \cdot \frac{n_{11}}{n_{21}}.$$

Здесь m_1 и m_2 — соответственно общее число кабардинцев и общее число балкарцев, вступивших в брак. Согласно табл. 1, $f_1=1493$, $f_2=332$, $m_1=1554$, $m_2=341$, $n_{11}=1456$, $n_{12}=12$, $n_{21}=14$. Следовательно,

$$\lambda_{12} = \frac{332}{1493} \cdot \frac{1456}{12} = 27,$$

$$\lambda'_{12} = \frac{341}{1554} \cdot \frac{1456}{14} = 23.$$

² ЦГА народного хозяйства СССР, ф. 8449, оп. 63, д. 15, л. 122

Продолжая эти вычисления, получим результаты, приведенные в первых четырех столбцах табл. 2.

Теперь определим коэффициенты предпочтительного заключения однонациональных браков по сравнению со смешанными без подразделения последних по типам. Для это-

Таблица 2

Коэффициенты предпочтительного заключения однонациональных браков *

Национальность и пол	Сопоставляемая национальность				Смешанные браки без подразделения по типам
	кабардинцы	балкарки	др. кавказск. народы	русские и другие не-кавказск. народы	
Кабардинцы	1	27	4	18	16
Кабардинки	1	23	8	77	40
Балкарцы	100	1	65	97	98
Балкарки	121	1	25	358	142

* Даны с округлением до целого числа

го можно воспользоваться формулой (19), причем для браков женщин эту формулу следует изменить, как указано в п. 7. Для браков кабардинцев и кабардинок соответственно получаем:

$$q_1 = \frac{n_{11} (n - f_1)}{f_1 (m_1 - n_{11})},$$

$$q'_1 = \frac{n_{11} (n - m_1)}{m_1 (f_1 - n_{11})}.$$

Согласно табл. 1, $n = 3124$. Поэтому

$$q_1 = \frac{1456 (3124 - 1493)}{1493 (1554 - 1456)} = \frac{1456.1631}{1493.98} = 16,$$

$$q'_1 = \frac{1456 (3124 - 1554)}{1554 (1493 - 1456)} = \frac{1456.1570}{1554.37} = 40.$$

Аналогично для браков балкарцев и балкарок

$$q_2 = \frac{n_{22} (n - f_2)}{f_2 (m_2 - n_{22})} = \frac{314 (3124 - 332)}{332 (341 - 314)} = 98,$$

$$q'_2 = \frac{n_{22} (n - m_2)}{m'_2 (f_2 - n_{22})} = \frac{314 (3124 - 341)}{341 (332 - 314)} = 142.$$

Значения q и q' записаны в последнем столбце табл. 2.

Пример 2. В районе живут $s=3$ национальности. За рассматриваемый период заключено $n=5000$ браков, причем $m_1=1000$, $m_2=1200$, $m_3=2800$; $f_1=1300$, $f_2=1100$, $f_3=2600$. Коэффициенты предпочтительного заключения однонациональных браков по данным выборочного исследования оцениваются следующим образом: $\lambda_{12}=70$, $\lambda_{13}=100$, $\lambda_{21}=80$, $\lambda_{23}=120$, $\lambda_{31}=100$, $\lambda_{32}=110$. Требуется в соответствии с этой оценкой найти доли однонациональных и смешанных браков каждого типа в общем числе заключенных браков.

Искомое распределение браков по типам может быть получено с помощью формулы (12). Для расчета по этой формуле определяем доли мужчин и женщин каждой национальности, вступивших в брак. Очевидно, что $\mu_1=0,2$, $\mu_2=0,24$, $\mu_3=0,56$; $\varphi_1=0,26$; $\varphi_2=0,22$, $\varphi_3=0,52$.

Далее определяем входящие в формулу (12) суммы

$$\sum_{k=1}^s \frac{\varphi_k}{\lambda_{1k}} = \frac{\varphi_1}{\lambda_{11}} + \frac{\varphi_2}{\lambda_{12}} + \frac{\varphi_3}{\lambda_{13}} = \frac{0,26}{1} + \frac{0,22}{70} + \frac{0,52}{100} = 0,2683.$$

$$\sum_{k=1}^s \frac{\varphi_k}{\lambda_{2k}} = \frac{\varphi_1}{\lambda_{21}} + \frac{\varphi_2}{\lambda_{22}} + \frac{\varphi_3}{\lambda_{23}} = \frac{0,26}{80} + \frac{0,22}{1} + \frac{0,52}{120} = 0,2275.$$

$$\sum_{k=1}^s \frac{\varphi_k}{\lambda_{3k}} = \frac{\varphi_1}{\lambda_{31}} + \frac{\varphi_2}{\lambda_{32}} + \frac{\varphi_3}{\lambda_{33}} = \frac{0,26}{100} + \frac{0,22}{110} + \frac{0,52}{1} = 0,5246.$$

Теперь по формуле (12) находим:

$$p_{11} = \frac{\mu_1 \varphi_1}{1 \cdot \sum_{k=1}^s \frac{\varphi_k}{\lambda_{1k}}} = \frac{0,2 \cdot 0,26}{0,2683} = 0,194,$$

$$p_{12} = \frac{\mu_1 \varphi_2}{\lambda_{12} \sum_{k=1}^s \frac{\varphi_k}{\lambda_{1k}}} = \frac{0,2 \cdot 0,22}{70 \cdot 0,2683} = 0,002$$

Продолжая эти вычисления, получим результаты, представленные в табл. 3.

Таблица 3.

Значения p_{jk}			
$\begin{matrix} k \\ i \end{matrix}$	1	2	3
1	0,194	0,002	0,004
2	0,003	0,232	0,005
3	0,003	0,002	0,555

Таблица 4

Значения λ'_{jk}			
$\begin{matrix} k \\ i \end{matrix}$	1	2	3
1	1	78	181
2	97	1	270
3	48	46	1

Пример 3. По данным предыдущего примера требуется определить коэффициенты предпочтительного заключения однонациональных браков для женщин.

Пользуемся формулой (7) с изменениями, указанными в п. 7:

$$\lambda'_{jk} = \frac{\mu_k}{\mu_j} \cdot \frac{p_{ij}}{p_{kj}}.$$

Значения p_{kj} берем из табл. 3, учитывая, что первому индексу соответствуют номера написанные столбцом, а второму — записанные в строку. Получаем:

$$\lambda'_{12} = \frac{0,24}{0,2} \cdot \frac{0,194}{0,003} = 78,$$

$$\lambda'_{13} = \frac{0,56}{0,2} \cdot \frac{0,194}{0,003} = 181$$

и т. д.

Значения λ'_{jk} приведены в табл. 4.

Таким образом, зная распределение вступивших в брак по национальностям и коэффициенты предпочтительного заключения однонациональных браков мужчин, можно рассчитать значения этих коэффициентов для браков женщин.

Я. С. Смирнова

НАЦИОНАЛЬНО-СМЕШАННЫЕ БРАКИ У НАРОДОВ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Карачаево-Черкесия — вторая после Дагестана по сложности своего национального состава область Северного Кавказа. Около половины ее населения составляют карачаевцы, черкесы, абазины и ногайцы, вторую половину — русские. Кроме того, в области имеются небольшие группы украинцев, осетин, адыгейцев, кабардинцев, дагестанцев, армян, греков и др. Численность и процентное соотношение народов Карачаево-Черкесии по данным переписи 1959 г. представлены в табл. 1.

Хотя карачаевцы населяют главным образом южную, а черкесы, абазины и ногайцы — в основном северную часть Карачаево-Черкесии, в области почти нет однородных в национальном отношении районов. На юге соседят или живут вперемежку карачаевцы и русские, в центре — карачаевцы, черкесы, абазины и русские, на севере — черкесы, абазины, ногайцы и русские. В самом северном из районов — Адыге-Хабльском — четыре последних народа представлены почти поровну.

Смешанным является также население городов Черкесска и Карачаевска, в которых при абсолютном преобладании русских (78,5%) представлены, однако, и все другие национальности области: карачаевцы (7,3%), украинцы (3%), черкесы (2,2%), абазины (2%), осетины (2%), ногайцы (0,6%), прочие (4,4%).

Неоднородность национального состава Карачаево-Черкесии делает ее благоприятным объектом для изучения одного из важнейших процессов развития советской семьи — распространения смешанных браков. Попытаемся проследить этот процесс у коренных народов области на основе этностатистических данных и полевых материалов, собранных нами в 1965—1966 гг.

* * *

В дореволюционном прошлом смешанные браки в Карачаево-Черкесии практиковались преимущественно в верхушечных слоях населения. Княжеские и дворянские семьи разных народов рождались между собой, чтобы закрепить мирный договор, установить феодальный союз, укрепить свое влияние и власть, поправить пошатнувшееся состояние, не уронить сословного достоинства неравным браком. Подобные браки отмечены у народов Карачаево-Черкесии с давних времен. Так, еще в 1154 г. дочь «обезско-го царя», т. е. абазинская княжна, стала женой киевского князя Изяслава Мстиславича², в XV в. другая абазинская княжна, дочь князя Аше, вышла замуж за кабардинского князя Инала³, в XVI в. ногайские мурзы просили «для утверждения приязни между двумя народами» выдать за кого-нибудь из них дочь кабардинского князя Казы⁴ и т. д. Позднее стали известны браки между представителями горской и казачьей верхушки: по свидетельству историка Кубанского казачьего войска Ф. А. Шербины, до начала регулярных военных действий на северо-западном Кавказе «черке-

¹ См. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР», М., 1963, стр. 322.

² «Полное собрание русских летописей», т. 4, 1927, стр. 341.

³ Ш. Б. Ногмов, История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев, Нальчик, 1947, стр. 63.

⁴ Там же, стр. 90.

шенки непрочь были выходить за русских, а казацкие старшины мечтали о женитбе на черкесских княжнах»⁵.

В некоторых районах Карачаево-Черкесии, в особенности на севере, где шел интенсивный процесс ассимиляции абазин и адыгейцев-бесленевцев черкесами, смешанные браки между представителями этих близкородственных между собой народностей заключались и в крестьянской среде. По словам наших информаторов, такие браки практиковались, например, в смешанных черкесско-абазинских (Клычевский, Египоковский, Дударуковский, Хумаринский) и черкесско-бесленевских (Эрсаковский и др.) аулах. Известны они были также в аулах, где бок о бок проживали черкесы и ногайцы, ногайцы и абазин, карачаевцы и ногайцы. Однако хотя из-за сложности национального состава и ассимиляционных процессов смешанные браки заключались в Карачаево-Черкесии чаще, чем в соседних областях Северного Кавказа, в целом они не были здесь сколько-нибудь распространенным бытовым явлением. Население смотрело на них неодобрительно: бывало, что родители девушки предлагали иноплеменнику жениху заплатить повышенный калым; в других случаях брак мог быть заключен только при условии фиктивного или полужфиктивного (без согласия родителей невесты) похищения⁶.

Совсем редки были браки между представителями коренных народов Карачаево-Черкесии и соседнего русского или украинского населения, так как в этих случаях национальная обособленность усугублялась религиозной рознью мусульман и христиан. Хотя браки между последователями разных религий шариатом прямо запрещены не были, мусульманское духовенство относилось к ним резко отрицательно и допускало лишь при условии перехода одного из супругов в ислам. В годы Кавказской войны случалось, что дезертировавшие к горцам казаки принимали ислам и женились на местных девушках⁷. Впоследствии подобного рода смешанные браки могли заключаться только с переходом одного из супругов в христианство, так как по законам Российской империи браки между православными и мусульманами не допускались.

Наконец, еще одной существенной особенностью смешанных браков в дореволюционном прошлом было то обстоятельство, что выход замуж за иноплеменника считался еще более нежелательным, нежели женитьба на иноплеменнице. Как известно, эта традиция имеет самые широкие этнографические параллели и, по-видимому, связана с тем, что при патрилокальном поселении смешанный брак ведет к утрате данной группой как самой женщины, так и рожденных ею детей. К этому представлению добавлялись национальные предрассудки, предубеждение против ухода женщин к якобы «худшим» народам. Так, черкесы или адыгейцы-бесленевцы старались не выдавать дочерей за некогда подвластных их князьям абазин, либо соглашались на брак лишь в том случае, если жених принадлежал к вышестоящему сословию⁸.

* * *

Великая Октябрьская социалистическая революция создала ряд важнейших политических, экономических и культурно-бытовых предпосылок для расширения практики межнациональных браков. Уже первые декреты Советской власти об отмене национальных и религиозных привилегий и образование в 1922 г. национальной автономии Карачаево-Черкесии подорвали основы прежней национальной розни и положили начало сближению народов области. Индустриализация и коллективизация способствовали расширению межнациональных контактов на заводах, рудниках, электростанциях, лесохолмбинатах, в крупных колхозах и совхозах. В процессе урбанизации области возникли города Черкесск и Карачаевск, ставшие центрами особенно тесного общения разноразнонациональных групп населения. В ходе культурной революции усиливалось общение представителей всех народов Карачаево-Черкесии во время учебы в школах, техникумах и институтах, на работе в культурно-просветительных, лечебных, научных и других учреждениях. Одновременно рос общий культурный уровень населения, отмирало религиозное мировоззрение и происходило сближение национальных культур, отражавшееся, в частности, в постепенном сближении семейно-бытовых укладов, отношений и традиций. Все это не могло не вызвать прогрессирующий отход от национальной обособленности и в том числе от одного из ее наиболее ярких проявлений — однонациональных браков.

Распространение национально-смешанных браков в Карачаево-Черкесии за годы Советской власти фиксируется как полевыми этнографическими материалами, так и несравненно более широкими этнотатистическими данными. Однако статистическое изу-

⁵ Ф. А. Шербина, История Кубанского казачьего войска, Екатеринодар, 1913, т. II, стр. 185.

⁶ Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. Комплексной экспедиции, д. 81 (1965 г.).

⁷ М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа, М., 1961, стр. 257.

⁸ Ср. Л. И. Лавров, Абазин (Историко-этнографический очерк), «Кавказский этнографический сборник», I, М., 1955, стр. 22.

чение этого процесса связано здесь со специфическими трудностями. Как и у других народов Советского Востока⁹ у народов Карачаево-Черкесии до войны, а отчасти и в первые послевоенные годы, далеко не все браки регистрировались в гражданском порядке. Из табл. 2 видно, что даже в конце 1930-х годов регистрировалось браков значительно меньше, чем после войны. Это объяснялось тем, что многие еще прибегали к религиозному оформлению брака — кебинным актам, либо, уже отказавшись от религиозного бракосочетания, еще не обращались к гражданской регистрации. В то же время национально-смешанные браки, заключавшиеся по большей части в передовых слоях населения, регистрировались чаще, чем однонациональные. Отсюда ясно, что по мере распространения практики гражданской регистрации доля зарегистрированных смешанных браков в общем числе зарегистрированных браков должна была снижаться. Следовательно, для сопоставления показателей смешанной брачности, относящихся к разным довоенным и послевоенным годам, не пригоден ни один из обычных методов, основанных на подсчете доли межнациональных браков в общем числе браков. Здесь нужен другой, пусть самый приблизительный, но зато не искажающий общей картины способ оценки. Простейший из таких способов — сопоставление показателей, полученных путем отнесения числа зарегистрированных смешанных браков к численности населения в промиллях¹⁰. Эти показатели представлены в табл. 3. Таким образом, у всех народов Карачаево-Черкесии число смешанных браков за годы Советской власти увеличилось в несколько раз.

Таблица 2
Регистрируемость браков (в ‰)*

Народ	1937 г.	1950 г.	1963 г.
Карачаевцы	3,7	—	8,0
Черкесы	4,2	6,0	9,0
Абазины	5,1	5,6	8,1
Ногайцы	6,7	12,2	8,9

* Рассчитано по данным: Гос. архив народного хозяйства СССР, ф. 8449, оп. 61, д. 11, лл. 62, 65г; материалы Ставропольского краевого архива ЗАГС за указанные годы. Данные о численности населения оценочные.

Таблица 3

Частота зарегистрированных смешанных браков (в ‰)*

Народ (мужчины, женщины)	1928 г.	1937 г.	1950 г.	1963 г.	% роста за 1928—1963 годы
Карачаевцы	} 0,2	0,4	—	0,5	250
Ногайцы		1,4	1,9	0,9	450
Карачаевки	} 0,1	0,2	—	0,3	300
Ногайки		1,1	0,7	0,7	700
Черкесы	} 0,7	0,8	1,2	2,2	310
Абазины		1,8	1,2	3,0	428
Черкешенки	} 0,2	1,2	1,2	2,3	1150
Абазинки		1,2	1,4	1,7	850

* Рассчитано по данным: Гос. архив народного хозяйства СССР, ф. 8449, оп. 56, д. 31, л. 46; оп. 61, д. 11, лл. 62, 65; Материалы Ставропольского краевого архива ЗАГС за указанные годы.

Важно отметить и другое: хотя у некоторых народов области межнациональные браки мужчин все еще преобладают над межнациональными браками женщин, последние растут быстрее и, следовательно, диспропорция уменьшается.

Для самого последнего времени, когда у народов Карачаево-Черкесии получила широкое распространение практика гражданской регистрации, может быть показана

⁹ См., например: «Естественное движение населения РСФСР за 1926 г.», М., 1928, стр. XLVIII; С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулайманов, Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан, М., 1958, стр. 242; А. Г. Трофимова, Материалы отделов ЗАГС о браках как этнографический источник (по данным района им. 26 комиссаров, г. Баку), «Сов. этнография», 1966, № 5, стр. 115.

¹⁰ Более точен метод сопоставления показателей, полученных путем отнесения числа зарегистрированных смешанных браков мужчин и женщин отдельно к численности мужского и женского населения, однако его практическое применение осложнено тем, что для непереписных лет трудно получить достаточно точную оценку численного соотношения полов.

близкая к действительности фактическая частота смешанных браков в общем числе браков, заключенных представителями каждой национальности. Как видно из табл. 4, черкесы и абазины вступают в смешанные браки главным образом соответственно с абазинами и черкесами, что отражает продолжающийся процесс их консолидации в одну народность, а из других народов области — преимущественно с русскими и украинцами. В межнациональных браках карачаевцев и ногайцев преобладают браки с

Таблица 4

Процент смешанных браков в общем числе браков представителей данной национальности в 1963 г. *

Народ (мужчины, женщины)	Процент смешан. браков	В том числе процент браков					
		с карачаевцами	с черкесами	с абазинами	с ногайцами	с др. кавказск. народами	с русск. и др. некавказск. народами
Карачаевцы	6,0	—	0,8	0,3	0,2	1,5	3,2
Карачаевки	3,3	—	1,3	0,5	0,2	0,6	0,6
Черкесы	24,6	3,2	—	12,0	0,8	2,9	5,6
Черкешенки	26,0	2,0	—	18,9	0,8	4,3	0,0
Абазины	36,3	1,7	26,8	—	0,6	2,7	4,5
Абазинки	25,0	1,3	19,8	—	0,6	2,0	1,3
Ногайцы	10,1	1,1	2,3	1,1	—	1,1	4,5
Ногайки	8,0	1,1	2,3	1,1	—	2,3	1,1
Городское население							
Карачаевцы	16,3	—	4,1	1,0	0,0	4,1	7,1
Карачаевки	6,8	—	2,3	0,0	0,0	3,4	1,1
Черкесы	45,5	9,1	—	9,1	0,0	9,1	18,2
Черкешенки	53,9	15,4	—	19,2	0,0	19,2	0,0
Абазины	56,2	0,0	31,2	—	0,0	0,0	25,0
Абазинки	41,6	8,3	16,6	—	0,0	8,3	8,3
Ногайцы	44,4	0,0	0,0	0,0	—	11,1	33,3
Ногайки	28,6	0,0	0,0	0,0	—	14,3	14,3
Сельское население							
Карачаевцы	4,2	—	0,2	0,2	0,2	1,1	2,5
Карачаевки	2,6	—	1,1	0,5	0,2	0,2	0,5
Черкесы	22,3	2,6	—	12,2	0,9	2,2	4,4
Черкешенки	22,5	0,4	—	19,0	0,8	2,3	0,0
Абазины	34,3	1,9	26,3	—	0,6	3,0	2,5
Абазинки	23,6	0,7	20,0	—	0,7	1,4	0,8
Ногайцы	6,3	1,2	2,6	1,2	—	0,0	1,2
Ногайки	6,3	1,2	2,6	1,2	—	1,2	0,0

* Здесь и далее все расчеты сделаны по материалам Ставропольского краевого архива ЗАГС. Итог иногда отличается на 0,1 в результате округления.

русскими и украинцами. Это, однако, относится только к мужчинам: среди женщин браки с представителями некавказских народов все еще очень редки. В городах смешанных браков в 1,5—3, а у ногайцев в 7 раз больше, чем в сельских районах, причем у мужской части городского населения почти всех коренных народов области преобладают смешанные браки с русскими и другими некавказскими народами.

Оценивая приведенные выше данные, следует иметь в виду, что процент смешанных браков сам по себе еще не определяет отношения народа к заключению однонациональных и смешанных браков и должен рассматриваться вместе с численностью и характером расселения изучаемых народов. Поэтому, чтобы учесть эти факторы и тем самым проверить наши выводы, сопоставим коэффициенты предпочтительного заключения однонациональных браков¹¹ для мужчин крупнейшего из коренных народов области — карачаевцев. Определим эти коэффициенты по формуле:

$$\lambda = \frac{\Phi}{\Phi_0} \cdot \frac{p_0}{p}$$

¹¹ См. Ю. И. Першиц, О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности, «Сов. этнография», 1967, № 4.

где ϕ_0 и ϕ — соответственно доли женщин-карачаевцев и женщин сопоставляемого народа в общем числе вступивших в брак женщин, p_0 — доля однонациональных браков карачаевцев в общем числе заключенных браков и p — доля смешанных браков мужчин-карачаевцев с женщинами сопоставляемого народа.

Доли женщин разных национальностей в общем числе вступивших в 1963 г. в брак женщин составляют: карачаевки — 0,252, черкешенки — 0,102, абазинки — 0,061, ногойки — 0,035, женщины других кавказских народов — 0,030, русские и женщины других кавказских народов — 0,520. Доля однонациональных браков карачаевцев в общем числе заключенных браков составляет 0,244, доли смешанных браков мужчин-карачаевцев с женщинами других народов: с черкешенками — 0,0020, с абазинками — 0,0008, с ногойками — 0,0004, с женщинами других кавказских народов — 0,0040, с русскими и женщинами других некавказских народов — 0,0084. Подставляя эти данные в формулу, получаем значения коэффициентов предпочтительного заключения однонациональных браков мужчинами-карачаевцами: по отношению к черкешенкам 49,5, русским — 59,7, абазинкам — 73,5, ногойкам — 90,0. Таким образом, при одинаковых долях женщин разных национальностей в общем числе женщин, вступающих в брак, у карачаевцев смешанные браки с абазинками заключались бы в 1,2 раза чаще, чем с ногойками, а с русскими в 1,2 раза чаще, чем с абазинками.

На примере тех же карачаевцев сопоставим коэффициенты предпочтительного заключения однонациональных браков для городского и сельского населения. Доля женщин-карачаевцев в общем числе вступивших в брак горожанок равна 0,120, сельских жительниц — 0,307; доля горожанок всех других национальностей — 0,880, сельских жительниц — 0,693; доля однонациональных браков карачаевцев-горожан в общем числе заключенных браков — 0,1115, сельских жителей — 0,299; доля смешанных браков карачаевцев-горожан в общем числе заключенных браков — 0,0221, сельских жителей — 0,0131. Отсюда по приведенной выше формуле коэффициент предпочтительного заключения однонациональных браков оказывается равным для горожан 37,0, для сельских жителей — 51,6, т. е. в 1,4 раза больше.

Следовательно, и эти расчеты, наиболее полно учитывающие как субъективный, так и объективные факторы смешанной брачности, в основном подтверждают наши выводы о большей частоте смешанных браков в среде городского населения и относительно большей частоте браков мужчин коренных национальностей с русскими, украинками и т. д.

* * *

Характеристика национально-смешанных семей будет неполной, если мы не попытаемся получить представление, в каких социальных слоях населения такие браки чаще всего заключаются. Для этого воспользуемся данными 1958 г. — последнего, когда в актовых записях всех районных отделов загс Карачаево-Черкесии сохранилась графа «Социальное положение (или род занятий) брачующихся». Как видно из табл. 3, у коренных народов области в городах национально-смешанные браки одинаково часты в среде рабочих и служащих, а в сельских районах чаще заключаются в среде служащих или между служащими и представителями других социальных слоев (служащие и колхозники, служащие и рабочие). В последнем обстоятельстве сказывается не только более высокий культурный уровень сельской интеллигенции, но и ее более тесная связь с передовой городской средой.

В заключение остановимся на бытовом укладе смешанных в национальном отношении семей, представляющем тем больший интерес, что число подобных семей растет и присутствие им особенности в какой-то мере отражают тенденции развития семейного быта народов Карачаево-Черкесии.

Язык и быт смешанной семьи при всем своеобразии индивидуальных вариантов во многом определяется тем, в каком — городском или сельском — окружении живет такая семья. В более многонациональной городской среде образ жизни меньше зависит от того или иного сочетания национальной принадлежности супругов и, как правило, имеет очень смешанный характер. Так, в наблюдавших нас в 1966 г. в г. Черкесске нескольких черкесско-ногойских и черкесско-русских семьях почти в одинаковой степени были в ходу и местные и русские блюда, дети носили как местные, так и русские имена; в то же время во всех этих семьях языком общения был русский и дети посещали русскую школу.

Несколько иначе обстоит дело в сельских районах. Здесь специфика быта в значительной мере зависит от того, на какой именно межнациональной базе возникла семья. Образ жизни сельской семьи, основанной на браке представителей близких по своей традиционной культуре коренных народов области, обычно мало чем отличается от образа жизни соседних несмешанных семей. Как правило, жена, поселяясь у мужа, в скором времени усваивает язык и культурно-бытовые навыки окружающего населения; то же происходит и с детьми, иногда, в той или иной степени знающими также и язык матери. Напротив, семьи, возникшие в результате брака мужчин местных народов с русскими или украинками (обратный вариант в сельских районах почти не

встречается), обычно заметно выделяются из числа других семей, так как в этих случаях женщины не только сами приспосабливаются к новой бытовой обстановке, но и, в свою очередь, оказывают на нее сильнейшее воздействие.

Хотя многие русские или украинские женщины, войдя в сельскую семью, со временем овладевают местной речью, в домашнем быту обычно устанавливается двуязы-

Таблица 5

Распределение национально-смешанных браков по социальной принадлежности брачующихся в 1958 г.

Социальная принадлежность брачующихся	Заклучено смешанных браков (в процентах от всех браков данной категории)
Городское население	
Рабочие *	47,6
Служащие *	47,0
Рабочие и служащие	42,8
Прочие **	30,7
Социальная принадлежность не выяснена	42,8
Сельское население	
Рабочие *	13,9
Колхозники *	9,3
Служащие *	26,8
Рабочие и колхозники	20,9
Рабочие и служащие	23,0
Колхозники и служащие	26,6
Прочие **	22,2
Социальная принадлежность не выяснена	20,0

* В том числе один из брачующихся учится или не работает.

** Оба брачующихся — учащиеся, пенсионеры, временно не работающие.

чие. Бывает, что каждый из супругов предпочитает пользоваться в разговоре родным языком, однако дети почти всегда одинаково хорошо владеют языками отца и матери. Нередки случаи, когда в одной и той же семье часть детей получает местные, а часть — русские имена. Еще чаще встречается бытовая «двуимянность», при которой ребенку наряду с официальным местным именем дают сходное по звучанию русское, или наряду с официальным русским — сходное по звучанию местное имя. Новый уклад жизни таких семей проявляется также в характерном для них отношении к устаревшим бытовым традициям: так, здесь почти никогда не соблюдаются обычаи избегания во взаимоотношениях между супругами или между родителями и детьми, а избегание во взаимоотношениях между невесткой и старшими свойственниками в большинстве случаев прекращается через самое короткое время после свадьбы. Не приходится говорить о том, что в подобного рода смешанных семьях неизвестны реликты брачного выкупа и традиционных для народов Карачаево-Черкесии дорогостоящих подарков родне жениха, а свадебная церемония чаще всего совершается в форме так называемой новой, или комсомольской, свадьбы. Местами, как например, в Карачае, где местные женщины зачастую еще стесняются показываться с непокрытой головой, без чулок или в платье с короткими рукавами, можно наблюдать в смешанных семьях более непринужденное поведение жен — русских или украинок. Они меньше стесняются своих подросших дочерей, предоставляют им большую самостоятельность. Влияние рус-

ской культуры сказывается и в таких чертах быта смешанных семей, как особенности внутреннего убранства жилищ, более широкий ассортимент приготовляемых блюд, празднование дня рождения детей, устройство для них новогодней елки и т. д.¹²

Таким образом, расширение практики смешанных браков не только отражает сближение разнорасового населения Карачаево-Черкесии, но и само становится фактором этого сближения, взаимовлияния национальных культур, распространения новых, общесоветских бытовых традиций.

¹² Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. Комплексной экспедиции, д. 81 (1966 г.).

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

С. А. Арутюнов

ДРЕВНИЕ ТРАНСТИХООКЕАНСКИЕ СВЯЗИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Уже почти двести дней небольшая лодка, выдолбленная каменными теслами из ствола японской криптомерии, была игрушкой океанских волн. Сперва яростные валы тайфуна едва не разбили ее в щепки, а потом гладкие перекаты зыби спокойно, но беспощадно увлекали ее все далее на восток. Но двое мужчин и женщина, скорчившиеся в лодке, давно потеряли и счет дням, и чувство направления. Да и что можно было сделать единственным оставшимся веслом, даже если бы они и знали, в какой стороне земля? В тот осенний вечер, когда внезапный шторм понес лодку вдоль от скрывшихся за пеленой ливня зеленых берегов родного Кюсю, их в лодке было семеро. Четыре человека погибли от голода, холода и жажды в первые же недели вынужденного плавания. Эти трое сумели выжить в два первых самых страшных месяца — помогли молодость, здоровье и навыки людей, с малолетства привыкших жить у моря и дарами моря. В последующие дни им везло больше — время от времени удавалось собрать немного дождевой воды, поймать то рыбу, то птицу, к тому же уже выработалась какая-то привычка к жизни в утлой посудинке среди моря. На четвертый месяц стало совсем тепло, даже жарко. И все-таки силы постепенно покидали и этих трех.

А на рассвете случилось чудо, то чудо, о котором столько дней они тщетно молились морским божествам, которого ждали, безуспешно вглядываясь в однообразный горизонт. Земля была совсем близко — синяя полоса зубчатых гор, с пробивающимися из-за них первыми солнечными лучами, и белая полоса прибоя вдоль пустынного песчаного побережья. Течение несло их вдоль этого берега, на север, но тут пригодились последние силы и последнее весло.

Ленивый накат выбросил долбленку на низкий берег и, лизнув, подтолкнул и оставил лежать на песке. Люди лежали рядом, такие же неподвижные, как лодка, не в состоянии встать и идти, но всем телом ощущая под собой теплый и плотный песок — опору, землю, жизнь.

Разбросанные заросли странных, невиданных в Японии кустов тянулись вдоль берегов над отмелью — ни листьев, ни ветвей, только чашеобразные бурых ребристых стволов, усаженных шипами. Вдруг из-за кустов вышла группа людей. На них не было ни оружия, ни одежды, но облик их был знаком и близок — те же прямые черные волосы, что и у соплеменников спасшихся, та же загорелая, как обожженная глина, кожа, те же чуть раскосые глаза, только носы немножко странной выпуклой формы. И нехитрые рыбацкие снасти, которые они несли, были

хорошо знакомы прибывшим — лески из растительных волокон, крючки из перламутровых раковин, каменные грузила, плетеные сумки для сбора ракушек — все понятное, знакомое. Речь, правда, была непонятна, но смысл слов передавали взгляды добрых глаз — удивленные, сочувствующие, понимающие и дружеские. Было это пять тысяч лет назад.

* * *

С 1956 г. эквадорский археолог Эмилио Эстрада раскапывал поселения людей каменного века на засушливом песчаном побережье южной части своей родины, в районе бухты Вальдивия. Бедная по инвентарю культура вальдивия заинтересовала ученого своей керамикой. Судя по всему, это был один из древнейших памятников с керамикой для всей Южной Америки. Другие сходные культуры прибрежных собирателей и рыболовов этого континента были еще докерамическими. В начальный период раскопок из четырех этапов культуры вальдивия, в дальнейшем получивших обозначения *A*, *B*, *C*, *D*, были известны только поздние: *D* и верхние слои *C*. Эстрада и присоединившиеся к нему затем американские археологи Клиффорд Эванс и Бетти Меггерс пытались отыскать какие-нибудь связи и параллели культуры вальдивия с другими древнейшими керамическими культурами Латинской Америки — со стоянками в Гуаньяпе (Перу), Монагрильо (Панама), Барловенто (Колумбия), Тлатилко (Мексика). Но это были уже преимущественно земледельческие культуры. К тому же преобладанием гладких простых форм они резко отличались от обильно украшенных ямочным, процарапанным и наlepным орнаментом сосудов культуры вальдивия. Только керамика из Тлатилко немного напоминала вальдивийскую, если не типом, то по крайней мере обилием декора. Но радиоуглеродный анализ, сделанный в 1959 г., показал, что даже сравнительно поздние известные тогда этапы культуры вальдивия древнее, чем Тлатилко, на добрую тысячу лет.

Понятно, как были заинтригованы исследователи раскопками более древних этапов этой загадочной древней культуры. Где истоки культуры вальдивия? Как она возникла, с чего началась? На эти вопросы должны были дать ответ дальнейшие раскопки. И ответ последовал настолько неожиданным, настолько невероятным, что вначале он казался скорее недоразумением, случайным совпадением, чем указанием на реальную преемственность.

В последние дни 1960 г. был найден первый венчик красного процарапанного сосуда. Эстраде сразу бросилось в глаза его необычное сходство с некоторыми сосудами японского неолита, так называемой культуры дзёмон. Более пристальное изучение керамики раннего и среднего дзёмона дало Эстраде возможность выявить ряд характерных черт, часть которых имела свои параллели в разных культурах Нового Света¹. Такое сходство отдельных черт при общем различном облике сосудов могло быть и скорее всего действительно было случайным совпадением, но в культуре вальдивия число таких совпадений уже приобретало характер закономерности.

Однако опубликованные японскими археологами материалы, в основном относящиеся к развитым формам среднего периода дзёмона центральной части острова Хонсю, еще не давали полных соответствий с вальдивийской керамикой. В литературе отмечалось, правда, что обилие скульптурных украшений и орнамента веревочных отпечатков,

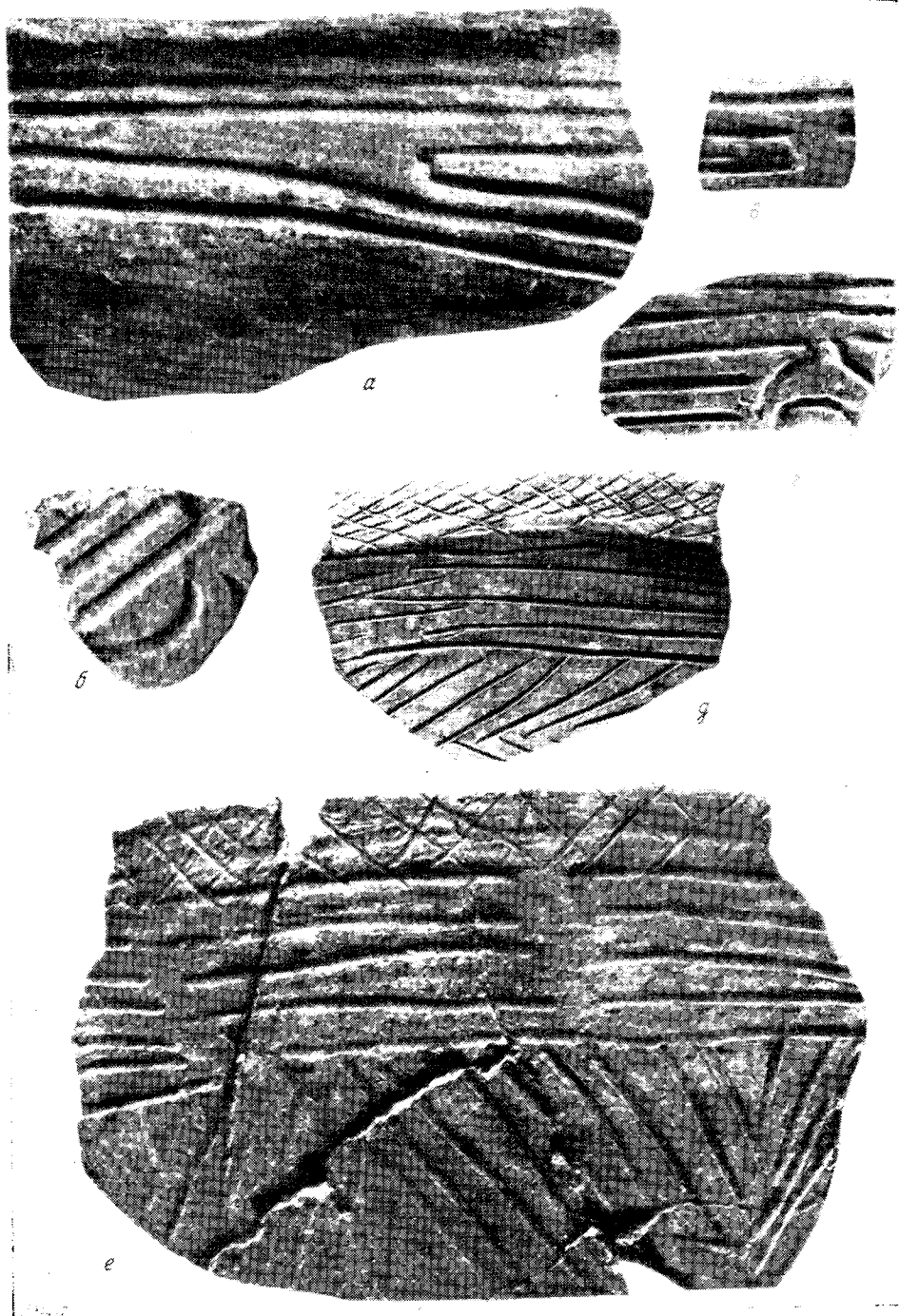
¹ E. Estrada, A complex of traits of probable transpacific origin on the coast of Ecuador, «American Anthropologist», vol. 63, № 5, 1961, pp. 913—939.

характерное для керамики с Хонсю и резко отличавшее ее от вальдивийской, было менее типично для тех вариантов культуры дзёмон, которые представлены на самом южном острове Японского архипелага, на Кюсю. Но материалы раскопок на Кюсю опубликованы очень неполно и не позволяют вынести достаточно ясное суждение о характере местных культур. Перед исследователями культуры вальдивия встала необходимость самим ехать на Кюсю и ознакомиться с хранящимися там материалами раскопок.

Результаты были ошеломляющими. В неопубликованных и мало известных коллекциях, собранных местными любителями археологии и хранящихся в местных городских университетах, маленьких музеях и даже в средних школах и у частных лиц на Кюсю, американские археологи обнаружили образцы керамики (черепки и целые сосуды), которые, как они считают, практически не отличаются от вальдивийских. Они пишут, что если бы смешать образцы из эквадорских и японских коллекций, то не только ни у кого не возникло бы сомнений в том, что это одна и та же культура, но и многие отдельные черепки, найденные на расстоянии более чем 15 тыс. км друг от друга, были бы сочтены остатками одного и того же сосуда² (рис. 1).

Мы не будем рассматривать здесь более подробно соотношение археологических комплексов южного Кюсю и южного Эквадора. К. Эванс и Б. Мерггерс считают, что одни эквадорские образцы кажутся точной копией японских, в других заметно дальнейшее развитие. Некоторые виды орнамента, в эквадорских сосудах выступающие как отдельные формы, на японском материале получают свое объяснение как восходящие к общему прототипу. В целом ряде аспектов они прослеживают, как в Эквадоре происходила постепенная эволюция форм керамики от первоначальных образцов, наиболее близких к японским, до вполне своеобразных форм. Но керамикой и ограничивается генетическое сходство этих двух столь удаленных друг от друга географически культур. Типологически культура раннего дзёмона и культура вальдивия вообще очень сходны. Однако сходство это не больше, чем сходство между любыми двумя удаленными культурами одного и того же хозяйственно-культурного типа. Береговые жители и Японии, и Эквадора на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. (именно эту дату дают радиоуглеродные анализы для тех этапов обеих культур, когда их формы керамики наиболее соответствуют друг другу) вели почти одинаковое хозяйство. Те и другие были прибрежными собирателями и рыболовами, жившими главным образом за счет сбора обильного «урожая» морских моллюсков и прибрежного рыболовства, отчасти дополняемого эпизодической охотой на наземную дичь и собиранием дикорастущих растений. Их рыболовные снасти — крючки из толстых перламутровых раковин, каменные грузила, их рабочие инструменты — каменные молотки, сверла, скребки, сланцевые ножи неизбежно должны были походить друг на друга, так как выполняли одни и те же функции на примерно одинаковом уровне культурного развития. Но таких моментов сходства, которые могли бы быть объяснены не просто одинаковой функцией предмета, но и общим происхождением, в орудиях производства дзёмонцев и вальдивийцев не наблюдается. Напротив, каменный инвентарь, роговые орудия и наконечники стрел, рыболовные крючки из раковин и другие орудия вальдивийцев в своих деталях гораздо больше напоминают аналогичные орудия из других культур Нового Света, нежели японские и вообще азиатские образцы.

² В. J. Meggers, C. Evans, E. Estrada, Early formative period of Coastal Ecuador, «Smithsonian Contributions to Anthropology», vol. 1, Washington, 1966, p. 160.

Сходство орнаментальных мотивов и техники их нанесения на керамике культур дзёмон (*a* — Идзуми, *b* — Накусима, *e* — Собата) и вальдивия (*в*, *г*, *д*).

Таким образом, речь вовсе не идет о каком-то фантастическом переселении из Японии в Эквадор через Тихий океан большой группы населения. Реальные события, имевшие место около пяти тысяч лет назад, рисуются исследователям культуры вальдивий следующим образом. В эту эпоху на побережье Эквадора и на побережье Японии обитали племена, очень близкие по уровню развития и по хозяйственному укладу. Пожалуй, единственное существенное различие между ними состояло в том, что эквадорцы, по-видимому, вплотную подошли к тому моменту, когда керамика могла бы появиться и у них. В Японии, напротив, керамика существовала уже несколько тысячелетий, хотя решающего влияния на развитие производительных сил это, разумеется, не оказывало. В течение всего периода дзёмона, на протяжении которого керамика развивается от самых примитивных до высокохудожественных форм, охота, рыболовство и собирательство оставались основой хозяйства. В торфяниках Японии хорошо сохранились довольно крупные долбленки-однодеревки этой эпохи, возможно, имевшие даже наставные борты из досок. Не обладая, конечно, высокими мореходными качествами, они все-таки были довольно устойчивы и (при небольшой загрузке) так же непотопляемы, как и обычные бревна, из которых их делали. Кроме лодок, в Японии, как и в других странах Восточной Азии, например на Тайване, были известны мореходные плоты, оснащенные парусом и выдвижными килевыми досками. Любопытно, что от этих плотов по конструкции почти не отличаются перуанские бальсовые плоты, по образцу которых был сделан знаменитый «Кон-Тики».

Судя по расположению их стоянок, неолитические насельники Японии предпочитали рыбачить в хорошо защищенных заливах. Но там, где не было таких заливов, например на восточном побережье Кюсю, им приходилось выходить в море с незащищенных берегов. Наверное, немало первобытных рыбаков гибло во время частых в Японии тайфунов.

Однако какой-то группе рыбаков, очевидно, удалось удержаться в своем суденышке и выжить в течение длительного вынужденного дрейфа в океане. Вообще-то случаи выживания отдельных участников вынужденных океанических дрейфов не представляют особой редкости. Имеются свидетельства выживания после одиннадцатимесячного дрейфа и, как справедливо отмечают исследователи вальдивийской культуры, «возможность выживания должна была быть больше для людей, привыкших жить дарами моря, нежели для привязанных к суше представителей земледельческих культур более позднего времени»³.

При благоприятно сложившейся для быстрого дрейфа метеорологической обстановке лодка, оторванная осенним тайфуном от берегов Кюсю, должна была попасть в систему сильнейших тихоокеанских течений, и сочетание течений и ветра могло увлечь ее по дуге большого круга к берегам Америки⁴. В наиболее благоприятном случае лодку могло

³ B. J. Meggers, C. Evans, E. Estrada, Указ. раб.

⁴ Это система Северо-Тихоокеанского кругооборота. Очевидно, лодку увлекло сперва Күросио, затем южная ветвь Северо-Тихоокеанского течения, а далее вдоль берегов Америки на юг — сперва Калифорнийское, а затем Гватемальское течение. Последнее очень слабо и действует только в зимние месяцы, а у берегов Эквадора течения идут уже с юга на север. Скорее всего, лодку могло прибыть к берегам Эквадора в конце февраля или марта, притом для этого было необходимо исключительно благоприятное сочетание ветров и течений. Отдельные исследователи полагают, что древние мореходы могли использовать Межпассатное противотечение, пересекающее Тихий океан с запада на восток в районе 5—9° с. ш. Однако этот маршрут представляется менее вероятным с навигационной точки зрения.

прибить к берегам Мексики, но в данном случае, очевидно, лодку несло в отдалении от берегов вплоть до крайней точки, куда достигает течение, т. е. побережья Эквадора. Выброшенные на берег уроженцы Кюсю попали в культурную среду, вполне отвечающую их навыкам. Очевидно, они были дружелюбно встречены местным населением, которое находилось на стадии расцвета первобытнообщинного строя, не знало ни имущественного расслоения, ни существенных межплеменных распрей и с радостью приняло вновь прибывших в свою среду. Искусство изготовления керамики, принесенное пришельцами, нашло для себя уже вполне подготовленную почву, быстро было воспринято местным населением и получило широкое распространение. Эванс, Меггерс и Эстрада высказали также предположение, что пришельцы могли занести и некоторые новые культовые моменты, которые можно проследить по параллелям между каменными культовыми фигурками культур вальдивия и дзёмон, но эти предположения уже не являются настолько очевидными, как сходство керамики. Если основные положения гипотезы Эстрады и его коллег справедливы, то каково же принципиальное научное значение их открытия?

Сам по себе эпизод с появлением древних жителей Японии в Южной Америке сыграл сравнительно небольшую роль в ее этнической и культурной истории. Возможно, именно он дал первый толчок распространению керамики на довольно обширных территориях. Однако вопрос о появлении и распространении керамики в разных районах Нового Света еще далек от полной ясности. Во-первых, вполне возможно, что в ряде мест Нового Света керамика могла возникнуть как самостоятельное изобретение. И во всяком случае, бесспорно, что на появление и распространение керамики в Северной Америке решающее влияние оказали никогда не прерывающиеся культурные контакты в области Берингова пролива. Через этот район совершилось первоначальное и основное заселение Америки человеком, и на протяжении всех последующих тысячелетий здесь проходило большинство совершенно явно прослеживаемых линий культурной общности между Старым и Новым Светом в той мере, в какой это касается уровня присваивающего хозяйства, вплоть до сравнительно недавнего времени (конкретно — до появления оленеводства, единственно доступного человеку в высоких широтах).

Займствование носителями культуры вальдивия элементов культуры дзёмон, предполагаемое американскими археологами, также произошло на уровне еще присваивающего хозяйства, хотя авторы раскопок не исключают того, что сами вальдивийцы и их ближайшие соседи уже начинали переходить к земледелию. Во всяком случае последующие керамические культуры во внутренних районах Эквадора и Перу носят уже земледельческий характер⁵.

Однако если потерпевшие бедствие мореплаватели из Азии сумели добраться живыми до берегов Америки за три тысячи лет до н. э., то вполне вероятно, что такие же случаи могли быть неоднократно как раньше, так и позже этой даты. Случаи более ранние менее вероятны и, очевидно, всегда останутся не только крайне трудно определимы, но и в научном отношении мало значащими. Культуры Кюсю и Эквадора в момент контакта принципиально различались только по наличию или отсутствию керамики: соответственно керамика и оказалась воспринятой. Более ранние же культуры могли различаться не принципиальными

⁵ Подробнее об этих культурах см. в статье: В. А. Башилов, Связи древних цивилизаций Нового Света, «Археология Старого и Нового Света» (ред. Н. Я. Мерперт и П. М. Кожин), М., 1966.

культурными достижениями, а только их вариантами — скажем, формой наконечника стрелы. Такие формы могут распространяться при длительных контактах соседних племен, но нельзя ожидать от целого племени, чтобы оно изменило старой привычной форме орудия в пользу изобретенной единичным случайным пришельцем. Следовательно, нельзя ожидать обнаружения существенных следов более ранних контактов в культуре.

Совсем иначе обстоит дело с возможностями более поздних контактов в эпоху, когда народы Восточной и Юго-Восточной Азии, прямо или косвенно связанные с центрами древнейших мировых цивилизаций, начали существенно обгонять в культурном развитии своих современников на американском континенте. И естественно возникает вопрос: не могли ли подобные случайные контакты через океан оказывать влияние на ход развития самостоятельно возникавших в Центральной и Южной Америке цивилизаций, привнося в готовом виде такие культурные элементы, распространение которых иным путем, т. е. через район Беринговья, было невозможно вследствие культурной отсталости населения Америки? Вопрос этот не нов и впервые был поставлен задолго до начала массовых археологических исследований на американском континенте. Если о возможных связях древних азиатских и американских культур говорил еще крупнейший ученый начала XIX в. Александр Гумбольдт⁶. С тех пор и до наших дней в течение полутора веков в науке не утихают споры о том, какую роль в развитии древнеамериканских цивилизаций могли играть случайные (а по мнению некоторых, и не только случайные) контакты с представителями цивилизаций Старого Света.

Романтическая тема об азиатском или европейском происхождении древнеамериканских цивилизаций была благодатной почвой для всяческих догадок и домыслов, не имеющих ничего общего с наукой. Все это привлекало дилетантов и маляков, мистиков и шарлатанов остроумно смеялся американский ученый Р. Уокер в своей недавно переведенной на русский язык книге. Здесь нет надобности повторять его критику в адрес спекуляций, производящих культурные достижения индейцев Америки от павших к ее берегам остатков флота Александра Македонского или на Хубилая, от десяти колен Израиля или китайских буддийских монахов⁷.

Впрочем, возможности древних транстихоокеанских плаваний между Азией и Америкой находят и более серьезную научную аргументацию. Как Р. Гейне-Гельдерн и Г. Экхольм считают, что отдельные черты культуры, в особенности мотивы искусства, могли быть занесены из Азии в Америку путешествиями купцов и даже миссионеров на торговых кораблях в первые века нашей эры⁸. Но нам все же представляется мало верным, чтобы такие путешествия не оставили существенных следов в исторических источниках. Значительно более убедительны предположе-

⁶ Об этом см., например, G. F. Carter, Movement of people and ideas across the Pacific, «Plants and the migrations of Pacific peoples. A symposium», Honolulu, 1963, pp. 7—22.

⁷ Р. Уокер, Затонувшие материки и тайны исчезнувших племен, М., 1966.

⁸ R. Heine-Geldern, G. F. Ekholm, Significant parallels in the symbolic arts of Southern Asia and Middle America, In: S. Tax (ed.), The civilizations of ancient America, Chicago, 1951; его же, Some problems of migration in the Pacific, в: «Kultur und Sprache», «Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistik», Jg. 9, Wien, 1959, S. 313—362; его же, Asiatische Herkunft der Süd—Amerikanischen Metalltechnik, «Paideuma», Bd. IV, 1954, S. 347—423. Концепции Гейне-Гельдерна и Экхольма подробно рассмотрены в статье: В. И. Гуляев, К вопросу об азиатских влияниях на древние цивилизации Центральной Америки, «Археология Старого и Нового Света», М., 1966.

ния о плаваниях полинезийцев в Америку и обратно в Полинезию: возможно, именно таким путем распространился в Полинезии батат, растение американского происхождения. Вообще распространение культурных растений в бассейне Тихого океана пристально исследуется учеными многих стран как возможное указание на следы культурного обмена между Старым и Новым Светом. Особенным вниманием пользуются различные виды хлопчатника, распространенного на обоих континентах. Так, Дж. Хатчинсон, Р. Силоу и С. Стефенс в 1947 г. высказали предположение, что азиатские одомашненные сорта хлопчатника были занесены на американский континент, там гибридизировались с местными видами и уже в гибридизированной форме попали на острова Тихого океана⁹. Более поздние исследования ставят это предположение под сомнение¹⁰.

Так или иначе, памятники культуры вальдивия являются пока, пожалуй, наиболее достоверным свидетельством попадания людей и элементов культуры из Восточной и Юго-Восточной Азии в Южную Америку через Тихий океан. Они указывают и вероятные пути и формы таких контактов: занос случайных, терпящих бедствие судов. При этом важно обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, таким путем в более поздние эпохи в Америку, как и ранее, могли попадать лишь отдельные люди, маленькие группы, и то очень редко. Во-вторых, и это еще важнее, конкретный случай дзёмон-вальдивийского контакта показывает, что особенно благоприятные условия для восприятия нового элемента культуры существуют тогда, когда и пришельцы и местное население находятся на более или менее одинаковом уровне культурного развития, принадлежа к сходным хозяйственно-культурным типам. Таким образом, чтобы отдельные черты культур цивилизаций Старого Света могли быть восприняты при случайных контактах, необходимо было, чтобы в момент таких контактов в Новом Свете уже существовали бы цивилизации примерно сходного уровня, подготовленные к их восприятию. А этого-то как раз в большинстве случаев и не было.

Не исключено, что дальнейшие исследования позволят нанести на карту и определить во времени другие сходные конкретные случаи транс-океанского контакта. Такие исследования могут только подтвердить уже общепризнанное в науке положение о самостоятельном создании индейцами Америки древних высокоразвитых цивилизаций, и в то же время покажут, что нигде и никогда человек не существовал в полной изоляции от остального человечества. Каждое такое открытие — новый важный штрих в общей картине истории всей человеческой культуры, делающий ее все более полной и отчетливой.

⁹ J. B. Hutchinson, R. A. Silow, S. G. Stephens, *The evolution of Gossypium*, Oxford, 1947.

¹⁰ J. Hutchinson, *The history and relationships of the World's cottons*, «Annual report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution... for the year ended June 30, 1962», Washington, 1963, pp. 497—515; C. E. Smith, R. S. MacNeish, *Antiquity of American polyploid cotton*, «Science», vol. 143, № 3607, 1964, pp. 675—676.

М. М. ГЕРАСИМОВ

(К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В сентябре 1967 г. исполняется 60 лет со дня рождения доктора исторических наук Михаила Михайловича Герасимова, имя которого известно всей нашей стране и далеко за ее пределами.

Деятельность М. М. Герасимова поражает своей разносторонностью. Заслуженной славой пользуются выполненные им реконструкции живого облика людей по их черепам и скелетам, позволившие восстановить головы ископаемых предков человека на всех этапах его эволюции. М. М. Герасимовым создан целый музей антропологических реконструкций, в котором важное место занимают представители древних племен и народов, а также деятели русской истории и культуры. Скульптурные фигуры, выполненные М. М. Герасимовым, имеются во многих музеях Москвы — в Биологическом музее, в Музее земледелия МГУ, в Музее антропологии МГУ, в Историческом музее, в Музее истории и реконструкции Москвы, в музеях Ленинграда, Киева, Тбилиси, Еревана, Таллина, Ташкента, Казани, Саратова, Фрунзе, Нальчика, Нижнего Тагила, Петрозаводска, Душанбе и др. По просьбе правительства Германской Демократической Республики М. М. Герасимов восстановил голову великого немецкого поэта Фридриха Шиллера.

Все эти работы потребовали поистине гигантского труда, долгих научных поисков и таланта. Кропотливое изучение толстот мягких частей лица и головы в разных участках, анализ закономерностей их вариаций, установление степени связи между краниологическими и соматологическими размерами и формами — все это было осуществлено ценой огромных усилий и творческого напряжения. Разработанные М. М. Герасимовым методы реконструкции не претендовали и не претендуют на абсолютную точность. Дело здесь не только в том, что наука еще не полностью овладела знанием корреляций, связывающих человеческий организм в единое целое, но также и в том, что сама природа организма не может обойтись без некоторой и весьма значительной доли независимости своих вариаций, без относительной свободы своих частей, так как возможность эволюции живых существ покоится в какой-то степени на «корпускулярности» или дискретности их элементов. Однако М. М. Герасимов добивался, и делал это с выдающимся успехом, максимального соответствия между черепом и лицом в меру реальной возможности и, очевидно, далеко обогнал в этом отношении своих предшественников. Важной экспериментальной проверкой точности его приемов послужили многочисленные их применения в криминалистике.

Для осуществления всего этого огромного труда от его автора потребовались, кроме поразительной трудоспособности, еще многие другие качества: острая наблюдательность, художественная одаренность, чувство формы.

Автор этих строк почти сорок лет назад, в 1927 г., по возвращении из экспедиции в Северное Прибайкалье вместе с М. Г. Левиним посетил Иркутский краеведческий музей и впервые познакомился там с юным заведующим археологического отдела музея — М. М. Герасимовым. Уже тогда в Иркутске среди научных работников сложилось мнение о том, что Мише Герасимову «везет» в археологической разведке: где ни начнет копать, обязательно находит или «культуру», или костные остатки. Конечно, этой удачливостью Герасимов гораздо больше чем случаю был обязан своему умению видеть и понимать увиденное.

Михаил Михайлович Герасимов, — уроженец Ленинграда, попал в Иркутск в 1912 г. (когда туда переселилась его семья). Уже с 1922 г. он начал свои археологические работы, которые увенчались большим открытием. В 1928 г. он обнаружил палеолитическую стоянку в с. Мальта (в 80 км от Иркутска) и затем раскапывал ее в течение 10 лет. Работы М. М. Герасимова, посвященные Мальте, вошли в археологию палеолита как вклад первостепенного значения. Первые попытки реконструкции были сделаны М. М. Герасимовым в 1927 г. Он восстановил для Иркутского краеведческого музея облик питекантропа и неандертальца. Многие из тех качеств, которые послужили

важным условием успеха М. М. Герасимова в этих и последующих реконструкциях по черепу, оказались незаменимыми и в работах по склеиванию фрагментов и восстановлению ископаемых черепов человека. Всемирную известность приобрели среди работ такого рода восстановление черепа неандертальского ребенка из грота Тешик-таш из 150 осколков и черепа младенца мустьерского времени из Староселья под Бахчисараем. По просьбе французских ученых, М. М. Герасимов превосходно восстановил неандертальский череп из Ля Кина.

Среди печатных трудов М. М. Герасимова особенно значительное место занимает его книга «Основы восстановления лица по черепу», опубликованная в 1949 г. и удостоенная Государственной премии. В совершенно переработанном и весьма дополненном виде эта же тема была оформлена М. М. Герасимовым в другом капитальном труде «Восстановление лица по черепу» в 1955 г. Здесь, как и в предшествовавших работах, М. М. Герасимов не только широко комментирует свои реконструкции и методы их осуществления, но также развивает свои воззрения на взаимоотношения палеолитических культур, на проблемы стадиальной эволюции гоминид, на вопросы прародины человека, на происхождение локальных форм гоминид и, таким образом, выступает как знаток антропогенеза и расовых вариаций у человека.

Выдающаяся заслуга М. М. Герасимова — создание им лаборатории реконструкции и, следовательно, собственной школы. Его ученики и последователи — М. М. Герасимова, Г. В. Лебединская, Н. Н. Мамонова, Т. Е. Сурнина с успехом продолжают и развивают его дело.

Путь М. М. Герасимова не был легким, как путь всякого новатора, к тому же близко придвинувшего научное исследование к той границе, за которой начинается искусство. Его труды вызвали нередко упреки — со стороны художников — в недостатке воображения, со стороны ученых — в его избытке. В действительности же Герасимов всегда шел путем ученого, стремившегося к наибольшему сближению с истиной. Своеобразие же этих работ у Герасимова заключалось в том, что результаты этой его деятельности были направлены не только к власти над природой изучаемых связей (к чему обычно стремится ученый), но и к созданию своего рода вспомогательных средств, с помощью которых художник, философ, историк, педагог и любой зритель мог бы вызвать в своем сознании образы прошлого по своему внутреннему побуждению.

Оценивая замечательную деятельность М. М. Герасимова, трудно не упомянуть о многих привлекательных чертах его личности, о его благожелательности, о его лукавом юморе и обаянии его таланта.

Пожелаем ему долгих лет жизни и плодотворного труда.

Я. Я. Рогинский

И. А. КРЫВЕЛЕВ

(К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В феврале 1967 г. на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР отмечалось 60-летие со дня рождения и 40-летие научно-общественной деятельности видного советского ученого, старшего научного сотрудника Института, доктора философских наук Иосифа Ароновича Кривелева.

И. А. Кривелев родился 13 сентября 1906 г. и провел свое детство в Белоруссии, где закончил среднюю школу. В 1920 г. 14-летним юношей он вступает в комсомол, принимая активнейшее участие в борьбе за укрепление Советской власти в Белоруссии. Сразу же после окончания школы И. А. Кривелев переходит на комсомольскую работу. Он — секретарь волостной ячейки, рабочий и руководитель комсомольской организации спичечной фабрики, агитатор-антирелигиозник, смело вступающий в диспуты с баптистскими проповедниками и другими церковниками. В 19 лет И. А. Кривелев начинает работать учителем в Подмоскovie. В 1927 г. появляются его первые печатные работы, посвященные преподаванию обществоведения и его методике, а с 1929 г. — вопросам атеизма, проблематике, которая займет со временем центральное место в его научной деятельности.

После окончания в 1934 г. Историко-философского института И. А. Кривелев работает в Центральном совете Союза воинствующих безбожников, потом в Центральном антирелигиозном музее. В 1939 г. он переходит на работу в Институт философии АН СССР.

С начала Великой Отечественной войны Иосиф Аронович сражался в рядах Московского Особого коммунистического батальона, а в 1943 г. был направлен преподавателем в Ульяновское танковое училище. После окончания войны И. А. Кривелев работает в Главном политическом управлении Советской Армии, затем начальником военного отдела журнала «Пропагандист и агитатор Красной Армии» и ответственным секретарем редакций журналов «Вопросы философии» и «Вестник истории мировой культуры», преподает в вузах. В 1960 г. И. А. Кривелев переходит на работу в Институт этнографии АН СССР, в стенах которого протекает вся его дальнейшая плодотворная научная и общественная деятельность.

И. А. Кривелев — философ широкого профиля. Его кандидатская диссертация, которую он защитил в 1938 г., была посвящена философии Иосифа Дицгена, а докторская (в 1964 г.) — критике идеологических основ клерикализма и фидеизма. Еще в 1920-х годах им был опубликован в журнале «Под знаменем марксизма» ряд работ по теории познания. И. А. Кривелев обращается также к изучению проблем, связанных с историческим материализмом, а после войны публикует ряд статей по различным проблемам военной идеологии и военного искусства. И. А. Кривелев уделяет большое внимание изучению вопросов теории и истории культуры, участвует в составлении проспектов «Истории научного и культурного развития человечества».

Однако наиболее плодотворной явилась работа ученого в области религиоведческих и научно-атеистических исследований. Начиная со второй половины 1950-х годов, Иосиф Аронович целиком посвящает себя исследованиям в этой области.

В 1958 г. выходит его «Книга о Библии», два издания (второе в 1959 г.) которой разошлись тиражом в 250 тыс. экземпляров и стали настольной книгой для пропагандистов атеизма. Вслед за этой работой появляется целая серия статей, брошюр и книг, трактующих следующие аспекты религиоведческой проблематики.

1. Общие проблемы религиоведения, в частности сущность религии, определение ее специфики относительно других форм общественного сознания, корни религии (статья «Об основном определяющем признаке понятия религии», «Вопросы истории религии и атеизма», 1956, № 4; «О содержании понятия религии», М., 1964, доклад на VII МКАЭН; статья «Гносеологические корни религии», «Вопросы истории религии и атеизма», 1958, № 6).

2. Историческая и рационалистическая критика Библии (упомянутая уже «Книга о Библии»; «Современное богословие и наука», М., 1959; «Евангельские сказания и их смысл», М., 1959; «Раскопки в „библейских“ странах», М., 1965; сборник «Происхождение Библии. Ветхий завет», М., 1965, сост., авт. вступит. статьи и примечания И. А. Кривелева; «Как критиковали Библию в старину», М., 1966). Вместе с этой проблематикой юбилеаром исследуются вопросы, связанные с происхождением и историей иудаизма и христианства.

3. Актуальные проблемы борьбы с религиозными пережитками на данном этапе, исследование состояния религиозно-бытовых пережитков, методическое руководство этой работой (составление программ, анализ полевых материалов). Статьи И. А. Кривелева на эти темы были опубликованы в журнале «Советская этнография».

4. Анализ религиозной идеологии в ее историческом развитии и современном состоянии (находящаяся в производстве монография «Религиозная картина мира и ее модернизация в современном богословии», ряд разделов, публикуемых в трехтомнике «Наука против религии»). Особый интерес ученый проявляет к современной эволюции религиозной идеологии и ее модернизации.

5. Социалистическая перестройка быта и проблема формирования безрелигиозных обрядов и праздников. И. А. Крывелев опубликовал ряд статей на эти темы и неоднократно выступал на всесоюзных и иных совещаниях.

6. Идейное наследство классиков марксизма-ленинизма по вопросам религиоведения и борьбы с религией. Эта тематика нашла освещение в книгах И. А. Крывелева «Маркс и Энгельс о религии» (М., 1964), «Ленин о религии» (М., 1960), в брошюре «Ленинское философское завещание и актуальные проблемы борьбы против религии», М., 1962.

И. А. Крывелев сочетает в себе эрудицию подлинного ученого с мастерством писателя, умеющего ярко и увлекательно излагать научный материал, делая его интересным для самого широкого читателя. Исследования Иосифа Ароновича отличаются поистине энциклопедическим охватом источников на многих языках, они проникнуты страстью и полемичностью.

Стоит ли удивляться, что труды И. А. Крывелева читают и верующие и неверующие, что они расходятся большими тиражами, издаются на иностранных языках во многих зарубежных странах, и там привлекая многочисленных читателей.

В лице юбиляра мы имеем ученого-коммуниста, пропагандиста нашего мировоззрения, блестящего и остроумного лектора, которого знают не только в Москве, но и во многих городах нашей необъятной Родины. И. А. Крывелев отзывчив и доброжелателен к своим друзьям и товарищам по работе. Неутомимый общественник, он неоднократно избирался членом партбюро института и председателем месткома.

И. А. Крывелев находится в расцвете своих творческих сил. Отмечая его 60-летие и 40-летие плодотворной научно-общественной деятельности, друзья, коллеги и товарищи желают ему сохранить на долгие годы энергию, остроумие и присущую ему научную страсть, создать еще много полезных и ярких книг, которых ожидает читатель как в нашей стране, так и за ее пределами.

И. Р. Григулевич

ЮБИЛЕЙНАЯ СЕССИЯ УКРАИНСКИХ ЭТНОГРАФОВ И ФОЛЬКЛОРИСТОВ

23—25 ноября 1966 г. в г. Ужгороде была проведена юбилейная научная сессия «Социалистические преобразования в культуре и быту трудящихся УССР за годы Советской власти», посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Сессию провели Институт искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР, Научный совет по проблеме «Закономерности развития народного творчества и быта на современном этапе» Отделения литературы, языка и искусствоведения АН УССР и Ужгородский государственный университет.

В работе сессии приняли участие фольклористы и этнографы Киева, Харькова, Львова, Винницы, Черновиц, Одессы, Днепропетровска, Ивано-Франковска и других городов Украины, ученые из РСФСР, Белоруссии и Молдавии.

Фольклористы и этнографы не только подвели итоги исследований за полвека, но и обсудили важные, актуальные вопросы современного состояния своих наук, наметили задачи на будущее.

Сессия привлекла внимание широких кругов исследователей народного творчества, быта, обычаев и обрядов. Доклады и научные сообщения пришли послушать также передовики производства, работники народного образования, писатели, художники, творцы и собиратели народного искусства Закарпатья.

Всего на пленарном и секционных заседаниях юбилейной сессии было заслушано 49 научных докладов, сообщений и выступлений.

Пленарное заседание открыл первый секретарь Закарпатского Обкома КП Украины Ю. В. Ильницький, отметивший важность работы сессии, ее большое культурное и научное значение.

На пленарном заседании с докладами выступили секретарь Закарпатского Обкома КП Украины В. И. Белоусов — «КПСС — вдохновитель и организатор победы Великой Октябрьской социалистической революции и строительства коммунизма в СССР», председатель исполкома Закарпатского Областного Совета депутатов трудящихся В. П. Русин — «Социалистические преобразования в культуре и быте трудящихся Закарпатья за годы Советской власти», директор Института искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Ф. Рыльского АН УССР Н. Е. Сиваченко — «Расцвет социалистической культуры и быта украинского народа в братской семье трудящихся СССР».

В центре внимания научной сессии стояло несколько важных проблем, разрабатываемых этнографической наукой: в первую очередь — проблема развития социалистической культуры и быта народов Советского Союза в их взаимосвязях, взаимовлияниях и взаимообогащении в условиях перехода от социализма к коммунизму. Эта проблема анализировалась в докладах: К. Г. Гуслястого (Киев) — «Украинская советская этнография в послеоктябрьские годы», В. И. Наулко (Киев) — «Культурно-бытовое сближение народов УССР», Л. Н. Чижиковой (Москва) — «Русско-украинские этнографические связи восточных районов УССР», и в научных сообщениях: В. С. Зеленчука (Кишинев) — «Черты общности в современной украинской и молдавской одежде», П. Н. Лизанца (Ужгород) «К вопросу об украинско-угорских культурных взаимосвязях на материалах народного жилища».

Вторая важная проблема была связана с освещением руководящей роли рабочего класса в формировании и развитии нового быта и культуры на современном этапе.

Именно рабочему классу принадлежит ведущая роль в создании коммунистической культуры и быта. На юбилейной сессии эта проблема нашла широкое и глубокое отображение в докладах В. Т. Зинича (Киев) — «Рабочий класс — руководящая сила в формировании коммунистической культуры и быта», Е. М. Кравец (Киев) — «Формирование и развитие социалистического семейного быта украинского народа», В. Ф. Горленко (Киев) — «Коренные изменения в сельскохозяйственных орудиях украинского советского села», в научных сообщениях М. А. Мазюты (Ужгород) «Современная рабочая семья Закарпатья».

Третий комплекс вопросов — изучение новых народных бытовых традиций, а также умелое использование лучших прогрессивных народных традиций прошлого и традиций уже советского времени в наших современных новых праздниках, обычаях и обрядах, в проведении досуга, отдыха. Этой проблеме были посвящены доклады: Т. Д. Гирнык (Киев) — «Творческое использование лучших народных традиций в современных праздниках и обрядах», А. С. Романица (Черновцы) — «Новые обычаи и обряды орденоносной Буковины» и др.

И четвертая проблема — современное народное искусство как составная часть новой социалистической культуры и быта, по которой был сделан доклад искусствоведов А. К. Жука и В. А. Щербака (Киев) — «Важнейшие тенденции развития народного изобразительного искусства на современном этапе» и научные сообщения М. А. Грицака (Ужгород) — «Художественная народная вышивка Закарпатья» и Т. И. Бушиной (Черновцы) — «Использование и дальнейшее развитие прогрессивных традиций декоративно-прикладного искусства в творчестве народных мастеров Советской Буковины».

Этнографическая наука при изучении социалистической современности не может обойтись без конкретно-социологических исследований, которые позволяют глубже и шире познать все бытовые и культурные явления из их первоисточников. Это касается и семьи, семейных отношений, брака, досуга, жилища и т. п. Сессия заслушала и обсудила доклад Ф. Ф. Байкина (Киев) — «Проблема быта и бытовых отношений в марксистской социологии».

Плодотворно работала фольклористическая секция юбилейной сессии.

Как известно, фольклористы Советской Украины в последние годы достигли значительных успехов. Об этом свидетельствуют в первую очередь создание для вузов и средних школ республики основательных программ и методических разработок по фольклору. Впервые в истории украинской культуры и науки созданы хрестоматии по украинскому фольклору и учебник «Українська народна поетична творчість» (1965 г.) для вузов, изданы теоретические исследования и ряд тематических сборников.

На фольклористической секции выступил А. И. Дей (Киев) с докладом «Украинская советская фольклористика на современном этапе», в котором отметил важное значение советской фольклористики среди общественных наук, ее марксистско-ленинские методологические основы как науки, изучающей закономерности развития народного творчества на всех этапах истории человечества и особенно социалистического общества. Докладчик призвал ученых уделить больше внимания фольклору как высокому искусству народных масс, бороться против подделок и фальсификации в фольклоре. Он подчеркнул, что теоретические обобщения должны быть целенаправлены, служить практике коммунистического строительства, утверждению марксистско-ленинской идеологии.

Итогам развития фольклористики был посвящен доклад И. П. Березовского (Киев) — «Главные тенденции развития украинской советской фольклористики за 50 лет».

В докладе П. Д. Павлия (Киев) — «Основные этапы исторического развития украинского советского фольклора» была дана история развития украинского фольклора за 50 лет Советской власти.

Теоретический и практический интерес представил доклад Г. С. Сухобруса (Киев) — «Современная художественная самодеятельность и фольклорный процесс», освещающий место фольклора и художественной самодеятельности в фольклорном процессе.

Образу В. И. Ленина в народном поэтическом творчестве был посвящен доклад Б. Г. Хоменко (Киев) — «Народное поэтическое творчество о Ленине и Коммунистической партии».

Интересными были доклады и научные сообщения Ю. Д. Туряницы (Ужгород) — «Тема патриотизма в народных песнях Советского Закарпатья», Н. С. Шумады (Киев) — «Народные колыбельки Советской Украины», Г. И. Синченко (Черновцы) — «Песни о современной жизни» и др., убедительно подтверждающие известное положение А. М. Горького о том, что фольклор с давних пор неотступно и своеобразно сопутствует истории, что он живо реагирует на важнейшие явления конкретно-исторической действительности.

О роли народных певцов, рассказчиков и сказочников в фольклорном процессе говорилось в докладах П. В. Линтура (Ужгород) — «Современные народные сказочники и певцы Закарпатья» и В. Л. Микитась (Ужгород) — «Народная поэтесса Закарпатья Мария Кабалюк-Тысянская».

Важным вопросам фольклористики были посвящены сообщения А. Р. Волкова (Черновцы) «Украинско-русские фольклорные связи в русских селах Буковины» и С. И. Грицы (Киев) «Современное состояние изучения музыкального фольклора славянских народов» и др.

Юбилейная научная сессия приняла ряд рекомендаций.

В области этнографии рекомендуется: сосредоточить внимание на изучении социалистических преобразований в культуре и быте украинского народа, новых культурно-

бытовых явлений, на расширении работы и привлечении местных сил в создании Регионального историко-этнографического атласа Украины, Белоруссии и Молдавии; расширить координационную деятельность научно-исследовательских учреждений, вузов и краеведческих музеев; шире применять конкретно-социологические методы в этнографических исследованиях современности.

В области фольклористики рекомендации направлены на улучшение в республике собирания, издания, исследования и преподавания фольклора, на активизацию работы фольклористов на местах, на активную подготовку украинских фольклористов к VI Международному конгрессу славистов (Прага, 1968 г.) и др.

В. Т. Зиновьев

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ СОВЕТСКИЕ НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКЕ, ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

В последние годы на совещаниях и встречах советских историков, в том числе и на Всесоюзном совещании историков 1963 г., справедливо обращалось внимание на серьезный пробел в общественных науках — на неразработанность у нас проблем истории скандинавских стран и Финляндии. Об этом же и об ограниченном числе тем, над которыми работает незначительное пока число советских скандинавистов, говорил и председатель второй конференции советских скандинавистов академик В. М. Хвостов. Открывая 27 сентября 1965 г. эту конференцию, он подчеркнул важность широкого и всестороннего изучения общественной, экономической, политической и культурной жизни стран Северной Европы и разработки глубинных тем скандинавского обществоведения. Актуальность этой задачи определяется не только историческими традициями длительных мирных отношений и тем фактом, что скандинавские страны и Финляндия — наши соседи, но и интенсивно развивающимися политическими, экономическими и культурными связями между ними и Советским Союзом.

С 27 сентября по 1 октября 1965 г. в Ленинграде проходила вторая, а всего через год, с 18 по 24 сентября 1966 г., в Кяэрику (Эстонская ССР) — третья научная конференция советских скандинавистов. Обе были организованы Институтом истории АН СССР, Московским, Ленинградским и Тартуским университетами. Опасения, что из-за малого разрыва во времени скандинависты не успеют подготовить доклады для третьей конференции, оказались напрасными. Если на первой конференции скандинавистов, проходившей в мае 1963 г. в городе Тарту¹, присутствовало около 80 делегатов, то на второй, как и на третьей конференции — по 150. Причем с докладами на первой конференции выступило 54 человека, а на второй и третьей — по 90. В соответствии с тематикой, доклады на первой конференции подразделялись на четыре секции (языка, литературы, экономики и истории), а на второй и третьей конференциях — на пять секций (языка; литературы; новейшей истории и экономики; истории международных отношений; истории, археологии и этнографии). Особенно отрядно для нас, этнографов, создание последней секции, фиксирующей значение этнографии и археологии, как полноправной составной части советской скандинавистики.

Мы коснемся здесь лишь тех выступлений, которые представляют интерес для этнографов, причем рассмотрим сначала доклады, представленные на второй, а затем — на третьей конференциях.

К таким докладам можно отнести, например, прочитанный на пленарном заседании второй конференции М. И. Стеблин-Каменским (Ленинград, кафедра скандинавских языков ЛГУ) доклад «О реализме исландских саг». Отметив, что до сих пор учеными лишь определялось место каждой отдельной саги в общем процессе развития исландской литературы раннего средневековья и это затрушевывало в целом отличие этих саг от литературы более поздних столетий, М. И. Стеблин-Каменский предложил обратить внимание на представления самих авторов и их современников об этих сагах. Докладчик указал при этом на древнеисландскую лексику, конкретно — на минимальные семантические структуры, или элементарные противопоставления общего и частного, например: «правда» — «художественная правда», «письменное произведение» — «письменное историческое произведение», «писать» — «сочинять»² и др. Он под-

¹ См. М. Н. Морозова, Научная конференция по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии, «Сов. этнография», 1964, № 2.

² См. «Тезисы докладов второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии», М., 1965, стр. 4.

черкнул, что в этих противопоставлениях только одна посылка — более широкая — могла быть выражена на древнеисландском языке. Однако в приведенном им противопоставлении «писать» — «сочинять» последнее слово имеет отнюдь не узкое, как утверждает автор, а более широкое, общее значение (в противном случае уничтожается, например, такое понятие, как фольклор).

В докладе Л. Р. Серебряного (Москва, Институт географии АН СССР) «Проблема первичного заселения Скандинавии в свете палеогеографических данных» был привлечен широкий комплекс новейших сведений. А. Я. Гуревич (Москва, Институт философии АН СССР) в докладе «Эпоха викингов. Некоторые спорные проблемы истории скандинавских народов периода раннего средневековья» подчеркивал возможности объяснения симптомов глубоких сдвигов в различных областях духовной жизни, в мировоззрении и психике скандинавов эпохи викингов через исследование произведений изобразительного искусства, прежде всего — исполненного силы и динамики «звериного стиля». На эту особенность, синхронную каким-то сдвигам в мировоззрении, психике и духовной жизни скандинавов, обращали внимание скандинавские ученые, в частности выделяющийся норвежский археолог Хокон Шетелиг, еще в первой четверти нашего столетия.

С большими докладами, иллюстрированными диапозитивами или картинами, выступили Г. А. Некрасов (Москва, Институт истории АН СССР) — «Русско-шведские культурные связи в XVIII в.», М. И. Безрукова (Москва, Государственный Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина) — «Шведский скульптор Карл Миллес» и А. Е. Кроль (Ленинград, Эрмитаж) — «Картины скандинавских художников в собраниях Эрмитажа». Опыт исследования демографии шведского города XV в. предприняла в одноименном докладе А. А. Сванидзе (Москва, Институт истории АН СССР). С докладом «Об изучении шведской этнографии учеными Швеции» выступила М. Н. Морозова (Москва, Институт этнографии АН СССР). В докладе Г. И. Анохина (Москва, Институт этнографии АН СССР) «Общинные традиции фарерского крестьянства», основанном на фарерских источниках, были прослежены появление на Фарерах переселенцев из Норвегии, принесших с собой, как основную производственную и общественную ячейку, большую патриархальную семью, возникновение на архипелаге соседских общин и дальнейшая трансформация семейной и соседской общин.

Живой интерес вызвал доклад аспирантки МГУ Е. А. Еремеевой «Скандинавский героический эпос (мотивы и образы волшебной сказки)». Взаимосвязь мотивов и образов волшебной сказки и героического эпоса неоднократно в последние годы привлекала внимание советских фольклористов (В. М. Жирмунский, Е. М. Мелетинский и др.). Однако вопросы, связанные с этой проблемой, решались в основном на материале эпоса тюркских народов, нартского эпоса. Западноевропейские эпические памятники не анализировались, да и установить взаимосвязь со сказочными мотивами и образами в западноевропейском эпосе труднее, так как создавались они народом, стоявшим на более высоком уровне общественного развития. Е. А. Еремеева полагала, что именно это обстоятельство позволяет определить специфику переработки сказочных мотивов и образов в эпические, установить некоторые общие закономерности и выделить основные этапы такой переработки. К сожалению, она не привела фактического материала в поддержку своей концепции о том, что «скандинавский эпос... позволяет исследовать не только процесс переработки отдельных сказочных мотивов и образов в эпические, но и цели введения сказочного материала в эпос»³. Е. А. Еремеева не располагала фактическим материалом и для обоснования существования волшебной сказки и скандинавского эпоса. Но сама-то тема заслуживала пристального внимания и разработки.

Видимо, учитывая это, М. И. Стеблин-Каменский на третьей конференции, работе которой мы посвящаем весь дальнейший обзор, выступил на секции литературы с докладом «Исландская народная сказка», и этот доклад привлек слушателей едва ли не из всех других секций. М. И. Стеблин-Каменский, как он сам подчеркивал, не стремился показать взаимосвязь этого жанра фольклора с другими, а лишь дал фактический материал для характеристики наиболее типичных особенностей, подтверждающих существование исландской народной сказки как фольклорного жанра. До сих пор широкому кругу наших фольклористов не было даже известно, существовала ли исландская народная сказка вообще, поэтому приведенный докладчиком материал очень важен⁴.

Другой доклад М. И. Стеблин-Каменского на этой же конференции — «Исландская топономастика как материал к истории имени собственного» был прочитан на секции языка. Докладчик сообщил, что за тысячу лет исландская антропонимия почти не претерпела никаких изменений и имеет ту же форму, как и в эпоху своего

³ См. «Тезисы докладов Второй научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии», стр. 161.

⁴ См. недавно опубликованный научно-популярный обзор исландской народной сказки в кн.: М. И. Стеблин-Каменский. Культура Исландии, М., 1967.

икновения. Фамилий в Исландии до сих пор нет, а личные имена тоже сохраняют древнюю структуру. Это делает исландскую антропонию удобным материалом для наблюдения изменений в самой сущности имен собственных.

Как бы ответом на другую часть названного доклада Е. А. Еремеевой прозвучал третьей конференции содержательный доклад Е. М. Мелетинского (Москва, Институт мировой литературы им. М. Горького) — «Повествовательные мифологические песни „Эдды“ и ранние формы эпоса». Докладчик видит в указанных песнях «не поздние влияния ученой гномии и героических песен, прежде всего поэзий львов, и баллад, а «ярко выраженную фольклорно-эпическую окраску». Он отметил, «во всех песнях и сказаниях обнаруживается единая структура, которая не является сказочной», что она «в целом показывает большую близость к фольклору, более аическую стилистику мифологических песен, их связь с ритуальной и народной ней»⁵.

С важным докладом «Скандинавистика и историческая социология (постановка роса)» на пленарном заседании третьей конференции выступил А. Я. Гуревич. Сладчик подчеркивал необходимость выработки социологического метода рассмотрения обществ минувших эпох. Хотелось бы все же предостеречь докладчика от устаревшего и неправильного толкования им термина «этнология», как науки о первобытной культуре, т. е. от путаницы целого с частью — этнологии с палеоэтнологией, или палеоэтнографией. То, что термин «этнология» мало употребляется у советских ученых, зато распространен за рубежом, главным образом среди немецких обществоведов, — синоним этнографии «примитивных народов», не дает оснований толковать его, подобно многим буржуазным ученым, иначе, чем этнография в нашем понимании, т. е. о всей традиционной культуре и быте народа на всех этапах его исторического развития, в том числе и о современной жизни, а не только о первобытной культуре.

Горячие споры на секции истории, археологии и этнографии третьей конференции вызвал доклад Г. Ф. Корзухиной (Ленинград, Институт археологии АН СССР) — «Уточнению датировки древнейших слоев Ладоги». Построенный на обычных поэтических материалах, полученных при археологических исследованиях, доклад пролил свет на этнический состав более раннего населения древней Ладоги. Находки (палочка рунической надписью первой половины IX в., курганный могильник с сожженными ладьями, меч, воткнутий в землю подле кальцинированных костей, захоронения и жен и мужчин, и детей), свидетельствуют, по мнению Г. В. Корзухиной, о том, что в в. в Ладоге «норманны были известны и как постоянные ее жители», а не только как пришедшие участники случайных грабительских набегов⁶.

В связи с этим докладом на конференции обсуждался вопрос о норманнской теории, возникли длительные дебаты о необходимости пересмотра многих устаревших сведений и догматических положений, выдвинутых два столетия назад и остающихся барьером для творческой мысли ученого и прежде всего историка, археолога, этнографа, трополога, о важности скорейшего перевода на русский язык и издания капитального исландского источника раннего средневековья — «Королевских саг» Снорри Стурлусона. Игнорирование источников и сведений из них никогда не способствовали прогрессу мысли и науки. А тут, как это ни парадоксально, ни наши историки и археологи, изучающие средневековую Русь, ни даже в большинстве своем отечественные скандинависты до сих пор совершенно не знакомы или мало знакомы с этим выдающимся творением, равным, пожалуй, летописям Нестора и содержащим богатейшие сведения о тесных военных, экономических и родственных связях между Скандинавией (особенно Норвегией) и Русью в раннее средневековье. Теперь к выводу о необходимости перевода и издания в СССР «Королевских саг» пришли делегаты секции истории, археологии и этнографии третьей конференции советских скандинавистов. Много раз о необходимости русского издания «Королевских саг» говорилось и прежде, в частности именно об этом 18 февраля 1965 г. было вынесено решение комиссии этнографии Московского филиала Всесоюзного географического общества.

Внимание делегатов привлекли также доклады М. Н. Морозовой — «Вопросы этнической истории скандинавских народов по материалам крестьянского жилища», А. С. Сванидзе — «К вопросу о формировании шведского бюргерства в XIV — XV вв.», Г. И. Анохина — «К вопросу о национальном движении фарерцев».

Общим было мнение всех делегатов о том, что сейчас возрос научный уровень советской скандинавистики. И хотя круг поднимаемых проблем еще узок, все же прошедшая третья конференция еще более, чем две предыдущие, содействовала развитию деловых контактов между специалистами и способствовала углублению и расширению изучения скандинавских стран и Финляндии. Проведение четвертой очередной конференции советских скандинавистов намечено на июнь 1968 г. в Петрозаводске.

Г. И. Анохин

⁵ См. «Тезисы докладов третьей научной конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии», Тарту, 1966, стр. 176, 177.

⁶ Там же, стр. 62—63.

ПЕРВЫЙ ПРИБАЛТИЙСКИЙ КОЛЛОКВИУМ ЭТНОГРАФОВ

11—17 сентября 1966 г. в Берлине проходил созданный по инициативе Института немецкой этнографии Академии наук ГДР первый прибалтийский коллоквиум. В нем приняли участие семь стран, имеющих выход к Балтийскому морю: ГДР, Дания, Польша, Советский Союз, Финляндия, ФРГ, Швеция. Институт пригласил на коллоквиум 33 ученых, в том числе таких видных этнографов, как проф. Г. Берга (Швеция, музей Скансен), проф. И. Гранлунда (Швеция, Институт этнографии), академик К. Вилкуна (Финляндия), д-ра А. Люнинга (ФРГ, Шлезвиг) и др. В делегацию Советского Союза входили А. Вийрес (Таллин), А. Лутс (Тарту), Г. Стродс и С. Цимерманис (Рига), В. Милос (Вильнюс), Л. Н. Терентьева и Н. В. Шлыгина (Москва).

Организаторы коллоквиума — проф. Вольфганг Штайниц и д-р Райнхольд Пееш предложили в качестве его темы избрать вопросы развития материальной культуры и хозяйства прибрежного населения Прибалтики в XIX в. Заблаговременно разосланная программа предлагала участникам совещания ограничиться в своих докладах рассмотрением следующих вопросов: 1) форма и структура прибрежных поселений, 2) миграция берегового населения, 3) возникновение на побережье специализированных форм ремесла, 4) переход в прибрежной зоне от инвентаря домашнего изготовления к фабричному. Такое ограничение тематики было, несомненно, целесообразным и в значительной мере определило успех коллоквиума, сосредоточив внимание участников на определенных сторонах быта берегового населения.

Впрочем, тематическое ограничение коллоквиума оказалось выдержанным только отчасти. Большинство докладчиков придерживалось тем, предусмотренных программой, но часть выступлений, причем, несомненно, интересных, касались других вопросов. Здесь, конечно, проявилось влияние тематики, над которой докладчики работают в настоящее время.

Из 17 заслушанных докладов значительная часть была посвящена вопросам ремесла.

Р. Пееш осветил роль традиционных ремесел в северонемецких прибрежных районах. Свои теоретические положения он иллюстрировал конкретными данными, привлеченными главным образом из области строительства жилищ и рыболовецких судов. В области строительства жилищ докладчик отметил два фактора (он назвал их «конструктивно-технологическим» и «фенологическим»), влияние которых на технику плотничного ремесла было, по его мнению, определяющим: первый — это ремесло старых ганзейских городов и второй — новшества, которые вносили сами крестьяне, сообразуясь с местными условиями, вследствие чего они получали сравнительно узкое распространение, вызвав тем самым возникновение локальных форм нижненемецкого дома с «халле».

И в технике строительства лодок также можно было отметить два пути распространения их новых типов и технических усовершенствований с одной стороны, через строителей-ремесленников, с другой — через рыбаков. Докладчик привел много новых солидных аргументированных положений о взаимоотношении городского и сельского ремесла, что до сих пор было слабо освещено в литературе. К этому докладу непосредственно примыкал доклад д-ра В. Рудольфа (Берлин), который проанализировал изменения в технике строительства лодок в прибрежных деревнях полуострова Дарс и рыбацких пригородов Росток. В. Рудольф осветил также пути превращения сельских сезонных ремесленников в ремесленников-профессионалов.

А. Люнинг продемонстрировал четыре фильма о народных способах витья веревок и кручения канатов в Шлезвиг-Гольштейнии. Фильмы очень наглядно и детально показали старинные технические приемы. Давая пояснения к ним, Люнинг выразил справедливое мнение, что при съемке этнографических картин одним из основных принципов должен быть полный отказ от всяких инсценировок, чтобы фильм мог действительно считаться надежным документом.

Доклад В. Милоса был посвящен роли сельских ремесленников Литвы в развитии крестьянской культуры в XIX в. Докладчик специально остановился на проблеме многонациональности состава ремесленников Литвы того времени. Роль домашней промышленности и отхожих промыслов в жизни населения западноэстонского архипелага была рассмотрена А. Вийресом. Отхожие промыслы в сочетании с рыболовством и мореходством привели к тому, что мужская часть населения островов была исключительно подвижна. Вследствие этого развивались широкие контакты с другими народами. В то же время женщины островов оставались дома, неся на своих плечах тяготы сельскохозяйственных и домашних работ. О подобном же положении на острове Лаэсе в проливе Каттегат рассказал Б. Стоклунд (Копенгаген). Вопросу мобильности населения северного побережья Эстонии и его контактам с Финляндией был посвящен доклад А. Лутса. Н. Шлыгина («Хозяйственные занятия воды и ижоры и их ассимиляция на рубеже XIX и XX вв.») пришла к выводу, что большая подвижность водско-ижорского населения бывшей Петербургской губернии, вызванная по-

исками дополнительных заработков, привела на рубеже XIX и XX вв. к ускорению процесса слияния воды и ижоры с местным русским населением.

Приморским поселениям был посвящен только один доклад — Л. Терентьевой, построенный на латышском материале. Рассматривая развитие прибрежных деревень Латвии в XIX в., Л. Терентьева особое внимание уделяла влиянию классовой структуры и хозяйственной деятельности населения на форму поселений. В докладе были затронуты и судьбы рыбацких поселений в наши дни, что вызвало большой интерес у слушателей.

Социально-экономическую структуру прибрежных поселений и ее развитие анализировали два докладчика. Акад. А. Вилкуна на обширном фактическом материале описал интересную организацию сезонного поселения рыбаков на острове Калпа (Ботнический залив), просуществовавшего около 300 лет. На острове была установлена своеобразная рыбацкая демократия с выборными властями. Д-р Я. Кухарска (Лодзь) проанализировала социальные изменения, которые произошли за последние 20 лет в кашубской приморской общине Карвиа.

Из других, менее связанных с узкой темой коллоквиума докладов большой интерес вызвал реферат У. Бенцинина (Росток) о так называемой камералистской литературе и крестьянских традициях. Камералисты, разрабатывающие вопросы управления государственным имуществом, вели в конце XVIII в. широкую пропаганду «мекленбургского» плуга. Сравнительный анализ архивных материалов привел Бенцинина к выводу, что камералистская печать значительно преувеличивала степень распространения мекленбургского плуга. В действительности крестьяне совершенствовали сельскохозяйственные орудия сами, не принимая предлагаемых сверху новшеств.

Интересные данные о развитии сельскохозяйственных орудий в Латвии привел в своем докладе Г. Стродс, который показал, что при изготовлении новых форм плугов в Латвии в XIX в. использовались в основном немецкие образцы, поскольку фабричное производство сельскохозяйственных орудий в Германии развилось раньше.

Некоторых частных вопросов о приемах в рыбной ловле и рыболовецкой техники коснулись в своих докладах Г. Трайде (Лейпциг), С. Цимерманис, Л. Малички (Гданьск).

В ходе коллоквиума выявилась близость многих черт экономики, культуры и быта прибрежного населения Балтийского моря в XIX в. Сходство географических условий, жизнь в непосредственной близости к морю, скудость прибрежных почв — все это вело к возникновению сходных форм хозяйства и быта. Параллели, наблюдаемые в культуре разных народов, помогают высчитать истоки и развитие отдельных явлений в быту прибрежного населения. Поэтому контакт ученых различных стран, непосредственный обмен мнениями и новейшими материалами по этнографии народов, живущих на берегах Балтийского моря, представляются в высшей степени плодотворными. Коллоквиум в Берлине с его дружеской и деловой атмосферой был несомненно хорошим начинанием.

В Берлине участники совещания ознакомились с работой Института немецкой этнографии и Этнографического музея. Институт немецкой этнографии, основанный после войны под руководством проф. В. Штайница, является в ГДР центром этнографических и фольклорных исследований и имеет филиалы в Дрездене и Ростке. Работа Института в обеих областях исследований протекает успешно, и он за короткий срок стал одним из самых авторитетных этнографических учреждений в Европе. Им регулярно издается «Ежегодник», а в серии монографий вышло уже 49 работ.

Государственный этнографический музей в связи с коллоквиумом организовал под руководством Р. Мюнх и Э. Карасик специальную выставку традиционной народной техники, на которой демонстрировались сельскохозяйственные орудия, транспортные средства, изделия домашней промышленности и орудия ремесла. Экспонировались преимущественно предметы, собранные в 1964—1966 гг.

На основной экспозиции музея выставлена народная одежда, орудия обработки льна, различные ткацкие и ковроткацкие стачки, дощечки для ткачества и т. п. Широко представлены различные виды народной вышивки — многоцветной вышивки гладью, крестом и так называемой «белой вышивки» — работ разной техники, выполненных белой нитью: филильные работы, мережки, тамбурный шов, шитые иглой кружева — все это богато украшало праздничную, в первую очередь, свадебную одежду. Интересны витрины с традиционной керамикой и современными керамическими изделиями народных мастеров. Этнографический музей, основанный 75 лет назад, был разрушен во время войны и потерял большую часть своих коллекций. В настоящее время он имеет только небольшие помещения в Пергамском музее и устраивает временные экспозиции. Так, в конце 1966 г. вне стен музея была организована выставка игрушки, имевшая большой успех, на 1967 г. планируется выставка сельскохозяйственных орудий. Благодаря самоотверженной работе сотрудников музея за последние годы число экспонатов в фондах музея достигло 10 000 предметов. Среди них преобладают орудия труда и предметы народного искусства.

В программу коллоквиума входила экскурсия в г. Штральзунд и на остров Рюген. Историко-культурный музей в Штральзунде расположен в обширных помещениях бывшего монастыря. В экспозициях значительное место отведено этнографическому материалу. Очень хорошо демонстрируются крестьянские постройки: наряду с прекрасно выполненными моделями старинных домов даются чертежи их горизонтальной планировки и карты с указанием их местонахождения. Выставка демонстрирует несколько комнат с типичной обстановкой рыбацких домов, здесь представлены также орудия труда и предметы крестьянского искусства. Штральзундский музей оставил у участников экскурсии самое благоприятное впечатление.

Экскурсия на остров Рюген, проходившая под руководством д-ра К. Баумгартена (Росток), дала участникам коллоквиума возможность ознакомиться со старой рыбацкой деревней Витт и некоторыми традиционными крестьянскими постройками. Экскурсия в целом была несомненно существенным дополнением к проведенным заседаниям.

Прибалтийский коллоквиум прошел с успехом и остается только пожелать, чтобы его работа была продолжена и встречи на подобных международных заседаниях стали бы систематическими.

Все доклады, заслушанные на коллоквиуме, будут опубликованы отдельным сборником. Издание его принял на себя Институт немецкой этнографии.

А. Вийрес, Н. В. Шлыгина

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ УСТНОЙ ПРОЗЫ

В начале сентября 1966 г. в Либлице под Прагой состоялась конференция Международного общества по изучению народной устной прозы (International Society for Folk Narrative Research).

Это общество существует уже несколько лет, членами его являются ведущие исследователи фольклорной прозы. Возглавляется оно известным исследователем фольклора профессором Куртом Ранке (ФРГ).

Конференция, в которой приняло участие 60 ученых, длилась три дня. Прослушано было двадцать три доклада, в основном посвященных вопросам специфики отдельных жанров устной прозы и ее классификации.

Конференция открылась большим докладом ее председателя К. Ранке, посвященным вопросам классификации народной прозы (Kategorienprobleme der Volksprosa).

Он напомнил о древности народного повествовательного искусства, формы и структуры отдельных видов которого раскрывают идеи, дух его создателя — рассказчика «*homo pauper*». Этим объясняется общность повествовательной формы у народов мира и то, что определение разных видов народной прозы является прежде всего антропологической проблемой. Курт Ранке подчеркнул, что говоря о «*homo pauper*», он имеет в виду не индивидуального рассказчика, а общность всех рассказывающих индивидуумов, обобщенного представителя человечества со всеми его мечтами, снами, страхами и радостями. Проблема этого «*homo pauper*», по мнению докладчика, не индивидуальная и даже не региональная или национальная, а общечеловеческая.

Той же проблеме существа народной прозы в целом и обоснованию ее классификации был посвящен доклад К. В. Чистова (СССР) «Проблема категорий устной народной прозы несказочного характера». Докладчик указал, что в международном масштабе возможна и необходима выработка единых принципов классификации, и вряд ли осуществима единая интернациональная система категорий и терминов. В советской науке господствует убеждение, что основной теоретической категорией фольклористики является жанр, и сложилась классификационная система, как «учение жанре», стремящееся связать в единой концепции исторические, функциональные морфологические особенности фольклорных произведений. Поскольку фольклор — явление полифункциональное и подчеркнуто коммуникативное, определение жанровых категорий должно основываться на учете социально-бытовых функций и в основу классификации должен быть положен характер коммуникации. Основные два вида народной прозы (сказка и несказочные повествования) обычно различаются по тому, верят или не верят исполнители и их слушатели в их содержание. Однако критерий достоверности отнюдь не безусловен. Два основных вида народной прозы (Märchen и Sage) не отличаются внутренней однородностью и являются не жанрами, а группами жанров.

Говоря о внутривидовой классификации сказочной прозы, К. В. Чистов возражал против наблюдающейся у целого ряда исследователей тенденции сужать представление о сказочных жанрах до суеверной былички (*Glaubensfabulat*). Намечая классификацию сказочной прозы, докладчик как общую черту всех ее жанров указал на то, что эстетическая функция в ней вторична, а первична какая-либо практическая, социально-бытовая функция. Для всей этой группы характерна относительно слабая выработанность стилистических средств и то, что форма рассказа (*Fabulat*, *Memorat*, *Sagenbericht*) зависит от реальных условий общения исполнителя со слушателем. В соответствии с хронологической прикреплённостью сказочная проза отчетливо делится на рассказы о прошлом и рассказы о настоящем, среди которых следует отметить и такие, главное событие которых должно произойти в будущем. Поскольку жанры сказочной устной прозы не могут быть выделены по чисто формальным признакам — здесь следует считать жанрами группы рассказов, связанные с определенными системами коллективных представлений, так как именно содержание представлений определяет конкретную прикладную функцию каждой группы. Отдельные жанры сказочной группы формируются на пересечении двух показателей — исторически развивающейся системы представлений и их хронологической приуроченности.

Для практического дела каталогизации сказочных жанров К. В. Чистов намечает следующие моменты: каталог *Sagen* должен быть многожанровым, группировать народные рассказы этого типа следует не по персонажам, а по темам. Внутри отдельных тематических групп должно быть осуществлено членение на предания о прошлом и рассказы о настоящем. Следует в равной мере учитывать и фабулаты, и мемораты, и слухи, и толки, т. е. все виды сказочной прозы.

Общность задачи определяет путь, по которому закономерно идут исследователи многих стран — от предварительных каталогов отдельных тематических групп к национальным, региональным, наконец интернациональным каталогам.

Доклады К. Ранке и К. Чистова наметили основное направление работы конференции. Дальнейшие доклады первого дня были посвящены отдельным теоретическим проблемам, непосредственно связанным с затронутыми в них основными вопросами устной прозы. Особенно большой интерес вызвал доклад швейцарского исследователя Макса Люти о праформе и целенаправленной форме в предании и сказке («*Urform und Zielform in Sage und Märchen*»). Указав на бесплодность исследований, направленных на поиски праформы, Макс Люти сказал, что каждая эпоха, каждый этап развития народной прозы имеет свой характер, свою особую силу высказывания. На анализе отдельных примеров он показал, что отдельным словам, мотивам, группам слов и мотивов свойственны продуктивные качества, которые как бы ждут того, чтоб они были использованы, развиты.

Макс Люти высказал мысль, что настало время отказаться от мифологического истолкования известного положения Якова Гримма о том, что в народном творчестве «все делается само собой». В словах и группах слов, в мотивах и эпизодах, по его мнению, заключается огромное количество возможностей, которые ждут своего осуществления и развития. Целенаправленность формы в процессе бытования как бы исправляет, улучшает, шлифует текст, она контрастна явлениям распада повествования. Целенаправленность формы развивается из зародыша, заложенного либо изначально, либо в переходные формы путем использования в процессе передачи текста языковых или сюжетных возможностей, которые в них заключаются. Мутация эта осуществляется в силу вынужденной необходимости: каждый мотив несет в себе закономерное появление другого. Например, мотив запрета закономерно влечет за собой мотивы нарушения его, наличие братьев — мотив верности или измены, мотив преступления — мести или кару. Характер этой целенаправленности, естественно, определяется временем, культурным уровнем, мировоззрением исполнителей и слушателей: так, мотив преступления в зависимости от этих предпосылок может быть целенаправлен к мотиву возмездия или же прощения.

Целенаправленность, характерная для развития языка или повествования, обнаруживается не только в общей линии их развития, но и в деталях, при этом стиль жанра подвывает целеустремленность слова как такового. Например, если понятие «лес» тянет за собой определение «зеленый», то в сказке, в отличие от песни, это же понятие в силу особенностей жанра тянет за собой определение «темный» или «большой».

Поэтому только социологическое, типологическое или психологическое объяснение полигенеза недостаточно: следует учитывать самодвижение материала, целенаправленность слов, мотивов, тем.

Основным проблемам, возникающим при изучении народной устной прозы, были посвящены и два последующих доклада — директора пражского Института этнографии и фольклористики Я. Р. М. И. Я. «Вариативность и стабильность отдельных жанров народной прозы» и норвежского исследователя Б. Р. Н. Ю. Л. Ф. А. Л. В. Е. Р. «Жанр и функция».

Я. Р. М. И. Я. указал на то, что стабильность и вариативность в равной мере являются основными законами устной традиции. Рассмотрев характер и степень их в разных жанрах, а также воздействие на них таких предпосылок, как личность рассказчика, ауди-

тория, время, актуальность содержания, докладчик пришел к выводу, что сказки относительно стабильнее, чем предания.

Яромир Йех считает, что если в отношении жанров повествовательной прозы в целом можно считать, что степень вариативности уравнивается стабильностью повествования, то соотношение это может быть различным в отношении отдельных тем, структур, сюжетов.

Б. Альвер на ряде примеров показал необходимость учета при определении жанров устной прозы не только самого текста, но в той же мере и того контекста, в котором он произнесен, функцию, которую он выполняет.

В оживленных прениях, которые развернулись после заслушания этих пяти докладов, главным образом указывалась шаткость границ между отдельными жанрами устной прозы и несостоятельность и противоречивость их определений, принятых в науке.

Доклады второго дня были посвящены отдельным жанрам устной прозы: сказкам, преданиям, легендам, шванкам и так называемым периферийным или промежуточным повествованиям.

Известный румынский исследователь Михай Поп говорил о продуктивности и актуальности структурального метода при изучении сказок.

Владислав Становский (Чехословакия) подверг критике существующие системы классификации устной прозы и как единственный целесообразный принцип классификации выдвинул формальный принцип — классификацию по типу композиции. Он указал на плодотворность использования при выработке системы классификации повествовательных жанров современных лингвистических методов.

Исследовательница чешского и словацкого фольклора Вера Гашпарикова показала на материале словацкого фольклора тематическую сложность и стилистическую близость разных прозаических жанров внутри одной национальной традиции.

Заведующий кафедрой фольклора Карлова университета в Праге Карел Дворжак на примере сказки о Рапунцель (АТ 508) показал тесную связь волшебной сказки с преданием.

Известный польский исследователь Юлиан Кржижановский говорил о многообразии употребления термина «легенда», которым обозначаются как религиозные суеверные рассказы, так и исторические предания и разнообразие мистические истории.

Секретарь Общества изучения народной прозы Фриц Харкорт (ФРГ) составил свое выступление сказкам о животных. Указав, что шаткость критериев при определении жанра заставляет усомниться в самом понятии жанра, он попытался доказать, что сказки о животных не являются самостоятельным жанром и вместе с тем не относятся ни к шванку, ни к волшебной сказке, ни к легенде. В заключение доктор Ф. Харкорт предложил как основу классификации устной прозы такие категории, как этиологические рассказы и нравоучительные рассказы (Beispielsvolkserzählungen).

Всегообщее внимание и живой интерес вызвали в этот день доклады, посвященные народной комической прозе, профессора Германа Баузингера (ФРГ) и доктора Зигфрида Неймана (ГДР).

Профессор Баузингер дал характеристику самому существу шванка как жанра и провел морфологический анализ восьми основных его видов. Выделяя шванк как особую повествовательную форму, докладчик четко разграничил его не только со сказками и легендами, но и с анекдотом и остроумием. Проф. Баузингер, исходя из природы комического, подчеркнул диалектическое единство в шванке осуждающей сатиры и всепрошающего юмора, единство, в котором он видит социальную функцию шванка как жанра.

Доктор З. Нейман подчеркнул, что в народной комической прозе, кроме увеселительных функций, кроются психологические, социальные, политические, национальные, эстетические тенденции. Этим определяется многообразие комической прозы, как ее содержания, так и формы, ее многожанровость. Одни из этих жанров в настоящее время угасают, уходят из народного быта, другие, например анекдот или веселый рассказ о каком-нибудь смешном случае, живут. В заключение доктор Нейман указал на необходимость учета при классификации комической устной прозы ее социальной функции.

Второй день работы конференции завершился докладом доктора Либуши Поуровой (Чехословакия), посвященном периферийным жанрам современной народной прозы, и прениями по вопросам жанровой классификации устной прозы.

В третий день работы конференции был заслушан ряд докладов о соотношении отдельных жанров народной прозы, а также о соотношении их с другими жанрами народного творчества и народными знаниями.

Патриарх чешской фольклористики академик Юрий Горак в докладе о соотношениях сказок и легенд показал на примерах легенд о спящем в горе избавителе и сказок о благородном мертвце проникновение в легенду сказочных мотивов и обратный процесс — насыщение традиционной волшебной сказки типично легендарными эпизодами и деталями.

Профессор Ольдрик Сыроватка (Чехословакия) остановился на соотношении народной прозы с балладами. Он убедительно показал большую близость баллады

к преданию, чем к сказке. При этом он показал, что одна и та же тема, один и тот же сюжет, в зависимости от жанра, получает различное поэтическое выражение и различную функцию. Анализ материала привел докладчика к констатации того, что поэтические жанры являются исторически обусловленной и изменяющейся формой.

Норвежский исследователь доктор Отто Блэр говорил о соотношении народных верований и устной прозы, а профессор Вайланд Хэнд (США) — об отражении в сказках народной медицины.

Собираательница и исследовательница венгерского фольклора Агнес Ковач на примере анализа ритмики венгерской сказки говорила о необходимости точной записи народной прозы при помощи современной звукозаписывающей аппаратуры.

Работа конференции завершилась обсуждением докладов, в которых предлагались конкретные системы классификации и завершённые каталоги народной прозы, представленные: Дагмар Климовой (Чехословакия) — о классификации современных преданий, Тони Бриль (Румыния) — о каталоге румынских преданий, выдающимся сказководом Лутцем Рёрихом (ФРГ) и Ингеборг Мюллер (ГДР) — о каталоге немецких преданий о мертвецах.

Конференция Международного общества изучения народной прозы показала, что повсеместно исследователями ведется большая теоретическая и практическая работа по собиранию, изучению и классификации устной прозы, работа, которая может развиваться плодотворно лишь при условии контакта между учеными разных стран, работающими в одной области. Нельзя переоценить значения, которое имели для этой работы состоявшиеся в последние годы конгрессы, конференции, заседания и встречи исследователей устной прозы в Париже, Антверпене, Киле, Будапеште, Афинах, Москве, Ростове, а также публикации докладов, прочитанных и обсужденных при этих встречах.

Доклады, прочитанные на последней конференции, будут опубликованы под редакцией доктора Яромира Йеха, любезного хозяина и организатора конференции в Либлице, в очередном дополнительном томе журнала «Fabula».

Э. В. Померанцева

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ОБЗОР НОВЫХ ИЗДАНИЙ ПО ТАДЖИКСКОМУ ФОЛЬКЛОРУ

За последние годы собран разнообразный по жанрам таджикский фольклор в различных районах Таджикистана и Узбекистана¹. Ежегодные фольклорные экспедиции работают по определенной, четкой программе, собранный материал затем систематизируется, одна часть его в обработанном виде с соответствующими комментариями и научными предисловиями увидела свет², другая же часть хранится и систематизируется по определенному плану в фондах сектора фольклора Института языка и литературы им. Рудаки АН ТаджССР. По фольклорной тематике успешно защищены несколько кандидатских диссертаций (Р. Амонов, В. Асрори, Б. Тилавов, А. Суфиев, Салимов и другие).

В данном обзоре мы остановимся лишь на нескольких изданиях последних лет, несомненно представляющих большой интерес. К такого рода изданиям относятся сборники самаркандского фольклора, том первый — сказки³, том второй — поэтический фольклор, пословицы и поговорки, загадки⁴. Хотя по фольклору г. Самарканда и Самаркандской области раньше и были отдельные публикации, разбросанные в газетах и журналах или изданные небольшими сборниками, однако лишь теперь, благодаря рассматриваемым сборникам, таджикская фольклористика располагает ценными и разнообразными образцами самаркандского фольклора. В первый том включены 43 сказки, которые по традиции разбиты на четыре раздела: волшебные сказки (19), бытовые (9), сказки о животных (также о птицах и насекомых) (7), сатирические сказки (8). К некоторым сказкам даны также и варианты. Ряд сказок, в которых проза перемежается со стихами, представляет особый интерес; аналогичные по форме сказки бытуют и в других районах Таджикистана и Узбекистана. В сборник вошли сказки, распространенные в других вариантах в Дарвазе, Каратегине, Кулябе и в других районах, например популярная сказка о козе и семерых козлятах — «Бузак», «Лаку Пако», «Кайкак» — «Блошка», Бибисанчархотун» — «Госпожа Бибисанджар» и другие. Некоторую часть составляют сказки, нигде ранее не отмеченные. Большой раздел в сборнике отведен так называемым *латифа* — коротким сатирическому рассказу, анекдоту (стр. 211—227). Заключает книгу раздел «Наклу ривоят» — легенды и предания (стр. 231—266). Если учесть, что эти ле-

¹ М. М. Явич, О публикациях таджикского фольклора, «Сов. этнография», 1964, № 6.

² А. З. Розенфельд, Сборники таджикского народного творчества, «Сов. этнография», 1951, № 1; ее же, Новые издания таджикского фольклора, «Сов. этнография», 1957, № 4; Б. Т. Тилавов, Новые публикации таджикских пословиц и поговорок, «Ученые записки ЛГУ, серия востоковедческих наук», вып. 16, № 306, Л., 1962; М. М. Явич, Указ. раб.

³ Афсонаҳои Самарқанд, ҷилди, якӯм, тартибдиҳанда Баҳром Шермуҳаммадов, ба ҷоп тайёркунандагони материали фольклори Ф. Зеҳниеваза Б. Шермуҳаммадов. Муҳарири масъул Бозор Тилавов, Душанбе, 1954, 271 стр. (Самаркандские сказки, часть первая, составитель Б. Шермухаммедов. К изданию фольклорный материал подготовили Ф. З. Зеҳниева и Б. Шермухаммедов, ответственный редактор Б. Тилавов).

⁴ Таронаҳои Самарқанд, ҷилди дуйӯм, ба ҷоп тайёркунанда Баҳром Шермуҳаммадов, дар ниҳтиҳоб ва тартиб додани материали фольклори ширкат намуздани Б. Шермуҳаммадов, М. Миркамолова ва Ф. Зеҳниева, Муҳарири масъул Бозор Тилавов, Душанбе, 1966, 340 стр. (Самаркандские песни. К печати подготовил Б. Шермухаммедов, в подборе и составлении принял участие Б. Шермухаммедов, М. Миркамолова, Ф. Зеҳниева, ответственный редактор Б. Тилавов).

генды и предания посвящены историческим личностям, жизнь которых была тесно связана с историей самого Самарканда, — Александру Македонскому, Тимуру, Улугбеку, Абу Али Сино (Авиценне), великим поэтам прошлого — Убейду Закани, Джами, более поздним — Топрулу и другим, то станет ясно, насколько это ценный и интересный материал.

Сборнику предшествует содержательное предисловие Б. Шермухаммедова, в котором приводятся важнейшие библиографические сведения по самаркандскому фольклору. Указаны районы, где собирался материал. Особое место отводится наиболее видным знатокам и исполнителям сказок и их репертуару. Автор делит сказителей на две группы: неграмотные и малограмотные и учившиеся в старых дореволюционных медресе и в советских школах; на репертуар последних и на их язык заметное влияние оказала письменная литература и старые, рукописные сборники сказок. Далее автор кратко останавливается на содержании сказок и на самом термине «сказка». Он указывает, что общетаджикскому термину *афсона* в Самарканде соответствует *матал*, *суг*, *сег*, *қисса*, *хикоя*, *достон*, а в районах со смешанным таджикско-узбекским населением распространен узбекский термин *эртақ*. Вследствие большой диалектальной раздробленности таджикского языка вопрос терминологии в фольклористике имеет первостепенное значение и хотелось бы рекомендовать таджикским фольклористам специально заняться этим вопросом, а может быть даже издать словарь фольклорных терминов с учетом их диалектного разнообразия. В предисловии Б. Шермухаммедов очень кратко останавливается на языковых особенностях сказок, отсылая интересующихся к соответствующим исследованиям по самаркандским и бухарским говорам таджикского языка. По мере возможности в публикациях сохраняются диалектальные особенности записей, в конце каждого раздела даны объяснения местных слов (в том числе и узбекских), географических названий и собственных имен. В конце книги приложен подробный список лиц, у которых были записаны сказки, и список лиц, производивших записи. В этой связи хотелось бы заметить, что при таких подробных данных вряд ли была необходимость в самом тексте при каждой сказке указывать лицо, от которого она была записана. В то же время отсутствует список кварталов г. Самарканда и населенных пунктов, где производились записи, составитель не уделил внимания и биографии самих сказок и их распространенности как в пределах Таджикистана, так и в фольклоре других народов, что является одним из главных недостатков этого ценного издания.

Второй том самаркандского фольклора посвящен поэтическим образцам. Название его гораздо уже содержания. Сборник делится на следующие разделы: песни, рубайи, дубайти (двустушия); современный фольклор и произведения местных поэтов, пословицы и поговорки, загадки; комментарий. Первый раздел разбит по следующим темам: любовь, верность, разлука, ревность; жалобы на бедность; труд; природа и люди (веснянки и др.); свадебные песни; колыбельные песни; детские игровые песни, считалки; сатирические песни; траурные. Так же тематически делится и раздел четверостиший (рубайи, дубайти, байғо). По темам развиты и 569 пословиц и поговорок, включенных в сборник. К сожалению, отсутствует алфавитный указатель к пословицам и поговоркам, что же касается тематических групп, по которым объединен материал, то в некоторых случаях они представляют довольно субъективными. К тому же как в первом томе, так и во втором в комментариях не уделяется внимания сравнительному материалу, хотя в Таджикистане издано большое число сборников пословиц и поговорок, по которым можно было бы слить самаркандский материал и выделить местный слой. В последний раздел входят загадки. Хотя в конце дается обширный комментарий ко всем разделам, все же следует отметить, что научный аппарат недостаточно продуман. Неэкономное, многократное упоминание информаторов и сказителей загромождает книгу, как уже говорилось, отсутствует сравнительный материал.

Оба сборника иллюстрированы фотографиями сказителей и различных эпизодов полевой работы фольклорных экспедиций.

В целом оба сборника, посвященные самаркандскому фольклору, несмотря на отдельные промахи, являются серьезным вкладом в таджикскую фольклористику и значительно расширяют наши знания о таджикском фольклоре вообще и о самаркандском, в частности.

* * *

Намного скромнее по внешнему виду, по объему, по охвату материала сборник песен и четверостиший Бадахшана⁵. В книгу включены 303 произведения народного творчества на таджикском языке, главным образом четверостишия (рубайи). Особый интерес представляют свадебные песни (стр. 81—100), часть из которых публикует-

⁵ Рубонёт ва сурудҳои халқии Бадахшон. Чамъкунанда ва тартибдиҳанда (собираатель и составитель Нисор Шакармухаммадов, редактор Р. Амонов, Душанбе, 1965, 116 стр.).

ся впервые. Как говорилось выше, в настоящее время издано большое число образцов таджикского песенного творчества по различным районам, благодаря чему у собирателей и издателей фольклора имеются широкие возможности для всякого рода сопоставлений, обобщений и выявления местных особенностей. Что же касается рассматриваемого сборника, то его издатель Н. Шакармухаммедов даже не пытается поставить перед собой подобную задачу. В предисловии лишь в общей форме говорится о сходстве бадахшанского фольклора с фольклором других областей — Каратегина, Дарваза, Куляба, Зеравшанской долины. Нигде большие составитель не привлекает сравнительный материал. В этом же предисловии автор указывает, что наряду с чисто народными произведениями в Бадахшане исполняются стихи классических и местных поэтов. В предисловии также приводятся важнейшие библиографические сведения по изданиям бадахшанского фольклора. Вместе с тем в предисловии содержатся неточности и ошибки и в цитировании литературы, в передаче фамилий, в частности, останавливаясь на историческом прошлом Бадахшана, т. Шакармухаммедов ссылается лишь на научно-популярную работу ботаника О. Е. Агаханяна, хотя существуют фундаментальные труды по этому району; в число старых авторов XIX в. он зачисляет ныне успешно работающего историка и археолога Средней Азии А. М. Мандельштама и т. п. В конце книги крайне неэкономно, на девяти страницах убористым шрифтом напечатаны сведения о всех лицах, от которых записаны материалы, причем этой части справочного материала, видимо, придается особо важное значение. Возможно, что подобные сведения и имеют смысл, если речь идет о популярном народном певце, знатоке и исполнителе многочисленных произведений, но вряд ли это оправдано, когда от данного лица записано одно или два четверостишия, а таких лиц в списке большинство.

В Бадахшане на свадьбах обычно исполняется поэтическая версия широко известной поэмы «Юсуф и Зулейха», однако по неизвестным причинам ни один из местных вариантов в сборник не включен, хотя эти местные варианты, несомненно, заслуживают опубликования и дальнейшего сравнительного анализа с одноименными произведениями Фирдоуси, Низами и других классических и более поздних поэтов.

Укажем еще на то, что при публикации материалов бадахшанского фольклора необходимо более четко, чем это сделано в предисловии, разграничивать фольклор, исполняемый на таджикском языке и на различных памирских языках. Если в прозаическом фольклоре будет много общего (по содержанию, по жанрам и т. п.), хотя этот вопрос требует специального и серьезного исследования, то поэтический фольклор, исполняемый на таджикском языке, более или менее однороден по всему Бадахшану, а на местных памирских языках он обнаруживает разнообразие форм и особенностей. Укажем лишь на такие специфические формы лирики, как «даргиль-моды» и «даргилик» у шугнанцев и рушанцев, как «былбылик» у ваханцев.

Несомненным достоинством рассматриваемого сборника является публикация нового и свежего материала.

* * *

В самом конце 1965 г. вышла книга Я. И. Калонтарова «Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими» с предисловием составителя на русском языке (стр. 5—30)⁶. В конце книги приводятся краткие сведения о восточных авторах, из сочинений которых взяты материалы, краткие сведения о русских авторах; список использованной литературы на таджикском и русском языках (откуда извлечены пословицы и поговорки). Как указано в краткой аннотации к книге, «данная работа — первый опыт в сравнительной систематизации таджикских и близких им по смыслу русских пословиц и поговорок». Я. И. Калонтаров поставил перед собой задачу дать пособие для перевода русской литературы на таджикский язык и таджикской литературы — на русский. Автор стоит на правильных научных позициях и учитывает накопленный теоретический и практический опыт советской переводческой школы. Известно, какие трудности стоят перед переводчиком при передаче пословицы, поговорки, идеоматического выражения с одного языка на другой. Автор рассматривает существующие принципы перевода: буквальный перевод, расширительное толкование или смысловой перевод, транслитерация пословицы или поговорки на чужом языке без перевода, наконец, передача с помощью адекватного эквивалента. Эти положения иллюстрируются примерами. Я. И. Калонтаров прав, когда пишет: «Многие русские пословицы и поговорки имеют прекрасные таджикские соответствия» (стр. 21) и подтверждает это примерами: русскому «В огороде бузина, а в Киеве дядька» в таджикском вполне адекватно «Ман тут гӯям, ту — бед» (я говорю шелковица, а ты — ива), или русское «Пеший конному не товарищ» полностью соответствует таджик-

⁶ Параллельный титул дан на таджикском языке: Я. И. Калонтаров, Зарбулмасал ва мақолҳои тоҷики ва аналогияи русии онҳо, изд-во «Ирфон», Душанбе, 584 стр.

скому «Савора аз ҳоли пиёда чи хабар дорад?» (что разумеет конный о пешем?). Конечно, пишет автор, далеко не всякая пословица может быть передана адекватно на другом языке. Исходя из сказанного, Я. И. Калонтаров делит весь материал на две группы: прямые эквиваленты, т. е. пословицы, совпадающие не только по содержанию, но и по построению и образному оформлению, при этом в ряде случаев и лексика таких пословиц и поговорок в обоих языках совпадает: «Сукут — аломати ризо» — «Молчание — знак согласия», «Ак-аки сагро бод мебарад» — «Собака лает — ветер уносит». Ко второй группе составитель относит пословицы и поговорки, адекватные по общему смыслу, но отличные по способу образования и по лексике, при этом он предостерегает от «ложных эквивалентов» и рекомендует переводчикам более осмотрительно относиться к передаче реалий и явлений, характеризующих чисто национальные особенности пословицы, и в некоторых случаях прибегать к необходимым комментариям.

Составитель сборника собрал около пяти тысяч русских и таджикских пословиц и поговорок, опубликованных в печати. Книга разбита на две части. Остановимся подробнее на первой части. Сюда включены в алфавитном порядке 685 пословиц и поговорок с русскими эквивалентами. Таджикская пословица выделена жирным шрифтом, затем следует буквальный русский перевод, набранный курсивом, далее прямым шрифтом даны другие таджикские пословицы, близкие по смыслу к заглавной, в конце за словом «аналогия» приводится русский эквивалент. Включенные здесь в каждой статье таджикские пословицы даны также в соответствующем месте алфавита под своим номером. В целях экономии составитель часто прибегает к перекрестным ссылкам.

Конечно, подбор аналогий, эквивалентов пословиц и поговорок на другом языке, подбор русских эквивалентов для таджикских пословиц и поговорок — довольно сложное дело. Мы здесь не будем приводить примеры удачных аналогий, так как в книге их содержится значительное количество. Вместе с тем нельзя не отметить, что в некоторых случаях русские аналогии представляются далеко не безупречными, а иногда и просто неверными. Так, под № 23 объединены две группы различных по смыслу поговорок: одни с русскими аналогиями посвящены тому, что не следует преуменьшать силу врага: «Агар шикори рубох рави, барои шер аслиҳа гир» — «Если собираешься охотиться на лису, бери с собой оружие на льва», русская аналогия: «Если враг кажется мышью, смотри на него как на льва», другие же поговорки под этим же номером, говорят вообще о вреде, который может принести один лишь недоброжелатель: «Ҳазор дӯст кам аст, як душман бисёр» — «Тысячи друзей мало, одного врага достаточно», русская аналогия: «Тысяча друзей — мало, один враг — много». Эти две группы не следовало объединять под одним номером. Приведем еще один пример, число которых можно значительно умножить: под № 175 приведена поговорка «Баъд аз ид Ҳино» — «После праздника — хна», русская аналогия: «После драки кулаками не машут» и ряд других. Однако русская поговорка, приведенная здесь, «Как мертвому припарки» никакого отношения не имеет к этой словарной статье, в то же время часть материала, помещенного под № 176, должна была быть включена именно сюда. В ряде случаев вызывают возражение русские аналогии. Под № 167 приведена поговорка «Баҷаи бисёр — ҳузури ҷон» — «Много детей — радость жизни», в виде аналогий дано крылатое русское выражение «Дети — цветы (нашей) жизни», принадлежащее, как известно, А. М. Горькому и здесь совершенно неуместное. В этой группе отсутствуют многие другие таджикские поговорки на эту же тему, например: «Хонаи бечача — ғамхона» — «Дом без детей — дом печали», или широко распространенная по всей Средней Азии поговорка «Дети в доме — базар, детей нет — мазар» и ряд других. Сказанное выше свидетельствует о том, что при подборе аналогий на другом языке следует проявлять большую осторожность.

В конце книги приводится полный алфавитный список цитированных русских пословиц и поговорок со ссылкой на номер таджикской пословицы, помещенной в книге.

Вторая часть озаглавлена «Изречения и афоризмы» («Панд ва ҳикматҳо»). Здесь (стр. 351—413) также в алфавитном порядке по первой букве расположены 144 разного рода изречения-цитаты из произведений классических авторов — Рудаки, Фирдоуси, Саади, Атгара, Низами и многих других. Все изречения расположены под общей с пословицами нумерацией и часто дается ссылка на пословицы и поговорки, включенные в первую часть. Иногда после того или иного изречения в виде аналогии приводится русская пословица или поговорка.

Весь второй раздел в рецензируемой книге представляется как бы инородным телом, особенное недоумение вызывает подгонка русских пословиц под то или иное изречение или цитату. Следует очень четко различать крылатое слово, изречение, афоризм, тем более документированные, принадлежащие определенному автору, от народной пословицы и поговорки. Другое дело — слезать эти афоризмы понятными, доступными широкому читателю, объяснить их, прокомментировать и т. п. Наличие этого раздела в данной книге тем более неуместно, что этот сборник адресован переводчикам. Если быть последовательным, то переводчик с таджикского должен будет, встретив, например, в

виде цитаты следующее высказывание Фирдоуси «Мард бояд, ки харосон нашава Мушкиле нест, ки осон нашавад», передать его, как рекомендует Я. И. Калонтаро русской поговоркой «Перемелется — мука будет» или какой-нибудь другой, вместо перевода «Мужественный человек не должен пугаться, нет такой трудности, которой нельзя было бы преодолеть». Нам представляется, что подобная постановка вопроса в принципе неверна.

Рассмотренными четырьмя сборниками не исчерпываются публикации фольклора в Таджикистане, однако и эти сборники дают достаточное представление о той работе, которая ведется в Таджикской ССР в области изучения и разработки народного творчества таджиков. За последние годы в литературном журнале «Садои шарқ», газетах «Маориф ва маданият», «Тоҷикистони советӣ» напечатаны многочисленные статьи и материалы по фольклору, много издается научных и популярных сборников привлекающих внимание самых широких читательских кругов.

А. З. Розенфельд

НАРОДЫ СССР

А. П. Дульзон. *Кетские сказки*. Томск, 1966.

Кетский фольклор долгое время оставался вне поля зрения исследователей. Причиной тому было отсутствие сколько-нибудь значительных публикаций. Небольшое количество кетских текстов было опубликовано только как материал для изучения языка¹. В настоящее время положение в этой области коренным образом изменилось благодаря очень интенсивной деятельности известного исследователя языка кетов А. П. Дульзона.

Изучением кетского языка А. П. Дульзон занимается с 1940-х годов. В результате многолетней полевой работы среди всех групп кетов А. П. Дульзон и участники руководимых им экспедиций собрали обширный материал, в том числе и фольклорные тексты, как записанные на магнитофон, так и в фонетической транскрипции. Часть их была опубликована (как материал к исследованию кетского языка) в «Ученых записках» Томского педагогического института (т. 20, вып. 2, 1962; т. 21, вып. 1, 1964); а также в виде приложения к первой части монографии А. П. Дульзона «Очерки по грамматике кетского языка» (Томск, 1964). Наконец, в 1966 г. вышла книга кетских сказок.

Книга открывается обстоятельной вводной статьей Я. Р. Кошелева. Автор статьи разделяет опубликованные тексты в зависимости от содержания на волшебные сказки, сказки о животных, космологические, военные, бытовые и дает краткую характеристику каждого вида. Я. Р. Кошелев ставит интересный вопрос о разновременности сюжетов кетских сказок, о фольклорном обмене и проникновении в кетский эпос мотивов русских и селькупских сказок.

В сборник включены 53 сказки, восемь из них — селькупские (записаны в Томской области), но близкие кетским. Некоторые из сказок являются вариантами ранее опубликованных, но в основном это новые тексты. Все они даны в фонетической транскрипции, с дословным (без литературной обработки) русским переводом.

¹ Несколько текстов были записаны в 1911—1912 гг. К. Доннером, большинство из них (5 сказок и 34 загадки) опубликованы в недавнее время. А. И. Йоки (Ketica. Materialien aus dem Ketischen oder Jenisseiostjakischen. Aufgezeichnet von Kai Donner. Bearbeitet und herausgegeben von A. I. Ioki, Memoires de la Société finno-ougrienne, 108, Helsinki, 1955; Ketica, Supplement, Helsinki, 1958). Йоки включил в эту работу (1958) также два варианта кетской сказки, записанные Х. Финдейзеном (1927—1928). Н. К. Каргер опубликовал текст кетской сказки в качестве приложения к своей лингвистической работе (Н. К. Каргер, Кетский язык, в кн. Языки и письменность народов Севера, ч. III, 1934), другой его текст еще ранее был включен в статью В. Г. Богораза (В. Г. Богораз, Кастрен как исследователь палеоазиатов, Сборник памяти Кастрена, Л., 1927). Пересказы кетских мифов имеются в работе В. И. Анучина (В. И. Анучин, Очерк шаманства у енисейских остяков, Сборник Музея антропологии и этнографии, II, вып. 2, СПб., 1914). Несколько русских переводов кетских сказок (собиратели Е. Д. Прокофьева, Г. М. Корсаков, Е. А. Алексеенко) включены в сборник «Сказки народов Севера», М.—Л., 1959.

Наиболее широко представлены волшебные сказки. Среди них чаще всего встречается сюжет борьбы людей со злыми силами (Колбасам, Дотот). Сказки обычно кончаются победой доброго начала — человека («Кетская женщина с Колбасам жила», «Колбасам», «Сказка о старике Дототе» и др.). Для волшебных сказок характерны приемы повторения (в частности, троекратность ситуации), в них действуют различные бытовые предметы, звери, птицы, рыбы. В сборнике приведено и несколько сказок о животных, в которых люди не участвуют («Заяц», «Лисица»). Наиболее распространенными персонажами сказок о животных являются медведь, лиса, заяц, белка, мыши и т. д. В сказках животные живут по образу человека, разговаривают друг с другом и с людьми. В бытовых сказках героями являются обычные люди, фантастический элемент в них почти отсутствует. Чаще всего эти сказки поучительного («Безрукая женщина», «Старик Осмояка») или сатирического характера («Филин»). Сказки, повествующие о военных столкновениях с юраками (ненцами), эвенками, в кетском фольклоре выступают в двух вариантах. Героями одних являются легендарные богатыри (Бальна с братьями и др.); этим сказкам присущи такие художественные особенности, как гиперболизация, повторение («Рассказ о пяти богатырях»). Сказки другого варианта близки к бытовым. Главными действующими лицами в них являются не легендарные богатыри, а обычные люди — муж, мстящий врагу за уведенную жену («Сказка о жене кетского мужика»), хитроумный старик, обманувший юраков («Рассказ о старике с заячьей паркой»). По-видимому, именно эти сказки более всего несут в себе черты исторической действительности (столкновение кетов с ненцами, энцами, эвенками при продвижении на территорию современного расселения).

Заключает книгу объяснение принятой транскрипции, список информаторов (разновозрастный состав их свидетельствует о сохранении большой роли фольклора в современной культуре народа), а также несколько фотографий с видами кетских стоянок, портреты сказителей.

Публикация кетского фольклора, осуществленная А. П. Дульзоном, имеет первостепенное значение. Лингвисты получают новый обширный первоисточник для дальнейшего исследования кетского языка. Становится возможным также самостоятельное изучение фольклора, выявление его особенностей, определение его видов и жанров, а также места среди устного творчества других народов.

Большую ценность представляет работа А. П. Дульзона для историко-этнографического изучения кетов. В устном народном творчестве отражается реальная действительность, специфика хозяйственно-бытового уклада, социальной жизни, идеологии. Обращают на себя внимание такие особенности, как важное значение зимнего рыболовства, высокая техника кузнечного дела (железные луки и железные одеяния воинов), изготовление глиняной посуды, использование дымового отверстия жилища для выхода. Выявляются и некоторые неизвестные стороны общественной жизни, в частности семейно-брачных отношений (многоженство, древние магические действия при заключении брака вместо свадебного обряда, известного из этнографии), погребение умерших путем сожжения и др. Фольклорные данные не только дополняют и подтверждают имеющиеся этнографические материалы, но в ряде случаев выступают единственным свидетельством явлений, не зафиксированных этнографией. Кетский фольклор как исторический и этнографический источник требует специального исследования.

Большой исторический интерес может представить сравнительное изучение фольклора кетов и других народов как соседей, так и жителей отдаленных территорий.

Сказки у кетов исполняются как в повествовательной, так и в песенной форме, иногда поется часть произведения. Обширные магнитофонные записи, сделанные А. П. Дульзоном, являются богатейшим материалом для изучения кетского музыкального строя, что также очень интересно в этногенетическом плане.

Все эти обстоятельства делают новую публикацию А. П. Дульзона очень важным источником для изучения прошлого кетов. Жаль только, что эта книга, которая, несомненно, вызовет широкий интерес не только советской, но и зарубежной научной общественности, издана ничтожным тиражом — 500 экз. Книгу А. П. Дульзона, вышедшую в Томске, уже теперь трудно достать; нет сомнений, что через год она станет библиографической редкостью. Учитывая большой интерес к кетской проблеме, было бы крайне желательно быстрее переиздание книги А. П. Дульзона с включением в нее всех материалов, опубликованных им ранее.

Е. А. Алексеенко

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

«Ethnologia Europaea», vol. 1, 1967, № 1, Paris.

Все более ощущается в последние годы потребность в обсуждении теоретических вопросов этнографической науки — особенно тех, которые касаются изучения народов промышленно развитых стран (Европа, Северная Америка). Здесь многое остается неясным, вплоть до самого общего вопроса о том, могут ли и должны ли народы указанных стран (французы, англичане, североамериканцы, русские и др.) изучаться той же самой этнографической наукой, которая изучает, например, народы Африки или Полинезии, или же это совсем иная область, не подлежащая этнографической науке?

Для обсуждения этого и других подобных вопросов инициативная группа европейских этнографов во главе с заслуженным шведским ученым профессором Сигурдом Эриксоном организовала небольшое международное совещание-симпозиум. Он происходил в начале сентября 1966 г. в Хэссельбю — предместье Стокгольма. В симпозиуме приняли участие 27 ученых из 13 стран, в том числе из трех социалистических государств.

При всех разногласиях, которые неизбежно должны были проявиться при этой первой встрече европейских этнографов «на теоретическом уровне», обнаружилось единство мнений по весьма существенному вопросу: о необходимости международного сотрудничества, о пользе международных встреч и дискуссий, о желательности совместных научных предприятий. Что касается принципиальной, теоретической платформы, на которой мыслится такое сотрудничество, то она пока довольно расплывчата, но во всяком случае участники симпозиума стоят на антирасистских, антинационалистических, антиколониалистских позициях — это люди прогрессивного образа мысли, хотя в большинстве и не марксисты.

Именно принципиальные, методологические вопросы и нашли отражение в статьях, опубликованных в № 1 журнала «Ethnologia Europaea». Кстати, решение приступить к изданию этого нового журнала было принято на симпозиуме в Хэссельбю; сами же статьи — это представленные на нем доклады. Очень полезно ознакомиться вкратце с их содержанием.

Журнал открывается статьей С. Эриксона «Европейская этнология в наше время». Указав вначале на характерное отличие этнографической («этнологической»), но принятой в журнале терминологии науки в европейских странах от американской (в США обычно объединяются в рамках одного университетского преподавания «этнология», физическая антропология, лингвистика, социология, археология и пр., а в европейских странах эти дисциплины разделены) и коротко напомнив о первых шагах этнографии в Скандинавии, Эриксон отмечает, что этнографическое изучение Европы как единого целого в систематической форме пока еще отсутствует; единственное исключение — книга Артура Хаберланда «Die volkstümliche Kultur Europas» — может считаться скорее лишь введением к такому изучению. Однако потребность в систематическом исследовании и в международном сотрудничестве в этой области велика. Она проявилась в создании «СИАР» (Comité International des arts et traditions populaires) после первой мировой войны и особенно в решениях, принятых участниками VII Международного конгресса этнографических и антропологических наук в 1964 г. в Москве.

Европа, — продолжает Эриксон, — несколько своеобразный предмет этнологического изучения. В Европе очень мало сохранилось пережитков примитивных форм культуры, зато здесь налицо богатая историческая традиция, длительное влияние культурных центров. Здесь перед этнографами стоят особо сложные задачи. Многое может помешать европейская этнология от общей этнологии — автор ссылается на изданный в 1960 г. О. Хюльткранцем «Международный лексикон этнологических понятий», напоминает о важности разработки методики полевой работы, интервью, составления вопросников и пр.

Главная часть статьи Эриксона — разбор основных понятий этнологической науки; но здесь, наряду с некоторыми интересными мыслями, читатель замечает существенные недомолвки и явные пробелы. Всю область этнографии автор склонен разделить на четыре главных объекта: изучение быта (буквально «жизни», life, folklife), общества, культуры и индивида. Самое это разделение, конечно, очень спорно; при этом определение перечисленных понятий не всегда четко. Под бытом (folklife) автор разумет «ту часть жизни, которая порождается социальной передачей и контактом» (стр. 7); но какая же часть «жизни», — спросит читатель, — не связана ни с социальной передачей, ни с контактом? Переходя к понятию «культуры», Эриксон высказывает о ней, в форме некоторых афоризмов, правильные в общем мысли, но они не заменяют точного определения. «Культура была создана человеком»; «культура... есть нечто материальное, умственное и социальное»; «это есть идеи, символы и техника»; «это есть орудия, и продукт, и способность к работе, лежащая между тем и другим»; «это есть обычаи и праздники»; «это есть мода и форма»; «культура должна поддерживаться трудом, а иногда и борьбой», и т. д. (стр. 7—8). Все это верно, но эти высказывания

затрагивают лишь отдельные явления культуры и не заменяют рассмотрения этих явлений с точки зрения их взаимосвязи, истории, социального опосредствования, перспектив их развития.

Далее — понятие «общества». Здесь представляют интерес соображения Эриксона о разных объемах социальных групп, как бы концентрически вписанных одна в другую. В английском языке различаются понятия *society* и *community*, в немецком — *Gesellschaft* и *Gemeinschaft*. Человек живет не в абстрактном «обществе», а в какой-то определенной общественной группе, кружке, общине, районе (*agea*). Это как бы «группы в группе». По мнению Эриксона, элементарная и древнейшая из таких групп — это семья, которая в своих первоначальных формах «древнее самой культуры» и в зародыше встречается и у животных (стр. 9). С такой мыслью автора едва ли можно согласиться.

Соображения Эриксона о «человеке», или индивиде, как предмете этнологического изучения несколько неопределенны. Человек — творческая сила; мемуары, дневники, конторские книги — источники этнографического изучения, все это бесспорно. Изучение современной жизни, полагает Эриксон, целиком невозможно, ибо она слишком сложна, но можно выбрать ограниченный период для исследования... Статья кончается пожеланием, чтобы этнология в каком-то смысле суммировала выводы смежных наук, и чтобы международное сотрудничество выразилось, между прочим, в изучении аналогичных объектов в разных странах по согласованной программе.

Несколько странно, что в этой «установочной» статье Эриксон, перечисляя основные понятия и объекты этнологической науки, ни словом не коснулся понятия «народ», или «этническая общность». Случаен ли такой пропуск?

Статья Альберто Чирезе (Рим) в известном смысле примыкает к статье Эриксона, но она более углубленна и систематична. Употребляемые в ней понятия и термины несколько сложные, и даже сам заголовок статьи — «*Altérité et dénivellement culturels dans les sociétés dites supérieures*» — с трудом поддается переводу. «*Altérité*» — что-то вроде «инакости», т. е. нечто иное, другое, не то; «*dénivellement*» — как бы смешение уровня.

Статья А. Чирезе направлена прежде всего против романтической и внеисторической трактовки понятия «народ» и близких к нему понятий «народная душа», «творческие силы народа» и пр. Подобных «благородных иллюзий» и «мифов» теперь никто, по мнению автора, уже не разделяет (стр. 14); но надо решительно отделяться даже от остатков старых взглядов, которые колебались между преклонением перед народом и пренебрежением к нему (стр. 15). Что же является подлинным предметом и целью этнографического исследования, если не романтический и вневременный «народ»? Как определить теоретически этот предмет и эту цель, если не удовлетворяться чисто эмпирическим подбором кусочков и остатков из литературоведения, истории религии и пр.? Подлинный предмет этнографии и, в частности, европейской этнографии — это, по мнению А. Чирезе, множественность культур внутри нашего собственного общества, нашей цивилизации. Разные странные и любопытные обычаи, «суеверия» и т. п., которые прежде сурово осуждались церковью, а в просвещенных людях вызывали насмешки и пренебрежение, теперь стали предметом научного исследования. Они стали этим предметом с тех пор, как Тэйлор ввел в науку понятие «пережиток». Явления, которые прежде вызывали лишь отрицательную оценку, становятся объектом исторического исследования, ценным источником познания истории людей. «То, что было предосудительным заблуждением, а потому „невежеством“, „варварством“, одним словом „некультурностью“, становится, напротив, „культурой“» (стр. 18). А это, в свою очередь, должно было нанести удар «европейскому этноцентризму» идее «культурной исключительности» господствующих обществ перед лицом «примитивных». Оказалось, что в нашей собственной среде есть явления, аналогичные этим «примитивам». Обнаружилась множественность и «инакость» культур внутри нашей собственной цивилизации (стр. 19).

И вот большая часть статьи Альберто Чирезе и посвящена рассмотрению этой «инакости» (*altérité*), или «смещению уровня» (*dénivellement*) культуры. В этих явлениях автор и видит главный предмет этнографии — по крайней мере этнографии европейских народов. Они тесно связаны с классовыми различиями и сложностью самого состава культур.

В качестве конкретного примера он приводит погребальные плачи — обычай, хорошо известный от гомеровских до наших времен. «Если послушать», — говорит А. Чирезе, — в Сардинии это пение (погребальный плач.— С. Т.) в три-четыре голоса, то это перевернет вверх дном все привычные слуховые представления слушателя с материка: до такой степени все это непохоже на сдержанный, чинный траур «образованных» классов общества. Такие вещи принято называть «язычеством», «варварством», «дикостью» (стр. 20). И подобные контрасты, говорит автор, видны постоянно: север — юг (Италии.— С. Т.), город — деревня, центр — периферия, элита — народные массы. Конечно, есть и множество промежуточных ступенек. Но вот этот-то «иной» культурный уровень в нашем собственном обществе и есть, по Чирезе, объект этнографического исследования.

Каков же критерий, позволяющий отличить эту «иную» культуру от нашей общей культуры? Этим критерием, по автору, служит *место*, занимаемое данным явлением

в общей жизни народа или страны: узаконено ли оно официально или нет, составляет ли общее или местное явление. Например, те же погребальные плачи в гомеровской Греции были общенародным и как бы официальным делом, а такие же плачи в телегрешней Южной Италии или Сардинии — дело местное, частное, не одобряемое обществом в целом (стр. 22).

Возвращаясь после этих замечаний к понятию «народ», А. Чирезе считает возможным употреблять его не в романтическом, а в строго научном смысле, как исторически складывающуюся совокупность классов, групп, подгрупп и индивидов — носителей «иногo уровня» культуры. В таком понимании Чирезе отчасти сближается с марксистским взглядом (вспомним ленинскую мысль о двух культурах в каждой национальной культуре!). И недаром как раз здесь ссылается Чирезе на прекрасное, по его мнению, определение понятий «народ» и «фольклора», данное Антонио Грамши, основателем Итальянской коммунистической партии (стр. 23—24). Настаивая на строгой историчности понятия «народ», Чирезе требует и конкретного его изучения, говорит об условиях сохранения и даже углубления культурных различий в определенных странах в силу исторической изоляции, в силу сословных законов, религиозной розни и пр. (стр. 25—26).

Но отсюда вытекает и своеобразный «бикультурализм»: индивид принадлежит по рождению и под влиянием окружающей среды к местной, региональной «культуре», но через школу и иные каналы он приобщается к общенациональной культуре. Эти две стороны культурного развития личности Чирезе соответственно называет «инкультурацией» и «аккультурацией» (enculturation — acculturation).

С А. Чирезе можно во многом согласиться. Но, думается, он все же слишком сужает область этнографического изучения народов Европы, сводя ее лишь к явлениям «иной» культуры, т. е. попросту к пережиточным явлениям. Есть серьезные основания понимать задачи этнографии европейских народов более широко: этнограф должен изучать не только «иную», но и нашу *общую* культуру, а также и все формы взаимодействия между той и другой.

Этому-то как раз вопросу посвящена следующая затем статья С. А. Токарева «Границы этнологического изучения народов индустриальных стран». В ней говорится об этнографическом аспекте изучения культуры и быта народов со сложной и высоко развитой культурой. Автор считает, что этнограф не может и не должен отказываться от ее изучения, но он в то же время не должен дублировать работу специалистов тех разных отраслей знания (технических и гуманитарных наук), которые изучают разные стороны жизни и культуры современного общества: технологии, агрономии, экономики, правоведения, литературоведения, искусствоведения, истории религии и пр. Чтобы не дублировать их, этнограф не должен ни на минуту терять из вида свою собственную точку зрения на любое явление жизни высококультурного народа. А что такое этнографическая точка зрения? Это есть отнесение любого изучаемого объекта к той или иной из основных проблем этнографической науки. Таковы, как известно, проблемы этногенеза, этнической истории, этнокультурных связей между народами, процессы современного этнического и культурного развития народов и пр.

Эта основная этнографическая точка зрения не должна упускаться из вида и при изучении тех явлений, которые в этом смысле представляют особые трудности. Такими особо трудными для этнографа явлениями следует считать, во-первых, явления стандартизации, машинизации, урбанизации и пр., стирающие всякие региональные и этнические различия и особенности; во-вторых, явления чисто индивидуального творчества: литературу, профессиональную музыку, живопись и т. п.

Автор статьи на отдельных примерах — изучение земледельческого хозяйства, изучение семьи, изучение литературы — старается показать, как и в этих, казалось бы очень сложных и мало доступных для этнографического изучения областях, такое изучение все же возможно и даже необходимо, и что оно отнюдь не будет простым дублированием работы экономиста, технолога, литературоведа и т. д.

Однако эта сложная проблема требует еще серьезного теоретического обсуждения с проверкой на конкретных исследованиях.

Статья Оке Хюльткранца (Стокгольм) — «Несколько замечаний о современной европейской этнологической мысли» касается главным образом вопросов соотношения «региональной европейской этнологии» и «общей этнологии». Автор, видимо, прав, когда сетует по поводу того, что в этнографических исследованиях европейских народов мало применяются выработанные общей этнологией понятия и категории (сам Хюльткранц был, как уже говорилось, составителем первого тома большого Международного словаря этнологических терминов). Но он едва ли прав, когда объясняет эту терминологическую неразработанность европейской «региональной» этнологии тем, что последняя слишком де привержена историческому методу (стр. 39); исторический метод сам по себе никогда не мешал ученому пользоваться общими (социологическими, этнологическими) понятиями и терминами. Хюльткранц ссылается, правда, на мнение «многих историков» и «этнологов с филологической подготовкой», считающих разработку общих понятий и терминов бесполезным делом (стр. 40). Быть может, и есть действительно ученые-эмпирики и прагматики, держащиеся такого мнения, но историче-

ская наука и подлинный исторический метод тут совершенно ни при чем. Сам Хьюл-кранц, впрочем, это прекрасно понимает, и он прав, заявляя, что привнесение теоретически разработанных понятий лишь оплодотворит и осветит историческое исследование. Но он опять-таки напрасно сужает круг этнологических понятий, полезных этнографу-историку, требуя, чтобы они брались из арсенала «функционалистской» этнологии (стр. 40): ведь функционализм — весьма одностороннее направление, где здравые идеи перемешаны с туманными и слабо обоснованными. Едва ли можно поддержать и призыв автора заимствовать основные понятия у американских этнологов, которым Хьюл-кранц вообще отдает предпочтение в теоретическом отношении перед европейскими (стр. 40, 43).

Последняя из теоретических статей журнала — статья Гезы де Роган-Чермака (Париж) «Понятие „европейского этнического комплекса“» — одна из самых интересных. Автор пытается в ней определить само содержание понятия «этнический комплекс» — понятие, примерно равнозначное употребляемому у нас термину «этническая общность». Как известно, этот термин в нашей науке разработан пока далеко не достаточно, а потому нужно с особым вниманием отнестись к попытке Роган-Чермака, хотя этот автор рассматривает проблему на ограниченном европейском материале и даже, как сейчас увидим, преимущественно на одном частном примере.

Автор начинает с установления единства Европы как некоего целого. Прежние, зародившиеся еще в неолитическую эпоху культурные зоны и области постепенно в ходе истории сближались, шедшие извне культурные влияния затрагивали лишь периферийные европейские территории и в конце концов тоже растворялись в общеевропейском «культурном комплексе». В эпоху средневековья в пределах Европы образовались три большие зоны, разделенные «идеологическими» границами, — католическая, протестантская и православная зоны, приблизительно соответствующие преобладанию языков: романских, германских, славянских. Но это деление не отняло у народов Европы их единства, как не уничтожает его и существование независимых государств.

Можно говорить, как полагает автор, и о некотором лингвистическом единстве Европы, ибо межъязыковые границы постепенно смягчаются. Еще отчетливее видно расовое, а также чисто географическое единство Европы. И, наконец, существует еще «психическое единство», т. е., как бы мы сказали, общность европейского самосознания: «мы, европейцы», «у нас в Европе» и т. д.

Но это большое европейское этническое единство складывается из множества мелких этнических общностей — *ethnies*, как принято теперь говорить у французских ученых. Это остатки бесчисленных средневековых сеньерий, бароний, графств, герцогств и пр., а в последнем счете — нередко остатки еще более ранних племенных и «протофеодальных» группировок. Их сохранению до наших дней отчасти способствовала географическая среда: наибольшую обособленность сохраняют группы населения горных местностей. Эти местные *ethnies* сохраняют свою культурную специфику, хотя и объединены в этнические общности более высокого порядка — «народы», «нации», «государства».

По мнению автора, только наличие культурной общности определяет существование *ethnies*, и, наоборот, наличие *ethnie* означает, что она обладает своей культурной спецификой.

Человек может одновременно принадлежать к целому ряду общностей меньшего или большего объема. Какую же из этих общностей надо считать собственно *ethnies*? Вопрос этот не так прост. Роган-Чермак рассматривает его на одном конкретном примере, взятом из его собственных полевых исследований в Средних Пиренеях. Он берет определенного человека по имени Гильомэ и прослеживает те возрастающие по размерам общности, к которым этот человек принадлежит. Гильомэ — член уважаемой семьи Куртад, но, женившись, он породнился с более старой фамилией Сескэ — своего рода маленькой этнической единицей; небольшая группа таких фамилий образует соседство (*vezion, voisinage*) под названием *Gèdre dessus*; последнее составляет часть административной общины (коммуны) Жедр, которая, в свою очередь, вместе с несколькими другими общинами занимает обособленную горную долину Гаварни (этническая общность, в которой чувствуется культурное влияние соседнего Арагона). Далее оказывается, что наш Гильомэ принадлежит в то же время к населению сельскохозяйственно-скотоводческой округи Пардайра, части более обширной области Лаведан (средневековое виконтство), что он говорит на бигурданском наречии гасконского диалекта (Роган-Чермак называет последний «языком»), слушает радиопередачи на этом диалекте, но что он говорит, хотя и с грехом пополам, и на французском языке, а потому считает себя добрым французским патриотом и гражданином Французской республики. Восходя таким образом по ступенькам общностей, автор объявляет своего Гильомэ западноевропейцем, европейцем, представителем «западного» мира и, наконец, человеком. Так он насчитывает всего ни много ни мало как 20 ступенек общности — от индивида до человечества (не считая того, что описываемое лицо — в то же время католик и вообще христианин, член сельскохозяйственного профсоюза и определенной политической партии, член союза ветеранов войны и пр.).

Вся эта столь внушительная лестница из восходящих ступеней общности, быть может не в меру растянутая автором (хотя он и опирался на свои непосредственные наблюдения), приведена им для того, чтобы поставить вопрос: какая же из этих ступенек представляет собой собственно этническую общность — *ethnie*, по терминологии автора? На этот вопрос он решительно отвечает: *долина* (la Vallée), т. е. долина Гаварний; именно в этой общности всего отчетливее проявляется культурная специфика и «динамика интеграции». Из других ступенек общности, более высоких, на главное место автор ставит... не гасконскую народность, не французскую национальность, а, как это ни странно, Европу! (стр. 52—53).

Вывод, конечно, парадоксальный. Итак, если верить автору, избранный им житель одного из селений в Средних Пиренеях по своей этнической принадлежности оказывается не французом и не гасконцем, а, во-первых, гаварнийцем, во-вторых, европейцем! Согласиться с таким выводом трудно при всем уважении к добросовестности автора как полевого этнографа-собираателя. Однако сама постановка вопроса заслуживает внимания. И если лестница ступенек этнической принадлежности — 20 ступеней — и представляется нам чрезмерно растянутой, то в принципе применяемый автором метод можно считать правильным. Ведь нетрудно и на любом другом примере подтвердить, что этническая принадлежность человека (и соответствующее ей этническое самосознание) обычно не исчерпывается какой-нибудь одной единственной этнической (национальной) общностью, она гораздо чаще как бы распределяется между меньшими и большими общностями, соотношение между которыми может быть весьма разным. Некто NN есть баварец и в то же время немец; другой человек — ганак и в то же время мораванин и одновременно чех; третий — мергел и одновременно грузин; четвертый — еврей и в то же время русский и т. д. Что здесь перевешивает — принадлежность ли к малой или к большой этнической группе — это в каждом случае определяется совершенно конкретно совокупностью объективных условий; соотношение того и другого есть величина переменная, и изменчивость ее отражается и на этническом самосознании: из двух родных братьев один может чувствовать себя мергелем, а другой грузином; в одну пору своей жизни человек может считать себя баварцем, а в другую немцем... Притом здесь еще не принято во внимание наличие многочисленных смешанных и двуязычных групп населения. Все эти вопросы еще далеко не достаточно исследованы, и поэтому сама постановка вопроса в статье Роган-Чермака заслуживает одобрения.

В конце своей статьи Роган-Чермак говорит о межконтинентальных этнокультурных связях, об экспортировании — через эмиграцию и иными путями — европейской культуры и европейского населения в другие части света. В виде примера он напоминает о франко-канадцах, которые считают свою страну настоящей Францией, да и в самом деле там сохраняются традиционные, даже средневековые французские порядки куда прочнее, чем в европейской Франции. Словом, заключает автор, «этническая Европа несравненно более широка (étendue), чем географическая Европа» (стр. 56).

Таковы проблемные статьи, помещенные в рецензируемом журнале. Как видим, в них налицо широкая постановка общих методологических проблем этнографической науки применительно к изучению европейских народов. Главная и наиболее общая из этих проблем сводится к вопросам: как вписывается «региональная» европейская этнография в рамки общей этнографии (этнологии), что специфичного и что общего в этнографическом изучении европейских народов и народов других частей света? Эти вопросы в журнале поставлены правильно. Конечно, не все мысли, не все выводы авторов статей бесспорны, не все убедительны. Но на то и дискуссия, на то и журнал, чтобы сталкивались мнения и таким путем рождалась истина.

Остальная часть содержания журнала — это информация о состоявшейся в Хэселе конференция-симпозиуме, протокольная запись обсуждения представленных докладов. В частности, много времени на конференции было уделено вопросам этнографической терминологии. На той же конференции обсуждался проект составления и издания большой международной серии «Handbook of European Ethnology»; создана подготовительная редакционная коллегия для разработки плана этого издания в составе Бэла Гунда (Венгрия), Хольгара Расмуссена (Дания) и Геза де Роган-Чермака (Франция). Был поднят вопрос о создании постоянного объединения европейских этнографов, но большинство участников конференции высказалось против формализации такого объединения и за сохранение теперешней формы личного общения этнографов, без обязательного представительства от стран и без постоянного устава. Обсуждались и частные вопросы международного сотрудничества: о подготовке этнологического атласа (Б. Братанич), о картотеке европейской этнографической документации — тексты и изображения (А. Эскерёд), о международной европейской этнографической библиотеке (П. Меертенс).

В журнале помещено также информационное сообщение Бранимира Братанича (Югославия) о проведенной в г. Загребе в феврале 1966 г. Конференции по этнолого-картографированию, опубликовано несколько рецензий на новые книги.

Журнал «Ethnologia Europaea» будет выходить четыре раза в год. Статьи и материалы в нем печатаются на трех европейских языках. Название же журнала умышленно дано на латинском языке, чтобы нагляднее подчеркнуть его интернациональное лицо.

С. Т.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

D. D. Kosambi *The Culture and Civilization of Ancient India in Historical Outline*. London, 1965, 243 стр., 16 рис. в тексте. 98 фототаблиц и 6 карт.

В своей новой и последней книге недавно скончавшийся известный индийский ученый, профессор Д. Д. Косамби поставил перед собой очень трудную задачу — рассмотреть древнюю историю Индии с точки зрения, заметно отличающейся от той, которая принята в индийской науке.

Д. Д. Косамби был ученым чрезвычайно широкого диапазона: он снискал мировую известность как математик и астроном, как историк и этнограф. Он изучал марксистскую философию и не раз пробовал освещать с позиций исторического материализма различные проблемы истории Индии. В данной книге он широко пользуется марксистской методикой для воссоздания жизни индийского народа на заре его истории, хотя не всегда последовательно придерживается этой методологии (чего нельзя и ожидать от ученого буржуазной школы).

Важен подход Д. Д. Косамби к процессу исторического развития индийского народа как к «цепи последовательных изменений в средствах производства и производственных отношениях». Автор решительно отходит от распространенного на Западе и в самой Индии метода написания индийской истории как истории династий и их завоеваний. Он утверждает, что важнее знать, пользовался ли данный народ плугом, чем знать имя его царя. Он старается проследить, как складывались в разные исторические эпохи взаимоотношения этнических общностей, классов и каст.

Многие буржуазные историки и этнографы представляли в своих трудах индийское население как хаотическую смесь крупных народов, малочисленных племен, каст и различных религиозных общин. Д. Д. Косамби говорит о наличии в современной жизни и культуре народов Индии исторически сложившихся черт единства.

Впервые в индийской этнографической литературе делается попытка проследить общинный характер отдельных классов населения и сходные или аналогичные явления в области материальной и духовной культуры у отдельных народов Индии. Особое внимание автор уделяет роли жрецов-брахманов и той религии, которая известна под названием брахманизма, религии складывающегося раннеклассового общества, пришедшей на смену верованиям и культам многих разрозненных племен. Брахманы в ту эпоху унифицировали нормы обычного права этих племен и сводили их культы в общую религиозную систему, что содействовало в период образования раннеклассовых государств объединению разнородного населения страны. Он правильно подчеркивает, что застойность правовых и религиозных норм способствовала сохранению на протяжении тысячелетий многих верований и обычаев, которые были характерны для эпохи первобытнообщинного строя.

Д. Д. Косамби поясняет также, как действовали основные факторы, тормозившие развитие культуры у так называемых отсталых племен и низших каст — феодально-ростовщическая эксплуатация, колониальный гнет, безземельность.

По тем чертам жизни и быта низших каст, которые описаны в книге, можно проследить путь превращения многих племен в касты именно такого социального статуса — тот путь, по которому и теперь еще продолжают идти индийские племена. Автор связывает возникновение каст с процессом распространения общества «производителей пищи» по территории общества «собираателей пищи», с процессом их взаимной ассимиляции и началом распада родо-племенных отношений. Так, например, он сопоставляет народы, стоящие на разных уровнях культурно-хозяйственного развития, и считает одной из причин возникновения каст взаимное воздействие этих народов. Автор вместе с тем несколько преувеличивает роль брахманов, приписывая только им распространение по Индии плужного земледелия или новых навыков в торговле и т. п. Брахманы могли на деле играть лишь роль пособников этих процессов, так как они в качестве миссионеров проникали раньше других на новые территории.

Спорным является употребление автором слова «каста» применительно к четырем основным группам древнеиндийского общества, а именно брахманам (жрецам), кшатриям (воинам), вайшиям (купцам, ремесленникам и земледельцам) и шудрам (слугам, рабам и лицам «низких» профессий). Советские специалисты обычно пользуются древнеиндийским термином «варна» для обозначения этих сословных групп. Автор пишет также, что такое деление примерно совпадает с классами, но это не соответствует исторической действительности. К тому же, по мнению Косамби, каста шудр соответствует в основном рабочему классу, что не применимо ни к древности, когда о рабочем классе не может быть и речи, ни к современности, так как в состав рабочего класса Индии входят представители самых разных каст.

Неверна, с нашей точки зрения, периодизация истории древнеиндийского общества. В советской науке не выделяется период первобытнообщинного строя из единого общего процесса развития человеческого общества как «предысторический» или «доис-

торический» период. Советские ученые не пользуются также терминами «дикие», или «примитивные племена», столь распространенными в буржуазной этнографической литературе.

Можно спорить с автором и по поводу наименования фаз, которые человечество проходит в своем развитии и которые определяются способом производства. Д. Д. Косамби перечисляет их, начиная с первобытного коммунизма, патриархального и (или) азиатского строя. На страницах наших трудов ведется дискуссия по поводу такой периодизации, а равным образом и по поводу существования и формы рабовладельческих отношений в Индии. Советские индологи, как и Д. Д. Косамби, признают, что классической формы рабовладения в этой стране не было и что его элементы проследятся на протяжении всего периода феодализма. Многие наши ученые считают, что феодальные отношения стали развиваться одновременно с рабовладельческими с самого начала эпохи классовых отношений в Индии.

Интересно и вполне справедливо утверждение автора о том, что семейные и общинные обычаи, соблюдаемые до наших дней членами «низких» каст, содержат в себе пережитки древнейших общественных отношений. Так, обычаи и ритуальные отправления весеннего праздника Холи очень правильно оцениваются автором как пережитки оргиастических культов плодородия и связываются с матриархальными отношениями. Эти обычаи объясняются и описываются индийскими исследователями в очень завуалированной форме, принятой в брахманской литературе и традиции, но это не мешает народу открыто придерживаться их, что сохранилось, возможно, от эпохи древних форм группового брака.

Привлекает внимание и подход автора к описанию цивилизации долины Инда. Он объясняет отсутствие архитектурного убранства домов и прочность их глухих стен тем, что каждый дом служил крепостью, предназначенной особенно для обороны против грабителей, так как государственной организации по охране внутреннего порядка не было. Он пытается объяснить также тот факт, что в раскопках до сих пор не найдены таблицы с текстами, которые хотя бы предположительно можно было принять за торговые обменные договоры, тем, что и тогда, как и во все более поздние эпохи, в Индии существовала традиция прочной устной договоренности, которую обычное право всегда признавало вполне законной.

Автор упорно проводит в своей книге мысль о высоком развитии культа богини-матери в городах долины Инда и предполагает, что там существовала сильная корпорация жрецов, которой принадлежали большие земли.

Подобно советским ученым, Д. Д. Косамби считает, что не только начавшиеся нашествия арьев, но главным образом внутренние беспорядки и конфликты, застой и упадок жизни населения привели к гибели этих городов.

Чрезвычайно верна мысль о том, что не прерывалась культурная преемственность и что население Индии в последующие эпохи восприняло и развило культурные традиции и производственные навыки, сложившиеся в долине Инда.

Большой заслугой автора является критический подход к памятникам традиционной литературы как к историческим источникам и к той роли, которую сыграли арии в древней Индии. Переосмысливая данные, содержащиеся в древнеиндийских письменных памятниках и в традиционных преданиях, Д. Д. Косамби рисует яркую и убедительную картину формирования населения древней Индии, вовлечения арийских и неарийских народов в общие процессы исторического развития, складывания первых государств, роли разных каст в хозяйственной, религиозной и политической жизни страны.

Книга нужна и полезна всем, кто интересуется историей и этнографией Индии.

Н. Р. Гусева

НАРОДЫ АМЕРИКИ

E. Tabío y E. Rey. *Prehistoria de Cuba*. Habana, 1966, 280 стр.

Всего за год до появления этого исследования по истории, археологии и этнографии Кубы до испанского завоевания известный кубинский историк Хулио Ле Риверенд писал, что археология до сих пор не раскрыла всех тайн, которые хранят пещеры острова — эти древние жилища и места погребений, она не смогла еще в достаточной мере дополнить картину жизни аборигенов, зафиксированную хрониками и другими источниками XVI в.¹

Это справедливое высказывание легко понять, если вспомнить, что археология до недавнего времени не существовала на Кубе как самостоятельная наука. Археологией занимались, как правило, энтузиасты-одиночки — адвокаты, медики, инженеры, профессора университетов и т. д. Только после победы революции была создана специальная Секция археологии при Департаменте антропологии Академии наук Кубы.

¹ Julio Le Riverend, *Historia economica de Cuba*, La Habana, 1965, p. 43.

Один из авторов рецензируемой книги — Эрнесто Табио — директор Департамента, а другой автор, Эстрейя Рей — научный сотрудник Секции антропологии и профессор Гаванского университета, где она читает лекции по истории первобытного общества.

Книга Э. Табио и Э. Рей резко отличается от всей предшествующей литературы по ранней истории Кубы. Можно сказать, что обязанная своим появлением победе революции сама она является новым революционным завоеванием в области науки.

Основным источником для написания монографии послужили результаты раскопок, проводимых секцией археологии на Кубе. Эти исследования велись по единому плану и охватили всю территорию острова от крайнего востока до крайнего запада. Использование новейших методов исследования² оказало ощутимое влияние на качество полученных материалов, а применение марксистской теории дало научную основу для анализа этих материалов. В рецензируемой книге при характеристике далекого прошлого Кубы подчеркивается определяющая роль экономических факторов в развитии общества на его ранних этапах.

Книга построена по единому четкому плану. Вслед за предисловием идет короткий, но очень важный вводный раздел — хронологическая таблица индейских культур Кубы примерно с первого тысячелетия до н. э. вплоть до XVI в. н. э., когда в результате конкисты и последующей колонизации острова европейцами, аборигенное население Кубы было почти полностью уничтожено³.

Как скромно пишут авторы, комментарий к этой таблице и составляет содержание книги. В действительности весь материал книги обосновывает разработанную авторами историю аборигенов Кубы, в которой они выделяют пять периодов, пять «культур» — от самых примитивных к более развитым: сибоней-фаза Гуаябо Бланко, сибоней-фаза Кайо Редондо, майяри, субтаино и таино. Авторы исходили из общей периодизации антильских культур, предложенной 25 лет назад крупным североамериканским археологом Ирвингом Роузом, который выделил на территории Кубы три последовательные культуры: сибоней, субтаино и таино. Известно, что многие кубинские ученые — среди них Х. Альварес Конда, А. Нуньес Хименес, Риверо де Ла Кайя несколько отходят от этой терминологии, называя основные индейские культуры по-другому: гуанахатабей, сибоней и таино.

Изменения, внесенные в классификацию аборигенных культур Кубы Эрнестом Табио и Эстрейей Рей, имеют более глубокий смысл, чем это может показаться на первый взгляд, и они не ограничиваются областью терминологии. Так, гуанахатабей и сибонеев Э. Табио и Э. Рей рассматривают не как различные культуры, а как две фазы одной и той же культуры сибонеев — охотников-собирателей, не знающих земледелия и ведущих в основном кочевой образ жизни. Что касается тαιно, то в течение многих лет в этнографической литературе так называли все земледельческие племена Кубы и других Антильских островов. В 1940 г., как пишут авторы, И. Роуз «установил хронологические и культурные различия среди индейцев Кубы, занимавшихся земледелием и производством керамики, и разделил их на две большие группы: суб-таино и таино. Эту концепцию мы приняли и руководствуемся ею с 1962 г. в нашей исследовательской работе» (стр. 126). Но в 1964 г. во время раскопок, производившихся Департаментом антропологии в местечке Аройо дель Пало муниципии Майяри (провинция Ориенте), были обнаружены следы новой индейской культуры. Среди различной утвари найдены многочисленные керамические изделия. Эта культура получила название майяри. Таким образом, те черты, которые раньше приписывали одной культуре таино или двум — суб-таино и таино, теперь выделены авторами в особый культурный комплекс, занявший в таблице место между сибонейями и таинами.

В соответствии с хронологической таблицей рецензируемая монография состоит из пяти глав, каждая из которых дает характеристику одноименной «культурной группы». Главы делятся на две части: археологическую и палеоэтнографическую.

Следует отметить, что в своей книге авторы ставили целью не столько осветить все стороны жизни той или иной «культуры», сколько показать наиболее существенные ее черты, часто не находившие отражения в литературе либо ставшие предметом дискуссии.

В раздел «Археология» входят такие вопросы, как обзор важнейших полевых исследований; характеристика стоянок и мест погребения; описание орудий труда и других предметов материальной культуры; описание найденных скелетных остатков человека, а также костей мелких животных и рыб, мясо которых входило, видимо, в рацион питания индейцев; географическое распространение данной культуры на Кубе и других Антильских островах и хронология.

² До 1955 г. на Антильских островах не применялся радиоуглеродный анализ, а на Кубу это техническое новшество, давшее в руки археологов важное средство определения абсолютной хронологии, пришло только с установлением народной власти.

³ В последнее время экспедиции ученых-этнографов и антропологов обнаружили небольшую группу потомков коренных индейцев Кубы в Маисí (провинция Ориенте). См. об этом: В. В. Гинзбург, Поездка на Кубу, «Сов этнография», 1965, № 6.

В разделе «Палеоэтнография» исследуются: хозяйственный уклад (основные занятия, орудия труда), быт (жилища, одежда, украшения, ремесло, средства связи), социальная организация, религиозные представления и культы и др.

По многим из этих вопросов существует специальная литература, особенно по вопросам археологии, в том числе работы авторов рецензируемой монографии, но в рассматриваемой книге все эти вопросы взаимосвязаны, систематизированы и обобщены на основе единой научной методологии⁴.

Заслугой авторов является также то, что они вскрыли ошибочность установившихся ранее взглядов по таким кардинальным вопросам, как уровень развития производительных сил наиболее отсталых, а также развитых племен Кубы, хронологию социальной организации родовой общины таинов, положение, занимаемое в общине так называемыми набориями, религиозные представления и связанные с ними культы. Одним из таких вопросов, имеющих теоретическое значение, является причина перехода кочевых охотников-собираателей к земледелию. Вопрос этот был поставлен в книге в связи с тем, что некоторые кубинские ученые видели противоречие в том, что наиболее отсталые индейские племена — сибонеи Гуаябо Бланко хотя и были оседлыми, но земледелия не знали. Авторы же видят причину перехода сибонеев к оседлости в избытке у них продуктов питания, появившемся в благоприятных экологических условиях Кубы. Кроме того, Табио и Рей заключают, что сибонеи не были простыми охотниками-собираателями, а уже изготовляли орудия для обработки и хранения продуктов питания. В то же время Э. Табио и Э. Рей выступают против ученых, ищущих подтверждения своей теории изначальности семьи и частной собственности в том, что сибонеи жили «семьями». Анализируя уровень производительных сил, достигнутый сибонейми, авторы считают, что «экономической основой общества на „стадии“ сибонеев должен быть род» (стр. 41).

Точно так же реально оценивая экономическую базу социальной организации таинов, авторы отрицают существование в их общине классов, наличие рабов-набориев и прочих элементов классового общества, приписанных таинам хронистами, в том числе Лас Касасом.

В своей книге авторы выдвигают ряд новых проблем, среди них такие, как происхождение культуры майяри, существование контактов между различными культурами, влияние европейской цивилизации на культуру индейцев Кубы. В решении этих и многих других вопросов авторы пока что были ограничены недостаточностью собранных материалов. Но уже их постановка определяет направление дальнейших исследований и тем самым вносит вклад в изучение прошлого страны.

Несколько слов хочется сказать о библиографии по теме. На 17 страницах дается перечень более 80 работ кубинских и иностранных авторов. Марксистская литература по истории первобытного общества представлена работами Маркса, Энгельса, Ленина. Приведена также известная книга Л. Моргана «Первобытное общество». Используются работы советских авторов, в том числе Ю. П. Аверкневой.

Богатый иллюстративный материал книги включает рисунки, схемы и таблицы с фотографиями предметов, характеризующих материальную и духовную культуру индейских племен. Сами образцы хранятся в музеях Кубы и являются частью богатейшей коллекции, собранной Департаментом антропологии.

В заключение хочется выразить уверенность в том, что рецензируемая книга представит серьезный научный интерес не только для кубинских специалистов, но и для этнографов и историков других стран, в том числе для советских ученых, в связи с чем весьма полезен был бы ее перевод на русский язык.

Л. С. Шейнбаум

⁴ На русском языке имеется очень мало работ по этнографии Кубы периода доиспанского завоевания. В сб. «Куба. Историко-географические очерки» (М., 1961) помещена статья М. Риверо де Ла Калья о коренном населении Кубы. Кроме того, см. указанную статью В. В. Гинзбурга в журнале «Соз. этнография» и статью И. Р. Григулевича «Этнографическая и антропологическая наука на Кубе» («Сов. этнография», 1963, № 6).

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО НАРОДАМ СИБИРИ И СЕВЕРА

Алексеев Н. А. Материалы о религиозных верованиях якутов как исторический источник. «Сов. этнография», 1966, № 2, с. 22—33. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Антропнянский Н. А. В. Луначарский о Сибири. [По материалам книги А. В. Луначарского «Месяц в Сибири», изд. в 1929 г.]. «Алтай», 1966, № 1, с. 101—107.

Арбат Ю. Путешествия за красотой. Рассказы о недавних поездках, полетах, плаваниях, походах по русскому Северу, о поисках и находках, связанных с неизвестными страницами истории народного искусства нашей Родины. М., «Искусство», 1966, 184 с. с илл.; 60 л. илл.

Арзыматов А. Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII — первой половине XVIII в. Фрунзе, «Кыргызстан», 1966, 92 с.

Арсеньев В. Памяти Льва Яковлевича Штернберга. (Доклад, прочитанный В. К. Арсеньевым в общем собрании членов Владивостокского отделения Географического общества 19 мая 1928 г. в г. Владивостоке.) «Зап. Приморского филиала Геогр. о-ва СССР», т. 25, Владивосток, 1966, с. 103—106.

Арутюнов С. и Сергеев Д. Два тысячелетия культурной эволюции берингоморских зверобоев. М., «Наука», 1966, 9 с. (Международный тихоокеанский конгресс, 11-й. Токио, 1966. Материалы. Ин-т этнографии АН СССР.) На англ. яз.

Арутюнов С. А. и Сергеев Д. А. Раскопки древних захоронений и жилищ на Чукотке в 1965 году. «Сов. этнография», 1966, № 6, с. 68—78 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Афанасьев В. Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. Якутск, Якут. кн. изд-во, 1966, 344 с.

Багаутдинов А. З. Прошлое и настоящее края (Сбор материалов в Иркут. обл. краевед. музее). «Труды НИИ музееведения», вып. 16, 1966, с. 179—184.

Балицкий В. Г. КПСС — организатор перехода малых народов Крайнего Северо-Востока РСФСР от патриархально-общинного строя к социализму. М., «Мысль», 1966. 16 с. (Выш. парт. школа при ЦК КПСС). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Беляева А. Свет новой жизни (материалы по городу Анадырю и колхозу им. XXII съезда КПСС). [Чукот. нац. окр.]. «Краевед. зап.», вып. 6, Магадан, 1966, с. 20—26.

Библиография Иркутской области. Охота и рыболовство. [Сост. Л. Е. Зубашева]. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1966, 180 с. (Иркут. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Труды науч. б-ки, вып. 17).

Богоявленский Н. А. Медицина у первоселов русского Севера. Очерки из истории санитарного быта и народного врачевания XI—XVII вв. Л., «Медицина», Ленингр. отд-ние, 1966. 160 с. с илл. и карт.

Богуславская И. Искусство русского Севера. [Материалы конференции на тему «Народное декоративно-прикладное искусство русского Севера». Ленинград. Ноябрь 1965 г.]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 2, с. 43.

Ботыгин В. Красные яранги. [О работе передвижных культ.-просвет. учреждений Магадан. обл.]. «Агитатор», 1966, № 19, с. 44—45.

Бурова А. А. Архив князев 3-го Омолонского юкагирского рода. [Из фондов Музея Арктики и Антарктики]. «Докл. по этнографии» (Отд-ние этнографии Геогр. о-ва СССР), вып. 3, 1966, с. 24—36.

Бухарева Н. Т. Об изучении лексики сибирских говоров. «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1966, № 1. Серия обществ. наук, вып. 1, с. 123—129.

Вайнштейн С. И. [Рец.]: Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., «Наука», 1966. 306 с. (Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. 89). «Сов. этнография», 1967, № 1, с. 171—174.

Вайнштейн С. И. [Рец.]: Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). Народы Севера и Дальнего Востока. М.—Л., 1963. 500 с.; 318 рис. (Труды Ин-та этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. 81). «Сов. этнография», 1966, № 2, с. 162—165.

Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве). «Сов. этнография», 1966, № 3, с. 60—81 с табл. и илл. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Вайнштейн С. И. Сергей Васильевич Иванов. (40 лет научной деятельности). «Сов. этнография», 1966, № 5, с. 158—159.

Васильевич Г. М. Уранка и эвенки. «Докл. по этнографии» (Отд-ние этнографии Геогр. о-ва СССР), вып. 3, 1966, с. 56—93.

Васильев В. И., Симченко Ю. Б. и Соколова З. П. Проблемы реконструкции быта малых народов Крайнего Севера. «Сов. этнография», 1966, № 3, с. 9—22 с илл. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Васильевский Р. С. Древнекорякская культура Охотского побережья и ее место в культурной истории Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1966, 23 с. (Новосиб. гос. ун-т). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Васильевский Р. С. Новые данные по древним культурам северной части Тихого океана. «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1966, № 1. Серия обществ. наук, вып. 1, с. 131—135.

Вдовин И. С. Следы алеутско-эскимосской культуры на тихоокеанском побережье Камчатки. М., «Наука», 1966. 14 с. (Международный тихоокеанский научный

конгресс, 11-й. Токио, 1966. Материалы. Ин-т этнографии АН СССР). Библиогр.: с. 10—14. На англ. яз.

Вилков О. Н. Транзит «русских» товаров через Тобольск в Сибирь XVII в. «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1966, № 9. Серия обществ. наук, вып. 3, 113—125.

Витов М. В. След и посиденье в обонежской топонимии (XV—XVII вв.). «Вопр. географии», сб. 70, 1966, с. 163—166.

Воробьев В. В. и Вершинская Н. И. Публикации сибирских и дальневосточных организаций Географического общества СССР. 1945—1963. (Системат. и авт. указатели). Иркутск, 1966, 167 с. (Сиб. отд-ние АН СССР. Ин-т географии Сибири и Дальнего Востока, Бюро сиб. и дальневост. организаций Геогр. о-ва СССР).

Рец.: Покшишевский В. В.—«Изв. Всесоюз. геогр. о-ва», т. 98, вып. 6, 1966, с. 533—534.

Воробьева И. А. Некоторые замечания о русской адаптации иноязычных гидронимов Сибири в XVII веке. «Уч. зап. Томск. ун-та», № 59, 1966, с. 101—106.

Воробьева И. А. Русские гидронимы Сибири в XVII в. (по материалам «Чертежной книги Сибири» С. Ремезова). «Вопр. географии», сб. 70, 1966, с. 62—71 с карт.

Вылежнев Ю. Г. Поморский географический термин в Верхнем Прикамье. «Вопр. географии», сб. 70, 1966, с. 156—158.

Ганина М. А. Фольклор Пермской губернии в журналистике и публицистике 60-х годов XIX века. «Вестник Ленингр. ун-та», 1966, № 2. Серия истории, языка и литературы, вып. 1, с. 99—110. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.

Гарусов И. К вопросу о социально-экономической истории народов Севера. «Краевед. записки», вып. 6, Магадан, 1966, с. 169—175.

Грач А. Д. Открытие погребения С. П. Крашенинникова в Ленинграде. [О месте захоронения исследователя Камчатки]. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 108—116.

Григорова Л. С. Экспедиция по истории народов Дальнего Востока в советский период. (По данным Хабар. краевого музея). «Труды НИИ музееведения», вып. 16, 1966, с. 170—178.

Гурвич И. С. Отмирание религиозных верований у народностей северо-востока Сибири. В кн.: Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР. М.—Л., «Наука», 1966, с. 79—96. Библиогр. в подстроч. примеч.

Гурвич И. С. Социальные и этнические изменения на крайнем Северо-Востоке Азии за последние пятьдесят лет. М., «Наука», 1966, 11 с. (Международный тихоокеанский научный конгресс, 11-й. Токио, 1966. Материалы. Ин-т этнографии АН СССР). На англ. яз.

Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., «Наука», 1966, 269 (7) с. с карт. (Труды Ин-та этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. серия, т. 89). Библиогр. обзор: с. 3—8.

Гуськова Т. К. Нижне-Тагильский краеведческий музей. «Труды НИИ музееведения», вып. 16, 1966, с. 155—169.

Дамбаев Г. Э. Музей в Баргузинской долине. [О Барагханском ист.-краевед. музее Бурят. АССР]. «Сов. этнография», 1966, № 3, с. 157—158.

Диков Н. Н. Древности Сешана. [По археол. данным]. «Краевед. записки», вып. 6. Магадан, 1966, с. 155—160.

Диков Н. Н. Чегитунские древнеэскимосские могильники. «Краевед. записки», вып. 6, Магадан, 1966, с. 125—132.

Дружинина М. Ф. Говор русских старожилов низовьев Индигирки. (По материалам диалектол. экспедиции 1964 г.). «Труды ист.-филол. фак. Якут. ун-та», вып. 1, 1966, с. 177—182.

Дубровина З. М. II Международный конгресс финно-угроведов. (Хельсинки. Август 1965 г.). «Вестник Ленингр. ун-та», 1966, № 8. Серия истории, языка и литературы, вып. 2, с. 159—160.

Дульзон А. П. Дорусские топонимы Средней Сибири. «Вопр. географии», сб. 70, 1966, с. 41—46.

Дульзон А. П. Кетские тексты. «Уч. зап. Томск. ун-та», № 59, 1966, с. 3—30.

Ефимова Л. В. Ткани из финно-угорских могильников 1 тыс. н. э. (Доклад прочит. на заседании финно-угорской группы в НА АН СССР в 1965 г. и обсуждение доклада). «Краткие сообщ. о докладах и полевых исследованиях Ин-та археологии АН СССР», вып. 107, 1966, с. 127—134.

Жорницкая М. Я. Народные танцы Якутии. М., «Наука», 1966, 168 с. с илл.; 1 л. схем. (АН СССР. Якут. филиал Сиб. отд-ния. Ин-т языка, литературы и истории). Библиогр.: с. 161—167.

Иванов В. Н. Историография социально-экономических отношений у якутов XVII в. «Якут. архив», вып. 3, 1966, с. 46—63. Библиогр. в подстроч. примеч.

Иванов В. Н. К вопросу об образе жизни якутов XVII в. «Якут. архив», вып. 3, 1966, с. 37—45.

Иванов В. Н. Кузнечное дело у якутов XVII в. «Якут. архив», вып. 3, 1966, с. 64—76.

- Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов XVII в. Якутск, Якут. кн. изд-во, 1966, 423 с. (Якут. гос. ун-т). Библиогр.: с. 401—406.
- Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов XVII века. Якутск, 1966, 35 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Список работ автора в конце текста.
- Иванов С. В. и Таксами Ч. М. Наталия Федоровна Прыткова. (Этнограф. 1904—1966. Некролог). «Сов. финно-угроведение», 2, № 2, 1966, с. 154—155 с портр. Список работ Н. Ф. Прытковой, с. 155.
- Иванова А. К вопросу о развитии экономики и культуры малых народностей Чукотки. «Краевед. записки», вып. 6, Магадан, 1966, с. 3—19.
- Иванова Л. А. О происхождении брахикранного компонента в составе населения афанасьевской культуры. «Сов. этнография», 1966, № 3, с. 82—91 с илл. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Иванова Л. Т. Из истории раскрепощения женщин Якутии (1917—1921 гг.). «Якут. архив», вып. 3, 1966, с. 103—115.
- Иванова Ф. П. О типах лексических диалектных различий. (На материале предметно-бытовой лексики русск. старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби). «Труды кафедр русск. яз. вузов Вост. Сибири и Дальнего Востока», 4, 1966, с. 61—72.
- Иориш И. И. Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. История, право, экономика. М., «Наука», 1966, 206 с. (АН СССР (Ин-т народов Азии)).
- Исследования по языку и фольклору. Вып. 1. (Сб. статей. Редколлегия: В. А. Аврорин и др.), Новосибирск, «Наука», 1966, 267 с. (АН СССР. Сиб. отд-ние. Отдел гуманитарных исследований Ин-та экономики и организации пром. производства). Библиогр. в конце статей.
- Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. Запись тесктов, пер. и коммент. Г. М. Василевич. М.—Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1966. 399 с. с нот.; 1 л. карт. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). В прил.: Б. М. Добровольский. Напевы сказания о Кодакчоне.
- История Тувы. Т. I. [Ред. коллегия: Л. П. Потапов (отв. ред.) и др.]. Кызыл, Тувкнигоиздат, 1966. 344 с. с илл. (Тувин. НИИ языка, литературы и истории). На тувин. яз.
- К 60-летию Леонида Павловича Потапова. «Сов. этнография», 1966, № 1, с. 152—155.
- Кабузан В. М. и Троицкий С. М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. «Сов. этнография», 1966, № 3, с. 23—47 с табл. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Казанцев П. На старом уральском заводе. [Из истории Пожвинского з-да]. Записки краеведа. Пермь, Кн. изд-во, 1966. 123 с. с илл.
- Калашников П. Ф. К изучению говора семейских. «Труды кафедр русск. яз. вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока», 4, 1966, с. 26—36.
- Каплан Н. «Северная выставка». [Проблемы нар. декоративного и прикладного искусства. По материалам выставки, посвящ. творчеству народов Крайнего Севера и Дальнего Востока. Москва, Октябрь 1965 г.]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 1, с. 42.
- Караев О. К вопросу о передвижении киргизов на Тянь-Шань и ассимиляции ими местных племен в XIII—XV вв. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 100—107. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Караев С. К этимологии топонимов «Шибир» и «Сибирь». «Обществ. науки в Узбекистане», 1966, № 7, с. 72—75. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Касаткина Н. В. Возродить искусство народов Крайнего Севера. [О декоративно-прикладном искусстве]. «Енисей», 1966, № 4, с. 117—120 с табл.
- Квятковский Ю. Встреча с шаманом. «Дальний Восток», 1966, № 2, с. 119—123.
- Копылов А. Н. Домашнее и школьное образование в Сибири XVII—XVIII вв. «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1966, № 5, Серия обществ. наук, вып. 2, с. 86—93.
- Красков В. и Дикова Т. Новый археологический памятник приморской культуры на севере Чукотки (полуостров Аачим). «Краевед. записки», вып. 6, Магадан, 1966, с. 76—83.
- Крашенинников С. П. С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. Подгот. текста и вступит. статья Н. Н. Степанова. Предисл. А. П. Окладникова. М.—Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1966. 241 с. с карт.; 1 л. портр. (АН СССР. Сиб. отд-ние).
- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., Изд-во Моск. ун-та, 1966. 32 с. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. Кафедра археологии). Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. Список работ автора: с. 31—32.

- Ларичев В. Е. Потерянные дневники Палладия Кафарова (новые материалы к истории археологии русского Дальнего Востока). «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1966, № 1. Серия обществ. наук, вып. 1, с. 114—122.
- Ларичева И. П. Палеолит Северной Америки и проблема его связи с каменным веком Сибири. «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1966, № 5, Серия обществ. наук, вып. 2, с. 94—103. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Лебедева А. А. Анкета как этнографический источник. (По материалам сплошного подворного обследования 1897 г. в Забайкалье). «Сов. этнография», 1967, № 1, с. 99—103.
- Лебедева А. А. Научная конференция «Памятники культуры русского Севера» «Сов. этнография», 1966, № 6, с. 117—122 с илл.
- Леонид Павлович Потапов. [К 60-летию со дня рождения и 40-летию науч. и обществ. деятельности]. «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1966, № 9. Серия обществ. наук, вып. 3, с. 149—154. Список научных трудов Л. П. Потапова, 150 назв.
- Липский А. Н. К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов. «Сов. этнография», 1966, № 1, с. 105—118. Резюме на англ. яз.
- Липский А. Н. Погребения татарских воинов на р. Биджа. [Хакас.-Минус. котловина]. «Сов. археология», 1966, № 2, с. 312—317.
- Лукьянченко Т. В. Жилище саамов (лопарей) Кольского полуострова конца XIX — начала XX века. «Сов. этнография», 1966, № 6, с. 3—16 с илл. Резюме на англ. яз. Библиогр. в подстроч. примеч.
- Мартынов А. Лодки — в страну предков. [Богатства Томской писаницы]. Кемерово, кн. изд-во, 1966. 36 с. с илл. (Кемеров. обл. краевед. музей. Лаборатория археол. исследований Кемеров. пединститута). Библиогр.: с. 24.
- Маслова Г., Санникова А. и Курсков Ю. [Рец.]: Тароева Р. Ф. Материальная культура карел. (Карельская АССР). Этнографический очерк. М.—Л., 1965. 233 с.; XVIII табл. илл. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 176—181.
- Матвеев А. К. Ареалы некоторых субстратных основ в севернорусской топонимии. «Вопр. географии», сб. 70, 1966, с. 52—59 с карт.
- Материалы по истории земледелия у якутов в первой половине XIX в. [Публикация и предисл. Ф. Г. Сафронова]. «Якут. архив», вып. 3, 1966, с. 175—198.
- Мельников М. Поэзия народных обычаев. Традиционное и новое в современном сибирском обряде. «Сиб. огни», 1966, № 7, с. 163—170.
- Мирзоев В. Г. Научное изучение Сибири и расширение круга исторических источников в первой половине XIX века. «Из истории Зап. Сибири», вып. 1 (Новосиб. пед. ин-т), 1966, с. 3—65.
- Митлянская Т. Б. Чукотская резная кость в фондах Музея народного искусства. В кн.: Сборник трудов Научно-исследовательского ин-та худож. промысл., М., 1967, с. 313—335 с илл.
- Михайлов Т. [Рец.]: Уланов А. И. Бурятский героический эпос. Улан-Удэ, 1963. 320 с. «Сов. этнография», 1966, № 3, с. 172—174.
- Музыкальный фольклор народов Севера и Сибири. М., «Музыка», 1966. 164 с. нот. Библиогр.: с. 54.
- Мурзаев Э. М. Южносибирские топонимистические элементы в Монголии. «Вопр. географии», сб. 70, 1966, с. 47—51. Библиогр.: 13 назв.
- Мурзин И. Новое время — новые песни. [О проведении район. праздников-фестивалей для рыбаков. Из опыта клубных учреждений Хабаров. края]. «Культ.-просвет. работа», 1966, № 8, с. 13—15.
- Мухачев Б. и Фетисов А. Первый тунгусский съезд Охотского побережья. [10—15 авг. 1925 г.]. «Краевед. записки», вып. 6, Магадан, 1966, с. 33—49.
- Нанайские сказки. Записали Л. И. Сем и Ю. А. Сем. «Зап. Приморского филиала Геогр. о-ва СССР», т. 25, Владивосток, 1966, с. 107—114.
- Наталия Федоровна Прыткова. [1904—1966. Некролог]. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 162—163 с портр. Список опубликованных работ Н. Ф. Прытковой, 17 назв.
- Научно-творческая конференция по вопросам якутского декоративно-прикладного искусства. Якутск, 1965. Материалы. Якутск, Якуткнигиздат, 1966. 72 с. (Союз художников РСФСР. Якут. отд-ние СХ РСФСР. М-во культуры ЯАССР).
- Наш славный земляк. [К 80-летию со дня рождения фольклориста Г. С. Виноградова]. «Ангара», 1966, № 3, с. 111—112.
- Нефедова С. П. Культурное строительство на Чукотке (1917—1958 гг.). Л., 1966. 18 с. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Кафедра истории СССР). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.
- Никитин П. Национальный театр Советской Карелии. (Очерк истории. Петрозаводск, 1966. 27 с. (Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. искусств. наук. Список работ автора, с. 27.
- Николаев С. Изображения на скале «Баасынай». [О памятниках якут. наскальной живописи]. «Полярная звезда», 1966, № 5, с. 1153—1155.

Оборин В. А. О происхождении коми-пермяков. «Наш край» (Коми-Перм. окр. краевед. музей), вып. 2, 1966, с. 52—59.

Окладников А. П. К истории культурно-этнических связей населения Евразии в III—II тысячелетия до н. э. («Утюжки» и «човники» — атлатль?). «Сов. этнография», 1966, № 1, с. 119—126.

Окладников А. П. Религия лесных племен Восточной Сибири в неолите и бронзовом веке в свете археологии и этнографии. «Докл. по этнографии» (Отд.-ние этнографии Геогр. о-ва СССР), вып. 3, 1966, с. 37—50.

Орешкин Е. И. Преодоление религиозных пережитков у народностей Чукотки. В кн.: Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР. М.—Л., «Наука», 1966, с. 97—114.

Орлова Е. П. Негидральцы. [Этногр. изучение народностей севера Дальнего Востока]. «Докл. по этнографии» (Отд.-ние этнографии Геогр. о-ва СССР), вып. 3, 1966, с. 5—23.

Орочские сказки и мифы. Сост. В. А. Авронин и Е. П. Лебедев. Новосибирск, «Наука», Сиб. отд.-ние, 1966. 235 с. (АН СССР. Сиб. отд.-ние. Ин-т истории филологии и философии).

Осипов Н. Е. Семейские на Чикое. (Этнографические заметки). «Проблемы краеведения», вып. 1, 1966, с. 58—60.

Панов В. Н. Следы первобытного человека на территории нашей области. В кн.: «Из истории Иркутской области». Иркутск, 1966, с. 7—32.

Пантелеева А. А. и Янчевская Н. В. Ареалы этнонимов карел, самоед и чудь в Архангельской области. По материалам Севернорус. топоним. экспедиции кафедр рус. яз. и общего языкознания Уральского гос. ун-та им. Горького. «Вопр. географии», сб. 70, 1966, с. 159—160 с карт.

Парникова А. С. О пребывании якутов на Аляске в середине XIX в. [С публикацией «Указа Якутского земского суда Ботурусской инородной управе о пребывании якутов на службе „Российско-американской компании“ на Аляске»]. «Якут. архив», вып. 3, 1966, с. 199—205.

Парникова А. С. Расселение якутов XVII—начала XX в. Якутск, 1967. 22 с. (Якут. гос. ун-т). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Переведенцев В. И. Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск, «Наука», Сиб. отд.-ние, 1966. 191 с. (АН СССР. Сиб. отд.-ние. Ин-т экономики и организации пром. производства).

Пестерев С. Н. Советы молодым косторезам. Якутск, Якуткнигоиздат, 1966. 32 с. с илл.; 8 л. илл. (М-во культуры Якут. АССР. Респ. дом нар. творчества). На якут. яз.

Попова О. С. Русское народное прикладное искусство Кировской области. «Сб. трудов Науч.-исслед. ин-та худож. пром-сти», вып. 3, М., 1966, с. 49—67.

Поталов Л. П. Первый историк своего народа. [О нивхе Ч. М. Таксами]. «Нева», 1966, № 1, с. 216 с портр.

Прокопьев Ю. П. Материалы экспедиций по истории Архангельской области. [По данным Арханг. обл. краевед. музея]. «Труды НИИ музееведения», вып. 16, 1966, с. 97—106.

Розов Н. С. и Дремов В. А. Материалы по палеоантропологии Среднего Приобья VII—X вв. н. э. (Предварит. сообщ.) «Сов. этнография», 1966, № 5, с. 125—131. Библиогр. в подстроч. примеч.

Русский фольклор Тункинской долины. Общ. ред. и вступит. статья Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд., 1966. 391 с. с илл. (АН СССР. Сиб. отд.-ние. Бурят. комплексный НИИ). На обороте тит. л. сост.: Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский, Л. А. Соловьева.

Сальников К. В. Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время. «Сов. этнография», 1966, № 5, с. 118—124. Библиогр. в подстроч. примеч.

Санжиев Б. Сближение наций в борьбе за создание материально-технической базы коммунизма. (По материалам Сибири.) Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1966. 356 с.

Сбытова Л. Всесоюзное научное совещание по проблемам формирования населения и использования трудовых ресурсов в районах Крайнего Севера. (Магадан. Ноябрь 1965 г.) «Вопр. экономики», 1966, № 2, с. 150—153.

Сенченко И. А. История Сахалина и Курильских островов в эпоху капитализма (с середины XIX в. и до установления Советской власти). М., 1966, 46 с. (Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина). Автореферат. дисс. на соискание учен. степени докт. историч. наук. Список работ автора в конце текста.

Сергеев Д. А. Развитие древних культур эскимосов западного Берингоморья. Л., 1966. 14 с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Список работ автора, с. 12—14. Автореферат. дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук.

Сибирский фольклор. Вып. 1. (Сб. статей. Отв. ред. Я. Р. Кошелев). Томск, Изд-во Томск. ун-та, 1965 (вып. дан. 1966). 168 с.

Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. (Сб. статей). Вып. 6. Сибирь в период строительства социализма. (Ред. коллегия: А. С. Московский (отв. ред.) и др.). Новосибирск, «Наука», Сиб. отд-ние, 1966. 163 с. (АН СССР. Сиб. отд-ние. Материалы по истории Сибири).

Синчугашев Я. И. О выплавке меди в древней Туве. «Сов. археология», 1966, № 4, с. 187—191.

Смоляк А. В. [Рец.]: Ларькин В. Г. Орочи. М., 1964. 174 с. «Сов. этнография», 1966, № 3, с. 168—172.

Смоляк А. В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М., «Наука», 1966. 290 с. с илл. и карт.; 1 л. илл. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая). Библиогр. в примеч. в конце глав.

Соболев Н. П. К топонимике Забайкалья. «Проблемы краеведения», вып. 1, 1966, с. 39—41.

Соколова З. П. и Шапалин Б. Ф. Население и трудовые ресурсы зоны Севера. [По материалам I науч. совещания по проблемам формирования населения и использования трудовых ресурсов в районах Крайнего Севера. Магадан. Ноябрь 1965 г.]. «Сов. этнография», 1966, № 3, с. 152—157.

Соколова З. [Рец.]: Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965. «Сов. этнография», 1966, № 4, с. 191—194.

Соколова З. [Рец.]: Ямало-Ненецкий национальный округ. (Экон.-геогр. характеристика). М., «Наука», 1965. 276 с. с илл. «Сов. этнография», 1966, № 6, с. 140—142.

Стракач Ю. Б. Основные этапы социалистических преобразований у народов Сибири. «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1966, № 5. Серия обществ. наук, вып. 2, с. 66—72.

Такала Е. И. и Штейнберг В. А. Книги о Карелии. Указатель литературы к 50-летию Советской власти. Петрозаводск, Карел. кн. изд-во, 1966. 67 с. (М-во культуры Карел. АССР. Гос. публ. б-ка).

Таксами Ч. и Курылев В. Выдающийся ученый-сибиревед. [К 60-летию со дня рождения Л. П. Потапова]. «Сиб. огни», 1966, № 2, с. 161—162 с портр.

Таксами Ч. М. Леонид Павлович Потапов. [К 60-летию со дня рождения]. «Изв. Всесоюз. геогр. о-ва», т. 98, вып. 4, 1966, с. 373—374.

Тимохин В. А. Старое и новое в жизни нанайцев Кондона. «Изв. Сиб. отд-ния АН СССР», 1966, № 9. Серия обществ. наук, вып. 3, с. 126—133 с илл.

Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. 2. 1959—1960. Материалы по этнографии и археологии районов бассейна р. Хемчика. М.—Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1966. 357 (7) с. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Тувинские пословицы и поговорки. Вып. 2. Сост.—пер. М. Хадаханэ, О. Саганоол. Кызыл, Тувкнигоиздат, 1966. 175 с. (Тувин. НИИ языка, литературы и истории). Текст паралл. на тувин. и русск. яз.

Унгвицкая М. А. Хакасская бытовая сказка. Абакан, Краснояр. кн. изд-во, Хакас. отд-ние, 1966. 72 с. (Хакас. НИИ языка, литературы и истории).

Федянович Т. П. Всесоюзная конференция по финно-угроведению. [Сыктывкар. Июнь 1965 г.]. «Сов. этнография», 1966, № 1, с. 159—161.

Филиппов М. Письмо чукчи Теневиля. [Из истории изобретения чукот. письменности]. «Наука и религия», 1966, № 11, с. 23—26.

Халлап В. и Тедре Ю. Второй Международный конгресс финно-угроведов в Хельсинки. (Август. 1965 г.). «Сов. финно-угроведение», 1966, № 1, с. 72—78.

Хомич Л. В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.—Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1966. 329 с. с илл.; 5 л. илл. и карт. (АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая).

Чуксина Е. Восточно-эвенская (Нагаевская) культурная база. «Краевед. зап.-ски», вып. 6, Магадан, 1966, с. 50—55.

Шафрановская Т. К. К биографии Степана Крашенинникова. (Первый исследователь Камчатки. 1713—1755). В кн.: Из истории биологических наук. Вып. 1. М.—Л., «Наука», 1966, с. 41—50.

Шкаровская Н. За своеобразие бурятской скульптуры. [Традиции нац. искусства в творчестве худож. Ц. Балдано и Г. Васильева]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 7, с. 34—36. Резюме на англ. яз.

Элиасов Л. Е. Байкальские предания. Фольклорные записи. [Исследования и тексты]. Улан-Удэ, Бурят. кн. изд-во, 1966. 272 с. с илл.

Юртаева В. И. Советизация малых народностей Енисейского севера (1920—1923 гг.). В кн.: Материалы по истории Сибири. Вып. 6. Сибирь в период строительства социализма и перехода к коммунизму. Новосибирск, «Наука», 1966, с. 16—23.

Языки и фольклор народов Сибирского севера. Сб. статей. Отв. ред. В. А. Аврорин. М.—Л., «Наука», Ленингр. отд-ние, 1966. 220 с. (АН СССР. Сиб. отд-ние).

Яковлева Е. Г. Народное искусство западных и юго-западных районов Тувинской АССР. «Сб. трудов НИИ худож. пром-сти», вып. 3, М., 1966, с. 83—105.

Составитель Р. В. Каменецкая

ВОЛЬФГАНГ ШТЕЙНИЦ

[1905—1967]

В предисловии к своему широко известному труду «Немецкие народные песни демократического характера за шесть столетий» академик Вольфганг Штейниц писал: «Эта книга написана человеком, который не мнит себя вне социальной борьбы угнетенных масс и принимает в ней участие. Без этого книга не могла быть написана»¹. Слова эти могли бы послужить эпиграфом не только к исследованию народных революционных песен, но и ко всему научному и жизненному пути замечательного немецкого ученого-лингвиста, этнографа и фольклориста академика Вольфганга Штейница, жизнь которого оборвалась 21 апреля 1967 г.

Вольфганг Штейниц родился 29 февраля 1905 г. в Бреславле. Там же окончил гимназию, а затем поступил в Берлинский университет. Будучи еще школьником, он собирал фольклор, а в студенческие годы стал интересоваться историей, бытом и языком угро-финских народов. В 1933 г. он в качестве ассистента одного из институтов Берлинского университета начал работать над этими проблемами.

С увлечением занимаясь научной работой, он одновременно отдается общественной работе, становится видным антифашистским деятелем. В сентябре 1934 г. Вольфганг Штейниц эмигрировал в Советский Союз. С 1934 по 1937 гг. он живет в Ленинграде и преподает в Институте народов Севера.

В 1935 г. Штейниц принял участие в лингвистическо-этнографической экспедиции в Сибирь, во время которой собрал богатейший материал по этнографии и языку хантов. В 1938—1945 гг. он читает лекции и занимается исследовательской работой сначала в Тарту, а затем в Стокгольме.

Сразу после окончания войны Вольфганг Штейниц возвращается на родину, в Германскую Демократическую Республику, где ведет огромную партийную, научную и административную работу. Он — член Центрального Комитета Единой Социалистической партии Германии, публицист, педагог, исследователь. В качестве профессора, а затем заведующего кафедрой угро-финской лингвистики и директора Угро-финского института при Университете им. Гумбольдта он отдает много сил и мастерства педагогической работе, своим многочисленным ученикам.

В 1951 г. Вольфганг Штейниц становится действительным членом Германской Академии наук, несколько лет он был ее вице-президентом, с 1953 г. и до последних дней своей жизни возглавлял Этнографический институт Академии (Institut für deutsche Volkskunde). Человек необычайно инициативный и талантливый, он становится во главе всей этнографической и лингвистической работы в Германской Демократической Республике, возглавляет ежегодник «Jahrbuch für Volkskunde», руководит изданием международного реферативного журнала «Demos». По его инициативе и при его деятельном участии начинает выходить международная серия «Народная сказка». Интересно отметить, что среди первых томов этой серии были сборники русских и белорусских сказок.

¹ W. Steinitz, Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten, B. II, 1962, Berlin, S. XLII.

Огромное научное наследие Вольфганга Штейница прежде всего поражает своей глубиной, своим смелым, новаторским подходом к тому материалу, который он исследует, к тем проблемам, которые он поднимает. В его исследовательской работе можно заметить как бы два основных взаимно дополняющих друг друга направления — лингвистическое и фольклористическое. Широко известна сочетающая оба эти направления докторская диссертация Вольфганга Штейница, посвященная характеру и роли параллелизма в финно-угорском народном творчестве. Работа эта написана на материале песен, записанных от карельского певца Перттунена².

Ценным вкладом в изучение этнографии и языка народов Севера явился обобщающий труд В. Штейница по истории финно-угорского вокализма — «Geschichte des Finnischnisch-Ugrischen Vokalismus» (Stockholm, 1944) — исследование гласных фонем, их признаков и отношений в финно-угорских языках, а также цикл исследований, посвященных хантам.

Заслуживает внимания его исследование тотемизма народов Сибири — «Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien» (1938) его новаторские лингвистические работы³, такие актуальные начинания, как создание остяцкой грамматики и хрестоматии (1950), исследования народного творчества хантов⁴, работы по топонимике Сибири⁵.

В. Штейниц много сделал для пропаганды изучения русского языка. Его учебник русского языка для немцев, впервые вышедший в 1946 г., выдержал с тех пор свыше десяти переизданий, неоднократно переиздавались его работы о спряжении русских глаголов (1948) и о русской фонетике (1953). Книги эти, несомненно, содействовали сближению немецкого народа с русским — делу, которому Штейниц как человек и гражданин отдал много сил и сердечного тепла.

Двухтомный труд В. Штейница о немецких демократических песнях⁶ совмещает в себе исследование и антологию. В нем дана вся история немецкой демократической песни с XV в. и кончая тридцатыми годами XX в. В собрание вошли 293 тщательно прокомментированные песни.

Вступительные статьи к томам, так же как примечания, отдельные из которых являются как бы небольшими монографическими исследованиями, раскрывают генезис и историю публикуемых песен, способствуют изучению и популяризации малоизвестных произведений народного творчества.

Исследование привлекает не только качеством текстов, огромным аппаратом, точностью принципиальных положений, полнотой историографического очерка, но и своей взволнованностью, своим гражданским пафосом, направленным на борьбу за новую демократическую Германию. Недаром один из его рецензентов, В. М. Жирмунский, писал: «Сборник заслуживает внимания советских фольклористов, этнографов и историков как первое достижение немецкой демократической фольклористики, вступающей с позиций марксистского понимания своих научных задач»⁷.

Вольфганг Штейниц умело сочетал изучение истории народного творчества с изучением его современного состояния. Для него характерно пристальное внимание к процессам, которые имеют место в современном фольклоре, бережное отношение к традиционному и научному наследию. В этом плане очень характерен его доклад, прочитанный в 1953 г., об истории этнографической работы в Германии и о задачах, стоящих перед этнографами ГДР⁸. Доклад этот в сокращенном виде был опубликован на русском языке в 1955 г. в журнале «Советская этнография» и в «Известиях Отделения литературы и языка АН СССР». Он пронизан, с одной стороны, заботой о том, чтобы сохранить прогрессивные традиции немецкого народоведения и, с другой стороны, стремлением показать плодотворность историко-материалистического метода, показать не громкими фразами и общими декларациями, а подлинными исследованиями.

Будучи прекрасно эрудированным лингвистом и фольклористом, В. Штейниц в то же время глубоко интересовался и более широкими, принципиальными проблемами этнографической науки. Влияние его научного авторитета было и здесь очень заметно.

² W. Steinitz, Der Parallelismus in der Finnisch-Karelischen Volksdichtung untersucht an den Liedern des Karelischen Sängers Arhippa Perttunen, F. F. Communications, № 115, Helsinki, 1934.

³ W. Steinitz, Die objektive Konjugation des Ostjakische, Tartu, 1938; его же, Geschichte des ostjakischen Vokalismus, Berlin, 1949; его же, Ostjakische Lehnwörter im Russischen, «Zeitschrift für Slavistik», B. V, Hf. 4, Akademie Verlag, Berlin; его же, Einige Kapitel aus der Ob-ugrischen Vokalgeschichte, 1960; его же, Türkische Lehnwörter im Ostjakischen und Wogulischen, 1954.

⁴ Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen, 1939.

⁵ Zur Toponymik des nördlichen Obgebietes, 1960.

⁶ Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten, Berlin, B. I, 1954, B. II, 1962.

⁷ «Известия Отделения литературы и языка», 1955, № 2, стр. 190.

⁸ «Die volkskundliche Arbeit in der DDR», 1955.

В немецкой науке, например, глубоко укоренилась традиция рассматривать изучение своего народа и сравнительное изучение народов других стран как две самостоятельные научные дисциплины, с разными названиями (Volkskunde и Völkerkunde), с различными системами подготовки специалистов. Едва ли эта традиция может быть оправдана с точки зрения современного состояния науки, и В. Штейниц настойчиво против нее боролся. Ему удалось добиться того, чтобы в ГДР подготовка этнографов (специалистов по этнографии своей страны и других стран) была более унифицирована. При Берлинском университете был создан единый этнографический институт — «Institut für Völkerkunde und die deutsche Volkskunde». Это был важный организационный шаг для преодоления изжившего себя раскола немецкой этнографической науки.

Вольфганг Штейниц пользовался заслуженным авторитетом в международной науке, он был членом ряда международных фольклористических и лингвистических научных обществ, активным участником международных конгрессов и конференций, на которых выступал с интересными докладами, всегда содержавшими острые, новаторские положения.

В Советском Союзе он бывал неоднократно, в последний раз — в 1964 г. на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. На конгрессе он руководил симпозиумом по рабочему фольклору и выступил с докладом «Рабочая песня и народная песня»⁹.

В этом докладе он поднял актуальные вопросы о современных судьбах народной песни, о взаимодействии в ней литературного и фольклорного начала, выдвинул тезис, что фольклор — интересный, заслуживающий внимания компонент рабочей культуры — все же является лишь малой ее частью. Доклад вызвал большой интерес и оживленные споры, которые продолжаются и по сей день.

Трудно себе представить, что Вольфганг Штейниц, такой живой и остроумный, такой серьезный и принципиальный, такой ласковый и внимательный, ушел из среды своих коллег по работе, своих друзей и учеников, не успев завершить всех своих бесчисленных научных планов и начинаний. Хочется думать, что его основные труды в ближайшее время станут достоянием не только немецкой, но и международной науки, в частности русской советской науки, с которой он так близко и так органично был связан.

Э. В. Померанцева, Л. Н. Терентьева

⁹ В. Штейниц, Рабочая песня и народная песня, М., 1964.

СОДЕРЖАНИЕ

Т. А. Жданко (Москва). Международное значение исторического опыта перехода кочевников на оседлость в Средней Азии и Казахстане (в связи с работой в СССР семинара МОТ по проблеме оседания кочевников)	3
Л. П. Лашук (Москва). Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников	25
Д. М. Коган (Москва). Связи городского и сельского населения как одна из проблем этнографии города	40
К. Фойтик (Брно). Основные проблемы чехословацкой этнографии и фольклористики	51
Д. Е. Еремеев (Москва). Язык как этногенетический источник (из опыта лексического анализа турецкого языка)	62
Г. Ф. Дебец (Москва). Антропологические исследования в Афганистане	75
Дискуссии и обсуждения	
Н. Н. Чебоксаров (Москва). Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых	94
П. Н. Третьяков (Ленинград). Восточные славяне и балтийский субстрат	110
Народы мира	
Информационные материалы	
А. Д. Дридзе (Ленинград). Барбадос и его население	119
Сообщения	
Ю. И. Першиц (Москва). О методике сопоставления показателей однонациональной и смешанной брачности	129
Я. С. Смирнова (Москва). Национально-смешанные браки у народов Карачаево-Черкесии	137
Поиски, факты, гипотезы	
С. А. Арутюнов (Москва). Древние транстихоокеанские связи: миф или реальность?	143
Хроника	
Я. Я. Рогинский (Москва). М. М. Герасимов (к 60-летию со дня рождения)	151
И. Р. Григулевич (Москва). И. А. Кривелев (к 60-летию со дня рождения)	153
Научная жизнь	
В. Т. Зиновьев (Киев). Юбилейная сессия украинских этнографов и фольклористов	155
Г. И. Анохин (Москва). Вторая и третья советские научные конференции по истории, экономике, языку и литературе скандинавских стран и Финляндии	157
А. Вийрес (Тарту), Н. В. Шлыгина (Москва). Первый прибалтийский коллоквиум этнографов	160
Э. В. Померанцева (Москва). Международная конференция по изучению устной прозы	162
Критика и библиография	
Критические статьи и обзоры	
А. З. Розенфельд (Ленинград). Обзор новых изданий по таджикскому фольклору	166
Народы СССР	
Е. А. Алексеенко (Ленинград). А. П. Дульзон. Кетские сказки	170
Народы зарубежной Европы	
С. Т. «Ethnologia Europaea», vol. 1, 1967, № 1	172

Народы зарубежной Азии

- Н. Р. Гусева (Москва) [*D. D. Kosambi*]. The Culture and Civilization of Ancient India in Historical Outline 177

Народы Америки

- Л. С. Шейнбаум (Москва). *E. Tabio y E. Rey*. Prehistoria de Cuba . . . 178

- Новая литература по народам Сибири и Севера . . . 180

- [Вольфганг Штейниц] 187

На первой странице обложки: Старейшие члены колхоза «Москва» (Туркменская СССР) выступают по колхозному радио (фото АПН)

SOMMAIRE

- T. A. Jdanko (Moscou). Portée internationale de l'expérience historique de la sédentarisation des nomades en Asie Centrale et au Kazakhstan (A l'occasion des travaux en l'U. R. S. S. du Séminaire de l'O. I. T. pour le problème de sédentarisation) 3
- L. P. Lachouk (Moscou). La structure historique des organismes sociaux des nomades médiévaux 25
- D. M. Kogane (Moscou). Relations entre la population urbaine et rurale comme un des problèmes d'ethnologie urbaine 40
- K. Fořtik (Brno). Problèmes fondamentaux dans les études ethnologiques et folkloriques en Tchécoslovaquie 51
- D. Yè. Yèrémeïev (Moscou). Langage comme source ethnogénétique (De l'expérience d'une analyse lexicale de la langue turque) 62
- G. F. Débetz (Moscou). Recherches anthropologiques en Afghanistan 75

Discussions et délibérations

- N. N. Tchéboksarov (Moscou). Le problème de la typologie des communautés ethniques dans les oeuvres des savants soviétiques 94
- P. N. Trétyakov (Léningrad). Les Slaves de l'Est et le substratum baltique . . 110

Peuples du monde**(Matériaux d'information)**

- A. D. Dridzo (Léningrad). La Barbade et sa population 119

Communications

- Yu. I. Perchitz (Moscou). De la méthode de confrontation des indices des mariages interethniques 129
- Ya. S. Smirnova (Moscou). Mariages interethniques chez les peuples de la Kartachaiévo-Tchérkéssie 137

Recherches, faits, hypothèses

- S. A. Aroutiounov (Moscou). Anciens contacts transpacifiques — mythe ou réalité? 143

Chronique

- Ya. Ya. Roguinski (Moscou). M. M. Guérassimov (Pour le 60-ème anniversaire) . 151
- I. R. Grigoulévitch (Moscou). I. A. Kryvéliov (Pour le 60-ème anniversaire) . 153

Vie scientifique

- V. T. Zinoviév (Kiev). Session jubilaire des ethnographes et des folkloristes de la R. S. S. d'Ukraine 155
- G. I. Anokhine (Moscou). II-ème et III-ème Conférences scientifiques soviétiques pour l'histoire, l'économie, les langues et littératures des pays scandinaves et de Finlande 157

A. Vijres (Tartou), N. V. Chlyguina (Moscou). Premier colloque baltique des ethnologues	160
E. V. Pomérantseva (Moscou). Conférence internationale sur l'étude de la prose orale	162
Critique et Bibliographie	
Articles de critique et aperçus	
A. Z. Rosenfeld (Léningrad). Aperçu de nouvelles publications sur le folklore Tadjik	166
Peuples de l'U.R.S.S.	
Ye. A. Aléxéïenko (Léningrad). A. P. Doulzone. Contes de Ketis	170
Peuples de l'Europe	
S. T. «Ethnologia Europaea», vol. I, 1967, № 1	172
Peuples d'Asie étrangère	
N. R. Gousseva (Moscou). [D. D. Kosambi]. The Culture and Civilization of Ancient India in Historical Outline	177
Peuples de l'Amérique	
L. S. Cheïnbaum (Moscou). E. Tabio y E. Rey. Prehistoria de Cuba	178
Nouvelle littérature sur les peuples de la Sibérie et du Nord de l'URSS	180
[Wolfgang Steinitz].	187
Sur la couverture: Des vieillards, membres du kolkhose «Moscou» (RSS de Turkménie) parlant à la radio kolkhosienne (Foto APN)	

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), В. П. Алексеев, Ю. В. Арутюнян, Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. Ф. Моногарова (зам. глав. редактора), Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, Л. П. Потапов, В. К. Соколова, С. А. Токарев, Д. Д. Тумаркин (зам. глав. редактора), В. Н. Чернецов

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

Технический редактор Е. И. Гришина

Сдано в набор 18/V-1967 г. Т-12129 Подписано к печати 19/VIII-1967 г. Тираж 1900 экз.
Зак. 6747 Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печ. л. 16,8 Бум. л. 6 Уч.-изд. листов 18,5

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ к № 3, 1967

стр.	строка	напечатано	должно быть
46	1 снизу	Хр. М. Гандева	Хр. Н. Гандева
182	11 снизу	Статья Ю. В. Кнорозова/Религиозные представления майя по данным Лас-Касаса	С интересом читается статья А. Д. Дридзо и Э. О. Куду «Бартоломе де Лас-Касас